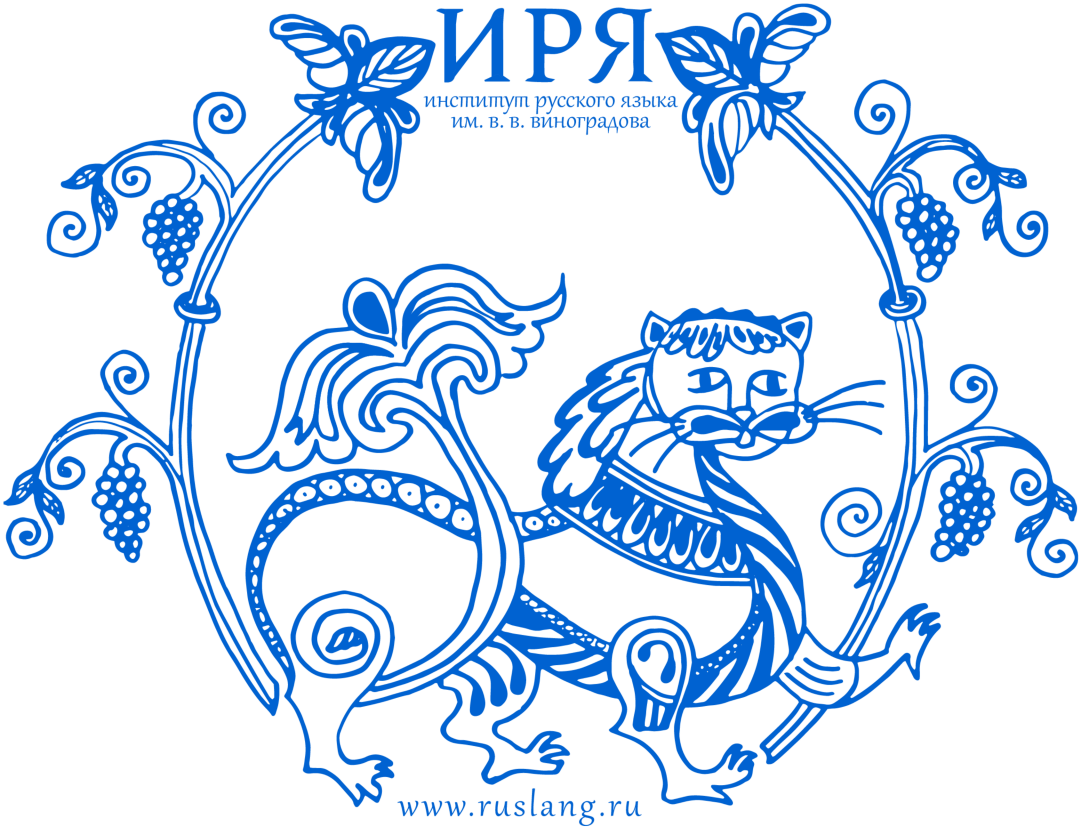
Р

РУССКИЙ ЯЗЫК
И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

* * *

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РУССКИЙ ЯЗЫК
И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Социолого-лингвистическое исследование

Под редакцией
М. В. ПАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

М-79
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
63323

Коллективная монография «Русский язык и советское общество», подготовленная Сектором современного русского литературного языка Института русского языка АН СССР (под руководством М. В. Панова), состоит из четырех книг:

— Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи. Лексика современного русского литературного языка.

— Словообразование современного русского литературного языка.

— Морфология и синтаксис современного русского литературного языка.

— Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры.

В данной книге описываются изменения в морфологической и синтаксической системе русского литературного языка советской эпохи, связанные с влиянием на язык социальных факторов.

Методологические и методические основы работы изложены в первой книге этой серии.

7-1-2
190—1968(I)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

англ.— английское
буд. вр.— будущее время
вин. п.— винительный падеж
возвр. глаг.— возвратный глагол
возр. гр.— возрастная группа
г.— город
греч.— греческое
д.— деревня
дат. п.— дательный падеж
действ. залог — действительный залог
ед. ч.— единственное число
жен. р.— женский род
из ред. почты — из редакционной почты
изъяв. накл.— изъявительное наклонение
изъясн. п.— изъяснительный падеж
им. п.— именительный падеж
иноязычное
исп.— испанское
ит.— итальянское
лат.— латинское
лингв.— лингвистическое
местн. п.— местный падеж
мн. ч.— множественное число
муж. р.— мужской род
наст. вр.— настоящее время
нем. — немецкое
несов. в.— несовершенный вид
норвеж.— норвежское
парт. п.— партитивный падеж
пер.— перевод
пов. накл.— повелительное наклонение
полож. степ.— положительная степень
польск.— польское
пр. п.— предложный падеж
превосх. степ.— превосходная степень
прост.— просторечное
прош. вр.— прошедшее время
разг.— разговорное
род. п.— родительный падеж
русск.— русское
сов. в.— совершенный вид
сослаг. накл.— сослагательное наклонение
спец.— специальное
сравн. степ.— сравнительная степень
сред. р.— средний род
страд. залог — страдательный залог
суфф.— суффикс
тв. п.— творительный падеж
фр.— французское

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Изд. АН СССР. Тт. 1—17. М.— Л., 1950—1965.
МАС — Словарь русского языка в четырех томах. Изд. АН СССР М., 1957—1961.
СБ — Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart unter Leitung und Redaktion von H. H. Bielfeldt. Akademie — Verlag. Berlin, 1958.
СО — Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов. Изд. 6. М., 1964.
СУ — Толковый словарь русского языка. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Тт. I—IV. М., 1935—1940.

В тексте приняты следующие условные обозначения разделов, необходимые для взаимных отсылок:
I — «Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи»
II — «Лексика современного русского литературного языка»
III — «Словообразование современного русского литературного языка»
IV — «Морфология современного русского литературного языка»
V — «Синтаксис современного русского литературного языка»
VI — «Фонетика современного русского литературного языка»
VII — «Народные говоры»

Список сокращений, принятых для периодических изданий

«Авиация и косм».— «Авиация и космонавтика»
«Вестн. Екатерининской ж. дороги» — «Вестник Екатерининской железной дороги»
«Вестн. иск.» — «Вестник искусств»
«Вестн. ЛГУ» — «Вестник Ленинградского университета»
«Вестн. МГУ» — «Вестник Московского университета»
«Веч. кр. газ.» — «Вечерняя красная газета»
«Веч. Москва» — «Вечерняя Москва»
«Водн. тр-т» — Водный транспорт»
«Вопр. л-ры» — «Вопросы литературы»
«Вопр. ракетн. техн.» — «Вопросы ракетной техники»
«Воскр. веч. нов.» — «Воскресные вечерние новости»
ВЯ — «Вопросы языкознания»
«Др. нар.» — «Дружба народов»
«Женск. вестн.» — «Женский вестник»
«Женск. журн.» — «Женский журнал»
«Зн. ком.» — «Знамя коммунизма»
«Зн.— сила» — «Знание — сила»
«Изв.» — «Известия»
«Изв. ОЛЯ АН СССР» — «Известия отделения литературы и языка Академии наук СССР»
«Ин. лит.»— «Иностранная литература»
«Иск. кино» — «Искусство кино»
«Колх. производство» — «Колхозное производство»
«Комс. пр.» — «Комсомольская правда»
«Кр. зв.» — «Красная звезда»
«Кр. зн.» — «Красное знамя»
«Красн. слово» — «Красноармейское слово»
«Крок.» — «Крокодил»
«Лен. зн.» — «Ленинское знамя»
«Ленингр. пр.» — «Ленинградская правда»
«Лесн. пр.» — «Лесная промышленность»
«Лит. и жизнь» — «Литература и жизнь»
«Лит. газ.» — «Литературная газета»
«Лит. Рос.» — «Литературная Россия»
«Люберецкая пр.» — «Люберецкая правда»
«Львовск. пр.» — «Львовская правда»
«Мед. газ.» — «Медицинская газета»
«Мет. и гидр.» — «Метеорология и гидрология»
«Мол. гвардия» — «Молодая гвардия»
«Моск. комс.» — «Московский комсомолец»
«Моск. пр.» — «Московская правда»
«Моск. стр.» — «Московский строитель»
«Наш совр.» — «Наш современник»
«Нов. мир.» — «Новый мир»
«Пионер. пр.» — «Пионерская правда»
«Пр.» — «Правда»
«Пр. Вост.» — «Правда Востока»
«Пр. Укр.» — «Правда Украины»
«Пром.-экон. газ.» — «Промышленно-экономическая газета»
«Раб. газ.» — «Рабочая газета»
«Раб. Москва» — «Рабочая Москва»
«Роман-газ.» — «Роман-газета»
«Русск. вед.» — «Русские ведомости»
«Русск. лит.» — «Русская литература»
«Сельск. жизнь» — «Сельская жизнь»
«Сельск. мол.» — «Сельская молодежь»
«Сельск. хоз.» — «Сельское хозяйство»
«Сельскохоз. жизнь» — «Сельскохозяйственная жизнь»
«Сиб. огни» — «Сибирские огни»
«Сов. Бел.» — «Советская Белоруссия»
«Сов. воин» — «Советский воин»
«Сов. жен.» — «Советская женщина»
«Сов. иск.» — «Советское искусство»
«Сов. культ.» — «Советская культура»
«Сов. лит.» — «Советская литература»
«Сов. патр.» — «Советский патриот»
«Сов. Рос.» — «Советская Россия»
«Сов. Сахалин» — «Советский Сахалин»

«Сов. слав.» — «Советское славяноведение»
«Сов. Союз» — «Советский Союз»
«Сов. спорт» — «Советский спорт»
«Сов. торг.» — «Советская торговля»
«Солд. пр.» — «Солдатская правда»
«Соц. реконстр. с/х».— «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства»
«Строит. газ.» — «Строительная газета»
«Техн.— мол.» — «Техника — молодежи»
«Торг-пром. газ.» — «Торгово-промышленная газета»
«Утро Рос.» — «Утро России»
«Учит. газ.» — «Учительская газета»
ФН — «Филологические науки»
«Экон. жизнь» — «Экономическая жизнь»
«Эконом. газ.» — «Экономическая газета»

Морфологическая часть книги написана В. Л. Воронцовой (§ 73—76, 159—165, 168, 169), Л. К. Граудиной (§ 44—62, 128—142), С. М. Кузьминой (§ 92—96), И. П. Мучником (§ 8—21, 23—25, 28—42, 63—72), И. П. Мучником и М. В. Пановым (§ 1—7), М. В. Пановым (§ 78—80, 82), Е. Н. Прокоповичем (§ 90, 110—115, 118—125), А. И. Сумкиной (§ 99—104, 106—107, 143—150), Н. А. Янко-Триницкой (§ 22).

Синтаксическая часть книги написана Г. А. Золотовой (§ 9—19), Е. А. Иванчиковой (§ 6—8, 40—56, 87), О. А. Лаптевой (§ 88—102), А. С. Поповым (§ 57—87), Р. П. Рогожниковой (§ 31—39), Н. А. Янко-Триницкой (§ 20—30).

Авторы благодарят канд. филол. наук В. А. Белошапкову, доктора филол. наук Т. П. Ломтева, доктора филол. наук Ю. С. Степанова за ряд важных замечаний, высказанных при рецензировании книги.

МОРФОЛОГИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вступление. *Устойчивость морфологической системы по отношению к социальным воздействиям. Тенденция к усилению аналитизма; пути этого усиления. Связь этой морфологической тенденции развития со словообразовательными тенденциями. Антиномии, лежащие в основе главной морфологической тенденции. «Разгрузка» полисемантических грамматических форм. Усиление абстрактности некоторых морфологических образований. Колебания в распределении маркированности — немаркированности у некоторых морфологических противопоставлений. Осложнение ряда словоизменительных аффиксов словообразовательными функциями. Стилистические изменения в морфологии.*

1. Морфологический строй языка характеризуется минимальной восприимчивостью к внешним влияниям и чрезвычайно медленной изменяемостью. И та и другая черта обусловлены спецификой морфологии как наиболее «внутреннего», сердцевинного яруса языковой структуры. Морфология представляет собой тот формальный каркас языка, в котором в наибольшей мере выступают особенности языка как совершенно особого феномена, иными словами, общественного явления sui generis. В наибольшей мере к морфологии может быть отнесено высказывание Э. Сепира о характере связи языка с общественным опытом. «В этом отношении,— указывает Э. Сепир,— язык напоминает математическую систему, которая отражает опыт в действительном смысле этого слова только в самых своих элементарных началах, но с течением времени превращается в замкнутую систему понятий, дающую возможность предугадать все возможные элементы в соответствии с определенными принятыми формальными правилами» [1].

В лексике, словообразовании и даже фонетике русского языка XX в. трудно найти изменения, о которых уверенно можно было

[1] E. Sapir. Conceptual Categories in Primitive Languages. «Science», 1931, v. 74, стр. 578.

бы сказать, что они целиком обязаны действию внутренних закономерностей и никак не связаны с социальными влияниями. В морфологии такие изменения, несомненно, существуют. В качестве примера можно указать на взаимодействие друг с другом аналитических и синтетических форм степеней сравнения, постепенное упрочение аналитических форм за счет синтетических. Изменения здесь микроскопичны, хотя и явно не случайны: они выделяют объективную языковую тенденцию. Нет оснований предполагать, что на эту внутреннюю тенденцию налагалось дополнительное специфически социальное влияние.

В некоторых случаях лингво-социологическое исследование из таких только спонтанных изменений может извлечь важные выводы, в частности — выводы о том, какие социальные причины не воздействуют на морфологию, не достигают этого глубинного языкового яруса.

Слишком значительные изменения в морфологии, конечно, разрушили бы преемственную связь языка революционной России с языком XIX в. Поэтому советская общественность резко протестовала против попыток прожектеров «реорганизовать» грамматический строй русского языка. Характерен такой факт: сторонники революционной ломки всей русской морфологии, выступая перед рабочей аудиторией, заявили, что было бы целесообразнее говорить *пекёт*, *бегёт* и проч. Рабочие возразили: мы хотим знать, как правильно говорить, а не как по-вашему целесообразнее.

Материалы морфологического вопросника показывают, насколько последовательно стремление у наших современников говорить в соответствии с морфологической нормой. Новшества в морфологии с трудом пробивают себе путь, но все же пробивают.

Несмотря на особенную устойчивость морфологии, и она за последние полвека испытала ряд изменений. Хотя каждое из них незначительно, в целом все они создают необычную для морфологии картину текучести, изменчивости морфологических отношений. Причина изменчивости — социальная: революционная эпоха перестроила социальную структуру общества, а это привело к усиленному взаимодействию литературной и окололитературной, просторечной и профессиональной речи, к изменению путей и способов усвоения литературной речи и т. д.

Только этими особенностями социальной действительности может быть объяснено, что в течение столь короткого времени, как полвека, обнаружились многообразные изменения в морфологическом строе. Не будь этих особенностей, при крайне медленных темпах самодвижения, а также выдающейся непроницаемости морфологии для внешних воздействий какие-либо заметные изменения в ней в течение полувека едва ли были бы возможны. Данное обстоятельство должно постоянно приниматься

во внимание при выяснении разнообразных форм взаимодействия внутренних тенденций и социальных факторов в развитии морфологии.

Нет ли противоречия в том, что новые носители стремились усвоить литературный язык в его нормативной форме (см. выше) и в то же время создавали возможность для изменения норм, в частности — морфологических? Противоречия нет: сознательная установка при усвоении языка не определяет полностью характер этого усвоения. Изменения в морфологической системе языка возникали независимо от желания говорящих (но именно сознательность в усвоении литературных норм определила, что изменения не были разрушительными, что сохранилась преемственность в развитии литературного языка).

Все социальные воздействия на морфологическую систему взаимодействуют с внутренними тенденциями грамматического развития. Каковы же эти тенденции для современного русского языка?

2. Одна из наиболее определенных — стремление к аналитизму. Основной признак аналитических единиц — то, что у них грамматическое значение передается вне пределов данного слова, т. е. средствами контекста (в широком смысле слова). Натиск аналитизма в морфологии может быть направлен по разным путям.

1) Предположим, в языке конкурируют синонимические формы, одна из них — аналитическая, другая — синтетическая. Тогда соперничество между ними может привести к победе аналитической формы, и это увеличит аналитичность данной грамматической системы в целом.

2) Возможна грамматикализация некоторых полнозначных слов, превращение их в служебные слова, так что морфологические (реляционные, т. е. выражающие различные отношения) значения начинают передаваться этими служебными словами, а не аффиксально. Но в современном русском языке, кажется, нет случаев именно такого аналитического наступления на синтетизм.

3) Если парадигма из синтетических единиц *а*, *б*, *в*, *г* уменьшается до парадигмы *а*, *б*, *в*, то аналитичность выражения значения, которое связано с данной парадигмой (например, падежного) возрастает. Очевидно, значение «*г*», ранее передававшееся особой синтетической единицей *г*, передается теперь совмещенно с другим значением, например «*в*». Форма *в* получает способность в разных контекстах передавать или значение «в», или значение «*г*». Разграничивать их позволяет лишь контекст. Следовательно, возросло значение контекста; таким образом, усилилась аналитичность грамматической системы.

Конечно, исчезновение одной формы из ряда форм, парадигматически соотнесенных, может произойти только в течение

очень длительного времени. На протяжении пятидесяти лет можно заметить лишь сужение круга использования некоторых форм, их постепенное, очень медленное затухание, передачу ими своих функций в некоторых контекстах другим формам.

Этот процесс мы и наблюдаем в кругу падежных форм в русском языке текущей эпохи. Каждый отдельный факт в этой области может показаться малозначительным, но все вместе они образуют очень рельефную картину. Более того, такие внешне малозначительные изменения преобразовали восьмипадежную систему русских существительных в семипадежную, а это изменение уже явно существенно для языка (IV, § 127—142).

Процесс передачи одной грамматической формой своих функций какой-то другой форме имеет очень показательную однонаправленность: передача идет в пользу безаффиксной формы (точнее, формы с нулевым аффиксом). Но очевидно, что именно такая форма наиболее перспективна в аналитическом отношении: именно она способна стать основой аналитической «парадигмы» (из одного члена; см. IV, § 43—56).

4) В парадигме существительных типа *вода* — 5 форм (ед. ч.), в парадигме существительных типа *ложь* — 3 формы (ед. ч.). В соответствии со сказанным выше эта последняя парадигма должна считаться более аналитической. Если парадигмы последнего типа начинают активизироваться (новая лексика оформляется преимущественно этими парадигмами), то для аналитизма это очевидное завоевание — завоевание на пути к полной и пока бесконечно далекой победе в русской грамматической системе [2].

У глаголов в советскую эпоху было очень явным усиление группы двувидовых глаголов. Парадигма глаголов *организовать* (сов. в.) — *организовать* (несов. в.) значительно более аналитична, согласно сказанному, чем парадигмы типа *делать — сделать* или *переделать — переделывать* [3]. Например, формы *делаю — сделаю, делаешь — сделаешь, делал — сделал, делай — сделай* и др., различные у всех недвувидовых глаголов, заменяются в каж-

[2] Процесс уменьшения падежных различителей должен по-разному рассматриваться в разных условиях исторического развития языка: «...процесс развития аналитических отношений очень сложен и противоречив. Ошибочны представления о его прямолинейном течении. И рост омонимии падежных форм не всегда ведет к ослаблению роли флексий» (В. В. Виноградов. О грамматической омонимии в современном русском языке.— РЯШ, 1940, № 1, стр. 3). В условиях, когда большинство языковых изменений «направлено» в сторону аналитизма, уменьшение падежных различителей тоже неминуемо становится одним из процессов усиления аналитичности грамматической системы.

[3] При этом безразлично, считать ли глаголы *делать* и *сделать* (или *переделать — переделывать*) одним словом или двумя; существенно, что в обоих случаях они образуют морфологически соотносительные единицы, и в этом смысле — парадигму.

дом случае одной формой: *организую* (сов. и несов.), *организуешь*, *организовал*, *организуй*...

То, что «подкрепление» к этим формам подошло со стороны лексики (именно новая лексика усилила эту группу), не означает морфологической несущественности такого усиления. Ранее усвоенные языком двувидовые глаголы только потому могли стать основой для образования новых лексем, что они не противоречили грамматическим тенденциям развития русского языка.

5) Наконец, в языке могут появляться новые аналитические лексемы, более того — может формироваться новый грамматический класс (новая часть речи) аналитических слов. Это, конечно, наиболее революционный и наиболее редкий путь усиления аналитизма в языке. Но и этот редкий путь был использован в ходе исторического развития русского языка революционной эпохи: именно с 20-х годов нашего века стал формироваться класс аналитических прилагательных (IV, § 73—88).

Значительно усилился в это же время класс неизменяемых существительных; если в XIX в. такие аналитические существительные были инородным включением в русском языке, то сейчас они, поддержанные аналитическими прилагательными, и притом значительно более многочисленные, чем ранее, являются законным и обычным компонентом современной речи и языка (IV, § 27—42).

Развитие в направлении к агглютинативности, отмеченное в словообразовании, и морфологическое развитие к аналитизму имеют черты сходства. В обоих случаях движение направлено в сторону невариационных, стабильных единиц, не меняющихся под влиянием контекста: в одном случае это — морфемы, которые ведут себя независимо по отношению к окружающим морфемам, в другом случае — слова (или словоформы), которые тоже сравнительно не зависимы по своему облику от соседних слов в предложении (именно благодаря своей неизменяемости, т. е. независимости от контекста, они и требуют для своего опознания, для понимания их падежной функции участия контекста).

Следовательно, словообразовательные и морфологические тенденции не изолированы друг от друга, напротив, они во многом едины (см. III, § 2—5) [4].

3. Некоторые исследователи пытались рассматривать аналитический строй грамматики как более совершенный сравнительно с синтетическим. Другие, наоборот, видели грамматическое совершенство именно в синтетическом строе; выбор той или иной

---

[4] Ср. важные замечания А. А. Реформатского о том, что неправилен взгляд на аналитизм — синтетизм, с одной стороны, и на агглютинативность — фузионность, с другой, как на диспарантные признаки языка. См.: А. А. Реформатский. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова.— В кн.: «Морфологическая типология и проблема классификации языков». М.— Л., 1965.

точки зрения зависит от того, какой язык исследователь считает своим родным. Серьезной научной критики не выдерживают оба этих взгляда. Из истории языков известны случаи, когда аналитизируется синтетический строй языка, и случаи, когда аналитический строй сменяется синтетическим. Синтетизм одних участков системы уживается с аналитизмом других. И синтетический и аналитический строй одинаково хорошо выполняют свое коммуникативное назначение. Поэтому никак нельзя в переходе к большему аналитизму прямолинейно видеть прогресс, усовершенствование языкового строя.

В чем же тогда причина колебаний грамматического строя (в разных языках) между полюсами «синтетизм — аналитизм»?

Эти колебания отражают антиномию «код — текст». При переходе от синтетических к аналитическим конструкциям уменьшается набор различных грамматических единиц и увеличивается объем того текста, на протяжении которого выражаются значения, ранее передаваемые внутри слова. Примеры общеизвестны; наиболее простые — это перевод русского слова типа *медведица* английскими *bear — she*, т. е. сочетанием слов (полнозначного с частицей). Набор словесных знаков для передачи понятий *медведь — медведица, лис — лисица, заяц — зайчиха* и т. п. в английском языке меньше, чем в русском, но число единиц, нужных для обозначения этих единиц в тексте,— больше, чем в русском (два слова, а не одно). Так же английское «склонение», включающее два падежа (или даже один, если *-'s* рассматривать как частицу, а не как флексию), требует для своего выражения в тексте большего числа единиц, чем русское.

Итак, переход к большему аналитизму связан с разрешением антиномии «код — текст» для многих участков грамматической системы в пользу текста.

Как уже сказано, внутренние антиномии языка не имеют одного раз навсегда данного разрешения: нет никаких причин считать, что движение к аналитизму в русском языке будет продолжаться до тех пор, пока он не станет единственной для этого языка системой выражения грамматических значений. Напротив: можно предполагать, что в будущем, в известный период, грамматическое развитие повернет в противоположную сторону. Это будет определяться, может быть, перенасыщенностью текстов аналитическими единицами или какими-либо другими причинами, о которых сейчас судить нельзя.

Уже говорилось (см. I, § 5), что среди многих причин, способствующих тому или иному временному разрешению антиномии «код — текст», есть и социальные: в эпоху резкой демократизации языка этот спор часто решается в пользу текста. Трудно категорически утверждать, что рост аналитизма, очень значительный в современную эпоху развития русского языка, связан именно с этой причиной (или, по крайней мере, усилен этой при-

чиной). Но учитывать это предположение необходимо: учитывать, чтобы проверить в дальнейших исследованиях. Во всяком случае, устремление к аналитизму — наиболее яркая морфологическая тенденция в русском языке послереволюционной эпохи.

Напомним, что первым эту тенденцию заметил В. И. Ленин. Он писал: «Русский язык прогрессирует в сторону английского. Нэпо,— ком,— проф,— сов,— рабкооп, etc.» [5]. В. И. Ленин не был специалистом-языковедом [6], и вряд ли он придавал принципиальное значение своему лингвистическому высказыванию, но остается несомненным, что это беглое замечание — первое определение важнейшей тенденции в развитии морфологии русского языка после Октября. Интересно, что в качестве доказательства выделены наиболее яркие факты — единицы, впоследствии получившие название «аналитических прилагательных».

4. До сих пор говорилось о том, как менялись грамматические способы, связанные с грамматическим значением. Но менялись за последние полвека и грамматические (именно словоизменительные, морфологические) значения, связанные с определенными способами выражения. В русском языке XIX—XX вв. некоторые грамматические формы оказались перегружены значениями. Естественно, в языке были использованы способы их разгрузки от чрезмерного полисемантизма.

Разгрузка шла двумя путями. Во-первых, отдельные предложно-падежные формы существительных (притом именно тех падежей, которые явно слишком полисемантичны) адвербиализировались, «уединяя» данное значение в виде особого слова. Это шло на пользу аналитизму: форма слова превращалась в неизменяемое слово. Во-вторых, возможным оказалось перераспределение значений, такое их размежевание по разным грамматическим формам, которое уменьшает семантическую перегруженность отдельных форм. Перераспределение было особенно вероятным, если одна из перегруженных форм имела значения, свойственные и другой форме. Сложную борьбу таких семантических размежеваний, получившую накал под влиянием социальных воздействий, обнаруживают в современном русском языке формы множественного числа существительных (IV, § 98—109, 110—116).

5. Сознание говорящих достаточно четко отличает формы, относящиеся к одному слову, от форм разных слов (совершенно несущественно, что переходные явления смутно отражены в языковом сознании: это свойство всех переходных явлений). В паре *шумный — шумя* говорящие видят два разных

---

[5] В. И. Ленин. Планы статьи «Заметки публициста».— Полн. собр. соч., т. 44, стр. 503.

[6] Хотя нельзя забывать, что он был широко образован и в области языкознания. Судя по сохранившимся документам, В. И. Ленин был знаком с лингвистическими трудами А. А. Потебни, Ф. Миклошича, М. Мюллера, С. К. Булича, Т. Д. Флоринского, А. С. Будиловича, А. Е. Крымского, В. Фиэтора, В. Вундта, З. Хейтцеля, А. Шлесинга, Р. Анри, Ф. Финка и др.

слова, а в паре *шумящий — шумя* — одно слово, так же как и в паре *шумный — шумно*. Почему это так? Какие языковые закономерности определяют соединение нескольких словоформ в отдельную группу — лексему? Какие силы соединяют в одном глагольном слове, в одной лексеме словоформы *шуметь — шумлю — шумел бы — шуми — шумит — шумящий — шумевший — шумя*? Какие силы отталкивают от этой лексемы словоформы *шум — шумный — пошуметь — противошумный*?

Распространены два объяснения. Первое: словоформы, отличающиеся только реляционными (но не деривационными) аффиксами, принадлежат одной лексеме; отличающиеся деривационными — к разным лексемам. Реляционные аффиксы — те, которые обладают реляционным значением; реляционное значение определяет зависимость слов в предложении [7]. Деривационные аффиксы — те, которые обладают деривационным значением; деривационное значение изменяет, обычно сужает, значение корня (или производящей основы). С этой точки зрения надо считать разными словами *стол* и *столы*, *дом — дома* — вообще формы ед. и мн. ч. существительных; *шумел* и *шумящий*, *шуметь* и *шумя*, *шумлю* и *шуми* — все они отличаются друг от друга не только реляционными значениями. Так же явно невозможно объединять, исходя из этого взгляда, в одно слово формы типа *белый — белее — белейший* и т. д.

Есть другое объяснение тех языковых причин, которые обусловливают объединение некоторых словоформ в пределах единой лексемы: только в том случае, если отношения между словоформами регулярны, эти словоформы входят в одну лексему.

Напоминаем, что единицы являются регулярными в тех случаях, когда, зная одну из них (или две, если они принадлежат одной лексеме), всегда можно образовать единицу, грамматическое значение которой точно предсказуемо (ср. III, § 6—7). Например, зная единицу *белую*, можно образовать единицы *белая, белой, белый, белыми, белее, белейший*, и значение каждой из этих форм строго стабильно во всех единицах с данным аффиксом. Не зная фактического функционирования в речи формы *белее*, можно точно указать это значение: оно совершенно то же, что и в формах *чернее, умнее, сильнее, горячее* и т. д.: это сравнительное значение. Или другой пример: зная единицы *ложь, лжи* (им. и род. п. ед. ч.), можно образовать единицу *ложью* с уверенностью, что ее значение точно такое же, как у форм *речью, дрожью, чернью, трелью* и т. д. (орудийное).

С этой точки зрения понятно, почему языковое сознание интуитивно отграничивает формы, принадлежащие одной лексеме, от форм, ей не принадлежащих: это различие важно в речевой практике. Зная несколько форм данной лексемы (часто достаточно знания хотя бы одной), можно образовать в речи другие формы той же лексемы. Действительно, формы слова в речевом акте не воспроизводятся, а производятся. Но, зная некоторые формы данной лексемы, нельзя произвести формы другой лексемы: лексемы должны запоминаться (в виде одной или нескольких словоформ) и таким образом воспроизводиться в речи. Даже при знании словоформ *истребить, истреблю* невозможно предсказать с достаточной уверенностью, какое значение будет у инолексемного образования *истребитель*.

Не останавливаясь на сравнительной оценке изложенных двух точек зрения (в данной работе это было бы неуместно) [8], скажем, что в монографии все факты анализируются с точки зрения второй теории.

---

[7] Иногда к реляционным относят и значения, которые определяют отношения между речью и говорящим, т. е. объединяют этим названием совершенно различные ряды объектов.

[8] Основания, которые заставляют сделать такой выбор, изложены в работах: «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962; М. В. Панов. О слове как единице языка. «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», т. 51, вып. 5, 1956.

На протяжении последних пятидесяти лет происходила сложная переинтеграция словообразовательных и словоизменительных аффиксов. Эта проблема уже освещалась в разделе о словообразовании: речь шла о возможностях превращения некоторых словообразовательных аффиксов в словоизменительные. Здесь, в морфологическом разделе, исследуется та же проблема в ином аспекте: с точки зрения возможности превращения отдельных словоизменительных аффиксов в словообразовательные. (В первом случае изучается история словообразовательных аффиксов, во втором случае, в данном разделе,— история словоизменительных.)

Превращение словообразовательных различий в словоизменительные (т. е. усиление регулярности некоторых классов единиц) и превращение словоизменительных различий в словообразовательные (т. е. ослабление регулярности некоторых классов единиц) — важнейший процесс в языке, глубоко изменяющий его грамматическую систему. Внешне эти изменения незаметны: словоформы *всходы, подсчеты, посадки* и прочие могут остаться теми же единицами *всходы, подсчеты, посадки* и т. п., но глубоко измениться функционально; слишком часто такие изменения ускользают от внимания исследователей. Тем необходимее их описать. Многие из таких глубоко внутренних изменений стимулированы социальными факторами (см. IV, § 98—109).

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. ВИНОГРАДОВА

6. В разделе о словообразовании уже говорилось о тенденции некоторые маркированные[9] значения заменить немаркированными вследствие общей тенденции усиливать абстрактность словообразовательных аффиксов. В морфологии современного русского языка обнаруживается та же тенденция: устремление к усилению абстрагированности в словоизменительных (реляционных, морфологических) аффиксах. Свидетельство этому — появление новой группы слов «общего рода», распространение в некоторых случаях немаркированных значений вместо маркированных и т. п. (IV, § 117—126).

63123

Как уже говорилось (см. I, § 4—5), в этой тяге к абстрагированности тоже повинна антиномия текста и кода.

Наконец, в современной морфологии усиливаются стилистически отмеченные способы выражения реляционных значений. Здесь опять-таки морфология в своих тенденциях развития встречается со словообразованием.

Разумеется, в разделе морфологии, как и в других, освещены только такие тенденции в развитии языка, которые испытали воздействие социальных факторов, характерных для советского общества.

7. Значительная часть морфологического раздела (главы вторая — пятая) посвящена разным формам проявления аналитической тенденции: глава вторая раскрывает закономерности в формировании особого подкласса слов общего рода (в связи с новыми способами аналитического обозначения родовых категорий у существительных); глава третья посвящена превращению восьмипадежной системы, ранее свойственной русской морфологической системе, в семипадежную, а также другим анали-

www.ruslang.ru

[9] О понятии маркированности — немаркированности см. III, § 8 и IV, § 9.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА

тическим изменениям падежей; глава четвертая описывает аналитические процессы у предикативных форм, т. е. у тех форм, которые, как показывает история славянских языков, наименее склонны к аналитизму. Глава пятая рисует сложные изменения в языке, которые привели к формированию новой части речи — аналитических прилагательных. В шестой главе описываются изменения, вызванные действием грамматической аналогии. Изменениям морфологических значений посвящены главы седьмая и восьмая. Девятая глава характеризует немногочисленные стилистические сдвиги в русской морфологии нашей эпохи. Наконец, последняя глава, как и в других разделах, говорит о влиянии лексического яруса на морфологическую систему.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Формирование особого подкласса существительных общего рода. *Конструкция типа „врач пришла". Социальные причины роста употребительности таких сочетаний. Синтетические и аналитические показатели рода у существительных в таких конструкциях. Конфликт этих конструкций с традиционной нормой. Распространенность этой конструкции в речи разных социальных групп и разных поколений. Тенденция к расширению семантических основ категории рода: соответствие конструкций типа „врач пришла" этой тенденции. Внутренняя конфликтность таких сочетаний. Преимущества конструкции типа „врач пришла" перед синонимическими конструкциями, где род выражен синтетически.*

8. Структура рода у существительных русского литературного языка в советскую эпоху значительно изменилась под сложным воздействием внутриязыковых тенденций и социальных факторов.

Наиболее существенные изменения произошли в группе существительных со значением лица. Это объясняется тем, что, во-первых, у существительных со значением лица родовые различия облечены значением[1], а социальные факторы наиболее активно и непосредственно воздействуют на содержательную (смысловую) сторону языка. Во-вторых, революционные события советской эпохи прежде всего и больше всего касались людей и их взаимоотношений в обществе. Это нашло свое отражение (правда, косвенное) в разряде существительных со значением лица.

9. Словообразовательные родовые корреляции, в зависимости от лексических особенностей существительных, могут быть объединены в три группы:

1) родовые корреляции существительных со значением лица, характеризуемого по национальной принадлежности или месту

---

[1] Подробно об особенностях семантической сферы родовой структуры, которую составляют формы рода одушевленных существительных, обозначающие различия по полу (ср. *ткач — ткачиха*), и асемантической сферы, которую составляют лишенные значения формы рода неодушевленных существительных (ср. *пол — стена — окно*), см. в статье: И. П. Мучник. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке.— В кн.: «Развитие современного русского языка». М., 1963, стр. 39—46.

жительства: *англичанин — англичанка, москвйч — москвичка* и т. п.;

2) родовые корреляции существительных со значением лица, характеризуемого по профессии, специальности, тому или иному виду деятельности: *ткач — ткачиха, летчик — летчица, писатель — писательница, помощник — помощница* и т. п.;

3) родовые корреляции существительных со значением лица, характеризуемого по тем или иным психологическим или физическим признакам: *озорник — озорница, блондин — блондинка* и т. п.

В советскую эпоху приобрела большую продуктивность и частотность вторая группа корреляций по виду деятельности (см. III, § 133). Она обладает существенным отличием от других групп корреляций. Из двух членов корреляции *тракторист — трактористка* только второй член является маркированным, так как существительное *трактористка* содержит в своем значении прямое указание на принадлежность лица к женскому полу. Первый же член выступает в качестве немаркированного, он прямого указания на принадлежность к определенному полу не содержит и поэтому может в одинаковой мере применяться как к мужчинам, так и к женщинам: *мой брат — тракторист, моя сестра — тракторист* или *совхозу требуется тракторист*. Меж тем в корреляции типа *француз — француженка, москвич — москвичка* немаркированного члена нет, оба в одинаковой мере выступают в качестве маркированных. Точно так же, как нельзя сказать: *мой брат — француженка (москвичка)*, нельзя сказать и *моя сестра — француз (москвич)* [2].

10. Полное равенство условий, созданное Октябрьской революцией для участия мужчин и женщин в самых разных отраслях труда, продиктовало не только возможность, но и необходимость употреблять названия лиц (по виду деятельности), нейтральные к дифференциации по полу, с тем чтобы в нужных случаях их можно было одинаково применять к мужчинам и женщинам (см. III, § 128—147). Ср. такое наблюдение: «В связи с участием женщин почти во всех отраслях труда и профессиях в России число специфических женских форм стало увеличиваться, например, ударница. В противоположность этому, однако, можно наблюдать тенденцию к возврату к форме мужского рода, особенно, что весьма любопытно,— в тех случаях, когда женщины вытесняют мужчин из какой-либо отрасли труда... Так, в горо-

---

[2] Корреляции третьей группы, типа *озорник — озорница,* занимают промежуточное место в этом отношении. Здесь существительное муж. р. только в отдельных случаях может выступать в качестве немаркированного члена. Так, по сравнению с вполне обычным выражением *она — тракторист,* выражение *она — озорник* воспринимается в качестве несколько необычного, но все же вполне допустимого (ср. *какой она озорник!*), но не принято вовсе говорить *она блондин, она добряк.*

дах, где все трамвайные кондуктора — женщины, основное слово *кондуктор* вновь получило общее употребление, форма *учитель* часто применяется к женщине-учителю, особенно в предикативном контексте: Его сестра — учитель математики» [3].

Форма муж. р., наряду со своей способностью обозначать лицо мужского пола, приобрела способность обозначать лицо в отвлечении от пола, т. е. выступать в функции общего рода [4].

Грамматические средства, которые используются для выражения общего рода, являются комплексными, аналитически-синтетическими. Существительные общего рода (в данном случае имеем в виду традиционный подкласс) имеют флексии, которые выражают, наряду со значением падежа и числа, значение рода: *забияк-а, забияк-у* и т. д. Флексии — синтетические показатели рода, но вся парадигма этих флексий омонимична парадигме слов типа *сестра* (жен. р.) и *юноша* (муж. р.). Омонимия флексий дает простор для действия аналитических показателей. Каждый, кто впервые услышит слово *забияка* в таких, например, контекстах: *опять забияка с кем-то ссорится, ненавижу таких забияк, она забияка* — не может решить, какого рода слово *забияка*. Лишь услышав его в контекстах: *этот забияка, она такая забияка* — можно определить род этого существительного. Таким образом, синтетические показатели рода у слов типа *забияка* недостаточны, их недостаточность должна восполняться аналитически.

Так же дело обстоит и со словами типа *секретарь, врач* и под. Флексии этих слов омонимичны с флексиями слов *москвич, грузин*. Лишь с помощью аналитических средств можно установить, что *секретарь, врач* — слова общего рода (*секретарь сказал/*

---

[3] «Russian Syntax by F. M. Borras and R. F. Christian». Oxford, 1961, стр. 4.— Употребление форм муж. р. для именования профессий, свойственных главным образом или даже исключительно женщинам, является также своеобразной инновацией послереволюционной эпохи. Традиционно в качестве названий таких профессий выступали только образования жен. р., ср.: *модистка, белошвейка, машинистка, маникюрша, кастелянша* и т. п. Эта инновация, однако, вряд ли могла бы сохраниться и получить распространение, даже если бы этому способствовали социальные условия (в действительности этого не произошло), так как она противоречит самой основе лексико-грамматической системы средств выражения различий по полу, искони присущей русскому языку. Ведь эти различия принято обозначать не лексически, а словообразовательно.

[4] Словами общего рода называем такие, которые могут согласовать с собою родоизменяемые слова и в жен. и в муж. р. Ср.: *неуемный забияка — неуемная забияка, забияка убежал — забияка убежала*. Так же: *директор сказал — директор сказала*. Два подтипа слов общего рода, конечно, не во всех своих признаках совпадают.

В утверждении, что слова *тракторист, учитель* сейчас формируют особый подкласс существительных общего рода, содержится такая мысль: если слова *забияка* и под. не объединяются в один класс со словами *учительница, москвичка, француженка*, а относятся к словам общего рода, то на тех же основаниях слова *тракторист, учитель* нельзя объединять со словами *москвич, француз* и проч.; их надо тоже отнести к словам общего рода (хотя к другому подклассу этого класса).

сказала), а *москвич, грузин* — муж. р. (невозможна конструкция *москвич сказала*) [5]. Поскольку синтетических, аффиксальных средств недостаточно, чтобы определить родовую принадлежность этих существительных, можно называть выражение рода у этих слов аналитическим; надо помнить, однако, что это обозначение не вполне точно: на самом деле род здесь выражен синтетически-аналитическими средствами.

11. Выражение рода существительного флексией сказуемого стало ощутимым явлением в языке в начале 20-х годов нашего столетия. Впервые данное явление стало объектом научного рассмотрения в трудах А. М. Пешковского, который отчетливо указал и на его социальные корни: «В последнее время в связи с выдвижением женщин на всех поприщах, доступных раньше только мужчинам, в русском языке явилась большая потребность в употреблении самостоятельного женского рода глагола, так как названия разных специальностей и должностей не всегда допускают образование женского рода с недвусмысленным значением» [6].

А. М. Пешковский привел скудный материал, иллюстрирующий аналитическое выражение рода у существительных со значением лица; само явление было еще в то время ново и мало распространено. Приведены только цитаты из газет: «Аспирант Р. С. Лившиц была в командировке для изучения вопроса о вечной мерзлоте в Сибири в течение двух месяцев («Дзержинец», № 67, 22 мая 1923 г.; лучше было сказать аспирантка). Сюда приехала вице-президент университетской федерации английской рабочей партии Фрида Атлик («Известия ЦИК СССР и ВЦИК», телеграмма ТАСС из Баку; можно было, хотя и с оттенком вольности, сказать вице-президентка Фрида Атлик)» [7].

Следует отметить, что приведенные факты с тех пор претерпели значительные изменения: сейчас уже широко вошло в употребление образование *аспирантка* и редко кто скажет про женщину *аспирант*, а образование *вице-президентка* никто, пожалуй, не употребит, даже с «оттенком вольности».

Значительный интерес представляет хронологическое определение истоков изучаемого явления. Факты, которые привел А. М. Пешковский, датируются 1923 г. Есть много оснований полагать, что именно в начале 20-х годов подобного рода факты стали распространяться в речи.

---

[5] В разделе о словообразовании говорилось, что у существительных муж. р. определенных семантических типов (именно тех, которые здесь отнесены ко второй группе) развивается немаркированность: слово *педагог (нам нужен педагог)* может обозначать и мужчину и женщину. Переход существительных в общий род: *нам нужна педагог — нам нужен педагог* — второй этап того же процесса. Характерно, что в общий род включаются слова именно той же второй группы.

[6] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938, стр. 192.

[7] Там же, стр. 192—193.

Веским подтверждением правильности нашего допущения может служить то, что в «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматова, подготавливавшемся в середине второго десятилетия нашего века и очень чутко отражавшем характерные для этого времени сдвиги в письменной и устной речи, о рассматриваемых явлениях не упоминается вовсе. А. А. Шахматов писал: «Представления о лицах женского полу не могут повлиять на изменение грамматического рода мужских слов на твердую согласную, служащих для их обозначения. Слова доктор, кондуктор, студент остаются словами муж. рода, когда означают женщину, девушку; это зависит и от того, что слова эти продолжают обозначать и лица муж. полу; для означения женщины, девушки язык охотно прибегает к новообразованиям (докторша, докторица, студентка)» [8].

Таким образом, той речевой ситуации, которую охарактеризовал А. М. Пешковский, тогда еще не было. Распространенными эти факты стали только в 20—30-х годах, однако отдельные случаи встречались уже и в первые послереволюционные годы.

Вот один из самых ранних зафиксированных нами фактов:

За два года плена наш германский *товарищ имела* от мужа всего три открытки, с двумя-тремя строками («Работница», 1917, № 4). Нельзя не обратить внимание на то, что один из первых случаев аналитического выражения рода связан с употреблением слова *товарищ*. Именно это слово, ставшее после революции одним из наиболее распространенных элементов русской лексики, лишенное женской словообразовательной параллели, сыграло, по всей вероятности, значительную роль в развитии новых форм выражения рода. Это один из очень редких случаев, когда отдельная лексическая единица играет немаловажную роль в развитии существенного явления грамматического строя языка.

12. В настоящее время аналитические средства выражения рода потенциально и, как правило, реально выступают у значительного числа существительных. Для того чтобы дать наглядное представление о многочисленности этих слов, ниже приводим перечень, отнюдь не исчерпывающий, этих существительных, составленный по материалам современных словарей.

Авиатор, автор, агент, агитатор, агроном, адвокат, администратор, академик, аккомпаниатор, аллопат, антрепренер, антрополог, археолог, архитектор, астролог, астронавт, аэронавт, бактериолог, балетмейстер, баснописец, библиограф, библиофил, биограф, биолог, бригадир, бухгалтер, венеролог, военврач, военинженер, военкор, военспец, воентехник, военфельдшер, востоковед, врач, геолог, Герой Советского Союза, гинеколог, гистолог, главврач, глазник, гомеопат, гравер, гример, групповод, дегуста-

[8] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941, § 513, стр. 449—450.

тор, декламатор, декоратор, деловод, демонстратор, директор, дирижер, донор, доктор, доцент, драматург, египтолог, естествовед, живописец, животновод, жонглер, зав, завмаг, зам, замзав, звукооператор, землемер, зоолог, зоотехник, инженер, инициатор, инспектор, инструктор, информатор, искусствовед, ирригатор, ихтиолог, калькулятор, капитан, кинорежиссер, кинооператор, классик, командир, комиссар, комментатор, композитор, комсорг, кондуктор, контролер, кооператор, краевед, лауреат, лейтенант, лексиколог, лектор, лесовод, лирик, литератор, литературовед, массовик, мастер, металлург, метеоролог, механизатор, микробиолог, милиционер, минер, министр, монтажер, музеевед, музыковед, невролог, невропатолог, нейрохирург, нефтяник, нотариус, обществовед, овощевод, овцевод, онколог, оператор, оратор, организатор, орденоносец, ординатор, офицер, парторг, педагог, передовик, пилот, письмоносец, плановик, полевод, почвовед, почтальон, посол, правовик, практик, препаратор, провизор, прозаик, прокурор, профессор, профорг, психолог, пчеловод, рабкор, рабселькор, растениевод, рационализатор, ревизор, регистратор, редактор, режиссер, ректор, рентгенолог, репетитор, репортер, ретушер, садовод, сапер, сатирик, секретарь, селекционер, семасиолог, скульптор, славяновед, социолог, суфлер, счетовод, табаковод, теоретик, терапевт, техник, товарищ, товаровед, топограф, управдел, управдом, уролог, ушник, фармаколог, физиолог, филолог, философ, фининспектор, фонолог, фотограф, хирург, хмелевод, хлопковод, член (комитета), член-корреспондент, штурман, экзаменатор, экспедитор, эксперт, электрик, электромеханик, электротехник, эмбриолог, эндокринолог, энергетик, эпидемиолог, этнограф, этнолог, юрист, юрисконсульт, языковед, яровизатор.

13. Аналитическое выражение рода у приведенных существительных представляет в русском литературном языке советской эпохи довольно распространенное явление. Вот некоторые примеры употребления слов нового общего рода в различных жанрах речи:

Надо сейчас решить, когда наше делегатское собрание будет собираться и будете ли ходить,— *поставила* вопрос *ячейковый организатор* («Работница», 1928, № 6); *Кондуктор*, пожилая женщина, с кожаной сумкой и опухлыми от холода пальцами, внимательно *смотрела* на него и так же, отраженно, *улыбалась* (Л. Леонов, Скутаревский, 1934); *Секретарь закрыла* выдвижное бюро (О. Черный, Высокое искусство, 1935); *Доктор встала*, чтобы уйти («Работница», 1945, № 6); *Военфельдшер добросовестна* и не больше (В. Панова, Спутники, 1946); По веселым лицам, по одобрительным репликам *архитектор могла* заключить, что дворец принят («Работница», 1951, № 4); По-видимому, *приисковый счетовод* серьезно *заболела* (А. Коптяева, Иван Иванович, 1959); *Молодой астроном*, только что закончив фотографирование неба,

начала просматривать пластинки («Веч. Москва», 12 февр. 1964); *Завженотделом говорила* | (когда в колхоз меня везла), | Что старики и есть мерило, | Неявного добра и зла (Т. Жирмунская, Старики, 1962); *Профессор открыла* люк и *проникла* внутрь патрона... На сейфе был выгравирован странный знак — вечная лира над парой берцовых костей. *Профессор* бесстрашно *открыла* металлический ящик («Лит. газ.», 5 янв. 1965).

Сказуемое в таких сочетаниях чаще всего выражается глагольной формой прош. вр. на *-л*, но в ряде случаев оно выражается и краткой формой причастия или же формами прилагательного. Эти факты встречаются в беллетристических произведениях, в журналах и газетах, в научно-публицистической, деловой, интимно-бытовой устной речи; следовательно, они являются принадлежностью не какой-либо отдельной стилистической разновидности, а литературного языка в целом.

14. Фактам аналитического выражения рода значительно труднее, чем многим другим речевым новшествам, пробить себе путь в письменную разновидность литературного языка. Это обусловлено тем, что употребление этих форм связано с ломкой основных норм формального сочетания слов. Вряд ли можно сомневаться в том, что многие из этих фактов, преодолев препятствия, связанные с сомнениями и колебаниями авторов, становятся в дальнейшем жертвой редакторской правки. Ведь в наиболее авторитетных нормативных пособиях и справочниках для редакторов подобные выражения квалифицируются как неправильные. В весьма распространенном среди редакторов пособии «Литературное редактирование» указывается: «При имени существительном, обозначающем профессию, должность, звание и т. д., сказуемое ставится в мужском роде независимо от пола того лица, о котором идет речь, напр.: *врач сделал операцию, секретарь выдал справку.* В разговорном языке, когда известно, о ком идет речь, часто встречается неверная постановка сказуемого в форме рода, соответствующего полу называемого лица, напр.: *директор вызвала к себе вожатую, секретарь записала на прием, кондуктор объявила* и т. д.» [9].

Менее категорично этот вопрос трактуется в Академической грамматике. Однако сформулированное и там положение создает определенное предубеждение против аналитического выражения рода: «Если подлежащим является имя существительное мужского рода, обозначающее должность, профессию, то сказуемое согласуется с этим существительным в роде независимо от пола того лица, о котором идет речь, напр.: *Кондуктор* дал сигнал к отправлению (и о мужчине и о женщине); *Секретарь* доложил о приходе посетителя (и о мужчине и о женщине).

---

[9] К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь. Литературное редактирование. М., 1961, стр. 273 (выделено нами.— *Авт.*).

В связи с распространением среди женщин всех профессий, в современном языке в подобных случаях может иметь место употребление сказуемого в форме рода, соответствующего полу, лица, о котором идет речь, а не грамматическому роду имени существительного, напр.: *Кондуктор* дала сигнал к отправлению; *Директор* школы уже пришла.

Такое употребление распространяется в разговорной речи. Однако, поскольку оно резко нарушает правило грамматического согласования, здесь обычно называется имя собственное того лица, о котором идет речь, напр.: *Интересное сообщение сделала ординатор госпитальной хирургической клиники Евгения Петровна Курганова*» [10].

Замечание «может иметь место» и заключительный абзац не оставляют сомнения в том, что авторы Грамматики, хотя и не отвергают полностью такие выражения, не считают их вместе с тем безоговорочно приемлемыми, т. е. отвечающими основным нормам литературной речи.

Таким образом, существует несомненное напряжение в системе выражения рода. Новые социальные условия стихийно породили новые средства для обозначения жен. р. в названиях лиц по профессии, которые — как это признается в обоих цитированных источниках — получили значительное распространение, но нормативные пособия не санкционируют использование этих средств, так как они противоречат традиционным нормам формального сочетания слов. Возник острый конфликт между насущными потребностями речевой коммуникации и установившимися правилами литературного языка.

Было проведено специальное исследование, ставившее своей целью: а) выяснить отношение представителей различных социальных слоев в их повседневной речевой практике к разным способам обозначения лиц женского пола по виду деятельности, б) установить мотивы — интеллектуальные и эмоционально-вкусовые,— которые лежат в основе речевого поведения в том или ином случае.

В морфологический вопросник были включены следующие вопросы:

Как бы Вы сказали применительно к женщине: *врач пришел* или *врач пришла; управдом выдала справку* или *управдом выдал справку; у нас хороший бухгалтер* или *у нас хорошая бухгалтер; Иванова — хороший врач* или *Иванова — хорошая врач?*

Чтобы установить мотивы, которыми руководствуются наши информанты, употребляя те или иные формы, в особый раздел вопросника был включен следующий параграф:

---

[10] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 510—511 (разрядка наша.— *Авт.*).

Как вы оцениваете нередко встречающиеся в разговорной речи (применительно к женщине) выражения типа: *врач вошла в комнату; бухгалтер подвела итоги* и такие выражения, как: *наша бухгалтер уходит на пенсию; у нас хорошая врач* и т. п.?

В связи с тем, что то или иное отношение к речевым явлениям может быть обусловлено, наряду с другими факторами, социальным положением, профессией, образованием и возрастом, в общем числе информантов выделен ряд групп.

Эти деления отражены в приводимых таблицах.

Содержащиеся в таблицах цифровые данные представляют собой результат статистической обработки значительного числа заполненных вопросников (свыше 4000).

В табл. 1 представлены данные об ответах представителей различных социальных групп на вопрос: «Как бы Вы сказали применительно к женщине: *врач пришел* или *врач пришла*?».

Таблица 1

Социальная группа	Варианты ответов			
	Общее число ответивших	Ответили *врач пришел*, %	Ответили *врач пришла*, %	Колеблются, %
Интеллигенты-филологи	339	40,7	46,9	12,4
Интеллигенты-нефилологи	791	42,2	48,1	9,7
Служащие (без высшего образования)	897	34,6	56,4	9,0
Рабочие	419	33,4	56,5	10,1
Писатели, журналисты	63	50,7	41,3	8,0
Студенты-филологи	676	41,1	50,3	8,6
Студенты-нефилологи	167	36,5	52,7	10,8
Студенты, не указавшие специальности	437	38,7	50,5	10,8
Всего	3789	38,6	51,7	9,7

В табл. 2 представлены данные об ответах представителей различных социальных групп на вопрос: «Как бы Вы сказали применительно к женщине: *управдом выдала справку* или *управдом выдал справку*?».

15. Выражение рода существительного флексией сказуемого, относящегося к нему, изучалось на материале двух коротких предложений: *врач пришла* (см. табл. 1), *управдом выдала справку* (см. табл. 2). Спецификой второго предложения являются: а) наличие в нем неологизма советской эпохи, б) отнесенность к жанру деловой речи.

Таблица 2

Социальная группа	Варианты ответов			
	Общее число ответивших	Ответили *управдом выдал справку*, %	Ответили *управдом выдала справку*, %	Колеблются, %
Интеллигенты-филологи	334	36,8	55,3	7,9
Интеллигенты-нефилологи	783	33,9	60,4	5,7
Служащие (без высшего образования)	894	30,0	64,2	5,8
Рабочие	418	28,7	62,9	8,4
Писатели, журналисты	60	41,6	55,0	3,4
Студенты-филологи	665	36,4	58,6	5,0
Студенты-нефилологи	166	31,9	62,0	6,1
Студенты, не указавшие специальности	431	32,2	59,2	8,6
Всего	3751	33,0	60,7	6,3

Как видно из обеих таблиц, бóльшая часть информантов и в том и в другом предложении не избегает аналитических средств выражения рода; нарушение традиционных правил формального сочетания слов не останавливает их.

Особняком стоят ответы писателей и журналистов. Это единственная группа, где новые формы выражения рода большинство признало знаконными только в выражении *управдом выдала справку*: 55% предпочитают у глагола форму жен. р., 41,6% — форму муж. р. Выражение же *врач пришла* эта группа своим большинством отклоняет: 50,7% за форму муж. р., 41,3% — за форму жен. р.

К специфике ответов данной группы информантов относится и то, что отрицательная оценка изучаемых фактов в некоторых ответах выражена весьма категорично, иногда с большой экспрессией. Так, писательница В. Кетлинская о выражениях типа *врач пришла* говорит: «Это уродливо. В живом языке говорят *женщина-врач, наш бухгалтер такая-то*... но много зависит от стиля и контекста». Такой же характер носит ответ М. Исаковского. Выражение *врач пришла* и под. представляются поэту «неграмотными»: «Тут надо говорить как-то по-иному».

Значительная часть писателей и журналистов выразила положительное отношение к новым явлениям в формах рода. Г. Николаева и П. Антокольский считают выражения типа *врач пришла, бухгалтер подвела итоги* допустимыми в литературной речи. П. Антокольский, правда, добавляет: «Но мало желатель-

ными». Своеобразно и интересно ответил на наш вопрос В. Боков: «Ничего странного в этом не вижу, это просто стремление уважать женщину, грамматический поклон и реверанс». Полностью одобряет новые грамматические факты В. Лукашевич: «Считаю, что это нормальное изменение языка в наше время».

Отнюдь не однородны и ответы филологов, в частности языковедов. Ответ А. А. Реформатского столь же экспрессивен, сколь и лаконичен: «Отвратительная порча языка». Выжидательную позицию занимает В. Д. Кудрявцев: «Это (рассматриваемые выражения.— *Авт.*) встречается, и довольно часто. Грамматика вступила в противоречие с жизнью. Но пока я на стороне грамматики». Большая часть филологов, в том числе лингвистов, считает возможными, а некоторые — единственно рациональными синтаксические формы выражения рода. С. И. Бернштейн указывает: «Считаю допустимыми (но отнюдь не обязательными) словосочетания типа *врач вышла* (с формами прошедшего времени глагола)».

Другие группы информантов в значительно большей мере, чем писатели, журналисты и филологи, одобряют новые формы выражения рода. Если в группах писателей и филологов выражение *врач пришла* принимает соответственно 41,3 и 46,9% общего числа, то в группах интеллигентов-нефилологов, служащих и рабочих соответственно выступают следующие числа: 48,1—56,4—56,5%. Эти количественные показатели дают основание полагать, что писатели и филологи в наибольшей мере отражают в своих субъективных суждениях объективные тенденции литературного языка к строгой стабильности. Вместе с тем характерно, что и среди других групп информантов довольно значителен процент лиц, недовольных новшествами в выражении рода.

Большой интерес представляют многие ответы рабочих, хотя и краткие, но в большинстве случаев очень выразительные. Вот доводы за сохранение старых норм:

«По-моему, от того, кто является им, мужчина или женщина, слово *врач* меняться не должно. Прилагательные и глаголы я бы предложил употреблять в мужском роде с такими словами».

Значительно бóльшая часть ответов содержит доводы в пользу новых форм выражения рода:

«Женщина есть женщина — нужно говорить *вошла, подвела итоги*». «[Выражение *врач пришла*] совершенно нормально, если хочешь подчеркнуть, что ту или иную должность занимает женщина». «Это выражение вполне подходит к разговорной речи. Разговаривая о ком-то, можно понять, о каком лице идет речь».

16. Поучительно сопоставление данных табл. 1 с данными табл. 2.

Число лиц, употребляющих выражение *управдом выдала справку*, значительно больше числа говорящих *врач пришла*.

Ниже приводятся два ряда показателей по всем установленным рубрикам, где нижний ряд относится ко второму выражению:

46,9—48,1—56,4—56,5—41,3—50,3—52,7—50,5

55,3—60,4—64,2—62,9—55,0—58,6—62,0—59,2

Вновь обращаем внимание на то, что относительно этого выражения даже группа писателей и журналистов своим большинством высказалась за новые формы выражения рода.

Почему же во всех группах значительное число лиц, считающих невозможным нарушать формальное согласование слов в первом случае, допускает эту возможность во втором? Причины, по-видимому, такие: а) слово *управдом* как элемент новой лексики в меньшей мере, чем слово *врач*, издавна бытующее в русском словаре, настраивает на консервативно-традиционный лад и поэтому предрасполагает к более свободному обращению с правилами формального согласования; б) это слово характеризуется несколько более сниженной стилистической окрашенностью; в) слово *управдом* в сознании многих говорящих ассоциируется с сочетаниями *управляющий домом* или *управляющая домом*, и это оправдывает нарушение правил формального согласования.

Очевидно, некоторые группы новой лексики создают благоприятные условия для реализации новых форм выражения рода.

17. В таблице 3 представлены данные об ответах представителей различных возрастных групп на вопрос: «Как бы Вы сказали применительно к женщине: *врач пришел* или *врач пришла*?».

18. Таблица 3, где данные вопросников разделяются по возрастным группам, показывает, что среди младших поколений аналитические формы выражения рода распространены шире, чем среди старших. Это может быть истолковано только таким образом, что эволюция структуры рода протекает в направлении к новым родовым формам.

Таблица 3

Возрастная группа	Варианты ответов			
	Общее число ответивших	Ответили *врач пришел*, %	Ответили *врач пришла*, %	Колеблются, %
До 1909 г. . . .	355	49,8	42,2	8,0
1910—1919 гг. . . .	188	44,1	45,2	10,7
1920—1929 гг. . . .	433	38,1	51,0	10,9
1930—1939 гг. . . .	1285	36,7	53,7	9,6
1940—1949 гг. . . .	1652	37,3	53,1	9,6

Правда, предпоследняя возрастная группа дает более высокие показатели, чем последняя. Но это, по всей вероятности, объясняется тем, что у поколения, недавно покинувшего школьную скамью, в речевом поведении еще ощущается режим школы, создававший обостренное внимание к формальным правилам. В дальнейшем, с исчезновением этого привходящего обстоятельства и само молодое поколение, вероятно, подчинится общим языковым закономерностям [11].

Многочисленные источники литературного языка в его письменной и устной разновидности, материал, полученный в результате массового распространения вопросников, а также выводы исследователей, изучавших данное явление, свидетельствуют со всей определенностью об употребительности и продуктивности аналитических средств обозначения рода существительного.

19. Уже говорилось, что возникновение конструкции типа *врач пришла* было обусловлено тем, что система суффиксальных стредств существительных оказалась не в состоянии удовлетворить потребность языка в ряде новых женских названий лиц по профессии и специальности [12].

Однако возникшие синтаксические средства обозначения пола отнюдь не являются вынужденным суррогатом суффиксальных образований; наоборот, за ними следует признать определенные преимущества, так как это более абстрагированные, грамматические по своему существу, средства выражения рода. В самом деле, в конструкции *преподавательница пришла* словообразовательный способ выражения рода не может не привести к тому, что отношение к полу становится, пусть в минимальной мере, предметным признаком, и род в этих условиях выступает не как грамматическая, а как лексико-грамматическая категория. Совершенно иной характер носит конструкция *педагог пришла*. Здесь отношение к полу обнаруживается в отвлечении от лексического значения существительного и род обнаруживает чисто грамматическую сущность.

20. Данные конструкции можно рассматривать в качестве функциональных заместителей суффиксальных образований, тогда потребность в их использовании в том или ином языке должна быть тем больше, чем ограниченнее возможность применения суффиксальных существительных. В русском языке потребность в синтаксическом выражении рода, очевидно, должна быть больше, чем в польском, где значительно шире используются образования с суффиксами жен. р. (*autorka, koleżanka, instruktorka, inspektorka* и т. д.).

---

[11] Впрочем, различие между двумя последними возрастными группами может быть случайным; дальнейшее обследование покажет это.

[12] Сама эта потребность была, однако, преходящей. Она характеризовала главным образом 20-е годы (см. выше, III, § 133).

Действительно, в польском языке сочетания с аналитическим выражением рода существительных редки: нет недостатка в соответствующих суффиксальных образованиях жен. р. И все же, несмотря на это, изучаемые конструкции встречаются и в польском языке.

Korespondent PAP, red. J. Pawlikiewicz, *donosiła* we wtorek wieczorem («Trybuna ludu», 14 marca 1962) [13].

Это доказывает, что рассматриваемые конструкции представляют собой не просто суррогат суффиксальных, а нужное и удобное средство для выражения родовых противопоставлений чисто грамматическим путем. В русском языке такое выражение рода распространено гораздо шире, чем, например, в польском или чешском. Это вызвано и социальными и внутриязыковыми причинами, а именно — недостаточно широким суффиксальным образованием женских параллелей у имен лиц. Но и нераспространенность суффиксальных образований отчасти обусловлена социально: противопоставления *директор — директриса, кондуктор — кондукторша, председатель — председательница* и под. оказались социально малозначительными (см. III, § 146).

Несомненно, конструкции типа *товарищ вышла* произносятся сейчас «со стеснением» значительно меньшим, чем в то время, когда о них писал А. М. Пешковский. И растущая их употребительность свидетельствует о том, что они не противоречат, а, наоборот, соответствуют внутренним тенденциям развития морфологического строя русского языка [14]. Это подтверждается всей эволюцией категории рода на протяжении многих веков.

21. Историческая эволюция рода в русском языке обнаруживает общую закономерность: когда возникает конфликт между структурной и семантической стороной в родовых противопоставлениях, победу одерживает семантика.

А. А. Шахматов, отмечая, что категория рода в современном ее виде зиждется на морфологических формах слов, следующим образом характеризует взаимоотношения между ее формальными и смысловыми элементами:

«...Но рядом с грамматическими представлениями о роде в нас живет и сознание реальных родовых представлений, зависимых от наших представлений о естественном поле. Эти реальные представления влияют на грамматические представления, п о д ч и н я я их себе. Лица муж. полу вызывают в нас необходимость сочетать с их названиями прилагательные в определении и прош. время глагола в сказуемом в мужском роде и это несмотря на женские окончания соответствующего названия или на окончания средн. рода. Так, русский язык унаследовал из общеславянского, а этот из индоевропейского праязыка ряд слов муж. рода с основой на *-а* (*ā*) и женскими окончаниями их в склонении, означающие лица муж. полу; ср. *судья*, *владыка*,

---

[13] Э. Клеменсевич считает вполне правомерными в польском литературном языке такие конструкции, как dyrektor Bielska wyjechała или dyrektor wyjechała (см.: «Język polski», 1957, № 2, стр. 118).

[14] О том, что описанные новшества отвечают тенденциям словообразовательного развития, см. III, главу седьмую.

голова, убийца, пьяница, батюшка, воевода. ...В древнем и областном языке находим иногда жен. род в прилагательных, согласованных с этими словами муж. рода на *-а*, причем подобная форма прилагательного объясняется внешним грамматическим согласованием, вызванным таким согласованием прилагательных с другими словами на *-а*; ср. *неправедная судья, мировая судья, городская голова, святая владыка*» [15].

Несомненно, расширением семантических основ категории рода за счет ущемления ее формальной структуры объясняется возникновение в значительно более позднее время существительных общего рода, как, например: *невежда, неряха, кутила, запевала,* ведь при употреблении их в качестве названий лиц муж. р. также имеет место нарушение морфологического согласования прилагательных с существительными: *невежа крикнул, противный неряха* и т. д.

Точно так же переход многих слов с суффиксами субъективной оценки (ср. *сынишко, купчишко, мужичишко* и мн. др.) из сред. р. в муж. р., во многих случаях совершавшийся еще в XIX в., свидетельствует о подчинении себе семантической стороной рода его структурной стороны.

Ряд других фактов свидетельствует о значительно большей терпимости грамматического строя русского языка по сравнению с другими славянскими языками, к отсутствию морфологической согласованности при сочетании существительного с поясняющими его словами. Так, фамилии иноязычного происхождения с конечным твердым согласным в применении к лицам женского пола сочетаются в русском языке с пояснительными словами в формах жен. р., не изменяя своего морфологического облика, как это происходит в чешском или польском языках, ср. русск. *дорогая Бородич* и чеш. *drahá Borodičowa.*

Таким образом, как со стороны осуществляемых ими смысловых функций, так и с точки зрения сложившейся в течение веков внутренней закономерности развития, рассматриваемые конструкции обнаруживают свою правомерность.

22. С другой стороны, эти новые конструкции остро конфликтны. Употребление глагола в форме жен. р. при подлежащем типа *врач* определяется не только необходимостью указать, что в качестве действующего лица названа женщина. Часто такой необходимости и нет. Употребление формы жен. р. в сказуемом вызывается чисто языковыми факторами: с одной стороны, языковым законом формального согласования с родом существительного, законом универсальным, т. е. относящимся ко всем существительным ед. ч.; с другой стороны, традицией, привычкой употреблять формы жен. р. в сказуемом при подлежащем, обозначающем женщину. Оба этих фактора до поры до времени действовали в полном согласии, ибо к лицам женского пола применялись, как правило, и существительные жен. р. Однако уже в XIX в. были случаи или даже области, где роль формы рода

---

[15] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 448—449 (выделено нами.— *Авт.);* см. также: П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 86 и дальше.

глагола как показателя пола усиливалась, поскольку существительные, употребляемые в применении к женщине, не имели морфологических показателей рода: существительные так называемого общего рода, заимствованные слова типа *леди, мадам* и имена собственные неизменяемые: *Кармен, Кротевич* и под.

Эти два фактора, ранее находившиеся в полном согласии, пришли в столкновение из-за новых явлений в отношениях между названиями лиц мужского и женского пола. Конструкция типа *врач пришла* появилась в результате победы второго из указанных факторов, но первый фактор еще достаточно активно противодействует беспрепятственному распространению этих конструкций.

Для доказательства того, что языковой (синтагматической) причиной возникновения новаций в согласовании глаголов с существительными является столкновение двух внутриязыковых факторов, проведен такой эксперимент. Составлен текст, в котором коррелятивные слова: *продавец — продавщица, преподаватель — преподавательница, председатель — председательница* — поставлены в предложения с формой глагола в наст. вр. и с формой жен. р. прош. вр., и предложено отвечающим выбрать не форму глагола, которая задана, а формы муж. р. или жен. р. существительных.

Вот этот текст: «Как лучше сказать или написать о женщине (из каждой пары слов вычеркните менее удачное)»?

1. *(продавец, продавщица) показывает мне нейлоновые чулки.*
2. *(преподаватель, преподавательница) принесет книгу.*
3. *(председатель, председательница) призывает к порядку.*
1. *(продавец, продавщица) показала мне чулки.*
2. *(преподаватель, преподавательница) принесла книгу.*
3. *(председатель, председательница) призывала к порядку.*

Получено 130 анкет, т. е. 780 ответов по отдельным словам в различных конструкциях. Из общего числа 780 — существительных муж. р. 542 (69,5%), существительных жен. р. 238 (30,5%).

Распределение количества употреблений по отдельным словам см. в табл. 4.

Прежде всего бросается в глаза, что слово *председатель* настолько вытеснило слово жен. р., что независимо от формы глагола и почти в равном количестве при формах наст. и прош. вр. слово муж. р. употребляется преимущественно. Это подтверждает положение о том, что развитие рассматриваемого процесса идет неравномерно в различных группах слов и в отдельных словах различных групп.

Во всех словах, как видно из табл. 5, количество слов муж. р. при формах наст. вр. преобладает над количеством слов жен. р. и над количеством слов муж. р. при формах прош. вр.:

существительных муж. р. при глаголе наст. вр.— 298
существительных муж. р. при глаголе прош. вр.— 244

существительных жен. р. при глаголе наст. вр.— 92
существительных жен. р. при глаголе прош. вр.— 146

В прош. вр. задана была форма жен. р. глагола, следовательно, пол был уже указан и нужды в дублировании этого значения не было, но все же законы привычного согласования толкали к тому, чтобы употреблять существительные жен. р. чаще, чем при формах глагола наст. вр.

Таблица 4

Существительные муж. или жен. р.	Форма глагола				
	Всего употреблений	В наст. вр.		В прош. вр. (жен. р.)	
	абсолютные числа	абсолютные числа	%	абсолютные числа	%
продавец	145	87	60,0	58	40,0
продавщица	115	43	37,4	72	62,6
преподаватель	154	89	57,8	65	42,2
преподавательница	106	41	38,7	65	61,3
председатель	243	122	50,0	121	50,0
председательница	17	8	47,0	9	53,0

Попутно отметим, что в предложениях с глаголом наст. вр. (390) пол указан (т. е. стоит существительное жен. р.) только в 92 случаях, а в 298 случаях пол не указан (стоит существительное муж. р.), и никакого неудобства при этом говорящие, видимо, не ощущают.

Если обратиться к возрасту отвечающих, то можно заметить, что между ответами младших (до 35 лет) и старших (свыше 35 лет) есть некоторая разница, свидетельствующая о развитии определенных тенденций.

Старшие: из общего количества 390 ответов — муж. р. 261, жен. р. 129.

Младшие: из общего количества 390 ответов — муж. р. 281, жен. р. 109.

Как видим, младшие чаще используют существительные муж. р., чем старшие.

Распределение количества употреблений по отдельным словам см. в табл. 5.

Из табл. 5 видно, что в ответах младших ярче проявляется ведущая тенденция употребления существительных муж. р. в применении к женщине. Если в ответах старшей группы слово *продавщица* употребляется несколько чаще, чем слово *продавец*, то в ответах младшей группы все корреляты муж. р. употреб-

Таблица 5

Возрастная группа	Старшие					Младшие				
	Варианты ответов									
Род существительного	Всего	При наст. вр.		При прош. вр.		Всего	При наст. вр.		При прош. вр.	
	абсолютные числа	абсолютные числа	%	абсолютные числа	%	абсолютные числа	абсолютные числа	%	абсолютные числа	%
Муж. р.	64	37	57,8	27	42,2	81	50	61,7	31	38,3
Жен. р.	66	28	42,4	38	57,6	49	15	30,6	34	69,4
Муж. р.	81	46	56,8	35	43,2	73	43	58,9	30	41,1
Жен. р.	49	19	38,8	30	61,2	57	22	38,6	35	61,4
Муж. р.	116	58	50,0	58	50,0	127	64	50,4	63	49,6
Жен. р.	14	7	50,0	7	50,0	3	1	33,3	2	66,7

ляются чаще, чем корреляты жен. р., причем разница в частоте употребления слов муж. и жен. р. у младших значительнее.

И в старшей и в младшей группе слов муж. р. больше в предложениях с глаголом наст. вр., чем в предложениях с глаголом прош. вр.

В старшей группе:

существительных муж. р. при глаголах в форме наст. вр.— 141 (72,3%)
существительных жен. р. при глаголах в форме наст. вр.— 54 (27,7%)
существительных муж. р. при глаголах в форме прош. вр.— 120 (61,5%)
существительных жен. р. при глаголах в форме прош. вр.— 75 (38,5%)

В младшей группе:

существительных муж. р. при глаголах в форме наст. вр.— 157 (80,5%)
существительных жен. р. при глаголах в форме наст. вр.— 38 (19,5%)
существительных муж. р. при глаголах в форме прош. вр.— 124 (63,6%)
существительных жен. р. при глаголах в форме прош. вр.— 71 (36,4%)

Старшие несколько больше затрудняются в нарушении формального согласования, поэтому и процент слов жен. р. в прош. вр. у них несколько выше, но разница не так значительна.

Зато в наст. вр., где согласования в роде нет, младшие значительно чаще используют слова муж. р.

Таким образом, и этот эксперимент подтверждает как основное положение о росте тенденции применять слова муж. р. по отношению к женщине, так и утверждение о том, что употребление глаголов в формах муж. и жен. р. вызывается столкновением двух тенденций, требующих различной формы глагола при существительных муж. р., примененных к женщине.

23. Итак, сочетания типа *врач пришла* грамматически конфликтны: в них выражено, что словом *врач* обозначается женщина (и это отвечает коммуникативному заданию), при этом нарушены традиционные законы согласования.

Сочетания типа *врач пришел* (по отношению к женщине) также содержат внутренний конфликт: в них соблюдаются структурные законы согласования, но действие, относимое к подлежащему, которое обозначает женщину, выражено глаголом в форме муж. р. Это резко противоречит русским языковым традициям (ср.: *я пришла, Никитич сказала, Виардо пела* и проч.). Пытаясь уйти от этих конфликтных конструкций, иногда прибегают к третьему виду сочетаний (с тем же реальным содержанием); соотносительно с ранее данными образцами, их можно было бы обозначить так: *врачиха пришла.* Действительно, преодолевается внутренняя противоречивость первых двух типов: *врач пришла* и *врач пришел* (о женщине). Но возникает новый конфликт, грамматико-стилистический: слова того типа, который мы в образце сочетания условно представили в виде *врачиха,* обычно имеют очень сниженную стилистическую окраску; а употреблять их приходится, при использовании этой третьей конструкции во избежание первых двух, в разных, не всегда сниженных стилистических контекстах.

С другой стороны, новообразования с целью найти особое слово для наименования женщины по профессии (чтобы избежать сочетаний типа *врач пришла*) бывают претенциозны; конструкции с такого рода новообразованиями можно было бы условно представить образцами: *докторесса* или *врачиха пришла.*

Вот ряд иллюстраций, который можно было бы значительно расширить:

Однако была там у меня *шоферша* одна: отчаянная голова, гоняла машины над пропастями («Юность», 1957, № 8); В «Гусарской балладе» впервые снималась в кино *премьерша* Московского театра оперетты Татьяна Шмыга («Моск. кинонеделя», 1962, № 22); Фомин насупился, вздохнул и, чтобы перевести разговор, спросил:— Жена ваша, она тоже геологом работает? — Да,— улыбнулся Александров,— настоящая *геологиня*! — Как вы это сказали, геологиня? — переспросил Фомин.— Это я выучился называть от студентов. Мне нравится, и, кажется, так правильнее.— Почему правильнее? — Да потому, что в царское время у женщин

не было профессий, и все специальности и профессии назывались в мужском роде, для мужчин. Женщинам оставались уменьшительные, я считаю полупрезрительные названия: курсистка, машинистка, медичка. И до сих пор мы старыми пережитками дышим, говорим: врач, геолог, инженер, агроном. Женщин-специалистов почти столько же, сколько мужчин, а получается языковая бессмыслица: агроном пошла в поле, врач сделала операцию, или приходится добавлять: женщина-врач, женщина-геолог, будто специалист второго сорта, что ли (И. Ефремов, Юрта Ворона, 1960);

И с пожеланьями благими субботу каждую меня | будили две *геологини* | и водружали на коня (Е. Евтушенко, Продукты, 1956); Стихи? — изумился он,— Вы? *Металлургесса*? Чугунная женщина? И стихи? Ну прочтите хоть один стишок (В. Кочетов, Братья Ершовы, 1958); Особого, теплого слова заслуживают наши женщины-писательницы — прозаички, драматургички, *поэтессы, критикессы и редактрисы* («Лит. газ.», 8 марта 1960).

Просторечная сниженность одних новообразований, представленных здесь, и безвкусная претенциозность других вряд ли вызывает сомнение. Не вызывает сомнения и то, что победителем в этой драматически напряженной борьбе между тремя типами конструкций будет сочетание *врач пришла.*

24. Другую группу изменений в структуре рода представляют собой встречающиеся в современной речи, хотя и очень редко, конструкции типа *у нас хорошая врач, наша директор* и т. п. В этих конструкциях принадлежность к полу называемого существительным лица обозначается относящимся к данному существительному определением. Эти конструкции, как и предыдущие, изучались не только по материалам письменных источников, но и методом вопросника.

Вот ряд типичных иллюстраций из литературной речи разных жанров:

Как сражалася чудесно, | Ай-да девка! *Настоящая герой!* (И. Садофьев, Сильнее смерти, 1922); Недавно пришедшие из других бригад Паша Баранова и Мария Балукова удивлялись, как может *бригадир* столько сделать *сама* («Работница», 1943, № 3); *Маленькая,* почти такого же роста, как Валя, *врач-терапевт* организовывала, настаивала, составляла списки, уговаривала, а Валя производила уколы (А. Былинов, Металлисты, 1951); Музыку к нашему фильму пишет *молодая*, но *известная композитор* (Выступление кинорежиссера Чулюкина, телепередача, 1 июля 1961, Москва); У меня сейчас большие трудности. В отделе только *одна редактор*, да и она уже месяц в декретном отпуске (Из устной речи, 1964); Что же с Зоей? *Та физик давняя*? (А. Вознесенский, Оза, 1964); Часть педагогов, в том числе *сама директор* школы, голосовала за то, чтобы ребят в школе оставить («Лит. газ.», 24 дек. 1964).

25. Результаты первичной обработки соответственных данных вопросников по отдельным группам, социальным и возрастным, представлены в следующих таблицах. В табл. 6 представлены данные об ответах представителей различных социальных групп на вопрос: «Как бы Вы сказали применительно к женщине: *у нас хороший бухгалтер* или *у нас хорошая бухгалтер*?»

Таблица 6

Социальная группа	Варианты ответов			
	Общее число ответивших	Ответили *хороший бухгалтер*, %	Ответили *хорошая бухгалтер*, %	Колеблются, %
Интеллигенты-филологи	338	80,7	15,1	4,2
Интеллигенты-нефилологи	341	87,4	9,6	3,0
Служащие (без высшего образования)	900	60,9	32,4	6,7
Рабочие	418	55,0	38,7	6,3
Писатели и журналисты	62	87,0	13,0	—
Студенты-филологи	677	75,6	20,1	4,3
Студенты-нефилологи	169	70,4	26,0	3,6
Студенты, не указавшие специальности	436	69,0	25,2	5,8
Всего	3341	69,9	25,0	5,1

Таблица 7

Возрастная группа	Варианты ответов			
	Общее число ответивших	Ответили *хороший бухгалтер*, %	Ответили *хорошая бухгалтер*, %	Колеблются, %
Родились до 1909 г. .	353	83,5	12,5	4,0
1910—1919 гг. . .	184	69,0	27,1	3,9
1920—1929 гг. . . .	433	71,9	23,0	5,1
1930—1939 гг. . . .	1288	68,1	26,6	5,3
Родились в 1940 г. и позже	1651	66,9	28,4	4,7

В табл. 7 представлены данные об ответах представителей различных возрастных групп на вопрос: «Как бы Вы сказали применительно к женщине: *у нас хороший бухгалтер* или *у нас хорошая бухгалтер*?».

Таблицы показывают, что большинство информантов отвергают подобные обороты. Во многих случаях отрицательное отношение к ним выражено с особой категоричностью. Вместе с тем нельзя игнорировать и то обстоятельство, что некоторое число информантов любого возраста и профессии и довольно значительная часть молодежи считают такие выражения приемлемыми [16].

Несогласованное определение несравненно больше режет ухо и глаз, чем несогласованное сказуемое. А. М. Пешковский следующим образом охарактеризовал это в 1928 г.: «...«добрая товарищ» русский человек ни в каком случае не может сказать, а «товарищ вышла», хотя и с некоторым стеснением, но может» [17].

И все же выражения типа *уважаемая товарищ*, как это показывает иллюстративный материал, в отдельных случаях используются в русской литературной речи. В некоторых случаях эти выражения представляют стилизованную речь (ср. пример из поэмы А. Вознесенского), в большинстве случаев они выступают вне специальной стилистической функции.

Можно ли считать данное явление продуктивным и получат ли соответственные конструкции признание норм литературной речи? Это зависит от многих обстоятельств.

При оценке этих конструкций нельзя не обратить внимания на то, что реальная потребность в них значительно меньше, чем в конструкциях типа *врач пришла*. Ведь во многих случаях указание на принадлежность называемого лица к женскому полу выступает уже в сказуемом, поэтому второе подобное указание в определении является нарушением стандартного согласования, не оправданным насущными потребностями содержания высказываемого. Нельзя также отвлечься и от того факта, что распространению этих конструкций может способствовать и естественная тенденция говорящих привести к единству родовые формы сказуемого и определения, в равной мере выступающие в качестве пояснительных слов при существительном.

Таким образом, данные конструкции развиваются под перекрестным воздействием разных языковых факторов — способствующих их распространению и парализующих его.

26. В современном русском литературном языке, кроме слов мужского, женского и среднего рода, есть слова общего рода. К этому роду относятся:

во-первых, слова с флексией *-а* (в им. ед.; в остальных падежах те же окончания, что у слов жен. р. типа *вода*);

во-вторых, слова с нулевой флексией (в им. ед.; в остальных падежах те же окончания, что и у слов муж. р. типа *дом*).

---

[16] Некоторую распространенность рассматриваемых конструкций отмечают и исследователи. См.: И. Ф. Протченко. Образование и употребление имен существительных женского рода. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 158. Кафедра русск. яз., 1960, стр. 102 и дальше.

[17] А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 193.

Эти два подкласса, образующие класс существительных общего рода, не во всем одинаковы. Например, возможны сочетания *две* (*обе*) *забияки* и невозможны *две* (*обе*) *тракториста* и т. д. Но такие частные отличия не отменяют принципиального сходства подклассов: слова общего рода и первого и второго подклассов могут согласовать с собою родоизменяемые слова и в жен. и в муж. р. Необходимо отличать общие признаки, конституирующие родовые классы существительных, от второстепенных отличий, не определяющих родовую принадлежность слов.

Факты, исследованные в этой главе, показывают, что в советскую эпоху под сложным влиянием внутриязыковых тенденций и социальных факторов формируется особый грамматический класс (или подкласс) слов — новый тип существительных общего рода. Это изменение в морфологической системе русского языка нельзя не признать очень значительным и глубоко преобразующим родовые отношения существительных.

В современном русском языке, следовательно, выражение рода у существительных может быть трех типов [18]:

1) *Дочь, мать, Нинель...* Это слова жен. р., род выражается аффиксальной парадигмой, т. е. синтетически.

2) *Забияка, плакса... секретарь, врач...* Слова общего рода; род выражается, как уже сказано, синтетически-аналитическими средствами.

3) *Визави, янки, кули, хаджи...* (а также *кенгуру, шимпанзе, пони...*). У этих слов общий род выражается только аналитически. За последнюю половину века очень пополнилась вторая группа за счет первой: еще несколько десятилетий назад слова типа *секретарь, врач* своей парадигмой указывали на род (мужской), сейчас же для того, чтобы узнать их род (общий), надо учесть и синтетические и аналитические показатели.

---

[18] Имеются в виду только существительные, принадлежащие к семантической сфере родовых различий. См.: И. П. Мучник. Указ. соч., стр. 39—46.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Рост элементов аналитизма в современном склонении. ***Роль несклоняемых существительных в современном именном склонении.*** *Стимулирование социальными факторами существенного расширения группы неизменяемых существительных типа пальто, кино. Оценка возможностей синтетического склонения этих слов различными социально-возрастными группами носителей литературного языка. Включение в состав неизменяемых существительных новых групп слов: некоторых типов аббревиатур, отдельных разрядов собственных имен. Социальная обусловленность этих фактов. Противоборствующие тенденции в развитии системы склонения.*

Рост употребительности нулевой флексии. *Укрепление нулевой флексии в форме родительного падежа у существительных с немаркированным значением множественного числа. Отражение в этом процессе усиления аналитизма. Ослабление стабилизирующего действия литературной нормы в 20-е годы. Употребительность новых форм в разных социальных группах общества и подсистемах языка.*

Развитие аналитизма в падежных формах числительных. *Возрастание употребительности числительных в роли родовых определителей, обусловленное процессом дивертификации производства. Укрепление тенденции к употреблению некоторых безаффиксных форм числительных в разговорной речи.*

27. Усиление элементов аналитизма в системе склонения существительных уже к началу XX в. достигло значительного развития. Этот процесс [1], обусловленный в основном внутренними закономерностями развития грамматического строя русского

[1] В содержании данного процесса следует различать две стороны, тесно связанные между собой. К первой относятся наблюдающиеся уже с XVIII в. многочисленные факты вытеснения беспредложных падежных конструкций предложно-падежными. По словам В. В. Виноградова, «с развитием аналитических отношений, расширяющих функции предлогов и усложняющих значения падежей, груз грамматического выражения перекладывается с падежной формы на предлог» (В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М.— Л., 1947, стр. 167). Это синтаксическая сфера рассматриваемого процесса, служащая объектом изучения в синтаксисе, в теории словосочетания. В настоящем разделе рассматривается другая сторона этого процесса, которая так или иначе связана с изменением морфологической основы склонения.

языка, в советский период получил поддержку со стороны социальных факторов.

Среди социальных факторов, оказавших воздействие на развитие системы склонения, наибольшее значение имели изменения в социальном составе носителей литературного языка. Они являлись источником разнообразных переоценок современных языковых норм.

В XIX в. падежная система в русском языке была восьмичленной: кроме шести падежей, признанных школьной грамматикой, существовал особый партитивный падеж, отличный от родительного (*кубометр лесу,* но *прохлада леса*) [2], и особый местный падеж, отличный от изъяснительного (предложного) падежа: *в лесу,* но *о лесе.* Слова *лес, печь* и *трава* склонялись так:

Им.	*лес*	*печь*	*трава*
Вин.	*лес*	*печь*	*траву*
Дат.	*ле́су*	*пе́чи*	*траве*
Род.	*леса*	*пе́чи*	*травы*
Парт.	*ле́су*	*пе́чи*	*травы*
Тв.	*лесом*	*печью*	*травой*
Изъясн.	*лесе*	*пе́чи*	*траве*
Местн.	*лесу́*	*печи́*	*траве*

Каждый из падежей есть языковая реальность, потому что ни в одном случае набор флексий, характеризующих один падеж, не совпадает с набором флексий, характеризующим другой падеж. Например, партитивный падеж представлен флексиями: *-у, -и, -и.* Ни один другой падеж не представлен таким набором флексий. (Так же и местный падеж имеет только ему присущий набор флексий: *-у́, и́, е.*)

Постепенно контраст между родительным и партитивным падежами становился все менее грамматическим и все более стилистическим; сейчас формы *леса — лесу, сахара — сахару* и под. уже грамматические синонимы, они разграничены только стилистически. Следовательно, родительный и партитивный сейчас представлены так:

Род.	*леса, ле́су*	*пе́чи*	*травы*
Парт.	*леса, ле́су*	*пе́чи*	*травы*

Иначе говоря, набор флексий в обоих падежах одинаков, и они совпали: сейчас существует только родительный падеж (или только партитивный — назвать новый падеж, образовавшийся из слияния двух, можно и так и этак). Более подробно указанное изменение описано в девятой главе, в связи со стилистическими сдвигами в морфологии.

---

[2] В дальнейшем он везде называется «родительный падеж с флексией *-у*», так как вопрос об этом падеже актуален только для слов муж. р. Флексии обозначаются фонематически, но без ломаных скобок. Следовательно, *-и* обозначает флексию, которая орфографически передается *-и* или *-ы.*

Кроме этого, очень существенного, изменения, аналитизм в падежной системе проявляется и в распространении неизменяемых существительных, и в усилении падежной омонимии (особенно у числительных), которая, однако, не позволяет говорить, что в языке — т. е. не у той или иной группы слов, а у всех групп,— падежная система упростилась, уменьшила число своих членов. Таким изменениям и посвящены следующие страницы.

Роль несклоняемых существительных в современном именном склонении. 28. Главное в специфике несклоняемых слов типа *пальто, бюро, ГЭС* состоит в том, что они без помощи аффиксальных средств способны сочетать свою лексическую семантику с теми реляционными значениями, которые в русском языке, как правило, выражаются падежными флексиями.

Налицо своеобразное и сравнительно новое единство означаемого и означающего: типичные для языка элементы плана содержания — падежные значения — сочетаются с новыми элементами плана выражения.

Своеобразие этих новых единств означаемого и означающего заключается прежде всего в том, что они отличаются весьма сложным переплетением синтетических и аналитических черт.

Справедливо замечание А. И. Смирницкого, что в словах типа *метро, депо, такси, бра* «имеется в сущности омонимия ряда различных форм» [3]. Это не мешает признать, что у таких слов обнаруживаются значительные черты грамматической аналитичности, так как в качестве означающих единиц здесь приобретает большой вес так называемая эквивалентность окружения для слова [4].

29. Сложность взаимодействия синтетических и аналитических элементов в падежной системе русского языка обусловлена также тем, что не у всех изменяемых существительных число падежных флексий одинаково. А ведь любое ослабление синтетических средств всегда приводит к усилению аналитических, так как повышает вес окружения слова как показателя падежного значения.

В порядке убывающей синтетичности (и, следовательно, возрастающей аналитичности) у русских существительных должны различаться следующие группы:

а) существительные, обладающие шестью аффиксальными

---

[3] А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове.— В кн.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 34.

[4] Как известно, эквивалентность окружения слова положена А. Н. Колмогоровым в основу конструируемого им формального аналога падежа. См.: В. А. Успенский. К определению падежа по Колмогорову. «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», № 5, 1957, стр. 22—26.

показателями различения падежных значений, например: *лес, клевер, песок*;

б) существительные, обладающие пятью аффиксальными показателями различения падежных значений, например: *стол, стена, окно*;

в) существительные, обладающие четырьмя аффиксальными показателями, например: *печь, речь, степь*;

г) существительные, обладающие тремя аффиксальными показателями, например: *лошадь, имя*;

д) существительные неизменяемые, например: *депо, метро, рояль*.

Таким образом, существительные с неизменным морфемным составом, обладая максимумом аналитичности, представляют собой как бы открытый фланг системы русского склонения (в целом синтетической) для проникновения в нее разнообразных аналитических элементов (см. IV, § 42).

30. Среди существительных с неизменяемым морфологическим составом схематично [5] могут быть выделены три группы.

Первую, основную, составляют существительные (нарицательные и собственные) с конечными гласными ⟨о, э, у, и, а⟩, заимствованные из других языков. Неизменяемость этих слов имеет уже довольно большую историю, истоки которой ведут к XVIII в.

Вторую группу составляют фамилии украинского происхождения с суффиксами *-ко, -нко*, а также русские названия местностей с суффиксами *-ино, -ово* (*-ево*).

Третья группа — это различные типы аббревиатур [6].

Существительные последних двух групп обнаруживают те или иные колебания между изменяемостью и неизменяемостью.

31. Неизменяемые заимствованные слова встречаются не только в русском, но и в других славянских языках. Характерно, однако, что процессы грамматического освоения этих слов в русском литературном языке уже с давних пор отличались от соответственных процессов в других славянских литературных языках.

---

[5] Подробно о составе всей совокупности неизменяемых существительных см. в статье: И. П. Мучник. Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденции развития в современном русском литературном языке.— В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 153—158.

[6] Некоторые авторы причисляют к неизменяемым существительным также выступающие в роли подлежащих и дополнений наречия, повелительные формы глагола, междометия. См.: Л. П. Дементьев. Заимствованные существительные в системе склонения русского языка. «Уч. зап. Казахского гос. ун-та», т. XXXIII, вып. 2, 1958.— Это нам представляется неправомерным: данные слова могут выступать в синтаксической позиции, характерной для существительных, но от этого они не становятся существительными.

Как указывалось уже в лингвистической литературе[7], в других славянских языках отчетливо выступает тенденция к включению всех заимствованных слов в действующую систему склонения, к последовательному превращению морфологически неизменяемых слов в изменяемые. В русском же литературном языке, наоборот, у заимствованных слов с конечными гласными фонемами ⟨о, э, у, и, а⟩ проявляется настойчивая тенденция сохранить неизменным морфологический состав в любых синтаксических сочетаниях.

В наиболее ранний период своего существования в русском литературном языке (XVIII и первые десятилетия XIX в.) названные слова так или иначе приспосабливались к системе русского склонения, иногда изменяя даже свою исходную форму, например: *кофий, желей.* Однако по причинам внутреннего и внешнего характера, среди которых немаловажную роль играла общая тенденция развития грамматического строя русского языка к аналитизму, уже со второй четверти XIX в. эти слова нередко употреблялись как неизменяемые. Во второй же половине XIX в. направление процесса в сторону неуклонного распространения неизменяемости у таких существительных выступает со всей отчетливостью[8].

Характер процесса на рубеже XIX и XX вв. довольно метко определил в 1915 г. В. И. Чернышев следующими словами: «...Не очень еще давно академик И. И. Срезневский не смущался тем, что русские люди говорят *без пальта, в пальте, под пальтом,* хотя и указывал, что люди смеются над такими выражениями. Книжная речь здесь, однако, взяла верх над народной, и мы теперь не склоняем подобные слова»[9]. Следовательно, неизменяемость становится нормой строгого стиля литературного языка, однако во многих разновидностях разговорной литературной речи нередко употреблялись и изменяемые формы. Вот интересный случай употребления В. И. Лениным изменяемой формы существительного *бюро*: «Но отчего нет известия о посещении *Бюром* (выделено нами.— *Авт.*) *ни одного* (выделено В. И. Лениным.— *Авт.*) нейтрального или меньшевистского комитета? Ведь решено, что Бюро пригласит и посетит все?» (В. И. Ленин, Письмо С. И. Гусеву, 16 марта 1905).

Еще в начале века склонение слов типа *пальто* было в литературном языке обычным:

Все было в дому зажжено...| Мы в *польтах* осенних сидели.| Друзья отворили окно...| Поспешно калоши надели (А. Белый, Золото в лазури, 1904); Бетховенского *скерца* сейчас Кузьмин уронит ливень вешний (В. Иванов, Cor ardens, 1911).

Свидетельство Н. С. Трубецкого авторитетно показывает, как воспринимались еще сравнительно недавно носителями литературного языка изменяемые формы заимствованных слов с конечными гласными: «...существительное *пальто,* которое согласно правилам грамматики в качестве иноязычного заимствования не склоняется, в менее культивированном языке (in weniger gepflogener Sprache) изменяется по падежам и образует форму множественного числа *польта,* которая для людей моего поколения[10] являлась, хотя, конечно, и несколько просторечной, но все же вполне нормальной формой (несклоняемое *пальто* я воспринимаю как искусственную форму)»[11].

---

[7] См.: В. О. Unbegaun. Les substantifs indéclinables en russe. «Revue des études slaves», v. XXXIII. Paris, 1947, стр. 141—145.— Ср. иную точку зрения: L. Beaulieux. Traitement des mots étrangers en bulgare moderne.— В кн.: «Сборник в чест на проф. Л. Милетич». София, 1933, стр. 88.

[8] О сложном комплексе причин, обусловивших возобладание в русском языке, в отличие от других славянских языков, тенденции к неизменяемости, а также о конкретном содержании эволюции рассматриваемых слов см.: И. П. Мучник. Указ. соч., стр. 158—163.

[9] В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, вып. 2. Пг., 1915, стр. 116.

[10] Н. С. Трубецкой родился в Москве в 1890 г., уехал из СССР в 1919 г.

[11] N. Trubetzkoy. Das morphonologische System der russischen Sprache.— TCLP, v. 5_2. Prague, 1934, стр. 37.

32. Процесс расширения группы неизменяемых существительных, протекавший в XIX в. чрезвычайно медленно и относительно равномерно, претерпел в советскую эпоху существенные сдвиги, вызванные прежде всего коренным образом изменившимися социальными условиями языкового развития.

Значительную часть лексических новообразований начала послеоктябрьского периода составляют неизменяемые существительные, из которых одни пополнили уже существовавший тип, а другие образовали новый тип неизменяемых слов.

Группа заимствованных слов с конечным гласным, составлявшая ранее единственный тип неизменяемых существительных, не только количественно увеличилась, но и весьма активизировалась. Многие из этих слов приобрели большую частотность. Они обрастали новыми значениями, а это вызывало рост их употребительности. Наконец, они служили основой для образования новых неизменяемых слов. Так, например, слово *бюро,* в дореволюционное время обладавшее минимальной частотностью, в послеоктябрьский период стало неизмеримо более употребительным благодаря своей новой полисемантичности и социальной актуальности своих значений. На основе слова *бюро* образовалось большое число новых неизменяемых, широко распространенных существительных: *посредбюро, дезбюро, машбюро* и т. д. *Бюро* стало также стержневым словом ряда номинативных сочетаний слов: *бюро погоды, бюро находок, справочное бюро, конструкторское бюро* и под. На основе слова *ателье,* вошедшего в широкую речевую практику только в советский период, образовались устойчивые сочетания: *ателье мод, ателье бытового обслуживания* и под.[12]

В советский период большую частотность приобрели такие неизменяемые слова, как *кино, кило, фото, метро* [13], *депо, такси,*

---

[12] Показательно, например, что слово *эхо,* в прошлом уже довольно прочно включившееся в систему склонения, в советский период стало обнаруживать колебания. Ср.: Вечерний гром гавани едва доносился сюда слабым, напоминающим звон в ушах, бессильным *эхо* (А. Грин, Капитан Дюк); Немцы не выдерживали ужаса ночного боя — лесных *эхо,* внезапных русских «ура» над самым ухом (В. Вишневский, Победа, Россия). В научном стиле речи слово *эхо* также нередко не изменяется: При особенно благоприятных условиях короткие радиоволны многократно огибают земной шар, что приводит к появлению многократного *эхо* (БСЭ, изд. II, 1953, стр. 507). Все эти факты имеют место, несмотря на то что во всех современных словарях слово *эхо* отнесено к числу склоняемых слов.

[13] Характеризуя существительные *метро, кино* и под. как освоенные и частотные в наше время, необходимо отметить, что еще совсем недавно они представляли лексическую экзотику. В. И. Ленин, употребляя слово *метро* в своих письмах из-за границы, обозначал его латинскими буквами во французском написании. В своем письме А. И. Ульяновой-Елизаровой он писал: «От центра очень далеко, но скоро в 2-х шагах от нас проводят métro — подземную электричку...» (В. И. Ленин, Письмо А. И. Ульяновой-Елизаровой, 19 дек. 1908).

радио, пианино, кафе, фойе, конферансье, табло, эскимо, рагу, пюре, трико и ряд других. Широкая употребительность этих слов приводит (в значительной мере уже привела) к тому, что они часто не ощущаются заимствованными и становятся обычными элементами русской лексики. Следовательно, привычной становится и присущая им неизменяемость.

33. Итак, неизменяемость как определенная черта грамматической системы существительных подверглась качественному преобразованию в наше время по сравнению с XIX в. В XIX в. неизменяемость существительных, распространяясь на крайне ограниченное число малоупотребительных слов одного только структурного типа, выступала только как потенциальная аналитическая тенденция.

В наше время потенциальное стало реальным: активизировался прежний тип неизменяемых слов, к нему присоединились новые типы. Однако по-прежнему лексический состав неизменяемых слов пока еще невелик.

В этом отношении типична судьба слова *ультра*, дважды заимствованного — с чрезвычайно продолжительным интервалом — русским языком из французского. Совсем недавно, в связи с большим резонансом, который получило в общественной жизни реакционное движение «ультра» во Франции, это слово с удивительной быстротой стало широкоупотребительным как в печати, так и в устной речи:

Прежде *«ультра»* (крайне правые организации ультраколониалистов) проводили такие выступления лишь в Алжире («Пр.», 19 окт. 1960); Французская общественность требует принять решительные меры для пресечения бандитских выходок *ультра* («Пр.», 6 апр. 1961); Для парижского рабочего — это «право» погибнуть от бомбы фашиствующих *ультра* или от дубинок полицейских («Изв.», 18 февр. 1962); Расцвели ядовитые сорняки *«ультра»* («За рубежом», 1962, № 1); Сорбонна против *ультра*! («Энергетик», 1962, № 7); Это было совсем недавно, в дни вылазок обнаглевших *«ультра»* и мощной волны протеста трудящихся («Техн.— мол.», 1962, № 2); Именно миллиардеры и миллионеры пестуют американских *«ультра»* («Изв.», 22 февр. 1962); Что касается *ультра*, то они просто выходят из себя и предпринимают отчаянные попытки помешать установлению мира («Изв.», 20 февр. 1962).

В течение короткого времени в картотеке Института русского языка Академии наук СССР было зарегистрировано большое число разнообразных случаев употребления слова *ультра* в письменном и устном жанре литературного языка, и среди них не было ни одного факта, который свидетельствовал бы о какой-либо попытке изменять морфологический облик этого слова при употреблении его в значении того или иного падежа. Совершенно иная ситуация имела место в XIX в., когда слово *ультра* было впервые заимствовано из французского языка [14].

---

[14] Подробнее об истории слова *ультра* см.: В. В. Веселитский. Второе рождение слова *ультра*. «Вопросы культуры речи», вып. 4. М., 1963.

Характерно, что в других славянских языках и в наше время слово *ультра*, проникшее туда под влиянием событий во Франции и в Алжире, «не выдержав испытания» на неизменяемость, морфологически переоформлялось, либо же заменялось другой лексической единицей. Таковы польск. *ultrasi*, чеш. *ultrakolonialisté*. Ср.: Francuska Partia Komunistyczna jest dla *ultrasów* przeciwnikiem nr. 1 («Trybuna ludu», 7 stycznia 1962); Teror *ultrakolonialistů* v Alžirsku pokračuje («Rude pravo», 1 marca 1962).

В русских журналах первой половины XIX в. данное слово нередко встречается с флексиями косвенных падежей мн. ч.:

У противников своих [они] слывут под именем *ультров* («Вестник Европы», 1820, № 3); несогласие между либералами и *ультрами* («Московский телеграф», 1828, № 7).

Материалы морфологического вопросника позволяют выяснить, какие именно факторы обусловливают современное устойчивое употребление заимствованных существительных описанного типа как неизменяемых.

Широко распространено мнение, будто неизменяемость этой группы существительных вызвана именно тем, что они воспринимаются как нерусские, иноязычные слова. В связи с этим указывалось, что неизменяемость надо рассматривать только как особенность этой лексической группы, а отнюдь не как черту, пусть даже привнесенную, но уже более или менее органически присущую грамматическому строю русского языка. А отсюда следовало, что неизменяемость этих слов как языковое явление относится только к лексике, не затрагивая вовсе грамматического строя русского языка; ведь суть дела ограничивается своеобразным употреблением иноязычных слов, которые, естественно, и грамматически ведут себя «иноязычно», вне соответствия или даже вопреки грамматическим нормам русского языка. Такой ход рассуждений приводил к выводу, что эти слова можно будет признать подлинными элементами русской лексики, т. е. полностью освоенными, только в тот момент, когда они станут склоняемыми. Такого рода высказываний можно привести очень много, ограничимся только наиболее выразительными.

Д. И. Кудрявский, касаясь рассматриваемых фактов, указывал: «Только литературный язык образованного класса людей, которые еще живо чувствуют иностранное происхождение слов, не допускает склонения таких слов, как *пальто, депо, кофе* и т. п.» [15].

Аналогичное суждение находим и у С. О. Карцевского: «Литературное наречие русского языка не допускает склонения слов *пальто, какао, кофе, какаду, колибри, радио* и т. д., тогда как все имена существительные в русском языке склоняются,— следовательно, слова эти почитаются и ощущаются как иноземные элементы» [16].

С помощью вопросника мы попытались проникнуть в современное речевое сознание коллектива носителей литературного языка во всей сложной дифференцированности этого коллектива по социальному положению, возрасту, образованию. Следова-

---

[15] Д. И. Кудрявский. Введение в языкознание. Юрьев (Дерпт), 1912, стр. 93.

[16] С. О. Карцевский. Язык, война и революция. Берлин, 1923, стр. 55—56.

ло установить, в какой степени ощущается и как оценивается говорящими иноязычность этих слов.

Для этой цели в вопросник был включен следующий пункт: «Допускаете ли Вы возможность склонения по образцу всех существительных среднего рода, оканчивающихся на *-о*, некоторых существительных, давно заимствованных и уже освоенных, типа *пальто, депо*? Встречали ли Вы случаи склонения подобных существительных (например, *в пальте, из депа, в кине*), как Вы к ним относитесь?».

Разумеется, подлинные факты речевого сознания не могут быть отождествлены с субъективными суждениями говорящих о них; не подлежит, однако, сомнению, что в дополнение к анализу объективных проявлений языка эти суждения проливают свет на реальные факты речевого сознания.

На данный вопрос ответило около 1 500 человек. Хотя прямого вопроса об употреблении изменяемых форм не было, содержание ответов дает все основания считать, что никто из заполнявших вопросник в своей речевой практике, за исключением случаев стилизации или шутки, этих форм не употребляет. Только 3% всех отвечавших ответили положительно на вопрос, считают ли они эти формы допустимыми. Таким образом, 97%, т. е. почти все, не допускают употребления этих форм. Будучи совершенно тождественными в своем отрицательном отношении к изменяемости рассматриваемых слов, эти 97% ответов чрезвычайно разнообразны по своему содержанию, характеру, приводимым мотивам и представляют много интересных данных, под разными углами зрения проясняющих поставленную проблему.

Писатели и поэты в большинстве случаев вместо развернутого ответа ограничились непосредственной резко отрицательной реакцией на вопрос. Вот некоторые из их ответов:

В. Кетлинская: Нет, конечно, это же уродство.

П. Антокольский: Ни в коем случае не допускаю.

Н. Рыленков: Отрицательно.

Н. Ильина: Нет, разумеется. Встречала у лиц малограмотных. Отношусь отрицательно.

В. Боков. *В кине, из депа* плохо, ублюдочно. Это для героев Зощенки хорошо, а в языке плохо.

Полагаясь на свое высокоразвитое языковое чутье и движимые им, писатели выражают свое эмоционально окрашенное резко отрицательное отношение к предлагаемым изменениям формы, считая, по-видимому, даже лишним так или иначе обосновать свое отношение к ним.

Многие представители других групп лиц, заполнивших вопросник, также ограничились выражением резко отрицательных эмоций, которые вызывает у них предполагаемое употребление изменяемых форм. Вот некоторые из этих ответов.

Экономист (1906 год рождения): Слышать в жизни всякое приходится. Не все правильно пишу и говорю сама. Но если мне скажут, что я произнесла: *в пальте, из депа, в кине,*— то я буду считать, что мне изменил рассудок, окончена разумная жизнь, закрылся белый свет.

Инженер (1899 год рождения): Отношусь к ним (изменяемым формам.— *Авт.*) с величайшим неодобрением, как к возмутительной неграмотности. Встречаются они, впрочем, не так уж часто.

Горный инженер (1928 год рождения): Встречала, но сама так не говорю, мороз по коже пробирает. Не допускаю такого склонения.

Геолог-палеонтолог (1920 год рождения): Склонять эти слова не следует. Будет просто ужасно их склонять.

Директор филармонии (1914 год рождения): Склонять подобные слова (*пальто, депо* и т. д.) было бы нелепостью и насилием над языком. Ни один нормальный взрослый человек не скажет *в депе, в кине.*

Бухгалтер (1895 год рождения): Не допускаю. Такое склонение действует на мой слух, как фальшивая нота в знакомой музыке.

Счетовод (1923 год рождения): Привыкла эти слова не склонять. Изменение их по падежам кажется мне диким.

Рабочий-токарь (1944 год рождения): *В кине, в пальте* — нелитературно, неправильно и некрасиво.

Рабочий (1928 год рождения): Условность и привычка не склонять эти слова настолько «въелись» в наш язык, что форма *в кине, метром, польтами* оскорбляют как ругань. С другой стороны, одинаковые по окончанию слова *вино* и *кино* почему-то разошлись разными путями.

Студент (1942 год рождения): Чепуха! Нельзя делать такие существительные склоняемыми.

Так отвечают многие.

Бесспорно, что навыки употребления этих слов без падежных флексий глубоко проникли в языковое сознание подавляющего большинства носителей литературного языка.

Наиболее поучительна та группа ответов, в которых содержатся попытки мотивировать отрицательное отношение к изменяемым формам существительных типа *пальто.*

Только в редких случаях отвечающие упоминали об иноязычном характере слов. В общей же массе ответов названы иные причины: изменяемые формы не соответствуют нормам литературной речи, они неблагозвучны, нарушают длительную традицию, противоречат лучшим образцам литературы, свидетельствуют о некультурности, малограмотности, представляются смешными и т. д.

Ниже приводится несколько ответов этого рода. В совокупности их можно рассматривать как коллективную характеристи-

ку изменяемых форм с точки зрения широких кругов носителей литературного языка.

Писатель С. Бородин: Языком уже освоены эти слова без склонения. Изменение будет насилием над языком. Нельзя допускать причесывание всего языка, всего его лексического богатства под одну гребенку. Следует стремиться не к оскоплению, а к обогащению языка.

Инженер-строитель (1906 год рождения): Я настолько привык к тому, что эти слова не склоняются, что их склонение представляется мне признаком величайшей некультурности.

Инженер-экономист (1894 год рождения): Я вырос в среде, где многое так говорилось. Но боже упаси всех нас воскресить все то, через что народ (в массе) давно перешагнул!

Искусствовед (1912 год рождения): Отношусь к ним только как к образцу мещанской безграмотности или нарочитому обезображиванию родного языка. Если узаконить *пальто — пальте,* то можно скатиться и до *метро — метре.*

Редактор (1930 год рождения): Склонение этих слов было бы преждевременным, никто этих слов не склоняет. Воспринимаются они как иностранные, несклоняемые.

Управделами (1912 год рождения): Мы считаем, что говорить *в пальте, из депа* — это искажение русского языка. По-моему, город в этом смысле должен идти в деревню, а не наоборот. Иначе скоро будем говорить *хвартук, кухвайка.*

Рабочий (1939 год рождения): Склонять их безусловно недопустимо. Это не консерватизм. В звуках слова должна быть гармония, чистота.

Студент (1942 год рождения): Неправильностей в языке и так хватает.

Геолог, научный работник (1913 год рождения): Считаю, к склонению таких слов привыкнуть невозможно — в литературе, которая будет служить образцом еще столетия, эти слова не склоняются.

Преподаватель истории (1920 год рождения): Склонение имен существительных среднего рода на *-о,* вероятно, не привьется, так как интеллигентные люди слова типа *пальто, депо* не склоняют.

Инженер (1931 год рождения): Очень хочется их склонять и в то же время язык не поворачивается. Иногда говоришь вроде бы в шутку: *в метре, в пальте.*

Бухгалтер (1945 год рождения): Склонение подобных существительных встречается очень и очень редко. Эти существительные вполне освоены и лучше, если склонение не коснется их, потому что даже на слух неприятно и резко звучит: *в пальте, в кине.*

Служащий (1899 год рождения) предлагает: Безусловно, оставить то, что есть (*в пальто, в кино, в депо),* и не коверкать

твердо установившееся произношение этими неуклюжими *в пальте, в депе* и т. д.

Рабочий (1935 год рождения): Нет, не допускаю. Иначе получится белиберда. Это очень засорит наш русский язык.

Актриса (1904 год рождения): Считаю, что склонять нельзя, так как это слова иностранного происхождения.

Математик (1936 год рождения): Такое склонение мне кажется ужасным. Могу только высказать сожаление, что первый, кто ввел слово *пальто,* правильно читал по-французски. Иначе мы бы имели *палетот* и его спокойно склоняли.

Инженер (1934 год рождения): Возможности склонения не допускаю. *В кине, в пальте* загрязняют язык, звучат вульгарно.

Врач (1937 год рождения): Нет, слишком сильна и долга традиция несклоняемости. Отклонения воспринимаются как неграмотность.

Химик (1922 год рождения): Не допускаю. Встречал у людей, которые не подозревают о существовании понятия «склонение». От этого русский язык не станет звучнее и красивее. Скорее наоборот.

Рабочий (1945 год рождения): Встречается в жизни склонение слов *кино, депо, пальто,* и мне почему-то всегда хочется исправить человека, который склоняет их. Не нужно склонение этих слов, оно искажает их...

Библиотекарь (1901 год рождения): Встречала: *без пальта,* во множественном *польта, в депах, в кине.* Считаю это неграмотным, потому что эти слова появились в русском языке не так уж давно, не больше ста лет тому назад, и не могут считаться вполне обрусевшими. Таких слов, пришедших к нам в XIX—XX, самое раннее — в XVIII в., очень много, и все они не склоняются. Не скажете же Вы: *клоун в трике, четыре эскима, в бюре, на фотах.* Правда, говорили в старину *на фортепьянах,* но это не привилось. А вот слова с гораздо большим стажем в русском языке склоняются великолепно и не вызывают сомнений: *вино, эхо, клеймо; миро* вошло даже в пословицу «одним миром мазаны». Я думаю, что лет через двести — триста все сомнительные сейчас слова будут склоняться свободно, а нам об этом говорить рано.

Экономист (1903 год рождения): Считаю, что не стоит склонять эти слова и подобные им. Ведь лет 200 или больше мы их употребляем, не склоняя, все к этому привыкли, а снова привыкать и писать *в пальте, в депе* и т. д. трудно, да и к чему? Какая цель?

Инженер (1895 год рождения): Не допускаю. Случаи склонения встречал у неграмотных стариков времен моей молодости, а теперь мои сверстники не склоняют этих слов. Зачем же тянуть назад, если даже малограмотные усвоили это правило. В настоящее время в речи не встречаю отступлений от нормы.

Журналист (1918 год рождения): Не допускаю. *Пальта, депа, кине* и т. д. звучит как-то дико. Они, правда, заимствованы давно и освоены, но только в своей несклоняемой форме.

Медицинская сестра (1945 год рождения): Нет, по-моему, невозможно склонение этих существительных. При склонении они звучат как-то не по-русски.

Разнообразие и пестрота приведенных суждений во многом обусловлены различием в жизненном опыте, возрасте, образовании отвечающих и многими другими нелегко поддающимися определению особенностями.

Почти все ответы с разной степенью прозрачности показывают, что неизменяемость *пальто, депо, бюро, кино, метро* и под. ссознается всеми носителями литературного языка в качестве черты, органически присущей этим словам, независимо от того, считают или не считают говорящие эти слова иноязычными.

Конечно, иноязычность в свое время сыграла значительную роль в качестве одного (одного, но не единственного) из факторов, предопределивших возникновение неизменяемости у этой группы слов. Однако в современном сознании говорящих неизменяемость этих слов представляет собой самостоятельную грамматическую норму, не связанную в своем функционировании с теми или иными элементами этимологической природы слов.

Объясняется это тем, что неизменяемость, первоначально представлявшая собой явление, касавшееся только в высшей степени ограниченной группы не освоенных языком слов, в дальнейшем превратилась в неотъемлемую черту грамматического употребления ряда уже освоенных слов, обладающих значительной частотностью.

С. О. Карцевский в цитированной выше работе справедливо указывал, что подлинными сдвигами в системе языка можно считать лишь те новшества, которые затрагивают не только лексику, но и грамматический строй языка. Морфологическая неизменяемость определенной группы слов, выражающих различные падежные значения аналитическими средствами, и должна быть отнесена к этой группе языковых изменений.

Всеобщий протест против употребления изменяемых форм слов *бюро, пальто* и под. свидетельствует о полном освоении не только этих слов как определенных лексических единиц, но и присущих им грамматических свойств. С этой точки зрения представляются чрезвычайно меткими слова писателя С. Бородина: «Языком уже освоены эти слова без склонения. Изменение будет насилием над языком». Многие из заполнявших вопросник так и расценивали употребление изменяемых форм: «Это не по-русски».

Поучительны для уяснения связи между освоенностью слова и его изменяемостью рассуждения К. И. Чуковского о судьбе слова *пальто* в его книге «Живой как жизнь». Автор рассказыва-

ет, как постепенно осваивалось в русском языке это слово: когда пальто стало очень распространенной одеждой и его название сделалось общенародным, слово *пальто* обрусело настолько, что появились и производные от него слова: *пальтецо, пальтишко*. Возникли, следовательно, и все предпосылки для изменения его по падежам. И автор спрашивает: «Почему же не склонять это слово, как склоняется, скажем, *шило коромысло, весло*? Ведь оно принадлежит именно этому ряду существительных среднего рода. Пуристы же хотят, чтобы оно осталось в ряду таких несклоняемых слов, как *домино, депо, трюмо, манто, метро, бюро* и т. д.». И сейчас же К. И. Чуковский резко формулирует свой ответ на этот вопрос: «И как бы ни были убедительны доводы, при помощи которых я пытался оправдать склоняемость слова *пальто,* все же едва я услыхал от одной очень милой медицинской сестры, что осенью она любит ходить *без пальта,* я невольно почувствовал к ней антипатию. И тут мне сделалось ясно, что несмотря на все свои попытки защитить эту, казалось бы, совершенно законную форму, я все же в глубине души не приемлю ее. Ни под каким видом, до конца своих дней я не мог бы ни написать, ни сказать в разговоре: *пальта, пальту* или *пальтом*» [17].

Как показал приведенный выше материал, аналогичной точки зрения придерживаются сотни носителей литературного языка.

В современном русском языке *без ведро* и *без пальта* в одинаковой мере являются недопустимыми нарушениями грамматических норм современного русского литературного языка.

34. Для фамилий украинского происхождения с суффиксами *-ко, -енко* уже в XIX в. характерны разнообразные колебания: они изменялись по парадигмам I и II склонения; наряду с этим наблюдались и случаи их неизменяемости. Интересны приведенные В. И. Чернышевым факты неизменяемости этих слов в сочинениях различных авторов. Ср. также в письмах В. И. Ленина: «Памятную книжку Тульской губ.» прошу Митю переслать поскорее Алексею Павловичу Скляренко: я не знаю его адреса» (В. И. Ленин, Письмо М. А. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой, 22 ноября 1898).

Современные факты также свидетельствуют о наличии колебаний. Изменяемые формы встречаются главным образом в художественной литературе.

— Деревня? — удивился Дубов, не поспевая за *Гончаренкой* (А. Фадеев, Разгром); А. *Бузенка* (в им. п. *Бузенко.— Авт.*) я послал на дубок (К. Паустовский, Блистающие облака).

Однако в большинстве случаев, как совершенно определенно показывает материал, эти слова остаются неизменными. Показательно, что в некоторых случаях неизменяемые формы этих

[17] К. И. Чуковский. Живой как жизнь. М., 1962, стр. 20.

фамилий встречаются рядом с изменяемыми формами фамилий другого типа:

То же самое можно сказать и о студентах *Попове, Денисенко* и многих других (Из газет, 1963).

Отчасти эти колебания вызываются разноречивыми, иногда искусственными рекомендациями. Хотя В. И. Чернышев еще в 1915 г. писал: «... для нас вполне естественно совсем не склонять эти слова: *у Шевченко, у Короленко, с Шевченко, с Короленко* и т. д.» [18], авторы современных справочников упорно рекомендуют подобные названия склонять по образцу: *Шевченко, Шевченки, Шевченкой* и т. д. Авторов не останавливает то, что их рекомендации противоречат реальным фактам. Они в ряде случаев дают субъективное, необоснованное истолкование языковой практики. Так, авторы одного широко распространенного справочника указывают: «Довольно многочисленны в печати случаи употребления украинских фамилий на *-ко, -енко* в неизменяемой форме. Авторы прибегают к этому «новшеству» (кавычки К. И. Былинского и А. И. Жилина.— *Авт.*) потому, что не знают, по какому склонению следует изменять эти фамилии...[19]. Факты, к которым авторы рекомендации почему-то относятся иронически, являются прямым следствием тенденции, которая пробивает себе дорогу уже в XIX в., а в настоящее время все более и более укрепляется.

35. Географические названия с суффиксами *-ино, -ово* типа *Тушино, Воронцово, Шереметьево* существуют в системе русской топонимики очень давно, однако только в советскую эпоху они стали переходить в разряд неизменяемых существительных. Этот процесс еще не получил своего отражения ни в одном своде фиксированных норм, ни в одном нормативном пособии. Между тем случаи неизменяемости этих существительных уже довольно широко распространены в разных жанрах современного литературного языка, например:

По-новому стали жить в *Ильино, в Пелукарпово, в Цветково* («Огонек», 1961, № 6); Над *Черемхово* красная луна,| Вдоль *Черемхово* рыжие обочины, | Под *Черемхово* черная руда. | А в *Черемхово* спящие рабочие (Ю. Панкратов, Месяц).

Различие в употреблении часто связано с возрастом говорящих: представители старшего поколения эти слова изменяют, молодежь их употребляет обычно в неизменном виде.

Неизменяемость данных слов представляет собой яркий пример вмешательства внешних факторов в эволюцию языка, даже такого его специфически структурного элемента, каким является система склонения. Сильным толчком к употреблению этих

---

[18] В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 87.

[19] К. И. Былинский и А. И. Жилин. Справочная книга корректора. М., 1960, стр. 55.

слов в качестве неизменяемых явились, несомненно, издававшиеся в военное время приказы, которые запрещали изменять в донесениях и других документах исходную форму названий населенных пунктов, чтобы не смешивались близкие по звуковому составу слова, ср.: *Разин — Разино, Ефремов — Ефремово, Пушкин — Пушкино, Киров — Кирово* и т. д.

36. Печатные тексты не дают точного отражения, насколько в живой устной речи (разумеется, литературной) распространилась неизменяемость существительных типа *Болшево, Пушкино, Ткаченко.* Ведь в справочных нормативных пособиях, как уже говорилось, такие существительные отнесены к разряду склоняемых. Поэтому редакторы и корректоры сплошь и рядом считают себя вправе исправлять авторский текст, если в нем есть отступления от этих искусственных правил. Для выяснения реальной употребительности этих форм они дополнительно изучались методом массового опроса (с помощью вопросника).

В текст ряда предложений вводились существительные этого типа с опущенной конечной гласной, и лица, заполнявшие вопросник, дописывали эти слова так, как им представлялось целесообразным. Вот образец: *Следующей остановкой было Щелково. Мне сказали, что по направлени...* [20] *к Щелков... поезда отправляются из Болшев.... каждые полчаса.*

Обработка материалов вопросника велась, как и в других случаях, дифференцированно по отдельным социальным и возрастным группам. Результаты обработки материалов представлены в табл. 8 и 9.

37. Материалы показывают, что подавляющее большинство лиц, заполнивших вопросник, употребляют существительные типа *Фоменко, Даниленко* в неизменяемом виде. Даже среди писателей, обнаруживших в своих ответах на многие вопросы наибольшую приверженность к традиционно-синтетическим нормам склонения, 92% употребляют эти слова без падежных флексий. В целом же такое употребление присуще почти всем (95% лиц, ответивших на вопросник). Совершенно очевиден разрыв между реальной речевой практикой и правилами, которые упорно рекомендуются в справочных пособиях.

38. Что касается географических названий типа *Щелково,* то по материалам вопросника в настоящее время преобладает употребление изменяемых форм. Количество лиц, употребивших неизменяемые формы, колеблется в пределах 31—39%, а употребивших изменяемые формы — в пределах 61—69% (только формы *в Пушкино — в Пушкине* резко выбиваются из этих пределов) [21].

[20] Опущение буквы *ю* является одним из многочисленных «отвлекающих» приемов, использованных в вопроснике с целью рассредоточить внимание, см. I, § 15—16.

[21] См.: Г. А. Качевская. Нужно ли склонять географические названия типа *Рощино, Шувалово?* — В кн.: «Нормы современного русского литературного словоупотребления». М.—Л., 1966, стр. 111—118.

Социально-профессиональная группа	Род. п. существительного *Болшево*		Дат. п. существительного *Щелково*	
	Общее число ответивших	Употребили неизменяемую форму, %	Общее число ответивших	Употребили неизменяемую форму, %
Рабочие	427	41,1	434	46,3
Служащие (без высшего образования)	887	35,9	913	38,2
Интеллигенты-нефилологи	783	32,5	801	36,2
Интеллигенты-филологи	334	20,3	342	26,0
Писатели и журналисты	62	19,3	64	17,2
Студенты-нефилологи	166	36,1	170	46,5
Студенты-филологи	661	34,8	665	37,5
Студенты, не указавшие специальности	430	36,4	433	37,4

Эти цифровые данные нуждаются, однако, в дополнительном анализе условий, характерных для употребления тех и других форм. Ведь существующие нормативы рекомендуют склонять данные существительные и запрещают оставлять их в неизменном виде; сила авторитета действующих правил представляет собой немаловажный фактор, противодействующий росту употребительности неизменяемых форм. Важно и то, что падежные флексии как форма выражения падежных значений поддержаны вековой традицией и наиболее часты в современном языке. Аналитические же средства — это явление новой, малочастотной формы выражения падежных значений.

Таким образом, отношение 31% : 69% представляет собой числовое выражение противопоставленности элементов нового элементам старого в процессе развития системы склонения, а в этих условиях количественные показатели должны сопоставляться не отвлеченно, а на фоне динамики развития противоборствующих форм.

39. Правомерность подобного толкования количественных показателей современного употребления неизменяемых и изменяемых форм получает убедительное подтверждение при дифференцированном рассмотрении полученных данных по социально-образовательному и возрастному признакам. Как видно из всех рубрик табл. 8, наибольший процент лиц, употребляющих неизменяемые формы, относится к группе рабочих. Это, вероятнее всего, объясняется тем, что рабочие в качестве сравнительно но-

Таблица 8

Пр. п. существительного *Щелково*		Пр. п. существительного *Пушкино*		Тв. п. существительного *Ткаченко*		Род. п. существительного *Короленко*	
Общее число ответивших	Употребили неизменяемую форму, %	Общее число ответивших	Употребили неизменяемую форму, %	Общее число ответивших	Употребили неизменяемую форму, %	Общее число ответивших	Употребили неизменяемую форму, %
434	44,7	420	89,3	420	97,5	433	96,7
917	34,6	872	80,0	894	97,8	923	95,7
802	31,2	774	71,8	782	96,8	791	95,7
339	23,9	326	60,4	329	96,3	340	92,0
64	15,6	61	42,7	61	91,8	63	90,5
169	39,7	164	92,7	165	97,3	169	93,2
667	36,9	657	88,7	669	98,8	673	95,5
443	36,7	419	88,2	432	98,3	434	93,2

вых носителей литературного языка легче вовлекаются в русло свободного и беспрепятственного развития языка в соответствии с действующими в нем тенденциями. Еще отчетливее об этом свидетельствуют данные вопросника, дифференцированные по возрастному признаку. Из всех рубрик табл. 9 видно, что кривая процесса развития во временно́м плане, обнаруживая отдельные зигзагообразные повороты, в конечном итоге неукоснительно ведет к расширению употребления неизменяемых форм.

Если сопоставить самое старшее и самое младшее поколения, представленные в таблице, то употребительность каждой из шести аналитических словоформ возрастает так:

с 26 до 38%	с 49 до 89%
с 27 до 39%	с 92 до 99%
с 20 до 38%	с 89 до 95%

40. Группу неизменяемых существительных особого структурного типа составляют советские неологизмы-аббревиатуры разных видов: *ГОЭЛРО, ГРЭС, МПК, СССР, ЦК* и т. п. Эта группа слов должна быть признана равноправным элементом русской лексики (см. III, § 64), и грамматические особенности, присущие этим словам, должны в полной мере учитываться при описании грамматического строя языка. Среди аббревиатур может быть выделен ряд структурно отличающихся друг от друга групп.

Возрастная группа	Род. п. существительного *Болшево*		Дат. п. существительного *Щелково*		Пр. п. сущест *Щел*
	Общее число ответивших	Употребили неизменяемую форму, %	Общее число ответивших	Употребили неизменяемую форму, %	Общее число ответивших
До 1909 г.	355	25,7	361	27,2	362
1910—1919 гг.	184	31,5	192	37,5	186
1920—1929 гг.	434	28,8	449	36,1	443
1930—1939 гг.	1274	32,9	1299	38,2	1308
1940 г. и позже	1638	37,7	1659	39,5	1672
Среднее		31,3		39,3	

1. Существительные типа *ГОЭЛРО, СТО, РОНО, самбо, РАЙФО, СЕЛЬПО.*

Неизменяемость этих существительных обусловлена наличием конечного *-о* корневой морфемы, и в этом они сходны с заимствованными словами такой же структуры. Их неизменяемость, однако, дополнительно обусловлена тем, что изменение конечного гласного нарушило бы связь этих новообразований с теми сочетаниями слов, которые служат для них — особенно на первых порах их функционирования — своеобразными внутренними формами (ср. *РОНО* — районный отдел народного образования). Неизменяемость этих существительных характеризуется наибольшей устойчивостью.

2. Существительные типа *МТС, РТС, АТС, РСФСР, АССР.*

У этих существительных неизменяемость обусловлена двумя факторами: а) несоответствием между принадлежностью слова к жен. р. и его морфологическим обликом (наличие конечного твердого согласного при нулевой флексии) и б) спецификой звукового состава слова, представляющего сумму названий букв: поскольку названия букв в русском языке являются неизменяемыми словами, это, естественно, тоже служит препятствием к включению данных слов в парадигму склонения.

3. Существительные типа *СССР, ВЦСПС, ВЛКСМ, КВН.*

У этих существительных только один фактор обусловливает их неизменяемость: своеобразие звукового состава, представляющего сумму названий букв. Существительные этой группы на протяжении всего изучаемого периода выступают в неизменяемых формах во всех жанрах литературного языка.

Таблица 9

вительного *ково*	Пр. п. существительного *Пушкино*		Тв. п. существительного *Ткаченко*		Род. п. существительного *Короленко*	
Употребили неизменяемую форму, %	Общее число ответивших	Употребили неизменяемую форму, %	Общее число ответивших	Употребили неизменяемую форму, %	Общее число ответивших	Употребили неизменяемую форму, %
20,5	345	49,6	346	91,8	358	89,3
29,6	184	71,0	182	97,0	191	94,2
28,6	422	69,2	437	96,2	442	96,3
36,1	1249	81,2	1278	97,9	1308	95,2
38,4	1627	89,6	1638	98,8	1673	95,2
30,6		72,1		96,3		94,0

4. Существительные типа *ГЭС, РАПП, ЧОН, ВАК, ООН, ЖЭК.*

Оформление этих аббревиатур в качестве изменяемых или неизменяемых существительных зависит от двух факторов: морфологической структуры и родовой принадлежности. Имея в своем исходе твердый согласный, эти слова должны были бы включаться по своей структуре в разряд существительных, изменяемых по парадигме склонения муж. р. Этому, однако, противодействует принадлежность данных аббревиатур к жен. р. (в тех словосочетаниях, с которыми соотносятся аббревиатуры, главное слово — жен. р.: *ГЭС* — государственная электрическая станция). Вместе с тем нетрудно установить, что из двух названных противоборствующих факторов второй является более слабым, так как родовая принадлежность аббревиатуры, во-первых, не основывается на реальной семантике слова (относится к асемантической сфере категории рода) [22] и, во-вторых, опирается на морфологическую структуру не самой аббревиатуры, а стержневого слова соответствующего ей словосочетания. Эти обстоятельства создают предпосылки для морфологической изменяемости слова, а изменяемость здесь возможна только по парадигме муж. р.

Значительное число таких фактов действительно наблюдалось в первые десятилетия советского периода. Так, аббревиатура *НЭП* образовалась в 1921 г., а в 1922 г. уже широко употреблялась как изменяемое при склонении существительное. Следует

[22] См.: И. П. Мучник. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке.— В кн.: «Развитие современного русского языка». М., 1963.

несколько подробнее остановиться на эволюции этого существительного, проливающей свет на содержание словообразовательных и грамматических процессов 20-х годов.

Решения, легшие в основу новой экономической политики, были приняты на X съезде (8—16 марта 1921 г.) и на X Всероссийской конференции РКП (26—28 мая 1921 г.). Но аббревиатура *НЭП* появилась на страницах газет только в декабре 1921 г.; вот один из первых примеров такого словоупотребления: Отказ от взимания арендной платы — не совсем логическое следствие *НЭП* («Пр.», 10 дек. 1921).

Почти одновременно с *НЭП* стал употребляться и другой вариант — *НЭПО*. Вариативности словообразовательного оформления сопутствовали разнообразные морфологические колебания: слово употреблялось и как неизменяемое, и как изменяемое, как существительное жен. р., и как существительное муж. р. Вот отдельные примеры чрезвычайной пестроты речевой практики той поры: *задача НЭПО, задача НЭПА, связи с НЭП/ом, увеличение НЭП, неужели НЭП виноват?, подоспевшая НЭП, НЭП открыл книжные магазины, НЭП отразилась* (Из газет, 1921—1922).

Однако период колебаний был очень коротким. Уже в первой половине 20-х годов изменяемые формы муж. р. стали настойчиво вытеснять неизменяемые формы жен. р. Иллюстрации к этому мы находим и в произведениях В. И. Ленина, и в центральных газетах. У В. И. Ленина такое употребление впервые встречается в письмах: «Несколько подробнее о *нэпе* и о понятии „государственного капитализма“» (Письмо В. М. Молотову, 23 марта 1922). Если не считать отдельных так или иначе мотивированных отступлений, это употребление прочно закрепилось в качестве нормативного во всей дальнейшей речевой практике.

Некоторые другие слова данной группы: *РАПП, ГЭС* (особенно *Днепрогэс*), *ЧОН* (часть особого назначения) и под.— в 20-е годы уже выступали преимущественно в качестве изменяемых существительных. Однако в последующие десятилетия, особенно в 50-е годы, в употреблении этих слов наблюдаются существенные изменения. Значительно расширилась сфера неизменяемости. Ряд новых образований этого типа, возникших в последнее время: *ООН, ТЭЦ, ОАР* и др.— сейчас употребляются без падежных флексий. Некоторые исследователи считают возможным утверждать, что направление эволюции этих слов полностью изменилось. Так, Т. В. Шанская в результате изучения фактического материала пришла к следующему выводу: «Сейчас идет процесс если не перехода, то „перевода“ целого ряда звуковых аббревиатур из разряда склоняемых мужского рода в несклоняемые, род которых определяется по основному слову исходного словосочетания. Как бы то ни было, но, на наш взгляд, все новые (послевоенные) звуковые аббревиатуры и очень многие старые, возникшие в двадцатые годы XX века, несмотря на их формально-

фонетические особенности, свойственные существительным мужского рода, сейчас не склоняются и в своем грамматическом роде отражают род стержневого (опорного) слова»[23].

Изученный речевой материал не дает основания считать, что неизменяемость полностью возобладала в этой группе слов. И в настоящее время встречаются случаи употребления этих существительных в изменяемых формах.

Колебаний в речевой практике имеется значительное число, однако не может быть сомнений в том, что по сравнению с прошлым неизменяемость аббревиатур этого типа значительно укрепила свои позиции.

5. Существительные типа *ЦИК, ВЦИК, МХАТ, ГАБТ, МИД.*

Изменяемости существительных этой группы не препятствует ни один из упоминавшихся выше факторов: они не состоят из названий букв и не относятся к жен. р. И все же они довольно часто остаются неизменяемыми; с течением времени их изменяемость в целом не возрастает.

Можно полагать, что преобладание изменяемых форм в письменной разновидности речи зачастую является результатом редакторской или корректорской правки. Характерный случай: на вечере, посвященном творчеству артиста Харитонова (9 января 1966 г.), выступавшие режиссеры и артисты говорили «*студия МХАТ*», между тем в газетных заметках об этом вечере фигурировало только сочетание «*студия МХАТа*».

Отсутствие у слов рассматриваемой группы падежных флексий можно, по-видимому, объяснить морфологическим притяжением этих образований к другим типам аббревиатур, которые часто выступают в качестве неизменяемых существительных.

Употребление в неизменяемом виде аббревиатур, которые имеют возможность совершенно беспрепятственно включаться в систему аффиксального склонения, является немаловажным показателем общих тенденций развития склонения[24].

Таким образом, аббревиатуры всех рассмотренных групп в силу присущих им морфологических и морфонологических особенностей, а в некоторых случаях и независимо от них, следовательно, под давлением общих тенденций развития грамматического строя языка вовлечены в ту часть лексики, которая выра-

---

[23] Т. В. Шанская. О роде сложносокращенных имен существительных в современном русском языке.— РЯНШ, 1964, № 1, стр. 68—69.

[24] Д. И. Алексеев, касаясь этой группы аббревиатур, характеризует их следующим образом: «Это потенциально склоняемые существительные... Явление это интересно во многих отношениях. В частности, отсутствие склоняемости у слов, которые имеют для нее структурные возможности (ср. с несклоняемостью существительных *боа, колибри, какаду*), особенно убедительно говорит об избыточности падежных окончаний в контексте (даже минимальном) (Д. И. Алексеев. Аббревиатуры как новый тип слов.— В кн.: «Развитие словообразования в современном русском языке». М., 1966, стр. 32).

жает падежные значения не флексиями, а аналитическими средствами.

41. В советский период наблюдается довольно широкое использование изменяемых форм неизменяемых существительных в разнообразных стилистических функциях. Именно в силу того, что в нейтральном стиле литературного языка довольно прочно укрепились неизменяемые формы этих существительных, писатели нередко пользуются изменяемыми формами для характеристики речи персонажей, для усиления экспрессии авторской речи, для стилизации под просторечие и другие виды нелитературной или окололитературной речи. В этих функциях используются изменяемые формы как заимствованных слов, так и разного рода аббревиатур.

Вот некоторые из множества встречающихся в советской литературе фактов: ...и бедный Ваня-грамотей|склоняет уж *драпри — драпрей* (Демьян Бедный); О *фиасках, апогеях* и других неведомых вещах (В. Маяковский, «О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах); Докладчики бывают тоже! | Эх, ты, губкомовец в *пенснах*!|Как будто лезет он из кожи,|Чтоб «измами» стереть нас в прах (А. Безыменский, Комсомолия); Голосуют члены *бюры*, кандидатам голоса нет,— сказал Смирнов, поглядывая на Васильева злым и веселым взглядом (Ю. Либединский, Комиссары); — У нас не скучно, если *кина* нету, дед его заменяет (М. Шолохов, Свет и мрак); Третья хохотала не совсем без причины: — Жара, а он *в пальте* приехал (Л. Леонов, Барсуки); — Последний разок русскую пьем. Через неделю позабавимся английской *виской* (А. Новиков-Прибой, По-темному); А сюда меня тетя Маша пускает играть *на пианине* (К. Федин, Необыкновенное лето); Вот вам все документы. Нас били *Промбюром*, и мы оборотом били этим *Промбюром* (Ф. Гладков, Цемент); — Напрокат взяли *пианину*, жалуется — плохая. Рояль бы мне, говорит, настоящий (В. Панова, В старой Москве); Вот тебе раз! Поехали за хлебом в Ташкент, попали в *Орта-чеку* (А. Неверов, Ташкент — город хлебный); — в *сельпе* разве нету? (В. Солоухин, Владимирские проселки); — Я, говорю, свое отработал... Еще теперь мне зимой морозиться в вашей *емтеесе* (Г. Николаева, Битва в пути).

Часто такие формы используются в авторской речи в разнообразных экспрессивно-стилистических целях:

За покупками по Москве по всей|разъезжусь весь день, не вылазя из *таксей* (В. Маяковский, Мечта поэта); Поевши, душу веселя,|одной ногой разделывая вензеля, увлечены *тангой* (В. Маяковский, Две культуры); Бутылка нарзана, бутылка *ситра*,|Серебряный сыр, золотая икра (Н. Панов, Враг своей тени); Я посылаю неизменный|Привет всеведущей *Цеке* (А. Безыменский, Комсомолия); Верует [Евсюков] в совет, в Интернационал, *чеку* и в тяжелый вороненый наган в узловатых и крепких паль-

цах (Б. Лавренев, Полынь-трава); Да, все мы ходим под *Цекою*... Но за *Цекой* — никто не съест (А. Безыменский, Комсомолия); О-го-го! сколько тут маленьких «великих людей» собралось. Со всего *СССР-а* слетелись (Н. Никандров, Путь к женщине).

Привлечение этих форм в художественные тексты только в качестве подчеркнуто экспрессивных или характерологических — вернейшее свидетельство их изгнания из пределов литературной нормы. Они бы не использовались как средство обрисовать характер героя (через его речевое поведение), если бы недостаточно резко контрастировали с общеупотребительными, неизменяемыми формами.

Как известно, история развития грамматического строя русского литературного языка, особенно последних двух веков, содержит немало примеров стилистического размежевания грамматических форм, которые ранее были стилистически идентичными. Это один из многих показателей того, как стилистическая дифференциация все более и более внедряется и в наиболее абстрагированную сферу системы языка — в его грамматический строй.

42. Значение всех описанных явлений может быть, однако, адекватно оценено только при рассмотрении их в связи с другими явлениями, с которыми они связаны общностью тенденций развития. При изолированном анализе неизменяемых существительных не было бы достаточного основания придать всем относящимся сюда инновациям сколько-нибудь важное значение, так как удельный вес их в языке в целом незначителен. Но наряду с возникновением и ростом группы неизменяемых существительных возникла и интенсивно развивается другая группа неизменяемых слов — неизменяемые прилагательные типа *беж, электрик*, а также типа *теле-, радио-, парт-, лесо-* и др. (см. IV, § 73—88).

Отчетливо выступают и разносторонние связи этих двух процессов. Ведь многие из аналитических существительных со временем становятся аналитическими прилагательными. Ср.: *слушать радио* и *радиопередача, подарил фото* и *фотолаборатория, пошли в кино* и *кинолента* и т. д. С другой стороны, процессы развития аналитических прилагательных, в свою очередь, углубляют аналитичность существительных, так как они оказывают в тех или иных формах влияние на проявление присущих им грамматических категорий. Так, у слова *ателье* в словосочетании *швейное ателье* форма рода в своем синтаксическом выражении опирается на аффикс определяющего слова, но в сочетании *фотоателье* аффикс уже не выступает и в качестве синтаксического средства выражения рода. Происходит как бы прорыв второй линии обороны аффиксального оформления слова. Тесное взаимодействие этих явлений свидетельствует о глубине происходящих в грамматической системе процессов, хотя они и ограничены по своему лексическому охвату.

Рост употребительности нулевой флексии. 43. Уже говорилось во вступлении, что особенно желательной с точки зрения аналитизма является нулевая флексия.

Рост употребительности форм род. мн. с нулевой флексией был стимулирован в первую очередь развитием аналитизма в русской морфологической системе. При этом укреплению форм с нулевой флексией содействовали и более частные причины. Нулевые флексии в русском языке свойственны, во-первых, формам с немаркированным значением числа; во-вторых, особо частотным формам среди немаркированных по значению числа (*стол, дом*). Но в описанных группах существительных немаркированным является именно мн. ч., а не ед. ч. (см. IV, § 110—116), и наиболее частотной среди форм мн. ч. оказывается именно форма род. п. Следовательно, она имеет право претендовать на нулевую флексию; это и стимулирует рост ее употребительности.

К социальным причинам, помогающим распространению формы род. мн. с нулевой флексией, относится активное участие в строительстве современного русского литературного языка тех социальных групп, которые более или менее свободно относятся к литературной норме (в общем считая необходимым следовать ей).

Употребительность форм род. мн. с нулевой флексией растет в целом очень медленно; причины этого — и внутриязыковые и социальные.

Внутриязыковые — влияние аналогии: у большинства существительных муж. р. (с «твердыми» основами) распространено окончание *-ов*.

Социальные — стремление к стабилизации нормы литературного языка, возникшее в обществе как ответ на языковую вольницу 20-х годов.

44. В русском именном склонении среди косвенных падежей родительный падеж обладает наибольшим статистическим весом и самой разветвленной системой значений. В работах, посвященных подсчетам частотности русских падежных форм[25], проводимых на разном материале и в разном объеме, исследователи единодушны в выводах относительно частотности родительного падежа. В научной, политической и деловой прозе по употребительности среди других падежей родительный стоит на первом месте,

[25] См. следующие работы: Harry H. Josselson. The Russian word count. Detroit, 1953, стр. 18; Э. А. Штейнфельдт. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963, стр. 52; З. М. Волоцкая, И. Н. Шелимова, А. Л. Шумилина. Некоторые количественные данные о формах существительных и глаголов русского языка (на материале математических текстов).— В кн.: «Вопросы статистики речи». Л., 1958; В. Николаев. Некоторые данные о частотности употребления падежных форм в современном русском литературном языке.— РЯНШ, 1960, № 5; В. А. Никонов. Борьба падежей. «International journal of Slavic linguistics and poetics», IV'S-Gravenhage, 1961.

составляя примерно долю в 30—46% (лишь в подсчетах В. Николаева 24,7%). Однако в художественных стилях речи родительный падеж стоит на третьем месте после именительного и винительного, составляя по подсчетам Х. Йоссельсона 14,3, В. А. Никонова — 17,4%. Высокой частотности родительного падежа сопутствует его перегруженность разнообразными значениями.

Переобремененность значениями и широкая употребительность родительного падежа создают благоприятные условия для подспудных грамматических процессов. Особый интерес представляет конкуренция дублетных форм род. п. мн. ч.

У существительных муж. р., имеющих основу на мягкий согласный и *j*, конкурируют формы с флексиями: *-ов(-ев)/Ø* (*нацменов — нацмен, микронов — микрон, комментариев — комментарий* и т. д.).

У существительных сред. р., имеющих основу на мягкий согласный, конкурируют формы с флексиями: *ьев/-ий* (*гнездовьев — гнездовий, копьев — копий, низовьев — низовий* и под.); у существительных сред. р., имеющих основу на [ц], конкурируют формы с флексиями *-ев/Ø* (*полотенцев — полотенец, волоконцев — волоконец* и др.); у существительных жен. р. с основой на мягкий или шипящий конкурируют формы с флексиями: *-ей/Ø* (*межей — меж, тётей — тёть, простыней — простынь* и т. д.) [26].

Группа имен существительных муж. р. «твердой» разновидности выделяется и по сравнительной многочисленности слов с колеблющимися формами род. п. и по значению этого колебания в системе их склонения. В самом деле, в рядах типа

копье (им. ед.) — *копьев*, *копий* } род. мн.

полотенце (им. ед.) — *полотенцев*, *полотенец* } род. мн.

межа (им. ед.) — *межей*, *меж* } род. мн.

при любом исходе колебаний различительная способность флексий род. мн. остается неизменной — меняется только их материальное выражение. Напротив, в рядах

нацмен (им. ед.) — *нацменов*, *нацмен* } род. мн.

микрон (им. ед.) — *микронов*, *микрон* } род. мн.

оказывается поколебленным самое грамматическое различение падежей и, в случае утраты окончания *-ов*, словоформы с нуле-

[26] К этим разрядам примыкают слова группы pluralia tantum типа: *купатов — купат, обоев — обой, оладьев — оладий, пяльцев — пялец, будней — буден, граблей — грабель* и проч.

вой флексией пополняют ряды межпадежных омонимов [27]. Предполагаемый рост не различающихся падежных форм на фоне отмеченных общих тенденций в словоизменении — «к ослаблению роли аффиксов как грамматических соединителей слов в предложении» [28]— придает своеобразную актуальность этой теме. Омонимические падежные формы различаются при помощи синтаксических средств, и в этом смысле увеличение числа падежных омонимов способствует развитию элементов аналитизма.

45. В системе падежных противопоставлений род. мн. имеет особенности, отличающие его от всех других падежных форм. Многими лингвистами отмечена историческая тенденция дифференцировать формы род. п. мн. ч. и им. п. ед. ч. противопоставлением нулевой и ненулевой флексии. Существительные с ненулевой флексией в им. ед. (*жена*, *воевода*, *окно*), имеют нулевую флексию в род. мн. (*жен*, *воевод*, *окон*) и наоборот — существительные с нулевой флексией в им. ед. (*мышь*, *стол*) имеют флексию в род. мн. (*мышей*, *столов*). (Ср. пары разных слов, различающиеся внешне только этим противопоставлением: *Жучка — Жучек* и *жучок — жучков*, *прищепка — прищепок* и *прищепок — прищепков* и т. д.

Однако существуют группы исключений, в которых установленное соответствие не выдерживается. Во-первых, это пары существительных, в которых оба падежа имеют ненулевую флексию: *плечико — плечиков*, *очко — очков*, *облако — облаков*, *поле — полей*, *юноша — юношей*, *платье — платьев*, *ноздря — ноздрей*, *двойня — двойней*, *левша — левшей*, *ханжа — ханжей*, *лыжня — лыжней*, *нюня — нюней*, *межа — межей* и т. д.

Другую группу исключений составляют ряды слов, в которых оба члена оппозиции имеют нулевую флексию. Р. О. Якобсон насчитывает их около 20 (в современной живой речи слов этой группы набирается до 200 — см. ниже). Вторая группа слов-исключений обращает на себя внимание полным отсутствием формального различителя им. ед. и род. мн. Почему у этих слов не возникала необходимость их отличать?

Прежде чем рассмотреть материал с этой стороны, следует четко очертить круг указанных слов в современном литературном языке.

Ряды слов, принимающих нулевую флексию в им. ед. и в род. мн., в современном языке подразделяются на две основные группы.

1. Пары словоформ, у которых различительную функцию выполняют ударение или особые суффиксы единичности: *во́лос* —

---

[27] У отмеченных слов сред. и жен р. один из колеблющихся вариантов в род. п. мн. ч. также принимает нулевую флексию (*копий*, *меж*, *полотенец* и т. д.), но у них ни одна наблюдаемая форма с нулевой флексией не совпадает с формой им. ед.

[28] «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата. 1962, стр. 61.

волóс, господин — господ, пуританин — пуритан, октябренок — октябрят и др.

По СБ суффиксальных образований такого рода сравнительно немного: с суффиксом *-ин* насчитывается 78 слов, с суффиксом *-онок* (*-енок*) — 68.

2. Пары словоформ, у которых формы им. ед. и род. мн. омонимичны, внешне неразличимы (см., например, новые слова, которые в род. мн. приняли или способны принять нулевую флексию: *нацмен, вольт, рентген, кед, гольф* в значении 'чулки до колен' и т. д.).

У большинства слов этого ряда в форме род. мн. выступает чистая основа. В эту группу входят и слова с опрощенной основой, у которых только этимологически восстанавливаются суффиксы единичности (*грузин, имеретин, лезгин, осетин, тушин* и др.), и слова, у которых конец основы по звучанию совпадает с окончанием основы у слов, имеющих суффиксы единичности и принимающих в род. мн. нулевую флексию (*алан, нганасан*, как *англичан*; *бесермян*, как *армян*; *авар, балкар*, как *болгар* и т. д.).

У многих из этих слов нулевая флексия в род. мн. в современном литературном языке рекомендована Академической грамматикой и словарями. В утверждении этой формы внешнее сходство окончания основы в род. мн. со словами, у которых в им. ед. имеется в качестве различителя форм суффикс единичности, сыграло решающую роль: благодаря сходству со словами первого разряда они подвергались воздействию аналогии в первую очередь.

В современной живой и письменной речи насчитывается около 200 слов с омонимичными формами им. ед. и род. мн. Взятая в абсолютной величине, эта цифра не кажется мизерной. Тем не менее в отношении к числу аналогичных существительных, имеющих в род. мн. окончание *-ов*, процент имен муж. р. с нулевой флексией сравнительно мал. Подсчитанная по 11 томам БАС (от А до П включительно), доля существительных с нулевой флексией по отношению к существительным с окончанием *-ов* составила немногим более 4%. Даже увеличенная за счет материала живой речи, в которой форма род. мн. с нулевой флексией представлена гораздо шире, чем это отражено в современных словарях и грамматиках, вычисленная доля существительных, способных принимать нулевую флексию, не превысит и 10%.

Тем не менее эта небольшая группа форм оказывается в современном русском языке продуктивной. Факт примечательный: статистически более весомые формы не могут помешать существованию и даже известной активизации форм немногочисленных, не цепких в силу определенных внутренних и внешних обстоятельств.

46. Слова с нулевой флексией в им. ед. и род. мн. в современном литературном языке не выходят за пределы узких лексико-семантических разрядов. Именно на этой основе формы род. мн.

с нулевой флексией классифицируются современными грамматиками [29].

По лексико-семантическому признаку выделяются следующие ряды слов.

а) Названия лиц по принадлежности к национальным, социальным, религиозным и иным группам: *куртин*, *кунгур*, *кюрин* (рекомендовано БАС); *лезгин* (рекомендовано БАС); *литвин*, чаще *литвинов*; *мадьяр* (форма рекомендована БАС); *маньчжур*, *мегрел, мингрел, монгол:*

Про монгол он не слышал — они вместе с киргизами укочевали в степь (В. Иванов, Возвращение Будды);

нацмен, *осетин*, *осман*, *орочон* (рекомендовано БАС) и мн. др.

б) Названия разнообразных единиц измерения: *алтын*, *ангстрем*:

Оказалось, что они (молекулы нуклеиновых кислот), как и все клетки растений и животных, имеют оболочку толщиной *до 100 ангстрем* («Неделя», 1962, № 15);

ампер, *аршин*, *бит*, *БЭВ*:

Так как антипротон в 10 раз тяжелее мезона, то и пороговая энергия его «рождения» много больше. Она оказывается равной примерно 6 млрд. *эв* или 66 *БЭВ* (В. Орлов, Малые ускорители);

ватт, *вольт*, *вольтампер*, *гаусс*:

Удерживающее поле равно 50 тыс. *гаусс*, при этом затрачивается мощность в 150 тыс. квт («Техн.— мол.», 1961, № 12) и др.

в) Названия овощей, плодов, вообще названия пищи, обозначающие единичные предметы, обычно измеряемые массами: *абрикос* (форма отмечена в устной речи), *апельсин* и некот. др.:

Вскипятить три стакана воды с $1^1/_2$ стаканами сахара и цедрой с двух *апельсин* (Поваренная книга, Рига, 1932).

г) Названия лиц по принадлежности к воинским соединениям. В современной речи многие из слов этой группы перешли в пассивный словарь, и примеры употребления форм с нулевой флексией у большинства из них относятся к XIX в.: *гардемарин, гренадер, гусар, драгун, кадет* и др.

д) Названия парных предметов: *ботинок, ботфорт*;

Вошел высокий человек с портфелем, весь в желтой коже, от картуза *до ботфорт* (Ф. Гладков, Цемент);

бот, бутс, валенок, гольф в значении 'чулки до колен' (форма отмечена в устной речи, объявлениях в магазинах: *гольф нет*); *кед*, *краг*:

От высоких английских *краг* завоняло дегтем (М. Шолохов. Рассказы).

---

[29] См.: «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1960; «Современный русский язык. Морфология». Изд-во МГУ, 1952; А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, I. Братислава, 1954.

47. Отношение им. ед. и род. мн. у слов типа: *один вольт/двести вольт*; *этот помидор/полкило помидор*; *высокий черемис/толпа черемис*; *один носок/нет носок* — не тождественно отношению тех же форм у слов типа *стол/столов*, *мальчик/мальчиков*, *дом/домов* и т. д.

Как известно, отношение форм ед. и мн. ч. у разных групп существительных может быть разнохарактерным. У существительных типа *стол/столы, мальчик/мальчики* отношение форм ед. и мн. ч. стандартно, т. е. формой ед. ч. чаще всего обозначается один предмет, формой мн. ч.— раздельное множество. При этом только форма ед. ч. может иметь значение, безотносительное к числу. Например, в предложении: *Им для работы нужен стол, стул и чернила* — форма *стол* может обозначать и один стол, и много столов; форма же мн. ч. не имеет такого общего, не связанного с числом значения (такое значение называют немаркированным) [30].

Но у некоторых разрядов слов соотношение форм ед. и мн. ч. является иным: форма мн. ч., помимо специального числового, может иметь и часто имеет общее значение (т. е. называет объект, не указывая, один он или их много), тогда как форма ед. ч. передает только значение единичности и в общем значении, безотносительном к числу, как правило, не употребляется. Таково, например, отношение форм ед. и мн. ч. в паре *ягода — ягоды*, где маркированной оказывается форма ед. ч., а не мн. ч.

К парам существительных с обратной маркированностью принадлежат все ряды слов, принимающих в род. мн. нулевую флексию: в качестве обобщенной, не указывающей числа у них выступает форма мн. ч., а не форма ед. ч.

В шумной фантасмагории дакарской ночи вокруг одних и тех же огней смешиваются представители различных этнических групп: *волофы, сереры, тукулеры, мандинго, сараколе* («За рубежом», 1961, № 7). Здесь форма мн. ч. используется не для указания множественности, а как общая форма, принятая для называния национальностей вообще, безотносительно к тому, обозначен ли в данном случае один представитель национальности или множество их; признак множественности в данном случае нейтрализован. Не случайно в словарях в качестве исходной для названия национальных или этнических групп приводится форма мн. ч.

Аналогичное отношение форм мн. и ед. ч. наблюдается и в группе существительных — единиц измерения (ср.: напряжение электрического тока измеряется *вольтами*), и в группе названия плодов, и в группе названий парных предметов (*кеды* — разновидность спортивной обуви) и т. д.

Заслуживают внимания факты отталкивания омонимичных форм, зарегистрированные орфоэпическим словарем. Если *аршин*

---

[30] О значении форм ед. и мн. ч. см. IV, § 110—116.

обозначает мерную линейку, то в соотношении форм им. ед. и род. мн. реализуется обычная модель: *складной аршин/несколько складных аршинов*. Но у слова *аршин* в качестве меры длины в род. мн. для передачи массифицированного значения утвердилась форма с нулевой флексией: *один аршин полотна/отрезать несколько аршин полотна.*

Как показывает обзор рядов слов с нулевой флексией в род. мн., по значению форм мн. ч. все существительные этих рядов тяготеют к группе pluralia tantum. В речевом потоке это выражается в том, что форма мн. ч., в частности форма род. мн., у них оказывается наиболее частотной, преобладающей. Проверка показала, что для некоторых из этих рядов вероятность встретить форму ед. ч. на 1000 падежных форм ничтожна. Так, форма ед. ч. у электрических единиц измерения в журнале «Электричество» встретилась 23 раза на 1000 форм; в потоке устной речи для слов типа *помидор*, *банан*, *гранат*, *апельсин* и проч. форма ед. ч. отмечена 11 раз на 1000 форм (подсчет форм производился в разных магазинах, где, всего вероятнее, можно было услышать форму род. мн.).

Несколько выше частотность форм ед. ч. у названий национальностей. Тем не менее и у них частотность форм род. мн. намного выше средней частотности форм род. мн. у всех разрядов существительных [31].

48. Преимущественная употребительность форм мн. ч. обусловила первостепенное значение формы род. мн. для этих слов: в силу малоупотребительности или почти полного отсутствия в речевом потоке формы им. ед. только по форме род. мн. и определяются родовые признаки слова и его принадлежность к определенному типу склонения. У многих из этих слов форма им. ед. оказывается производной от формы род. мн. Например, у слова *пьексы* (из финск. *pieksu* 'обувь с загнутыми носками для ходьбы на лыжах') в род. мн. по аналогии с другими словами из семантического ряда слов, обозначающих парные предметы, в частности обувь, утвердилась нулевая форма. Во всех современных словарях русского языка это слово приводится только в форме мн. ч., в СУ имеется специальная помета, что формы им. ед. у этого слова нет. Но в речи, очевидно, возникала иногда необходимость указывать форму им. ед. Исходя из стандартного отношения форм род. мн. и им. ед., составителями БАС была образована форма *пьекса* (от формы род. мн., ср.: *руки, рук — рука, головы, голов — голова*). Естественно, что в живой речи, если бы не было нормативной рекомендации, это слово колебалось бы и в форме им. ед. и в роде точно так же, как колеблется большинство слов группы парных предметов: *бот — бота, кед — кеда, ботфорт — ботфорта,*

---

[31] См. табл. 10.

манжет — манжета, сандалет — сандалета, штиблет — штиблета и т. д.

Итак, преимущественная употребительность формы мн. ч. у этих рядов слов повысила роль род. п.: из всех форм мн. ч. только род. п. может использоваться как опознавательный при определении рода и типа склонения. Родительный падеж мн. ч. оказался функционально более значительным, чем им. п. ед. ч.

49. Очевидно, история употребления грамматических форм в речи требует специальных приемов изучения. «Раритетный» метод собирания и представления материала не может служить средством решения этой задачи. Объект изучения заставляет учитывать не одни только редкие факты отклонения от стандарта, но прежде всего факты массового порядка. Наиболее эффективным в этом отношении представляется статистический метод. Он дает возможность охватить массовые факты, объективно представить их в виде чисел и снять близкую к истине копию сдвигов в употреблении конкурирующих форм, даже если изучаются языковые изменения за короткое время.

Заведомо известно, что полученные числовые отношения лишь приблизительно могут быть равны действительным отношениям, истинной вероятности событий. Динамику колебаний форм приходится характеризовать по ограниченным статистическим показателям и лишь с известной мерой точности. При этом не все факты в одинаковой степени доступны подсчету. Из выделенных семантических групп удалось сосчитать в определенных видах письменной и устной речи названия лиц по принадлежности к национальностям, единицы измерения, названия овощей и плодов.

Далее приводятся результаты подсчетов по названиям национальностей в письменных источниках (см. табл. 10).

Для подсчета и количественного сопоставления названий национальностей привлечены по двум синхронным срезам однородные сквозные издания, в которых частотность этих слов казалась более значительной по сравнению с другими письменными источниками [32].

В список включались те лексемы, у которых хоть однажды в просмотренных текстах была отмечена дублетная форма на *-ов* или без окончания. Случаи типа *грузин, цыган, мадьяр* или *калмыков, белорусов* в таблицу не включались, так как у них не было отмечено в род. мн. форм *грузинов, цыганов, мадьяров* или *калмык, белорус*. Однако малоупотребительные или малоизвестные названия национальностей, если они относились к определенному словообразовательному типу с колеблющимся окончанием, например *удин, трухмен, алдар* и проч., в таблицу включены,

---

[32] Список их см. в статье: Л. К. Граудина. О нулевой форме родительного множественного у существительных мужского рода.— В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 199.

Таблица 10

№ пары слово-форм	Названия национальностей в форме род. мн.	Количество отмеченных форм	
		ø	-ов
		1890—1916 гг.	20—50-е годы
	-ин		
1	*Абазин/абазинов*	1/0	17/1
2	*Жмудин/жмудинов*	0/5	—
3	*Имеретин/имеретинов*	4/0	2/1
4	*Куртин/куртинов*	1/0	—
5	*Кюрин/кюринов*	1/0	—
6	*Лезгин/лезгинов*	5/0	34/1
7	*Литвин/литвинов*	0/1	—
8	*Мордвин/мордвинов*	—	0/1
9	*Русин/русинов*	1/14	1/0
10	*Тушин/тушинов*	10/0	6/0
11	*Удин/удинов*	0/1	15/1
	-ан		
12	*Алан/аланов*	—	2/0
13	*Долган/долганов*	—	30/34
14	*Луораветлан/луораветланов* . .	—	0/3
15	*Нганасан/нганасанов*	—	57/22
16	*Нымылан/нымыланов*	—	0/1
17	*Осман/османов*	1/0	—
18	*Сван/сванов*	—	0/4
19	*Табасаран/табасаранов* . . .	—	1/0
	-мен		
20	*Бесермен/бесерменов*	1/0	1/0 (в форме *бесермян*)
21	*Бушмен/бушменов*	0/1	0/1
22	*Туркмен/туркменов*	100/1	100/10
23	*Трухмен/трухменов*	9/0	0/1
	-ат (-ят)		
24	*Бурят/бурятов*	100/3	100/1
25	*Кроат/кроатов*	0/1	—
	-ар		
26	*Авар/аваров*	0/3	—
27	*Алдар/алдаров*	1/0	—
28	*Балкар/балкаров*	1/0	1/0
29	*Бахтиар/бахтиаров*	—	0/9
30	*Салар/саларов*	3/12	—
31	*Тофалар/тофаларов*	—	0/63
32	*Тохар/тохаров*	—	0/6

ИРЯ
институт русского языка
им. В.В. виноградова
www.ruslang.ru

Таблица 10 (окончание)

№ пары слово-форм	Названия национальностей в форме род. мн.	Количество отмеченных форм	
		ø	*-ов*
		1890—1916 гг.	20—50-е годы
33	*Хазар/хазаров*	2/0	3/0
34	*Кунгур/кунгуров*	1/0	—
35	*Маньчжур/маньчжуров*	3/4	16/9
36	*Уйгур/уйгуров*	0/10	9/10
37	*Хевсур/хевсуров*	4/3	23/12
38	*Цахур/цахуров*	—	1/8
	Разные		
39	*Айсор/айсоров*	1/6	2/2
40	*Алеут/алеутов*	1/4	0/11
41	*Арнаут/арнаутов*	—	0/3
42	*Башкир/башкиров*	100/9	100/1
43	*Бельтыр/бельтыров*	1/0	—
44	*Буртас/буртасов*	—	2/11
45	*Вогул/вогулов*	32/100	0/3
46	*Гагауз/гагаузов*	1/34	0/16
47	*Гиляк/гиляков*	2/67	0/17
48	*Ижор/ижоров*	—	3/0
49	*Кайбал/кайбалов*	1/1	—
50	*Карагас/карагасов*	0/4	27/1
51	*Карел/карелов*	2/9	100/1
52	*Картвел/картвелов*	—	1/0
53	*Киргиз/киргизов*	56/100	27/100
54	*Монгол/монголов*	3/100	18/100
55	*Нацмен/нацменов*	—	4/0
56	*Ойрат/ойратов*	—	0/5
57	*Орочон/орочонов*	0/1	1/0
58	*Сарт/сартов*	1/5	1/2
59	*Сванет/сванетов*	1/4	—
60	*Сойот/сойотов*	12/2	0/1
61	*Тюрок/тюрков*	4/13	7/17
62	*Черкес/черкесов*	1/20	22/17
63	*Черемис/черемисов*	100/14	2/0
64	*Юкагир/юкагиров*	0/5	2/22
65	*Якут/якутов*	3/100	0/100
	Всего:		
	суффиксальные	249/59	416/213
	разные	322/598	315/413
	В сумме	571/657	731/626

так как самый выбор какой-нибудь из форм для этих редких слов представляет определенный интерес.

Чтобы обеспечить, насколько это возможно, равную представительность данных по разным словоформам, казалось необходимым соблюдать следующее условие. Сообразуясь со средней частотностью форм род. мн. у названий национальностей, целесообразно было за один хронологический отрезок для самых частотных лексем набирать не более ста преобладающих форм, после чего подсчет обоих вариантов прекращался. Например, для слова *карел* в 30—60-е годы XX в. подсчет обоих вариантов форм род. мн. был прекращен, как только было набрано сто преобладающих (с нулевой флексией) форм род. мн. То же для слов *туркмен, монгол, башкир, киргиз* и т. д. (см. табл. 10). Несоблюдение этой меры может привести к значительному искажению общего отношения форм с окончанием и без него. Выделенные хронологические рамки определены особенностями материала. Более дробное деление (например, по десятилетиям) осуществить было невозможно в силу сравнительно малой частоты форм род. мн. у названий национальностей. Укрупнение частот в ущерб хронологической детализации оказалось неизбежным.

50. Выпишем общие итоговые данные отдельно для форм с нулевой флексией и для форм на *-ов* (см. табл. 11).

Таблица 11

		1890—1916 гг.	1920—1950 гг.	Всего
	Абсолютные числа	%	%	%
ø	1302	22,1	28,3	50,4
-ов	1283	25,4	24,2	49,6
Всего	2585	47,5	52,5	100

Судя по табл. 11, отношение форм с нулевой и ненулевой флексиями видоизменилось в сторону преобладания нулевой флексии к 50-м годам XX в., тогда как в конце XIX—начале XX в. преобладали формы на *-ов*: употребительность форм с нулевой флексией, по этим данным, повысилась (на 6,2%). При всей отчетливости общего направления эволюции данные не столь уж контрастны, как можно было бы ожидать.

Известно, что одним из характерных свойств, присущих массовым (случайным) событиям, является их количественное рассеивание, связанное с многообразием действующих факторов, которые управляют случайными событиями. Поэтому возникает

предположение, что количественное различие в соотношении форм в первый и второй периоды могло быть получено за счет случайных обстоятельств и не связано с фактором времени, тем более, что выраженная в процентах разница не столь резка.

Полученные фактические данные в результате статистической проверки позволили считать неосновательным предположение о случайности различия в частоте употребления форм с нулевой флексией. Проверка проводилась с консультацией научного сотрудника кафедры теории вероятности МГУ М. Е. Ратнер.

Ход расчетов был следующим (за успех считаем употребление нулевой формы). Из опытных данных известно (звездочкой помечается эмпирическая частота):

$$n_1 = 1228; \qquad p_1^* = \frac{571}{1228} \approx 0{,}46$$

$$n_2 = 1357; \qquad p_2^* = \frac{731}{1357} \approx 0{,}54.$$

Задаемся уровнем значимости $\alpha = 0{,}05$.

Критическая область для проверки нулевой гипотезы $p_1^* = p_2^*$ на уровне значимости α при сравнении с альтернативной гипотезой $p_1^* < p_2^*$ определяется равенством

$$v = (2\arcsin\sqrt{p_1^*} - 2\arcsin\sqrt{p_2^*}) \cdot \left(\frac{1}{n_1} + \frac{1}{n_2}\right)^{-\frac{1}{2}} > U_{1-\frac{1}{2}\alpha}.$$

Подставляем числовые значения:

$$(2\arcsin\sqrt{0{,}46} - 2\arcsin\sqrt{0{,}54}) \cdot \left(\frac{1}{1228} + \frac{1}{1357}\right)^{-\frac{1}{2}} > U_{1-\frac{1}{2}0{,}05}$$

$$\Phi(U) = p\{\xi < |x|\} = \alpha; \quad U_\alpha = 1{,}96.$$

Найдя значение $2\arcsin\sqrt{0{,}46} = 0{,}49071$ и $2\arcsin\sqrt{0{,}54} = 0{,}65088$ и подставив числовые значения, полученные из таблиц, в неравенство, решаем его:

$$\left|(0{,}49071 - 0{,}65088) \cdot \frac{1}{\sqrt{\frac{1}{1228} + \frac{1}{1357}}}\right| > 1{,}96.$$

В результате подсчета левой части получим:

$$|4{,}06| > 1{,}96.$$

Сосчитанное число по абсолютной величине оказалось намного больше, чем значение нормально распределенной случайной величины, соответствующей $p = 0{,}975$, и нулевая гипотеза $p^*_1 = p^*_2$ бракуется в пользу гипотезы $p^*_1 < p^*_2$.

Тем самым остается признать допустимой гипотезу о росте употребительности формы с нулевой флексией.

Судя по данным таблиц, формы с нулевой флексией оказываются самыми многочисленными и устойчиво преобладающими у суффиксальных существительных, прежде всего у слов с основой на *-ин*, *-мен*, *-ят*. Например, общее отношение форм с нулевыми и ненулевыми флексиями у суффиксальных существительных в конце XIX — начале XX в. составило 249/59, в 20—50-е годы XX в.— 416/213. Данные подтверждают старую мысль о воздействии аналогии: в зону наибольшего влияния форм с нулевой флексией попадают слова, родственные по семантике и внешнему облику существительным-сингулятивам, имеющим в им. ед. суффикс единичности (*болгарин*, *англичанин* и т. д.), а в род. мн.— нулевую флексию.

Естественно, что у наиболее ярких аналогов — слов с окончанием основы на *-ин* — колебания носят односторонний характер: в сторону приобретения нулевой флексии; колебаний в обратном направлении (в сторону флексии *-ов*) почти не наблюдается. Отмечены только два случая устойчивой флексии *-ов* — у слов *литвин* и *жмудин* (род. мн. *литвинов*, *жмудинов*).

51. Под влиянием все более строгой редакционной корректуры в письменных текстах последних десятилетий отклонения от правил, сформулированных в грамматике, встречаются реже, чем в начале XX в. или в 20-е годы. В устной речи названия национальностей употребляются сравнительно редко (ср. другие бытовые слова: названия овощей, фруктов, единицы измерения типа *грамм* и под.). Влияние книжности наложило отпечаток на современное формоупотребление этих слов. В данных вопросника четко отражается распределение частот форм с флексией *-ов* и форм с нулевой флексией в названиях национальностей в соответствии с существующими правилами. (Однако стопроцентного предпочтения какой-либо из форм нет.) Приводимые ниже данные ответов на вопрос сгруппированы по трем возрастным группам (поколение до 1929 г., поколение 30-х и поколение 40-х годов) и шести словоформам: *грузинов — грузин*, *бурятов — бурят*, *башкиров — башкир*, *туркменов — туркмен*, *киргизов — киргиз*, *монголов — монгол*[33] (см. табл. 12).

По этим данным наивысшая частота формы с нулевой флексией наблюдается у слов *грузин*, *бурят*, *башкир*, т. е. большинство ответивших употребляют эти слова в соответствии с правилами. Не противоречит правилам и то, что господствует форма *киргизов* и *монголов*, а не форма *киргиз* и *монгол*. Только у слова

---

[33] В этой главе в таблицах количественные характеристики представлены в форме частот. Отношения частот у вариантов равносильны процентным, понятие же частоты (а не %) было необходимо ввести для решения отдельных статистических задач, использованных в этих главах. Соответствующие объяснения см. в отдельных статьях, где задачи изложены подробно (статьи указаны в примечаниях).

Таблица 12

Возрастная группа	Лексема					
	грузинов	*грузин*	Частота	*бурятов*	*бурят*	Частота
До 1929 г. . .	131	859	0,868	205	776	0,792
30-е годы . .	230	1073	0,816	447	844	0,654
40-е годы . .	349	1308	0,789	617	1027	0,625

Возрастная группа	Лексема					
	башкиров	*башкир*	Частота	*туркменов*	*туркмен*	Частота
До 1929 г. . .	286	694	0,709	436	522	0,544
30-е годы . .	398	879	0,689	599	636	0,515
40-е годы . .	615	1009	0,622	838	686	0,450

Возрастная группа	Лексема					
	киргизов	*киргиз*	Частота	*монголов*	*монгол*	Частота
До 1929 г. . .	880	98	0,102	774	206	0,210
30-е годы . .	1169	124	0,099	1043	250	0,193
40-е годы . .	1457	179	0,108	1299	341	0,207

туркмен обе формы равновероятны (при установленной в словарях и грамматиках норме *туркмен*).

Статистический анализ помог проследить динамику нулевой флексии в двух разрядах слов — у единиц измерения и названий национальностей. У новых существительных — единиц измерения — наиболее бурный перелом в употреблении форм наблюдается в 90-е годы XIX в., прежде всего в группе названий электрических единиц[34]. Вместо первоначальных форм *вольтов, амперов, ваттов, омов* утвердились формы с нулевой флексией *вольт, ампер, ватт, ом.* С развитием новых технических и научных знаний за последние десятилетия появилось множество новых единиц из-

[34] Подробности их истории описаны в статье: Л. К. Граудина. Развитие нулевой формы родительного множественного у существительных — единиц измерения.— В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 210.

мерения — *эрстед*, *максвелл*, *гильберт*, *ньютон*, *микрон*, *рентген*, *радион*, *стерадион*, *эман*, *бит* и т. д., которые при своем появлении принимали нулевую флексию по аналогии с предшествующими единицами измерений. Утвердившись в продуктивном классе технических терминов, нулевая флексия расширила зону своего влияния. Бытовые единицы измерений веса *грамм*, *килограмм* в устной речи употребляются в подавляющем большинстве также с нулевой флексией. По записям речи в магазинах в 1962—1965 гг. отмечено 400 случаев употребления формы *грамм* (*сто грамм*, *двести грамм* и под.) и 50 форм *килограмм* — не встретилось ни одной формы с флексией *-ов*.

52. Обращает на себя внимание контрастность форм с нулевой и ненулевой флексиями в разных видах речи. В письменной речи под воздействием правила, сформулированного в редакторско-корректорских справочниках, в настоящее время употребляются исключительно формы *граммов* и *килограммов*. И только в стихах и в деловой речи, в объявлениях, на вывесках и этикетках, в меню — словом, в письменных жанрах, подверженных менее строгому редактированию,— просачиваются устные усеченные формы:

В дыму ленинградское небо.|Но горше смертельных ран|Тяжелого хлеба, |Блокадного хлеба|Сто двадцать пять грамм| (Р. Рождественский, Хлеб); Ох, да у Маши сын родился|На шесть с лишним *килограмм*... (Частушка, телепередача, 1964).

Большинство говорящих руководствуются правилом: «напишу *граммов*, скажу *грамм*» (из ответа на морфологический вопросник).

Раздвоенность письменной и устной нормы вызывает резкие колебания. По данным вопросника, у молодых поколений обе формы *граммов* и *грамм*, *килограммов* и *килограмм* равновероятны, т. е. употребляются с частотой, близкой к 0,5 (форма *грамм* несколько употребительнее, чем форма *килограмм*).

Данные вопросника по отдельным возрастным группам в ответах на следующее предложение: Я купил 400 (*граммов* или *грамм*) масла и 5 (*килограммов* или *килограмм*) картофеля см. в табл. 13.

Таблица 13

Возрастная группа	Варианты ответов					
	граммов	*грамм*	Частота	*килограммов*	*килограмм*	Частота
До 1929 г. . .	525	453	0,461	531	439	0,452
30-е годы . .	622	680	0,522	609	685	0,529
40-е годы . .	821	840	0,506	789	875	0,520

У среднего поколения частоты вариантов варьируются по отдельным профессиональным группировкам. Самой высокой частотой разговорной формы с нулевой флексией характеризуется группа рабочих (для форм *грамм* и *килограмм*) — 0,6; самая высокая частота письменной формы (*граммов, килограммов*) отмечена среди писателей (для *граммов* — 0,726, *килограммов* — 0,788) и филологов (для обеих форм — 0,6).

53. Другие разряды слов, к сожалению, оказались малодоступными статистическому изучению или в силу их малоупотребительности в письменных текстах, или ввиду отсутствия удобных для анализа сквозных источников.

Тем не менее сразу заметны некоторые смещения в форме род. мн. у отдельных слов других разрядов. Так, в грамматиках начала XX в., регистрирующих современное им формоупотребление, считались литературными формы *сапогов, чулков, валенков* и даже *яблоков,* хотя наряду с этими вариантами допускались и формы с нулевой флексией. Например, в «Учебнике грамматики русского языка» Е. Ф. Будде находим: «Слова: *пуд, турок, алтын, сапог, чулок* имеют и формы на *-ов,* и формы на *-ъ* в современном нам литературном языке». И дальше: «Слова *яблоко, очко, облако* в род. п. мн. ч. имеют *-ов,* как в мужском роде: *яблоков* (но и: *яблок*), *очков, облаков*»[35]. Такие же сведения приводятся в «Учебнике русской грамматики» С. И. Абакумова: «Слова: *алтын, сапог, чулок* и *пуд* имеют параллельные формы: *пара сапог* и *пара сапогов, пять алтын* и *пять алтынов*»[36]. Даже в «Очерках грамматики русского литературного языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова[37] формы *сапогов* и *яблоков* допускались как литературные.

Случаи употребления форм *валенков, сапогов, чулков, яблоков* в художественной литературе относятся в основном к XIX—началу XX в.; отмечены они также у писателей старшего поколения в XX в. (А. Чехов, В. Короленко, А. Серафимович и др.). В современной литературной речи формы с *-ов* неупотребительны. Из этого ряда пока еще уцелела форма *носков.* По данным вопросника, она количественно преобладает в речи старшего поколения, в речи молодежи обе формы — *носков* и *носок* — равновероятны (при записи речи в магазинах отмечены преимущественно формы с нулевыми флексиями).

Распределение количественных данных по вопроснику см. в табл. 14[38].

---

[35] Е. Ф. Будде. Учебник грамматики русского языка. М., 1914, стр. 114.

[36] С. И. Абакумов. Учебник русской грамматики. Л., 1925, стр. 32.

[37] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерки грамматики русского литературного языка. М., 1945, стр. 124—126.

[38] Подробный математико-статистический анализ по паре *носков — носок* см. в статье: Л. К. Граудина. Носков или носок? (об одном приеме исследования). «Вопросы культуры речи», вып. 6. М., 1965.

Таблица 14

Возрастная группа	Варианты ответов					
	Носков — носок			*Кедов — кед*		
	носков	*носок*	Частота	*кедов*	*кед*	Частота
До 1929 г. . .	552	328	0,372	373	398	0,516
30-е годы . .	601	575	0,488	380	787	0,675
40-е годы . .	767	744	0,492	433	1129	0,723

Форма *носков* исчезает в первую очередь из речи рабочих, служащих, интеллигентов с нефилологическим образованием; писатели и филологи среднего поколения последовательнее удерживают традиционную форму.

Характерно, что новые слова из этого разряда при своем появлении приобретают нулевую флексию; ср. недавно распространившееся название спортивной обуви: *кед* (им. ед.) — *кед* (род. мн.). Сюда же можно отнести слово *гольф*.

54. Форма с нулевой флексией настойчиво утверждается у названий овощей и фруктов: *баклажан, помидор, мандарин, апельсин*. По записям в магазинах (1962—1963 гг.) отмечены следующие колебания форм: *абрикос — абрикосов* 45/5 (цифра слева обозначает число форм с нулевой флексией, справа — форм на *-ов*), *апельсин — апельсинов* 100/0, *банан — бананов* 11/39, *баклажан — баклажанов* 100/0, *гранат — гранатов* 48/2, *мандарин — мандаринов* 47/3, *помидор — помидоров* 394/6. Судя по выборке, в устной речи преобладает форма с нулевой флексией. Однако данные вопросника обнаруживают более сложные закономерности.

Данные вопросника по отдельным возрастным группам см. в табл. 15.

Прежде всего заметна привязанность формы с нулевой флексией к отдельным лексемам: почти безраздельно употребляется форма с нулевой флексией *баклажан, помидор* (у поколения 40-х годов частота форм *баклажанов, помидоров* составила лишь $\approx 0{,}3$); несколько реже употребляются формы *мандарин* и *апельсин* — они почти равновероятны с конкурирующей формой *мандаринов, апельсинов*, тогда как в выборке из устной речи эти формы единичны. По данным вопросников заметен также рост употребительности форм с нулевой флексией от поколения к поколению; форма на *-ов* привычнее людям старшего возраста.

Распределенность вариантов в отдельных социально-профессиональных группах аналогична вышеприведенным примерам: в группе рабочих, служащих и студентов активнее действуют

Таблица 15

Возрастная группа	Варианты ответов					
	баклажанов	*баклажан*	Частота	*помидоров*	*помидор*	Частота
До 1929 г. . .	362	628	0,627	489	497	0,504
30-е годы . .	468	832	0,649	492	812	0,622
40-е годы . .	610	1045	0,632	553	946	0,631

Возрастная группа	Варианты ответов					
	мандаринов	*мандарин*	Частота	*апельсинов*	*апельсин*	Частота
До 1929 г. . .	579	401	0,409	684	285	0,294
30-е годы . .	552	747	0,575	730	550	0,429
40-е годы . .	686	798	0,537	890	579	0,396

новые нормы употребления, с преобладанием нулевой флексии; в группе писателей и филологов частота формы на *-ов* несколько выше.

Все эти факты свидетельствуют о том, что происходит хотя и медленный, но неуклонный процесс смены традиционной нормы. Сложившиеся некогда привычки меняются. Новая стихийная практика приводит к переоценке грамматических норм.

Из двух существующих возможностей в момент акта речи наши современники предпочитают у этих слов форму с нулевой флексией, а не форму на *-ов*. В этом отношении показательны ответы на вопрос (из морфологического вопросника):

«Как бы Вы отнеслись к введению правила, согласно которому существительные — названия национальностей: *башкир, абазин, бурят, туркмен, турок, цыган, мордвин, грузин, осетин и т. д.*, а также слова типа *гренадер, гусар, драгун, кирасир, партизан* и т. д.— в родительном падеже множественного числа будут употребляться с окончанием *-ов*, а не без окончания, как это принято сейчас, т. е. надо будет говорить *много башкиров, туркменов, партизанов*, а не *много башкир, туркмен, партизан*?»

Литературовед ответил: «Равнодушно». Переводчик: «Предоставляю решение этого вопроса специалистам». Журналист: «Что даст это нововведение?». Такой тип ответов характерен, однако, для меньшинства. Большинство же (примерно поровну) активно высказывались «за» или «против» этого правила. Ос-

новной аргумент всех, выступивших за введение правила,— стремление к унификации: «Единообразное написание этих существительных намного облегчило бы усвоение правила» (журналист).

Часть отвечающих, также ратующих за единообразие, предлагает принять усеченную форму: «Не оставить ли для всех усеченную форму?» (журналист). «Лучше без окончания на *-ов*» (писатель). Но подавляющее большинство желало бы все оставить по-прежнему; многие при этом вступаются в защиту формы с нулевой флексией. Интересно, что склонность к этой форме у многих профессиональна. Поэт В. Боков пишет: «Оставить форму *башкир, партизан*. Это очень красивая, энергичная форма, и поэтам нужна как хлеб». «Шли лихие эскадроны|Приамурских партизан...» Так пусть и остается» (поэт А. Жаров). «Если бы в 1910 году синий кирасир услышал бы форму *кирасиров*, он отсек бы обидчику голову!» (офицер в отставке). «Форма с *-ов* избыточна, поэтому краткая форма предпочтительнее» (математик). «Не стоит. Усложнит и замедлит речь. Думаю, что *-ов* все равно отомрет» (журналист).

55. Итак, увеличивается употребительность нулевых флексий в род. мн. у существительных муж. р., обладающих определенными семантико-грамматическими признаками.

В современной литературной речи слова этой группы обычно используются при назывании количества предметов и лиц; обозначают или измеряемые (и измеряющие) предметы, или парные предметы, или массовидные предметы и собирательные понятия, для обозначения которых используется только форма мн. ч. Ничего не зная о существительном муж. р., кроме его значения, можно судить, возможны ли в нем колебания в форме род. мн. Так, слово *пурпурин* (красящее вещество) не попадает в ряды колебющихся, но слово *кюрин* (название кавказской народности) может ее принять, точно так же, как ее может принять и слово *пурины* (сложные органические соединения); слово *пузан,* видимо, никогда не будет иметь в род. мн. нулевую флексию, но слова *цыган*, *эман* (единица измерения), *банан* ее имеют.

Лексико-семантические особенности этих слов определили их грамматические отличия: у большинства из них форма мн. ч. оказывается преобладающей, а в некоторых разрядах слов и единственной.

56. Процесс обособления формы род. мн. идет еще глубже сочетаниях с числительными. В некоторых случаях в сочетаниях с числительными форма с нулевой флексией как бы теряет свои падежные признаки. Если принята форма с нулевой флексией, скажем, в следующем сочетании: одна буква русского языка несет информацию в 5 *бит* (А. Кондратов, Биты, буквы, поэзия),— то не покажется странным, если автор скажет: не будь этого, информация, содержащаяся в одной букве русского язы-

ка, была бы равна 5 *бит*. Действительно, в литературе имеются примеры, когда в сочетании с числительными окаменевшая форма с нулевой флексией род. мн. используется, например, в пр. п.: в разделе объявлений журнала «Электричество» читаем: «Машины фирмы Ганц и К⁰ поставлены фирмою М. М. Подобедова: ...2 машины переменного тока по 20 000 *уатт* при 2000 *вольт*, 2 машины постоянного тока по 4000 *уатт* при 400 *вольт*». В предложных конструкциях, где центр тяжести перенесен с падежей на предлоги, процесс грамматического застывания слова (неизменяемости), процесс универсализации форм с нулевой флексией кажется еще более естественным.

Необходимо указать еще одну черту, связанную с отмеченным фактом. Форма род. мн. с нулевой флексией оказывается удобной для всех слов, которые в каких-нибудь иных ситуациях и значениях употребляются как неизменяемые. Например, существуют неизменяемые прилагательные типа *чулки гольф, дама пик, король треф* (см. IV, § 73—88). Если они употреблены в качестве существительных и должны изменяться по падежам (ср. *в гольфах, пики-козыри*), в форме род. мн. они принимают нулевую флексию (*в продаже гольф нет*; *у партнера не было треф*).

Развитие аналитизма в падежных формах числительных. 57. С развитием отвлеченных форм мышления в области специальных наук: математики, физики, кибернетики,— с ростом технического прогресса очень возросла в профессиональной речи роль числа, вернее, его символических заменителей.

Усиленное функционирование знаковых обозначений чисел привело к микросдвигам в отдельных формах числительных. Эти изменения зародились вначале в специальном употреблении; некоторые из них проникли в разговорную бытовую речь; некоторые через газеты и журналы — в общелитературное употребление. Единая тенденция к аналитизму и агглютинативности, определяющая направления основных морфологических процессов в классе числительных, по-разному проявляется в отдельных разновидностях литературного языка.

Современный научный математический язык отличается значительным своеобразием в употреблении словесных математических и арифметических обозначений. Сдвиги в употреблении числительных проходили по мере усиления тенденции к стандартизации математического языка[39]. В литературном языке эти

[39] «Формализация математического языка проводилась исходя... из уточнения и стандартизации привычных лексических и синтетических средств языка: логические связки заменили союзы, функциональное обозначение было введено для описания отношения и между подлежащим и сказуемым (в теории предикатов), так называемые кванторы заменили употребление слов «все», «некоторые», а в модальной логике даже выражения «возможно», «необходимо», «разрешено» и т. д. Здесь... мы можем указать многочисленные

сдвиги упрочивались вместе с актуализацией математических знаний среди широких масс.

58. Символический язык математики отдает предпочтение наиболее лаконичным неизменяемым морфологическим средствам. Так, слова *минус, плюс, минимум, максимум* заменили соответствующие флективные *отнять, прибавить, наименьший, наибольший;* название теоремы *минимакс* является сложением усеченных частей слов *минимум* и *максимум*; полуаббревиатурное *ПП-формула* предпочитается сочетанию *правильно построенная формула* и под.

Терминологическое значение слов *плюс, минус, максимум, минимум,* их специфическое функционирование в языке математики оказало известное влияние и на их общелитературное употребление. Являясь «математическим показателем при названии числа или предмета» [40], слова *плюс* и *минус* выпадают из системы грамматических категорий. Ср.: *температура плюс двадцать восемь в тени.* Слова *минус* и *плюс* в таких словосочетаниях примыкают к числительному как его неизменяемые определители. Их аграмматизм (в традиционном смысле) становится очевидным в сочетаниях с предлогами: температура поднималась *до плюс* тридцати, падала *до минус* пятидесяти. В сочетаниях с предлогами традиционные нормы требуют появления флексии (*до минуса, до плюса*), однако знаковая математическая сущность этих определителей заставляет сохранить их неизменность. Употребления такого рода свойственны литературному языку XX в., в XIX в. они не отмечены.

Слова *максимум* и *минимум* в значении 'наибольшая или наименьшая степень какого-л. количества или качества' входили в общелитературное употребление из физико-математической терминологии в последней трети XIX в. По своему значению они также выступали как определители, но не только при числитель-

---

аргументы в пользу тезиса, согласно которому словесная форма изложения математики предшествует постепенному созданию формально-символического языка и является его основой» (Л. А. Калужнин. Об информационном языке для математики.— В кн.: «Прикладная лингвистика и машинный перевод». Киев, 1962, стр. 26). К аналогичным выводам приходит и автор другой работы: «Развитие математического языка идет в направлении все усиливающейся формализации его элементов. Вначале этот процесс происходит только в самом языке: образуются устойчивые, часто повторяющиеся сочетания, ряд слов выкристаллизовывается в понятия, наблюдается селекция грамматических форм и конструкций, образуются типичные модели построения рассуждения. Затем... формализация становится глобальной, охватывает теперь уже не только элементы языка, но и построение всего произведения. Необычайно развивается символика... Словесная аргументация... отходит на задний план, уступая место весьма формализованным знаковым схемам» (М. Б. Воробьева. Об этапах развития французского математического языка.— В кн.: «Особенности языка научной литературы. Романо-германская филология». М., 1965, стр. 158).

[40] В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М.— Л., 1947, стр. 290.

ном (подобно словам *плюс* и *минус*), а и при существительном. В конце XIX — начале XX в. эти слова обычно писались латиницей, т. е. воспринимались еще как чужеродные:

При первом способе я рассчитываю получить около $^1/_3$ валовой суммы, а то и больше; а при втором надо для такой получки назначить *minimum* 75 руб. за лист... (В. И. Ленин, Письмо М. А. Ульяновой, А. И. Ульяновой-Елизаровой и М. Т. Елизарову, 6 дек. 1908); Но *minimum* литературных дружб — там отравишься и заболеешь (А. Блок, Дневник, 1911).

Пример терминологического употребления:

[Так объясняются] неправильные колебания и двойные *maximum* и *minimum* в суточном изменении электрических напряжений («Электричество», 1885, № 19—20).

На протяжении XX в. эти слова закрепились в основном в словосочетаниях с существительным в препозиции — *максимум усилий, максимум энергии, максимум прибыли* и под.— и в постпозиции в функции аналитического прилагательного: *программа-максимум, программа-минимум, термометр-максимум,* а также в роли неизменяемых модальных слов: *нужно минимум* — или: *как минимум три дня* и под.

Так неизменяемость в первоначальном терминологическом употреблении сказалась и на общелитературной судьбе этих слов.

59. В математических работах рассуждения заменяются рядом длинных формул, выраженных языком символов. Складывается международный язык, в котором содержательный смысл передается последовательностью чтения символов. Скажем, выражение $\mathrm{Ext}^1_{\Lambda}(A_1\mathrm{Ext}^1_{\Gamma}(B_1C)) \approx \mathrm{Ext}^1_{\Gamma}$ и т. д. математик читает следующим образом: «Экст первая лямбда от а и экст первая гамма бе це эквивалентно экст первая гамма»... и т. д. В этом чтении важен синтаксис, а не морфология; создается стандарт синтаксической схемы, в котором строгой закрепленностью места возмещается отказ от ненужной изменяемости форм [41].

Под влиянием профессиональной несклоняемости буквенных обозначений в устной речи математиков (а затем — и нематематиков) перестают склоняться их числовые словесно выраженные эквиваленты. Так прочтение неизменяемых символов типа $a — b = c$ или $x + y = a + b$ и под. влечет неизменяемость их численных аналогов (выраженных словесно).

---

[41] Предельная грамматическая неизменяемость достигается в международных языках группы Алгол, где фразы записываются последовательностью сгруппированных символов. Строго, до малейших деталей разработан синтаксис такого языка, морфология же в смысле средств и способов грамматического согласования сведена к минимуму. Она осуществляется синтаксическими средствами и существует в форме набора некоторых (строго оговоренных) предложных конструкций, все другие морфологические средства сведены к нулю.

Это подтверждает эксперимент. 25 математикам 30-х и 40-х годов рождения и 25 нематематикам примерно того же возраста было предложено прочитать следующий ряд буквенных и числовых математических выражений [42]:

1) $a = \frac{1 + \sqrt{5}}{2}$;
2) $x - 2b = -y$;
3) $10 + 1 = 5 + 6$;
4) $x - y \neq a + b$;
5) $1 + 2 \neq 6 + 7$;
6) $8 - 1 = 7$;
7) $55 + 35 = 90$;
8) Для переправы n пар требуется не менее $(3n - 2)$ переездов.

Проверялась склоняемость обозначений неизвестных величин: *равно игреку* или *равно игрек*, *равняется семи* или *равняется семь* и т. д.

Результаты опроса показали, что математики, как правило, не склоняют приведенные выражения, т. е. читают так: *икс минус два бэ равно минус игрек; десять плюс один равно пять плюс шесть; один плюс два не равно шесть плюс семь; восемь минус один равно семь* (очень немногие ответили: *равно семи*); *пятьдесят пять плюс тридцать пять равно девяносто*; требуется не менее *три эн минус два переездов*.

На вопрос «почему Вы не склоняете числительные?», который задавался после того, как было записано чтение текста, получены интересные ответы. Вот типичные из них:

— У нас такой принцип: говорить как можно ближе к тому, как написана сама формула. Пишут: *равно семи*, но говорят, если в формуле, *равно семь*. Говорю, как читаю.

— В формулах нужна большая точность. Все знаки и цифры надо читать в им. п. Поэтому числительные не склоняем. $A + B = x_2$. Я говорю: *а плюс бэ равно икс два*; $a_3 + b_3 = 2c$, я произношу: *а три плюс бэ три равно два цэ, а не двум цэ*.

— Принято не склонять. Улавливаем первую часть слова, и как только улавливается смысл, дальше чтение можно прекратить. В математическом языке окончания не должны играть никакой роли.

Между тем именно этот математик был одним из тех немногих, кто в чтении просклонял формы: *равно семи*, *не менее трех эн минус два*. Очевидно, на периферии профессиональной и бытовой речи, незаметно для самих говорящих, происходит конкуренция склоняемых и несклоняемых форм числительных.

Среди нематематиков подверглись опросу представители

[42] Были взяты простейшие алгебраические и арифметические выражения, знакомые всем окончившим среднюю школу.

интеллигенции разных специальностей. Склоняемость математических символов и названий чисел встретилась в общем чаще, чем у математиков. Например, большинство склоняло только числительное *семь* в шестом выражении: *восемь минус один равно* (или *равняется*) *семи*. Однако и в этой группе господствовала несклоняемость числительных.

Это маленькое обследование показало, что различия в использовании форм числительных у математиков и нематематиков действительно существуют, но существует и взаимодействие между профессионально-математической и непрофессиональной речью.

«Подчиняясь влиянию математического мышления, числительные унифицируют свои формы... Древние синтетические формы числовых существительных и прилагательных подверглись в категории числительных разрушительному натиску отвлеченного математического мышления. Старая техника языка вступила в противоречие с новыми принципами понимания и выражения отвлеченных понятий числа и количества»[43].

Очевидно, основной путь распространения грамматических новообразований, связанных с языком математики,— это школьное обучение. В первых классах учителя так произносят математические обозначения: ,

2×2 — *два, взятое по два*

$2 + 2$ — *к двум прибавить два*

$4 - 2$ — *от четырех отнять два*

Эти языковые обороты помогают детям уяснить конкретный смысл производимых мыслительных операций.

Но уже примерно с пятого класса, когда вводятся элементы алгебры, дети приучаются к более лаконичным формулировкам: *дважды два, два плюс два, четыре минус два* и т. д. Глаголы *прибавить* и *отнять* в значении производить действие сложения или вычитания уходят в пассивный запас.

60. Другая существенная грамматическая перемена вызвана резким возрастанием употребительности количественных числительных в роли кодовых (технических и научных) определителей: *алгол-60, уран-235, ка-два-мезон, «электронная сиделка» Ритм-1, станция Зонд-3* и мн. др.

Появление большого числа таких наименований было прежде всего вызвано внешней необходимостью — процессом дивертификации производства, т. е. увеличением номенклатуры выпускаемых изделий. С ускорением технического прогресса появилась широкая потребность в маркировке новых моделей: самолетов — ИЛ-18, ТУ-104Б, АН-10, МИ-6, В-2; автомашин — ГАЗ-51Л,

---

[43] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 290, 315.— Было бы интересно тщательно и широко изучить языковые формы и стиль профессиональных математических коллективов в сравнении с языком интеллигенции технических и особенно гуманитарных специальностей по разным возрастным группам: от студентов, только что покинувших школьную скамью, до лиц старшего возраста.

МАЗ-200, ЗИЛ-164А, космических кораблей и спутников Восток-1, Луна-3, Восход-2 и т. д. Модификация одного и того же типа изделия помечается номерными знаками в форме разных вариантов постпозитивного количественного числительного (*Москвич-403*, *Москвич-407*, *424*, *432* и т. д.). Новый способ наименования стал широко известен через газеты и технические журналы в 50-е и 60-е годы. Тип броского «шифрованного» названия подхвачен журналистами и писателями:

Писатели, входящие в «*Группу 47*», не связаны, как известно, никакой определенной идейной или организационной платформой («За рубежом», 1965, № 32).

На афишах Москвы появились названия *ВИО-66*: так обозначены выступления Всесоюзного инструментального оркестра 1966 г. Открылась выставка-смотр *НТИ-66* — научно-технической информации 1966 г. и под.

Такое употребление вызвало перераспределение функции количественных и порядковых числительных. Количественное числительное сделало еще один шаг к отрыву от субстанционального значения. «Математическое отвлеченное мышление вторглось в общий язык и трансформировало систему числительных имен, лишив их отчетливых форм имени, оторвав их от структуры существительных и прилагательных»[44]. При таком употреблении количественное числительное лишилось своего специфического числового, количественного значения. Приближаясь функционально к постпозитивному аналитическому прилагательному, числительное по лексическому значению здесь сходно с местоимением. Оно употребляется как чистый различитель для выделения определенной серии предметов или предмета из ряда однородных (*Луна-1, Луна-2, Луна-3* и под.); местоименность же проявляется в том, что различие указывается, но не называется. Для читателя внутренняя форма обозначения остается скрытой, хотя в узком кругу специалистов, придумывающих название, числовой определитель как-то мотивируется: *Алгол-60* — это универсальный язык электронных машин, разработанный в 1960 г., а *Алгол-1* — это первый универсальный язык, принятый в том же 1960 г.; в первом случае термин помечался по году, в котором создан, во втором — по первенству изобретения.

Актуализация определительного значения количественных числительных оказала влияние на отношение порядковых и количественных числительных в бытовом употреблении. Участились случаи использования постпозитивного количественного числительного вместо порядкового в названиях адресов, поездов, марках самолетов и под.

Ста лицам студенческого и среднего возраста (с нефилологическим образованием) были даны предложения с просьбой напи-

[44] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 289.

сать словами записанные цифрами числительные. Вот эти предложения:

1. Войдя в палату (3), схватываю глазами яркое пятно: красное платье молодой грузинской девушки.
2. Летишь самолетом? — Да.— Каким? — (ТУ-104).
3. Я живу в квартире (31).
4. Алексей ехал из Риги поездом (75).
5. Прислали один пакет из дома (№ 1).

Проверялось использование количественной неизменяемой или порядковой изменяемой формы числительного: *три* или *третью*, *ТУ-сто четыре* или *ТУ-сто четвертым*, *тридцать один* или *тридцать первой*, *семьдесят пять* или *семьдесят пятым*, *номер один* или *номер первый* (или *номера первого*). Распределение ответов см. в табл. 16.

Таблица 16

Словосочетания	Варианты ответов	
	Количественная неизменяемая форма	Порядковая изменяемая форма
в палату № 3	54	46
самолетом ТУ-104 . . .	92	8
в квартире 31	41	59
поездом 75	32	68
из дома № 1	90	10

Абсолютные и процентные отношения здесь совпадают: варианты ответов по каждому предложению составляют в сумме 100.

Как видно из этих данных, числительное в неизменяемой форме господствует в терминологическом наименовании *ТУ-104* и в сочетании со словом *номер* (*из дома № 1* и под). Ср.:

Кирпичные скорлупища. И тут же | Висят домов кубические души. | Душа мечети, души двух хибар, | *Душа номер семнадцать дробь двенадцать* | Они воспоминаньями дымятся, | Они не понимают — погибать (А. Вознесенский, Помогите Ташкенту, 1966).

В конце XIX — начале XX в. в таком сочетании, как правило, употреблялось порядковое числительное: *пакет из дома номер первый*, *палата номер шестая*, *нитки номер пятидесятый* и под [45].

61. В разговорной речи перестают склоняться некоторые числительные. Например, числительное *пол-*, имеющее две падежные формы: *пол-* (им. п.— вин. п.) и *полу-* (косвенные

[45] Подробнее об этом см. в статье: Н. А. Янко-Триницкая. Проблема номер один. (Числительное в роли несогласованного определения.) «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.

падежи),— постепенно утрачивает вторую форму[46]. Показательны данные опроса. Отвечающим были даны предложения с сочетаниями в косвенных падежах, первую часть которых должно составить по традиционным нормам согласуемое числительное *полу-*[47].

1. Не доезжая до аула (1/2) версты, молодая слезает с лошади и идет пешком.

2. Ездил много, все больше по деревням. И в каждом месте жил по (1/2) года.

3. Взяли на двоих по (1/2) (бутылка) воды.

4. Ныне в рядах заводского комсомола — пять с половиной миллионов рабочих, до (1/2) миллиона техников.

5. Перед ними в (1/2) километре виднелось село.

Распределение ответов см. в табл. 17.

Таблица 17

Словосочетания	Варианты ответов	
	пол-	*полу-*
(1/2) версты	98	2
(1/2) года	100	0
(1/2) (бутылка)		
по полбутылке	15	0
по полбутылки	85	
до (1/2)миллиона техников . .	55	45
в (1/2) километре	58	42

При одних существительных (по данным опыта *полверсты*, *полгода*, *полбутылки*) у числительного *пол-* в косвенных падежах укрепилась неизменяемая форма, очевидно, под влиянием частотности этих слов в разговорной речи, у других обе формы (*пол-* и *полу-*) активно конкурируют.

В письменную речь изредка проникают только те образования с *пол-*, которые уже почти не колеблются в устной речи:

«Прогресс» — новое по своей природе производственное объединение. Оно молодо — ему нет и *полгода*, но успело проявить

---

[46] Числительное *пол-* пишется (в большинстве случаев) слитно с тем существительным, которым управляет (*полвзвода*) или с которым согласуется (*около полувзвода*). По всем же своим лексическим, грамматическим и фонетическим признакам оно является самостоятельным словом.

[47] Эти предложения взяты из газет, журналов и произведений художественной литературы первых тридцати лет XX в. Во всех этих случаях в письменных текстах была употреблена традиционно-литературная форма *полу-*.

себя во многом («Изв.», 12 апр. 1962); На самом деле Федор Петрович — истинный романтик, ибо только человек такого склада может увидеть в *полкопейке* большое государственное дело («Эконом. газ.», 9 апр. 1962); Еще живы книжники, которые тогда были мальчиками в магазинах, и приходили за толстовскими книгами, и уносили их на плечах понемногу, *по полпуда*, на Никольскую улицу («Лит. газ.», 4 мая 1965).

Особенно показательны случаи, когда флексия утрачивается в предложных сочетаниях.

62. Так, в устной речи стали нормой безаффиксные формы [48] в предложных конструкциях типа *по пять рублей, по семь человек, по несколько дней, по много денег*. В этом убеждают данные эксперимента. Отвечающим было предложено 8 фраз [49]:

1. Я заплатил за штуку по (100) рублей.
2. Нижних чинов, признанных зачинщиками, прогнать шпицрутенами сквозь батальон по (6) раз.
3. Накануне Вера получила продкарточку; каждому дали по (5) *кг* сахару, по (10) пачек табаку.
4. Студентам раздали по (40) тетрадей.
5. Уселись по (7) человек в ряд.
6. Запрещаю вам в цехе находиться неотлучно по нескольк... дней.
7. По скольк... рублей вы получили?
8. Нельзя ей давать по многр... денег.

Результаты опроса представлены в табл. 18.

Таблица 18

Словосочетания	Варианты ответов		Словосочетания	Варианты ответов	
	безаффиксная форма	форма дат. п.		безаффиксная форма	форма дат. п.
по (100) . . .	97	3	*по (7)*	85	15
по (6)	92	8	*по нескольк* . . .	74	26
по (5)	75	25	*по скольк*	71	29
по (10)	80	20	*по многр*	44	56
по (40)	95	5			

[48] В. В. Виноградов считает эти формы беспадежным образованием, т. е. номинативом без грамматических функций (см.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 302); конструкции такого типа приводятся в статье Д. И. Буторина «Употребление в распределительном значении количественных числительных с предлогом *по*» («Вопросы культуры речи», вып. 5. М., 1964) и в журнале «Русский язык в национальной школе», 1963, № 5; см. раздел «Ответы на вопросы читателей»).

[49] Все эти предложения взяты из письменных текстов первого тридцатилетия XX в., где числительные были употреблены в форме дат. п.: *по сту рублей, по шести раз* и т. д.

Безаффиксная форма господствует у количественных числительных; у неопределенно-количественных числительных колебания значительнее, а у числительного *много* обе формы (*по много* и *по многу*) близки к равновероятным.

Примерно с 20—30-х годов безаффиксные формы стали проникать и в письменную речь, прежде всего в жанры, находящиеся под сильным влиянием устной речи: это пьесы, диалоги, «разговорные» куски в художественных произведениях. Например:

[Бишонков] Колбасу, Исаак Маркович, *по восемнадцать* тысяч брали, да и похужело (И. Бабель, Мария, 1935); многие рабочие живут в допотопных рабочих казармах, *по семь* человек в одной каморке (Б. Пильняк, Россия в полете, 1926); [Корзухин] Вот что, верните деньги, я вам дам *по пятьсот* долларов отступного (М. Булгаков, Бег, 1926—1928);— Крепко обмыли? — Какое. *По сто пятьдесят* с прицепом (Г. Николаева, Битва в пути, 1957).

Об усилении аналитизма говорят и другие факты, малозаметные в отдельности, но в целом вызванные внутрисистемными сдвигами.

Так, к нашему времени стабилизировались две формы у числительного *сто*: *сто* в номинативе и *ста* в косвенных падежах. В начале XX в., в 20-е годы (позже — редко), в произведениях писателей старшего поколения отмечены другие падежные формы: *по сту*, *в стах*; В. И. Чернышев рекомендовал склонять эту форму по всем падежам. Наши современные писатели формы *стах* и *сту* употребляют крайне редко:

[Дахно] Я заплатил за штуку *по сту* рублей (В. Панова, Метелица, 1958); их шесть автоматчиков — вот они, шагают метрах в *стах* от меня (М. Шолохов, Судьба человека, 1956); Характер почты удивляет. Почему так много жалоб и так ничтожно мало предложений в тех *нескольких стах* письмах, которые я прочла? («Лит. газ.», 14 марта 1957).

Форма *стах* проверялась по опросному листу. Форма была помещена в постпозиции и в препозиции к определяемому слову:

1. Вот они шагают метрах в (100) от меня.
2. В (100) метрах от дома начинается лес.

Результаты:

Таблица 19

Словосочетания	Варианты ответов		
	в сто	*в ста*	*в стах*
метрах в (100) . .	3	83	14
в (100) метрах . .	1	97	2

Форма *ста* преобладает, однако в постпозиции некоторым отвечающим кажется естественной форма *стах*.

Отмеченная тенденция к несклоняемости сопровождается стремлением к обобщению и унификации форм косвенных падежей у некоторых числительных: *пятидесятью* вместо *пятьюдесятью*, *шестистами* вместо *шестьюстами* и т. д.

Отход от флективности заметен в образованиях составных, сложносоставных, дробных числительных[50]. В составных порядковых числительных часто склоняемой остается только последняя часть.

Особенно широко распространились «склеенные» образования в разговорной речи. В надписи типа «*Передача 150-тысячного трактора*» — читается: *стопятьдесяттысячного* (Из устной речи, 1966); «Последователи Владимира Светличного ждут *350-центнеровый* урожай» читается: *триста пятьдесят центнеровый*; *к стопятидесятилетию* со дня рождения и под.

---

[50] В сложных словах с числительным в первой части в современных живых образованиях доминирует способ сцепления на стыке частей слова:

В колхозе имени Чапаева решили раньше убрать урожай в звеньях *стогектарников* («Сов. Кубань», 9 сент. 1964); Впереди сутулый парень, тяжело дыша, в серой робе, в рваных бутцах, в колпаке. |А за ним *тридцатьчетверка* не спеша| И ревет на поворотах, как в пике (С. Гудзенко, Смерть эсэсовца, 1955). *Тридцатьчетверка* — новообразование, появившееся в годы Отечественной войны. Это название танка, изготовленного на Уральском заводе под номером 34 (ср. традиционно образованные названия типа *тридцатитысячница*, *шестидесятка* и под.). Аналогичные образования появились в последние десятилетия в спортивной терминологии, например *четвертьфинал*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рост элементов аналитизма в предикативных морфологических единицах. *Роль социальных факторов в усилении в советскую эпоху удельного веса двувидовости в общей системе средств выражения категорий вида. Различные пути развития двувидовости у отдельных групп глаголов в зависимости от их реальной семантики и словообразовательной структуры.*

63. Из истории славянских языков известно, что с наибольшим трудом новые аналитические явления проникают в предикативные формы (хотя в то же время использование традиционных, давно укрепившихся аналитических показателей, например, вспомогательных глаголов, в предикативах оказывается особенно устойчивым). Поэтому особенно важно рассмотреть материалы, свидетельствующие, что в языке нашей эпохи даже предикативы проницаемы для новых влияний аналитизма. Эти влияния можно проследить на судьбе двувидовых глаголов.

Однако нельзя не прийти к выводу, что это веяние аналитизма в области предикативных форм еще слабо и не затрагивает выражения самой категории предикативности. Представляется все же существенным, что наступление аналитизма, пусть слабое, ощущается и в самой цитадели синтетических форм — в формах, выступающих как предикаты. Это свидетельствует о значительности тех аналитических тенденций, которые, будучи усилены социальными факторами, сейчас характеризуют в целом развитие всей русской морфологической системы.

64. Изменения в составе глагольной лексики, вызванные социальными факторами, стимулировали определенные сдвиги в системе видовых форм глагола. Значительно усилился удельный вес тех средств выражения категории вида, которые характерны для так называемых двувидовых глаголов типа *механизировать, оборудовать, реконструировать.*

Своеобразие рассматриваемых глаголов заключается в значительном сокращении аффиксальных средств. Основная масса русских глаголов обладает для выражения видовых противопоставлений морфологически различающимися формами инфинитива, прошедшего и будущего времени, повелительного и сослагательного наклонения, а также причастия прошедшего времени действительного залога (*дать — давать, дал — давал, дам —*

буду давать, дал бы — давал бы, дай — давай, давший — дававший). У двувидовых глаголов все эти формы, кроме формы будущего времени, омонимичны; они могут, не меняя своего внешнего облика, выражать значения как совершенного, так и несовершенного вида. Ср.: Мы в течение ряда лет *механизировали* наши предприятия (несов. в.).— Мы уже полностью *механизировали* наши предприятия (сов. в.). А форма так называемого настоящего-будущего омонимична в отношении не только видовых, но и временны́х значений: Мы уже ряд месяцев *реконструируем* наш завод (наст. вр. несов. в.).— К концу года мы окончательно *реконструируем* наш завод (буд. вр. сов. в.).

65. В составе двувидовых глаголов в современном русском языке — как и в других славянских языках — существенно различаются две группы. В первую, чрезвычайно малочисленную группу входят глаголы русского и старославянского происхождения, разнородные по своему морфологическому оформлению (например: *венчать, велеть, казнить, наследовать*). Вторая группа, несравненно более многочисленная, состоит в подавляющем большинстве из глаголов, заимствованных из западноевропейских языков. Сюда относятся такие глаголы, как *импортировать, схематизировать, военизировать.*

Первая группа искони существует в русском языке. Некоторые из относящихся сюда глаголов являются устаревшими и редко употребительными. Глаголов этой группы насчитывают, согласно материалам современных словарей, всего около 50 [1]. Они сохраняют свою способность функционировать в качестве двувидовых, но в некоторых случаях образуют при помощи параллельных приставочных или суффиксальных образований видовые корреляции, например: *женить — поженить, обещать — пообещать, образовать — образовывать.* Эта группа двувидовых глаголов, в целом непродуктивная, малопоказательна с точки зрения перспектив развития двувидовости в системе современного русского глагола [2].

Вторая группа, претерпевшая в советскую эпоху значительные сдвиги в своем развитии, во много раз превышает первую группу по количеству глаголов, входящих в ее состав. В современных словарях зафиксировано свыше 600 глаголов этой группы; в картотеке Института русского языка отмечен ряд новообразований этого типа, не вошедших ни в один из современных словарей.

Соответственно своему суффиксальному и акцентному облику, двувидовые глаголы данной группы подразделяются на пять

---

[1] Если выделить из этого общего количества глаголы с суфф. *-ова-*, который структурно объединяет их с глаголами второй группы (ср. *наследовать* и *стартовать*), то число глаголов первой группы не превысит 24.

[2] См. подробнее о составе этой группы и процессах развития отдельных ее частей в статье: И. П. Мучник. Двувидовые глаголы в русском языке. «Вопросы культуры речи», вып. 3. М., 1961, стр. 97—102.

подгрупп. Две из них — с суффиксами *-ова-*, *-изова-* — противопоставляются остальным по своим возможностям образовывать видовые корреляции. Число глаголов в подгруппах неодинаково. Проведенные подсчеты показывают, что в подгруппу с суффиксом *-ова-* входит 40 глаголов, с суффиксом *-изова-* — 35, с суффиксом *-изирова-* — 120, с суффиксом *-ирова-* — 370, с суффиксом *-фицирова-* — 35 (из возвратных образований учитывались только самостоятельные глаголы, формы же страдательного залога, например *редактироваться*, в расчет не принимались).

Принято считать, что большинство этих глаголов принадлежит к специальной лексике, главным образом научно-технической и профессиональной терминологии. Проведенный анализ показал, однако, что специальная лексика составляет около 35% глаголов этой группы. Около 50% общего числа составляют глаголы общелитературного языка, около 15% — глаголы, стоящие на грани между общелитературной и специальной лексикой.

Наличие 600 двувидовых глаголов, из которых половина является словами общелитературного языка, свидетельствует о том, что двувидовость составляет весомый компонент видовой системы современного русского глагола. Только около 150 из этих глаголов образуют аффиксальные видовые корреляции, в подавляющем большинстве случаев префиксальные.

66. Выбор определенного пути словообразовательного оформления заимствованных глаголов и связанного с ним способа введения их в видовую систему определялся многими факторами, внутренними и внешними[3]. Конечно, здесь, как и в процессе освоения неизменяемых существительных, немаловажную роль сыграло то, что основные слои носителей русского литературного языка XIX в., владевшие западноевропейскими языками, старались сохранять внешний облик заимствуемых глаголов.

Оформление видов в новообразованиях тесно связано с наличием общих тенденций в грамматическом строе к усилению аналитизма. Совокупность этих факторов привела к тому, что уже к началу XX в. отчетливо обозначились и упрочились, хотя и на лексически ограниченном материале, новые, более аналитические, элементы в плане выражения категории видов.

67. В советский период процесс развития двувидовости активизировался под воздействием социального фактора. Изменения в социальной среде придали большую весомость многочисленным

---

[3] Интересны данные других славянских языков, прежде всего польского. Большое число параллельных глаголов русского и польского языков в русском языке выступает в качестве двувидовых, а в польском образует префиксальные пары. Вот ряд таких глаголов, который легко может быть значительно расширен: *адресовать — za-adresować, акклиматизировать(ся) — za-aklimatyzować(się), апеллировать — za-apelować, автоматизировать — z-automatyzować, авансировать — za-awansować, демаскировать — z-demaskować, демократизировать — z-demokratyzować, деморализовать — z-demoralizować, дискредитировать — z-dyskredytować* и много других подобных.

явлениям, обозначавшимся двувидовыми глаголами. В дореволюционную эпоху число более или менее широко распространенных двувидовых глаголов, выходящих за пределы специальных сфер речи, было чрезвычайно незначительным (например: *телеграфировать, атаковать, арендовать, гарантировать* и некоторые подобные). В годы же революции и в послереволюционное время довольно большое число актуальных явлений обозначалось глаголами этой словообразовательной модели, ставшими вследствие этого частотными; вот некоторые глаголы этого типа: *национализировать, экспроприировать, конфисковать, реквизировать, индустриализировать, организовать, реорганизовать, реконструировать, революционизировать, демократизировать, советизировать, большевизировать, делегировать, рационализировать, коллективизировать, машинизировать, электрифицировать, радиофицировать.* Эти и другие подобные глаголы часто встречались в газетах и журналах, их часто употребляли в различных устных выступлениях, а под влиянием последних и в обиходном разговоре. Как известно, в послереволюционное время влияние публицистического и газетного жанров литературного языка на разговорную литературную речь в целом чрезвычайно расширилось. Это, конечно, также в большой мере способствовало увеличению сферы обращения перечисленных выше глаголов и именно в тех формах их видо-временного употребления, которые уже закрепились за ними в литературном языке (т. е. с сокращенным применением аффиксальных средств).

Большая употребительность двувидовых глаголов привела к значительному росту продуктивности этой модели. Об этом убедительно свидетельствует большое число новообразований данного типа, возникших в послереволюционные годы. Уже в СУ зафиксированы в качестве неологизмов советской эпохи около 50 двувидовых глаголов. Относительный вес этих 50 новообразований очень значителен: они составляют около половины всех глагольных неологизмов, отмеченных в СУ. Часть приведенных новообразований содержит не заимствованные, а исконно русские основы: *большевизировать, военизировать, советизировать* и др. И это является веским доказательством роста продуктивности рассматриваемого глагольного типа. Особенно существенно возросла продуктивность образований с суффиксом *-фицирова-*: таковы *электрифицировать, газифицировать, кинофицировать* и др. [4].

68. Продуктивность словообразовательной модели двувидовых глаголов сохраняет свою силу на протяжении всего советского периода, она отчетливо выступает и в наши дни.

Конечно, наиболее естественным был бы обычный аффиксальный путь введения глагола в систему видов, и главным об-

[4] О словообразовательном анализе этих глаголов см. III, § 73.

разом к этому сводится давление системы на каждое новообразование. Однако процесс преодоления препятствий к образованию обычных аффиксальных корреляций складывается по-разному в различных группах этих новообразований, прежде всего в силу особенностей их реальной семантики, а также в силу различий акцентно-морфологического облика. В этом сложном и противоречивом процессе, развивающемся под перекрестным влиянием различных факторов, могут быть выделены два круга явлений: а) протекающие в первых двух группах глаголов, т. е. содержащих суффиксы *-ова-, -изова-*, б) протекающие в остальных трех группах глаголов, т. е. содержащих суффиксы *-изирова-, -ирова-, -фицирова-*.

Первые две группы обладают как суффиксальными, так и префиксальными средствами образования видовых корреляций. Поэтому здесь давление аффиксальной парадигмы видов могло бы проявляться особенно сильно. Между тем присущая этим глаголам способность образовывать суффиксальные видовые корреляции (наиболее продуктивные в современном русском языке) реализуется только у некоторых из них. В словарях зафиксированы формы несов. в. с суффиксом *-ыва-* только у следующих глаголов: *арестовать, ассигновать, атаковать, организовать(ся), реорганизовать(ся)*. Однако эти формы встречаются и у глаголов *аттестовать, реализовать*. Ср.:

Там (в Ярославле) в день продают всего 10 тонн помидоров по цене 40 копеек, хотя город мог бы *реализовать* гораздо больше («Неделя», 1964, № 34).

Большинство же глаголов этих групп не образует формы несов. в. с помощью суфф. *-ива-* (*-ыва-*). Это, вероятнее всего, объясняется тем, что лексическое значение этих глаголов ближе к значению сов. в. Из двух элементов значения, которые конструируют семантику видов — длительность и результативность[5],— в лексическом значении рассматриваемых глаголов преобладает результативность, а в тех немногих случаях, когда они должны выражать видовое значение длительности, они довольствуются теми возможностями, которые предоставляют для этой цели соответственные формы двувидовых глаголов.

Таким образом, в глаголах рассмотренных групп обнаруживается особый тип двувидовости. Формы прош. вр. у них, как правило, только перфективны. Сложной формы буд. вр. у большинства этих глаголов также не образуется. Не говорят: *буду конфисковать, буду арестовать, буду организовать* и т. д.[6]

[5] См.: И. П. Мучник. О значении видов русского глагола.— РЯШ, 1946, № 5—6.

[6] Нельзя считать отражением живых процессов современной русской речи следующее высказывание А. В. Исаченко: «Описательное будущее от большинства этих (двувидовых.— *Авт.*) глаголов теоретически вполне возможно (ср. Он это будет организовать сам). На деле же описательное будущее встречается далеко не у всех глаголов этого типа: вряд ли можно, например,

Нетрудно заметить, что данные глаголы по характеру своего отношения к видам очень близки к глаголам только сов. в. (perfectiva tantum) типа *возненавидеть, застрелить, воспрянуть* и т. д. Однако, в отличие от последних, они могут выступать в форме наст. вр.

Данная особенность, характерная для большинства глаголов с суфф. *-ова-, -изова-,* присуща и некоторому числу двувидовых глаголов с другими суффиксами. Сочетание значения перфективности в качестве доминирующего элемента семантики данного глагола со способностью выступать в форме наст. вр. составляет принципиально новую черту, расширяющую видовые возможности глагольной лексемы.

В процессе развития двувидовых глаголов со словообразовательными суффиксами *-ова-, -изова-* в современном языке обнаруживаются существенные сдвиги, вызванные давлением аффиксальной структуры видов на эти глаголы. Вместе с тем вся совокупность явлений отчетливо показывает, что большинство глаголов этих групп использует для выражения видовых значений систему средств, характерную для двувидовых глаголов.

69. Глаголы с суфф. *-изирова-, -ирова-, -фицирова-*, составляющие большинство двувидовых глаголов (около 85% их общего числа), не обладают способностью образовывать суффиксальные корреляции. Их развитие в направлении обычных аффиксальных корреляций осуществляется лишь путем префиксации. Конкретная реализация этого процесса сводится к следующему: непроизводная (бесприставочная) форма первоначально двувидового глагола, утратив значение сов. в., выступает в качестве носителя одного только значения несов. в., а в качестве соотносительной формы (коррелята) со значением сов. в. выступает вновь возникшее образование с приставкой. На базе первоначально двувидового глагола *стенографировать* возникла корреляция *стенографировать — застенографировать*, так же возникли: *сконструировать, проинформировать, отрегулировать* и ряд других.

Этот комплекс явлений свидетельствует о сложных процессах развития многих двувидовых глаголов рассматриваемых групп по направлению к аффиксальным видовым корреляциям. Вместе с тем эти группы включают также большое число глаголов, не обнаруживающих никаких признаков — ни реальных, ни потенциальных — утраты двувидовости. Вот довольно длинный, но далеко не исчерпывающий перечень этих глаголов, большая часть которых относится к группе вполне освоенных и довольно широко распространенных слов русской литературной лексики:

сказать «его будут арестовать» или «я буду авторизовать» (А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким, ч. 2. Братислава, 1960, стр. 144). Во всех трех приведенных случаях форма описательного будущего одинаково невозможна.

абонировать, авансировать, автоматизировать, акклиматизировать(ся), активизировать(ся), американизировать(ся), амнистировать, амортизировать(ся), анатомировать, англизировать, аннексировать, анонсировать, аннулировать, апеллировать, ассимилировать(ся), большевизировать(ся), бюрократизировать(ся), витаминизировать(ся), военизировать(ся), вульгаризировать, газифицировать, гарантировать, госпитализировать(ся), датировать, дезертировать, дезинфицировать, декларировать, деколонизировать, декретировать, делегировать, демаскировать(ся), демилитаризировать(ся), демобилизовать, деморализовать, денационализировать, детализировать, деформировать, децентрализовать, дисквалифицировать(ся), дискредитировать, дисциплинировать, европеизировать(ся), изолировать(ся), иммигрировать, импортировать, индустриализировать, инкубировать, инсценировать, интервьюировать, интернационализировать, интернировать, канализировать, капитулировать, кастрировать, квалифицировать(ся), коллективизировать(ся), колонизировать, компенсировать, конвейеризировать(ся), кооперировать(ся), ликвидировать, локализировать, машинизировать, механизировать, милитаризировать, модернизировать, монополизировать, национализировать, нокаутировать, озимизировать, оккупировать, оперировать(ся), переквалифицировать(ся), переориентировать(ся), политехнизировать(ся), популяризировать, премировать, протезировать, радиофицировать, радировать, рационализировать, реабилитировать(ся), реваншировать, революционизировать(ся), рекламировать, реконструировать, репрессировать(ся), реставрировать, реформировать(ся), реэвакуировать(ся), реэмигрировать, санкционировать, систематизировать(ся), стандартизировать(ся), субсидировать, схематизировать, тарифицировать, терроризировать, торпедировать, транспортировать, узурпировать, утилизировать, фашизировать(ся), финансировать, финишировать, химизировать, эвакуировать(ся), экипировать(ся), экспортировать, экспроприировать, электрифицировать(ся), эмансипировать(ся), эшелонировать(ся).

70. Суммарный обзор процессов, составляющих содержание современной эволюции всех групп двувидовых глаголов, приводит к заключению, что двувидовость представляет собой хотя и лексически ограниченный, но немаловажный компонент категории видов в русском языке. При этом совершенно очевидно, что двувидовость отнюдь не исключает соответствующие глаголы из сферы категории видов, а только определенным образом модифицирует план ее выражения, расширяя круг аналитических средств и сокращая ее аффиксальные средства.

Двувидовость как форма выражения категории видов в наибольшей мере подходит для той группы глаголов, в семантической структуре которых нет явного преобладания одного из двух значений, составляющих в своей противопоставленности семан-

тику видовой категории: длительности и результативности. Сюда относятся такие глаголы, как *электрифицировать*, *механизировать*, *советизировать* и под. Реальное значение этих глаголов в одинаковой мере может сочетаться и с тем и с другим значением, и только в зависимости от временных или модальных форм, а также общих контекстных условий одно из них становится единственным в данной коммуникации.

71. При характеристике двувидовых глаголов с точки зрения связей развития языка с развитием общества следует особо обратить внимание на то, что эти глаголы принадлежат к интернациональной лексике, возникновение которой в значительной мере предопределено особенностями современной эпохи. Характерно, что именно в советский период резко возросла продуктивность модели с суффиксом *-фицирова-*, который В. В. Виноградов назвал интернациональным (*интенсифицировать* и т. п.) [7]. Выстраиваются разноязычные ряды глаголов с отчетливо выступающей интернациональной структурой, ср.: *электрифицировать* — нем. *elektrifizieren* — фр. *électrifier* — англ. *electrify*; *идентифицировать* — *identifizieren* — *identifier* — *identify*; *классифицировать* — *klassifizieren* — *classifier* — *classify*; *модифицировать* — *modifizieren* — *modifier* — *modify* и т. д. Отчетливо выступает интернациональный характер структуры и у глаголов с суффиксом *-ирова-*, ср.: *аргументировать* — *argumentieren* — *argumenter*—*argue*; *рекламировать* — *reklamieren* — *réclamer* — *reclame* и др.

Для сохранения интернационального характера структуры глаголов отнюдь не безразличны пути их видового оформления. Очевидно, что присоединение к глаголу приставки отводит его в сторону от интернациональной лексики. Конечно, при нормативной оценке параллельно выступающих приставочного и бесприставочного вариантов образования видовой корреляции это должно служить только одним из принимаемых во внимание обстоятельств, но нельзя не учитывать его вовсе.

72. Таким образом, современная эволюция всех групп двувидовых глаголов приводит к тому, что двувидовость становится существенной, хотя и лексически ограниченной формой проявления категории видов в русском языке. С этой точки зрения необходимо критически оценить некоторые суждения на эту тему, высказанные в лингвистической литературе. С. О. Карцевский, касаясь вопроса о двувидовых глаголах, указывал: «Подобное двойное видовое значение находится в вопиющем противоречии с духом русского языка, который требует, чтобы каждый глагол имел только одно видовое значение». И несколько далее: «...народный язык, поскольку он употребляет подобные глаголы, немедленно их русифицирует и создает перфективные префиксальные *заангажеваться, заарестовать*, *заатаковать* и соответ-

[7] В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М.— Л., 1947, стр. 131.

ствующие имперфективные *заарестовывать* или *арестовывать*, *организовывать* и т. п.»[8].

Проанализированные выше факты отчетливо показывают, что приведенные суждения С. О. Карцевского нуждаются в значительных коррективах. В самом деле, явление, вопиющим образом противоречащее духу языка (по мнению С. О. Карцевского, грамматический строй составляет «дух языка»), не могло бы в течение столетий в нем развиваться, обнаруживая в своей эволюции не только тенденции сужения, но и тенденции расширения.

Такой характер эволюции присущ тем грамматическим явлениям, которые стали уже в той или иной степени органическим элементом языковой системы, ее грамматического строя. Нет сомнения, что аффиксальный аппарат является основной и ведущей формой плана выражения категории видов. Вместе с тем, двувидовость выступает как порожденная категорией вида своеобразная ее модификация, вызванная необходимостью включения в систему видов большой группы глаголов со специфической структурой основ и специфической семантикой. Двувидовые глаголы, несмотря на все свои особенности, представляют собой подсистему, подчиненную основным закономерностям развития системы видов во всем ее объеме.

Процесс возникновения и эволюции двувидовых глаголов, приведший к современному их состоянию, содержит много поучительного с точки зрения взаимодействия внутренних и внешних факторов развития языка. Существовавшая уже в древности небольшая группа глаголов с ограниченным числом аффиксальных показателей (типа *родить*, *обещать*) представляла собой в течение веков непродуктивную модель выражения видовой категории. Эта непродуктивность была предопределена неограниченно господствовавшими в грамматическом строе тенденциями синтетизма.

В новое время условия развития существенно изменились. Значительный рост экономических и культурных связей с западноевропейскими народами, явственно обнаружившийся уже с начала XVIII в., привел к проникновению в русский язык значительной струи глагольной лексики, в процессе видового освоения которой возник ряд новых явлений.

Специфика семантики и особенно строения основ новых глаголов, а также усилившиеся тенденции аналитизма создали предпосылки для относительной продуктивности двувидовых глаголов как новой модели видового оформления части новых глаголов. Ряд общественных явлений, возникших после Великой Октябрьской революции, новые условия развития языка создали немаловажный стимул для роста продуктивности новой модели.

[8] См.: С. О. Карцевский. Язык, война и революция. Берлин, 1923, стр. 56.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Образование нового грамматического класса слов. *Заимствованные аналитические прилагательные. Пополнение этого класса слов незаимствованными единицами в советскую эпоху. Процесс превращения частей сложносокращенных слов (морфем) в аналитические прилагательные. Разложение многих сложных слов с соединительными гласными на словосочетания. Меньшая интенсивность этого процесса по сравнению с разложением аббревиатур. Части заимствованных слов в роли аналитических прилагательных. «Обрастание» их второстепенными признаками слова. Превращение неизменяемых единиц с массой фразеологических, непозиционно варьирующихся значений в единицы с позиционной меной значений, т. е. в слова. Сравнительная завершенность перехода в аналитические прилагательные у разных по происхождению единиц. Оценка этих единиц как прилагательных разными возрастными группами.*

73. Об усилении элементов аналитизма в русской морфологической системе свидетельствуют и некоторые специфические явления в классе имен прилагательных. Здесь аффиксальные показатели также уступают в ряде случаев место безаффиксным. Все шире используется примыкание как средство грамматической связи слов.

Фиксированное положение слова при его грамматической неизменяемости как способ выражения признака предпочитается в известных случаях употреблению обычного прилагательного. Складывается новый разряд слов — аналитических прилагательных, которые, выполняя функцию определителей при существительном, не имеют обычной для прилагательных морфологической оформленности (лишены, как писал В. В. Виноградов, внешних морфологических примет своей категории) [1].

Выражая признак в отвлечении от форм рода, числа и падежа, такие прилагательные свою отнесенность к имени выражают простым примыканием, аналитически. Для одних при этом характерна постоянная постпозиция, другие всегда препозитивны: *платье беж, цвет электрик, в костюме хаки, коми язык.*

---

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М.— Л., 1947, стр. 259.

Синтаксически их характеризует то, что они способны выступать только в роли определения к соответствующему имени существительному и не выступают в функции предикативной. Их место всегда рядом с существительным или с другим прилагательным, относящимся к тому же существительному [2].

Появление в русском языке слов такого типа не связывается целиком с изучаемым периодом. Однако только факты современного языка дают основание говорить о формировании новой грамматической категории слов. Все это находит свое социальное и специфически языковое объяснение.

Наличие в русском языке группы слов, традиционно определяемых как неизменяемые прилагательные [3], связывается прежде всего с определенного типа заимствованиями (главным образом из западноевропейских языков). Как правило, заимствования, предназначенные для обозначения того или иного рода признаков, закономерно проникающие в язык в разные периоды его развития [4], приспосабливаются к русской словообразовательной (и словоизменительной) системе, получают обычное «прилагательное» оформление. Некоторые заимствования, однако, такого оформления не имеют (или же имеют его факультативно: *беж* и *бежевый, бордо* и *бордовый, гротеск* и *гротескный* и др.). Таковы известные цветообозначения: *костюм хаки, пальто маренго, платье электрик, беж, бордо;* названия языков: *хинди язык, урду язык, коми литература, коми заимствования;* некоторые обозначения сортов и разновидностей различных изделий: *кофе мокко, какао мокко, соус томат;* названия фасонов одежды: *пальто реглан, брюки клеш, юбка плиссе*; названия, относящиеся к области музыки: *до диез, ре диез, гамма соль мажор, соната фа минор;* к театру и искусству вообще: *театр-буфф, оперетта-буфф, концерт гала, стиль гротеск, стиль модерн;* ряд торгово-коммерческих обозначений: *вес брутто, вес нетто;* железнодорожно-транспортных: *поезд микст, вагон микст, часы пик;* отдельные слова типа *максимум, минимум (программа-максимум, программа-минимум)* и т. д.[5]

---

[2] См.: «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 54.— В лингвистической традиции такие слова носят название несклоняемых прилагательных (А. А. Шахматов) или прилагательных неизменяемых (такое обозначение их принято и в лексикографической практике). Здесь предпочитается название «аналитические» как наиболее полно характеризующее эти слова, указывая не только на их неизменяемость, но и на способ связи с соответствующим именем существительным.

[3] Имеются в виду указания словарей современного русского языка.

[4] Известно, что наиболее интенсивным это проникновение было в XVIII—XIX вв., в период, который характеризуется особенно широким развитием категории качественности и связанным с этим быстрым пополнением класса имен прилагательных. См.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 184.

[5] См. подробнее об этом: Е. И. Мельников. Неизменяемые прилагательные в русском языке. «Slavia», 1954, ročn. XXIII, seš. 4.— В статье,

Некоторые из этих слов употребительны только как слова с признаковым значением: это упомянутые обозначения цветов *беж, электрик, бордо, хаки* и др., некоторые отдельные слова типа *брутто, нетто, буфф.*

Но во многих случаях существует омонимия несклоняемого существительного и аналитического прилагательного: *купил маренго* (ткань черного цвета с белыми нитями) и *пальто маренго* (черное с сероватым отливом), *сделали маркетри* (деревянная мозаика) и *стол маркетри* (украшенный деревянной мозаикой), *теперь в моде плиссе* (мелкие складки) и *юбка плиссе* (с такими складками), *заварила мокко* (ценный сорт кофе) и *кофе мокко* (такого сорта). В сочетании *язык коми* слово *коми* — несклоняемое существительное (ср. *язык ненцев*), а в сочетании *коми язык, Коми АССР, коми литература* омонимичное слово *коми* квалифицируется как препозитивное относительное прилагательное. Это с очевидностью вытекает из сопоставления этих сочетаний с подобными же сочетаниями, включающими обычное прилагательное: *русский язык, русская литература, Башкирская АССР*[6].

Характерной особенностью русского языка изучаемой эпохи является очевидное стремление предпочесть в некоторых случаях употребление такого «адъективированного слова» образованию обычного прилагательного. Некоторые факты такого рода обусловлены структурными причинами: от отдельных слов трудно образовать соответствующее прилагательное (ср. хотя бы приведенные обозначения языков типа *коми, урду, хинди,* которых, кстати сказать, становится в языке все больше)[7]. Однако структурными затруднениями эти явления можно объяснить лишь отчасти. Их справедливей было бы рассматривать в связи с общей развивающейся тенденцией к грамматическому лаконизму, экономии языковых средств, обусловливающих рост самых различных аналитических конструкций.

В самом деле, фиксированное местоположение адъективированной лексемы относительно определяемого слова ясно указывает на отнесенность к данному слову, что само по себе делает

представляющей обобщение данных современных словарей, отмечено по этим материалам около семидесяти таких слов. Данные эти, как замечает сам автор, далеко не полные.

[6] См.: Е. И. Мельников. К вопросу о неизменяемых прилагательных в русском языке. «Československá rusistika», VIII, 1963, № 2.— Именно их адекватность позволяет синтаксически сочетать разные по своему морфологическому оформлению единицы: *цвет беж и зеленый, материя красная и электрик, русская и коми поэзия, специалист по китайскому и хинди языкам* и т. д.

[7] Как полагает Е. И. Мельников (см. указ. статью «Неизменяемые прилагательные в русском языке»), значение этой группы слов будет возрастать по мере углубления сношений с внеевропейским миром.

в какой-то степени излишним непременное оформление определяющего слова как прилагательного [8].

Разумеется, все это относится прежде всего и главным образом к специальным языковым сферам с характерной для них строгостью и точностью в использовании номинативных единиц и стремлением освободиться от избыточной информации.

74. Неоднократно высказывалось мнение, что существование параллельно с некоторыми из рассматриваемых слов обычных производных прилагательных (или принципиальная возможность их образования) якобы исключает необходимость «в какой-то иной, необычайной для русского языка категории «несклоняемых прилагательных» [9]. Это утверждение нельзя, однако, признать основательным.

Возможность вариантного оформления слов со значением признака, отмеченная выше, свойственна сравнительно небольшому числу слов, а, главное, выбор того или иного варианта не произволен, а оказывается достаточно строго заданным. Часто слово без соответствующего оформления (точнее, с нулевым оформлением) принадлежит специальной области, в то время как слово с обычным «прилагательным» оформлением свойственно общелитературному употреблению. Ср., например, *пике, трико, демисезон* и т. п. в составе определенной номенклатуры (*пальто демисезон* или *деми, рубашка пике, белье трико*) и *пикейный, трикотажный, демисезонный* в обычной речи; *гротеск, модерн* как терминологические обозначения и *гротескный, модерный* вне терминологической сферы; *минор, мажор, а-моль* в музыкальной терминологии и *минорный, мажорный, а-мольный* в обычном употреблении и т. п. В других случаях различие в употреблении подобных слов определяется сферой строгой литературной и стилистически сниженной речи: *беж* и (разг.) *бежевый, бордо* и (прост.) *бордовый* [10].

Это понятно. Ведь если все специальное уже по самой природе своей стремится к отмежеванию и обособлению [11], то очевидно, что и слова с признаковым значением не составляют здесь

---

[8] Известно, что грамматическая информация прилагательных вообще признается избыточной: вся необходимая информация содержится в определяемом слове. См.: Н. Н. Леонтьева и Г. Н. Вавилова. Об избыточности флексий русского прилагательного. «Тезисы конференции по машинному переводу (15—21 мая 1958)». М., 1958.

Показательно, что прилагательные чаще всего подвергаются сокращениям. На них приходится наибольший процент графических сокращений. См.: В. З. Санников. О русских графических сокращениях.— В кн.: «О современной русской орфографии». М., 1964.

[9] См.: А. И. Молотков. Есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных? — ВЯ, 1960, № 6.

[10] См. стилистические пометы СУ.

[11] См. об этом: Л. А. Капанадзе. Взаимодействие терминологической лексики с общелитературной. Автореф. канд. дисс. М., 1966.

исключения. Обособление терминологического от общеупотребительного — в данном случае явно выраженное стремление специальной терминологии иметь свои способы выражения признака (см. II, § 94) — диктуется с тем большей необходимостью, что обычное прилагательное из-за семантической перегруженности, развития качественно-оценочных оттенков в значении часто неудобно для использования в терминологии, где требуется предельная точность и однозначность.

Следовательно, разные способы выражения признака, хотя они и существуют параллельно, чаще всего невзаимозаменимы.

В русском языке постоянно возрастает число неизменяемых прилагательных как специализированных определителей сортов, марок, разновидностей каких-то предметов. Социальные причины: научный и технический прогресс, широкое развитие торговых сношений и т. д.— постоянно увеличивают число сортов и разновидностей предметов.

75. Большое значение имеет равнение терминологии на некоторые международные стандарты и т. д. И все же среди аналитических прилагательных заимствования занимают уже сравнительно небольшое место. Очевидно, что нужны иные, свои («подручные») и более массовые средства, способные удовлетворить огромную потребность в выделении различных серий, разновидностей предметов и т. д.

76. Большинство заимствований, относящихся к аналитическим прилагательным, принадлежит узким и специализированным речевым сферам.

Однако сейчас терминология оказывает сильное влияние на общелитературный язык и удельный вес специальных слов в общелитературном употреблении значительно повышается. Некоторые из них значительно расширяют свою употребительность и сочетаемость. Таковы, например, слова *пик*, *экспресс,* современное употребление которых явно «перекрывает» их первоначальную принадлежность к числу специфических транспортных обозначений:

Когда заняты все места (в *часы пик* это обычное явление), получается, что новые посетители могут покушать только после ухода старых («В защиту мира», 1957, № 71); *Дни пик*... Идут эшелоны с запада на восток, тянутся караваны грузовиков с людьми: весна — самое горячее время для вербовщиков («Лит. газ.», 20 авг. 1957); Это опровергает сложившееся на основании прошлых лет мнение о том, что год, следующий за олимпийским, проходит более спокойно, то есть, что после *сезона «пик»* обычно наступает сезон известного спада («Спорт за рубежом», 1961, № 7); Мы начали издавать новый вид технических сообщений — *«экспресс информации»* («Лит. газ.», 13 марта 1956); Для *экспресс-анализа* ионизированного воздуха... в лечебных и профилактических целях необходим портативный счетчик ионов (Ти-

паж измерительных приборов... Проект, 1964); Получив последний анализ из *экспресс-лаборатории*, Крайнев распорядился взять пробу (В. Попов, Сталь и шлак, 1953).

То же самое относится к слову *люкс* и некоторым другим. Стало обычным употребление в роли аналитического прилагательного и слова *модерн*. На основе сочетания *стиль модерн* появились и такие сочетания, как *магазин-модерн* («Неделя», 3—9 дек. 1961), *модерн-балет* (Телепередача, 1962), *модерн-музей* («Изв.», 19 янв. 1963) и даже *ночлежка-модерн* («Неделя», 1962, № 15); в обычной разговорной (чаще всего шутливой) речи: *прическа модерн, платье модерн* и т. д.

77. Пока несклоняемые определители были представлены в русском языке только заимствованными словами, нельзя было говорить о них как об особом грамматическом классе, стоящем в ряду таких классов, как прилагательные (изменяемые), наречия и т. д. Ведь заимствованные слова, если они функционируют еще недостаточно широко — а все эти *беж, до диез, хинди* употреблялись в специализированных, профессиональных областях речи,— обнаруживают черты и фонетической и грамматической исключительности, неосвоенности. Аналитические определители в начале XX в. были всегда заимствованиями, поэтому их несклоняемость могла оцениваться только как причудливость еще молодых, неосвоенных заимствованных слов.

В русском языке советской эпохи появились новые несклоняемые определители совсем иного происхождения. Они выделились в качестве самостоятельных слов из состава частично сокращенных слов (*профсобрание, госохрана, партбюро, совучреждение, соцсоревнование*) и сложных слов (*хлебопоставки, лесозаготовки, нефтезавод*). Несклоняемые определители *проф-, гос-, парт-, сов-, соц-* и т. д., а также *хлебо-, лесо-, нефте-* и т. д. объединились со словами *беж, до диез, хинди* в класс аналитических определителей.

Многие из них стали употребляться без всяких ограничений в разных областях речевого общения; это относится не только к тем, которые произошли из сложных и частично сокращенных слов, но и к традиционным заимствованиям (*платье беж, коми язык, часы пик* и др.). Неизменяемость таких определителей нельзя уже оценивать как следствие их заимствованности — многие не были заимствованы — или их распространенности в специализированных областях речи — многие из них превратились в общеупотребительные и притом частотные слова. Возник класс аналитических прилагательных, особая часть речи. Не будь этот процесс социально стимулирован, для него потребовалось бы не два-три десятилетия, а значительно более длительный срок. Появление аббревиатур, наплыв терминов в общеупотребительную речь (а в терминах части слова часто приближаются по особенности своего функционирования к отдельным словам) — все это

социально усиленные процессы в современном русском языке; они-то и помогли сформироваться новой части речи, они и способствовали обособлению всех этих *проф-, гос-, хлебо-, лесо-* в виде отдельных слов.

78. Каков же языковой механизм этого превращения? Ответ на вопрос заключается в определении, чем отличается слово от части слова.

Важнейший признак слова определяется так: оно — наименьшая функциональная единица, способная вступать в свободные сочетания. Иначе говоря, слово само не является свободным сочетанием значимых единиц, но способно вступать в свободные сочетания.

Чтобы единица могла вступать в свободные сочетания, она должна обладать двумя свойствами.

I. Ее значение должно быть либо неизменным во всех сочетаниях (первый случай), либо изменяться позиционно (второй случай). Есть ряд значимых единиц, каждая из которых — двучлен, состоящий из двух (тоже значимых) единиц:

$$aM^1\ bM^1\ cM^1\ldots$$
$$aM^2\ bM^2\ cM^2\ldots$$
$$aM^3\ bM^3\ cM^3\ldots$$

Если в сочетаниях aM^1, aM^2, aM^3 единица *а* имеет одно и то же значение, и в сочетаниях aM^1, bM^1, cM^1 единица M^1 имеет одно и то же значение, то aM^1 — сочетание регулярных единиц. Примеры:

1) *он-то* (M^1a), *ведь он* (bM^1), *лишь он* (cM^1)...[12]
он-то (M^1a), *их-то* (M^2a), *крокодилов-то* (M^3a)...
2) *велел ему* (aM^1), *написал ему* (bM^1), *советовал ему* (cM^1)...
велел ему (aM^1), *велел им* (aM^2), *велел Николаеву* (aM^3)...

У единицы *он* во всех сочетаниях одно и то же значение (обозначение 3-го лица), у единицы *-то* — также одно и то же значение (выделительное); иначе говоря: разница между единицами сочетаний *он-то, ведь он* определяется только разницей в значениях единиц *-то* и *ведь;* разница в сочетаниях *он-то, их-то* сводится только к различию в значениях единиц *он* и *их.* Это же можно сказать и по-другому: в сочетании *он-то* (так же, как в сочетании *их-то, он ведь*...) значение целого есть сумма значений частей; зная значение частей, можно, не ошибаясь, судить о значении целого.

При наличии таких отношений сочетание *он-то* надо признать сочетанием слов (полнозначного со служебным). На этих же основаниях и сочетание *велел ему* — тоже сочетание слов (полнозначного с полнозначным).

Таков «первый случай»: значение у обоих составляющих во всех случаях неизменно. Покажем второй случай, когда значение позиционно варьируется. Сопоставим такие сочетания:

пришел же, увидел же, победил же... (= aM^1, bM^1, cM^1...)
пришел бы, увидел бы, победил бы... (= aM^2, bM^2, cM^2...)
пришел ведь, увидел ведь, победил ведь... (= aM^3, bM^3, cM^3...)

Если мы из этих сочетаний выделим, как в первом случае, один горизонтальный (aM^1, bM^1, cM^1) и один вертикальный ряд (aM^1, aM^2, aM^3), в которые входит сочетание aM^1, то получим такие отношения:

1) *пришел же* (aM^1), *увидел же* (bM^1), *победил же* (cM^1)...
2) *пришел же* (aM^1), *пришел бы* (aM^2), *пришел ведь* (aM^3)...

Мы видим, что значение *пришел* в последнем ряду (*пришел же — пришел бы — пришел ведь*) не одинаково. В первом и последнем сочетании эта

[12] Расположение компонентов: M^1a или aM^1 — в принципе несущественно. (В отдельных же случаях препозитивность или постпозитивность может быть свойством, характеризующим, например, M^1 — без него оно не M^1).

единица означает действие в прошедшем времени, а в сочетании *пришел бы* — то же действие, но в любое время (ср. *Он пришел бы к тебе, да болен*) и в условном смысле (которого нет у других членов этого ряда). Итак, значение *пришел* не одинаково; оно у одних членов этого ряда указывает на прошедшее время, а у других не указывает, у одних членов имеет условный оттенок, а у других нет. Но условный оттенок появляется у всех членов *а, b, с...* в сочетании с M^2 (*-бы*). Оно отсутствует у всех членов *а, в, с...* в сочетании с M^1 и M^4. Значения прошедшего времени нет у всех членов *а, b, с...* в сочетании с M^2 и оно налицо у них, тоже у всех, в сочетании с M^1 и M^3. Значит, это варьирование значения позиционно. Оно не мешает признать сочетание aM^1 (=*пришел же*) сочетанием слов — полнозначного и служебного.

Другой пример таких же отношений:

приехали утром, приехали днем, приехали летом...
не нарадуюсь утром, не нарадуюсь днем, не нарадуюсь летом...

Здесь тоже единица *утром* (или *днем* и т. д.) в двух рядах имеет неодинаковое значение: то временное, то объектное; в одном случае наречное *(приехали рано утром;* возможно, однако, и *ранним утром)*, в другом — субстантивное. Однако, как и в предыдущем примере, эта мена значений позиционна: она зависит от окружения, притом в первом окружении все слова данного типа имеют временно́е значение, во втором — объектное. Это и позволяет говорить о позиционной мене значений.

Таково первое свойство свободных сочетаний: их составляющие имеют или неизменное значение или позиционно изменяющееся. Это свойство объединяет: а) сочетания слов; см. приведенные примеры; б) сочетания основ с флексиями [13]. Действительно, значения флексий, например, в ряду *вода — трава — зола — вдова* или в ряду *воды — травы — золы — вдовы...* совершенно стабильны; значение основы в ряду *вода — воды — водой...*, *трава — травы — травой...* тоже стабильно.

Напротив, сочетание «производящая основа + словообразующий аффикс» не является свободным; только это свойство и может быть положено в основу определения, что́ такое словообразовательный аффикс (в отличие от флексии). Приведем примеры:

пишу, писатель, выписка
держу, держатель, выдержка
дублю, дубитель, выдубка
вожу, водитель, выводка
учу, учитель, выучка.

Здесь: M^1= *пис-/пиш-*, M^2= *держ-*, M^3= *дуб^ь* =/*дуб^ь*=, M^4= *вод/вод^ь/вож*; *а* = *-у*; *в* = *-атель/-итель; с* = *вы-... -ка.*

Значения варьируются, но непозиционно. Действительно: *писатель* = ‘тот, для кого писать художественные произведения — профессиональное занятие’[14]. Но *дубитель* — не ‘тот, для кого дубить художественные изделия (из кожи) — профессиональное занятие’. Это ‘средство для дубления’. А *водитель* — это не ‘средство для вождения’ и не ‘тот, кто профессионально водит...’, а тот, ‘кто водит именно машину (авто, троллейбус, автобус)’ — такого уточнения нет у всей остальной массы слов на *-тель* (*-атель/-итель*). Значит, значение у единицы *-тель* не стабильно, оно меняется в каждом отдельном слове и в каждой небольшой группе образований с *-тель* (небольшой по отношению ко всем отглагольным образованиям на *-тель*).

Далее: это вариативное значение варьируется не позиционно. Если бы в

[13] И слова и флексии являются регулярными единицами. Регулярность характеризует одну и ту же основу в сочетании с разными флексиями.

[14] В современном языковом сознании ‘писать научные произведения’ — не значит быть писателем. И. П. Павлов, Н. И. Вавилов, А. Н. Несмеянов, П. Л. Капица — не писатели.

сочетании с процессуальной значимой единицей *дуб-/дуб^{b}-/дубл^{b}-* еще какие-нибудь единицы (например, все морфемы, указывающие субстантивное значение: *-тель, -ка, -ба*) приобретали значение 'средство для...', то варьирование было бы позиционным. Однако этого нет.

Итак, первое свойство отграничивает сочетания слов и сочетания основ с флексиями от всех других сочетаний. Поскольку оно не отграничивает сочетания слов от сочетаний основ с флексиями, этого свойства еще недостаточно для определения слова. Обратимся ко второму свойству свободных сочетаний.

II. Некоторые значения передаются с помощью разных означающих, их может выражать несколько синонимических единиц. Например, значение 1-го лица ед. ч. передается единицами *-м, -у, -ею, -аю, -ую* (*дам, пишу, умею, играю, рисую*). Значение 'стачка' передается двумя единицами, тождественными по значению: *стачка* и *забастовка.*

Предположим, значение *N* выражается единицами M^1 и M^2; если при необходимости выразить значение *N* всегда можно использовать единицу M^1, то сочетание aM^1, обладающее первым свойством свободных сочетаний, обладает и вторым. Таким образом, aM^1 — свободное сочетание, т. е. сочетание слов. Действительно, если значение 'стачка' (*N*) всегда можно выразить словом *забастовка* (M^1), то во всех сочетаниях, где встречается слово *стачка* (M^2), можно его заменить на M^1: *началась стачка → началась забастовка, стачка шахтеров → забастовка шахтеров* и т. д. Всегда возможна такая замена. Так как сочетания *началась забастовка, забастовка шахтеров* удовлетворяют первому требованию, т. е. требованию смысловой стабильности составляющих единиц, то они являются сочетаниями слов.

Удовлетворяет этому требованию и все то огромное количество сочетаний, у которых составляющие имеют значение, не передающееся больше никакими синонимами. Например, если установлено, что сочетание *поезд тронулся* имеет первое свойство свободных сочетаний и значения составляющих (*поезд* и *тронулся*) не передаются другими, синонимическими единицами, то надо считать доказанным, что это — сочетание слов [15].

Это второе свойство свободных сочетаний — возможность замены синонимических единиц — неприменимо к флексиям. Например, флексия у слова *трава* и флексия у слова *зелень* имеют тождественное значение; но заменить их одну на другую невозможно: нет сочетания *травь*, равнозначного сочетанию *трава*, и нет сочетания (*такая*) *зéленя*, равнозначного сочетанию *зелень*. Итак, двучлен «основа+флексия» — не отвечает второму свойству словосочетаний, и это позволяет дать определение слову.

Слово не является несвободным сочетанием; оно способно вступать в свободные сочетания. То есть: значение слова либо стабильно в различных сочетаниях, либо изменяется позиционно (см. первое свойство свободных сочетаний); употребляться слово может во всех случаях, когда нужно выразить его значение.

79. Описанные различия между свободными сочетаниями (сочетаниями слов) и несвободными определяют их функционирование: сочетания слов производятся в речи, слова (несвободные сочетания) — воспроизводятся [16].

---

[15] Если единицы M^1 и M^2, имеющие одно и то же значение, распределяются позиционно, то сочетание с этими единицами, имеющее первое свойство свободных сочетаний, надо тоже признать сочетанием слов. Ср.: *под мостом, под нами, под лесом; над мостом, над лесом* и *подо мной, подо льном, надо мной, надо льном* и т. д. Впрочем, эта оговорка в дальнейшем рассмотрении аналитических прилагательных нам не понадобится.

[16] Уже говорилось, что нужно знать (воспроизводить) некоторые формы слова, чтобы производить в речи остальные формы этого слова. Ср. подачу слов в словарях: *кость, -ью, -и*. Это определяется спецификой флексий: они стабильны по своему значению, т. е. отвечают первому требованию для составляющих в свободных сочетаниях, но невзаимозаменимы при синонимич-

Из этого следует, что различие между сочетанием морфем в пределах слова и сочетанием слов является не только качественным (как показано выше), но и количественным. По словарю нетрудно проверить, что сочетания разных аффиксов с одной и той же основой редко превышают сотню, сочетания корней (и производящих основ) с одним и тем же словообразовательным аффиксом (в составе производной основы) редко превышают тысячу. Но сочетания данного слова с другими словами по существу невозможно исчислить: это свободные сочетания, они обладают свойством постоянно формироваться в речи. Поэтому вывод о том, что данное сочетание является свободным, часто можно сделать, исходя из количественных данных. Если после выборки из текстов оказалось, что налицо несколько тысяч сочетаний с данной единицей, то данная единица — слово.

Но если таких сочетаний не так много, то отсюда еще не следует, что данная единица — не слово. Может быть, просто значение этой единицы нечасто требуется при общении, оно не актуально— вот и не набралось желаемых сочетаний больше тысячи.

Следовательно, при наличии очень большого числа (за тысячу) сочетаний с данной единицей можно считать эту единицу словом (без большого риска ошибиться; полную гарантию от ошибок дает только качественный анализ — обладает ли эта единица двумя свойствами, характерными для слова). Но если таких сочетаний немного, то еще нельзя сделать вывод, что данная единица — морфема.

80. Вопрос о том, является ли данная единица словом или частью слова, имеет и другую, количественную сторону. Предположим, в языке есть 1000 слов, состоящих из корней: a_1, a_2, ... a_{1000} и аффикса M^1. Существуют, значит, такие единицы: a_1M^1, a_2M^1, a_3M^1 ... $a_{1000}M^1$. Значение M^1 вариативно; аффикс имеет пять семантических оттенков, причем варьирование их не позиционно: нет никакой закономерности в распределении этих вариантов между единицами $a_1M^1 - a_{1000}M^1$. Зная, как распределились эти вариации у 999 основ, нельзя предсказать, какой вариант значения M^1 будет у тысячного слова. Слова $a_1M^1 - a_{200}M^1$ имеют первый вариант значения M^1, слова $a_{201}M^1 - a_{400}M^1$ имеют второй вариант значения M^1 и т. д. Ясно, что мы правильно назвали эти единицы словами: у них нет первого свойства свободных сочетаний.

Но слова с первым, вторым и третьим значениями M^1 оказались недолговечными. Они в большинстве исчезли из языка. Пятое и четвертое значения M^1, напротив, оказались стойкими. Через какой-то промежуток времени обнаружилось, что 1000 слов с аффиксом M^1 так распределяются между этими значениями: на первое, второе и третье значения приходится всего 100 слов (на каждое значение — около 30 слов), на четвертое-пятое — 900 слов, причем они распределились так, что варьирование их имеет позиционный характер (например, при процессуальных корнях — значение четвертое, при предметных — пятое). Теперь сочетания типа a_nM^1 надо признать сочетаниями слов — за исключением той сотни, которая имеет первое, второе и третье значения M^1. Теперь M^1 с этими нерегулярными значениями — лишь омоним той единицы M^1 с четвертым-пятым значением, которое превратилось в слово (например, в деривационную частицу) [17].

ности, т. е. не отвечают второму требованию для составляющих в свободных сочетаниях. Если известна форма *катер* (им. ед.), то еще нельзя ручаться, что во мн. ч. будет флексия *-á* (есть синоним *-ы*, и оба синонима невзаимозаменимы). Однако значение этой формы (либо *катеры*, либо *катерá*) можно предсказать без колебаний: значения флексий стабильны. Лишь зная формы *катер, катера,* можно предсказать и значение и выражение всех остальных форм.

[17] Вопрос о том, является ли какое-то данное сочетание значимых единиц словом или словосочетанием — до известной степени вопрос количественных,

81. Процесс превращения части слова (морфемы) в слово может протекать разными путями.

Численное увеличение сочетаний с данной морфемой, если оно возрастает до нескольких тысяч, означает превращение этой морфемы в слово: она стала компонентом свободных сочетаний. Качественный анализ этих сочетаний почти всегда подтверждает вывод, сделанный на основе количественных данных.

Другой путь: даже без большого количественного роста соединений определенного типа возможно функциональное изменение морфемы (входящей в состав этих соединений) и превращение ее в слово — если вытесняются непозиционные варианты значения, ранее свойственные данной морфеме.

Наконец, заслуживают внимания и побочные процессы, содействующие и сопутствующие превращению морфемы в слово. Кроме важнейшего свойства — входить в свободные сочетания,— слово имеет второстепенные признаки. Большинство слов, обладающих главным признаком слова, обладает и второстепенными — поэтому-то их и приходится считать признаками слова, хотя не они конституируют слово как особую функциональную единицу.

Второстепенные признаки слова таковы:

1) Морфологический: цельнооформленность слова. Слово в русском языке имеет флективный элемент либо в конце (самый обычный случай: *вода, иду*), либо в начале и конце (*прехороший*). Наличие флексий в середине нехарактерно для слова, поэтому цельнооформленность надо считать (второстепенным) признаком слова. Однако в единицах *двести — двумстам,*

статистических отношений. Пример покажет это. Существует ряд форм: *в городах, в рощах, в лесах, в комнатах, в книгах, в газетах, в листовках, в журналах, в ящиках, в чашках, в столах, в шкафах... в гостях.* Последнее сочетание (*он не любит бывать*) *в гостях* резко отличается по значению от всех предыдущих. Оно выпадает из бесконечного ряда форм с аффиксами *-ах*, имеющих падежное значение (точнее: комплекс значений предложного падежа, причем разное варьирование этих значений вызывается позиционно); выпадает именно потому, что оно единично, изолированно по отношению к этому ряду. Оно выводится за пределы продуктивного ряда *в... -ах*, не поддерживается им и должно рассматриваться как грамматический омоним, не связанный с этим рядом. Поскольку оно выпадает из ряда, то оно не делает аффиксальную единицу *в... -ах* многозначной единицей типа N^a, в ряду остаются только падежно-значащие образования. Таким образом, образования с другим значением изгнаны из данного ряда и ввиду малочисленности признаны изолированными фразеологизмами.

Выбрав из какого-то текста 1000 образований с элементом *в...-ах*, мы обнаружим, что, например, 990 из них представляют собою сочетания типа *в городах, в рощах;* лишь 10 — разнокачественные «исключения» типа *в гостях* (при продолжении подсчетов мы могли бы обнаружить, кроме того, и замкнутость этого ущербного ряда образований: он представлен только единицами *в гостях, в сердцах.* Собственно, «ряды» здесь состоят из единичных слов-уникумов). («Русский язык и советское общество. Проспект», стр. 55—56).

двухсот; пятьдесят — пятидесяти, пятьюдесятью; попал впросак — попали впросак нет цельнооформленности, хотя это несомненные слова: они, не представляя собой свободных сочетаний, сами входят в свободные сочетания. *Попали впросак* — целостное слово, лишенное, однако, цельнооформленности. Поскольку цельнооформленность — второстепенный, не конституирующий, необязательный признак слова, нет основания считать словосочетанием ни *двумстам,* ни *пятьюдесятью,* ни *попали впросак* (и другие подобные единицы).

2) Синтаксический: слово сочетается с частицами, отделяющими его от другого слова; они соединяются сочинительными союзами с другими однотипными словами. Этот признак тоже не обязателен для слова; в частности, сами частицы (служебные слова) не сочетаются с частицами.

3) Фонетический: слово имеет одно ударение; фонетические чередования на границах слов не те, что внутри слова. Однако иногда в слове бывает и несколько ударений: *пятью́десятью́, попа́л впроса́к, съе́л соба́ку* (в каком-то деле) и т. д.

Обычно превращение морфемы в слово означает и приобретение ею второстепенных признаков слова. И наоборот: если у морфемы есть второстепенные признаки слова, ей легче превратиться в слово.

82. Попытаемся проследить, каким путем частично сокращенные слова типа *партсобрание* превратились в словосочетание с аналитическим прилагательным.

Уже говорилось (III, § 61—64) о том, что в русском языке послеоктябрьской эпохи приобрели огромную продуктивность так называемые частично сокращенные слова: первая их часть — какое-либо усечение, вторая — полное слово, обычно существительное: *профсобрание, партбилет, хозрасчет* и т. д. История этих слов связана с двумя различными процессами: с одной стороны, возрастает общее число таких слов, «ассортимент» их становится все разнообразнее, потому что потребность в них велика. С другой стороны, происходит отбор, отбраковка первых (сокращенных) элементов в этих словах, их число сокращается. Причина понятна: чем обычнее в речи становятся такие частично сокращенные слова, тем более необходимо, чтобы они были общепонятны, а это налагает ограничение на использование редких, не всем известных зачинов. Особенную употребительность в этих словах получают такие зачины: *гор-* — городской, *обл-* — областной (прежде *вол-* — волостной, *губ-* — губернский), *гос-* — государственный; *парт-* — партийный, *пром-* — промышленный, *рев-* — революционный, *сель-* (или *сельхоз-*) — сельскохозяйственный, *сов-* — советский, *хоз-* — хозяйственный, *проф-* — профсоюзный. Возрастание общего числа разных слов типа *профсобрание* при сокращении числа употребительных зачинов (начальных сокращенных частей) означает, что резко уве

личивается свобода сочетаемости этих зачинов с существительными.

Процесс безграничного увеличения сочетаний типа *партбилет, хозрасчет* и одновременного уменьшения числа возможных начальных частей в таких словах приводит к неизбежному результату: многие зачины получают способность свободно сочетаться с любым существительным. Морфемы *гор-, гос-, пром-, сов-, проф-, парт-* и некот. др. становятся аналитическими прилагательными.

Выбирая из газет, журналов, публицистических и научных брошюр и книг сочетания существительных с этими несклоняемыми определителями, можно составить многосотенные списки сочетаний каждого зачина с различными существительными. Количественные данные (IV, § 80) явно свидетельствуют, что это — сочетания слов.

Качественный анализ подтверждает такой вывод. Значение этих несклоняемых определителей стабильно; и у существительных при соединении с ними не происходит непозиционных изменений значения.

Обладают ли, однако, сочетания типа *профсобрание* вторым свойством свободных сочетаний? Вопрос этот важен потому, что у каждого несклоняемого определителя, выделившегося из частично сокращенных слов, есть синоним — полное прилагательное. Если сочетания типа *партбилет* обладают вторым свойством свободных сочетаний, то должна быть всюду возможна взаимозамена полного и сокращенного определителя *парт-/партийный, гос-/государственный* и т. д.

В очень небольшом числе случаев такая замена невозможна ввиду фразеологизованности сочетания «несклоняемый определитель + существительное». К таким словам принадлежит, например, *хозрасчет*. Высказывание *Наше предприятие на хозрасчете* не равнозначно высказыванию *Наше предприятие на хозяйственном расчете*. Во фразе *Он обладает сметкой и хозяйственным расчетом* нельзя последние слова заменить: *...сметкой и хозрасчетом*. Несомненно, что *хозрасчет* — это именно слово, с фразеологически-индивидуальным отношением частей, это не свободное сочетание. Путь фразеологизации избрали, однако, очень немногие частично сокращенные слова.

В огромном большинстве сочетаний типа *профсобрание* замена сокращенной части на полную не встречает помех. Сочетания *профсобрание* и *профсоюзное собрание* семантически тождественны (и отличаются лишь стилистически: сочетание *профсобрание* принадлежит разговорному стилю).

Обратная замена: *профсоюзное собрание→профсобрание, партийный билет→партбилет, государственная инспекция→госинспекция* возможна без помех обычно в тех случаях, когда значение полного прилагательного лишено качественных оттенков.

Например, вряд ли возможны замены в сочетаниях: *партийный взгляд на современные политические события, партийная принципиальность, коммунистическое отношение к труду* и т. д. Замена же относительных полных прилагательных несклоняемыми определителями достаточно регулярна. Позднее будет дано объяснение этому факту (IV, § 167).

Для признания единиц *парт-*, *гос-*, *сов-* и т. д. словами достаточно признать: во всех сочетаниях, кроме единичных случаев фразеологизации, несклоняемые определители — имеющие, как правило, относительное, а не качественное значение — могут заменяться относительными полными прилагательными, а относительные полные прилагательные, у которых есть в качестве синонимов несклоняемые определители,— этими определителями. Небольшое количество исключений, как сказано выше (IV, § 80), не отменяет этого вывода. Несклоняемые определители, следовательно, обладают не только первым, но и вторым свойством свободных сочетаний [18].

Итак, несклоняемые определители в современном русском языке — особые слова, аналитические прилагательные. Несомненно, что они составляют особый грамматический класс: по своим свойствам они не объединимы ни с одним традиционным грамматическим классом, в том числе и с изменяемыми прилагательными. Ввиду того, что эти новые слова всегда примыкают к существительному и определяют его, их удобно назвать аналитическими прилагательными.

83. Аналитические прилагательные обладают и второстепенными признаками слова. Трудно решить, в каких случаях они приобрели их в качестве дополнительных после того, как превратились в слова по основному признаку — способности вступать в свободные сочетания, и в каких случаях обладали ими, еще будучи морфемами (при этом второстепенные признаки слова помогли им обрести и главный его признак).

Во всяком случае, сейчас у аналитических прилагательных, образовавшихся из сокращений, налицо такие дополнительные признаки:

1) Морфологический: их принадлежность к классу аналитических прилагательных выражена нулевым аффиксом: *проф-*, *соц-* и т. д.

---

[18] Ср. очень существенное замечание Л. В. Щербы о сложных словах немецкого языка и санскрита: «...Многие так называемые «сложные слова», например, немецкого языка или санскрита, являются в этих языках словами лишь по форме, а по существу будут соответствовать тем простейшим единицам «речи» (parole), которые я называю синтагмами: большинство сложных слов этих языков делается в процессе речи и не входит в репертуар «языка как системы» (Л. В. Щерба. Очередные проблемы языковедения.— В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I. Изд. ЛГУ, 1958, стр. 9).

Можно, конечно, видеть здесь не нулевой аффикс, а отсутствие (нуль) аффикса, что характерно именно для морфемы [19]. Морфема в своем составе, естественно, не числит нулевых аффиксов (иначе пришлось бы признать, что морфема состоит из... морфем: ведь нулевой аффикс — тоже морфема).

Но такое толкование (что несклоняемые определители состоят из одной морфемы, да еще «морфемного нуля», т. е. отсутствия другой морфемы) менее убедительно: аналитические прилагательные (из частично сокращенных слов) все оканчиваются согласным.

Чем можно объяснить (в синхронном плане) такое требование к аналитическим прилагательным — завершаться согласным? — Тем, что они включают нулевой аффикс; перед нулевым аффиксом, по морфонологическим законам русского языка, может идти только морфема, замыкаемая согласным.

2) Синтаксический: все аналитические прилагательные из частично сокращенных слов хорошо сочетаются с частицами:

В *сель-то совете* были? [20];— В кино? Не пойду, *проф же собрание* у нас (Из устной речи, 1959); Меня оттуда выгнали *за проф, так называемую, непригодность* (Б. Слуцкий. Музшкола имени Бетховена в Харькове).

В последнем примере стык аналитического прилагательного и существительного разорван даже более громоздким включением, чем частица.

Аналитические прилагательные редко сочетаются с частицами, но это не значит, что такое сочетание — какая-то неестественность, нарушение обычных норм использования этих единиц. Прилагательные склоняемые тоже редко сочетаются с частицами — и это, несомненно, общая черта присубстантивных определителей. Примеров типа *А большая ли была книга*? в живой речи мы бы не смогли набрать большое число; они редки, как и примеры с частицами при аналитических прилагательных. Но эти редкие факты показательны: частицы имеют обыкновение примыкать к словам, а не к морфемам в середине слова.

Способность сочетаться с частицами не колеблет сделанного ранее заключения, что аналитические прилагательные свою прилагательность выражают путем примыкания к существительному (или другому прилагательному, которое относится к тому же существительному). Эта характеристика, принимающая во внимание только полнозначные слова — члены предложения, разумеется, верна.

3) Фонетический. А. А. Реформатский уже указывал на тот факт, что соединения типа *профсобрание* — «не сложные сло-

---

[19] И для некоторых слов, ср. *да, нет, где, вчера, кенгуру* и т. д.

[20] Пример принадлежит А. Б. Шапиро.

ва, а словосочетания», и об этом свидетельствуют фонетические признаки[21]. Ср. наличие у частей *проф-* и под. самостоятельного ударения (которое является обычным фонетическим признаком русского слова) и фонетических явлений, характеризующих конец слова. Например, в сочетаниях типа [глаф-в'ино́], [глафры́ба][22] фонема ⟨в⟩ представлена звуком [ф] перед сонорным и даже перед [в'], что возможно только на конце слова. Произношение с указанием на границу слова присуще и другим аналитическим прилагательным: *проф- (профбилет), парт- (партдисциплина), хоз- (хозаппарат)* с нередуцированными гласными.

Мы приходим к выводу, что единицы *гор-*, *гос-*, *парт-*, *пром-*, *проф-*, *рев-*, *сель-*, *сов-*, *хоз-* (и, может быть, некот. др.) превратились в аналитические прилагательные[23]. В сочетаниях *профсобрание* и под. фразеологичность составляющих равна нулю и в структурном отношении здесь «все дело сводится к агглютинативной прицепке определительной «прилагательной морфемы»[24].

Конечно, существует некоторое (небольшое) количество слов, где эти элементы выступают в качестве морфем, т. е. не образуют свободных сочетаний. Это не мешает признать массу других соединений их с существительными сочетаниями слов, т. е. свободными сочетаниями. Так же наличие фразеологизма *съесть собаку* (в каком-либо деле) не мешает считать свободными множество сочетаний типа *собака лает, купил собаку, дрессированная собака, собака в конуре* и т. д. (см. выше, IV, § 78).

84. В роли «прилагательных морфем» выступают некоторые компоненты обычных русских сложений. Среди них наиболее часты: *лесо-* — ср. такие старые и обычные для русского языка сложения с *лесо-* и второй глагольной частью, как *лесовод, ле-*

---

[21] А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955, стр. 226.

[22] Там же.

[23] Русский язык представляет здесь, как сказано, известную аналогию языкам германским, в частности английскому, где адъективная деривация развита слабо и определительные отношения обычно выражаются простым сопоставлением имен: *stone wall, child language, winter sleep* и т. п. Очень важно отметить, что подобные соединения в английском большинством ученых рассматриваются как свободные синтаксические сочетания, поскольку они возникают в речи как сочетания полнозначных лексических единиц и поскольку между ними существуют такие же отношения, как между компонентами бесспорных синтаксических конструкций — словосочетаний. См.: А. М. Мухин. О критериях морфологических и синтаксических единиц.— В кн.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.— Л., 1963.— В статье, кстати, поднят очень важный общий вопрос — в какой мере морфологический критерий — морфологическая оформленность (цельнооформленность и раздельнооформленность — в формулировке проф. А. И. Смирницкого) вскрывает природу синтаксической единицы. Нельзя не присоединиться к мнению автора о том, что, связывая себя морфологическим признаком не только в отношении к морфологическому образованию — слову, но и в отношении к синтаксической единице, мы создаем своего рода «порочный круг».

[24] В. В. Виноградов. Современный русский язык. М., 1938, стр. 45.

сосека, лесопуск, лесосплав и под., и новые: *лесобиржа, лесозавод, лесокомбинат, лесоматериалы, лесопитомники, лесополосы, лесоучасток, лесопункт* и др., где *лесо-* выступает в совсем иной — словесной — роли; *стекло-: стеклоизделия, стеклотара, стеклоблоки, стеклотрубки, стеклошифер, стекловолокно, стеклопосуда, стеклобанки*[25]; *ветро-: ветроэнергетика, ветроэлектростанция, ветротехника, ветростанция; пено-: пеностекло, пенопласт, пенобетон*, а также: *водо-, зерно-, бензо-, газо-, нефте-, снего-, свето-, торфо-* и некот. др.

Однако процесс превращения в отдельное слово у многих из этих элементов не завершен. Само число соединений с существительными у этих элементов уступает числу таких же соединений у единиц *гос-, проф-* и под.

Все же и в этой группе есть единицы, полностью ставшие отдельными словами.

В большинстве своем это соединения, допускающие параллель со свободными синтаксическими атрибутивными сочетаниями, подобно тому, как это наблюдалось в соединениях с *гос-, проф-*. Параллели эти, либо засвидетельствованные реально, либо легко конструируемые, дают, например, сочетание «*лесо-* + существительное» (ср. сочетания «*лесной* + существительное»). Отмеченные примеры касаются следующих семантических групп: а) группы соединений со значением ‘относящийся к лесу’: *лесопосадки, лесонасаждения* — ср. *лесные, полевые насаждения; лесоботаника — лесная ботаника, лесовредитель — сельскохозяйственные вредители; лесополоса, лесолента, лесомассив — лесная полоса, лесной массив; лесооборот — товарный оборот; лесоработы — лесные работы, полевые работы, строительные работы; лесообъездчик — лесной объездчик; лесостатистика — сельскохозяйственная статистика; лесогородок — университетский городок, медицинский городок; лесопитомник — лесной питомник; лесосклад — лесной склад; лесохозяйство — лесное хозяйство; лесофонд — лесной фонд*; б) группы соединений со значением ‘предназначенный для работ в лесу’: *лесоплуг — лесной плуг; лесомашины — сельскохозяйственные машины*, ср. *лесная борона, лесной бурав, лесные грабли, лесной сажень, лесная пила, лесная сеялка, лесной трактор; лесобригада, лесоартель — огородная бригада, полевая бригада*; в) группы соединений со значением ‘относящийся к лесоводству, эксплуатации леса’: *лесо-*

[25] Характерен протест многих исследователей-лингвистов в 20-е годы против слов этого типа — словосочетаний, только лишь приведенных к «подобию» сложного слова. Неоднократно указывалось на то, что структура их находится в противоречии с обычным русским типом словосложения, и это свидетельствует об определенном затемнении в русском сознании чувства архитектуры сложного слова (см., например: С. О. Карцевский. Язык, война и революция. Берлин, 1923). Ошибка в оценке этих единиц обусловлена тем, что их рассматривали как сложные слова, а надо их судить по законам совсем других единиц (словосочетаний).

промышленность — лесная промышленность; лесотрест, лесокооперация, лесообъединение — лесной трест, лесная кооперация; лесозавод, лесокомбинат, лесофабрика, лесоцех — металлургический завод, кирпичный завод, кожевенный завод; лесоматериалы — лесные материалы; лесосырье — сельскохозяйственное сырье; лесоторговля — хлебная торговля; лесогавань — лесная гавань; лесоэкспорт — лесной экспорт и т. д.

Значения здесь варьируются (избираются) позиционно: зная тип значения существительного, можно предсказать, каково будет значение прилагательного *лесо-*.

Взаимная замена оказывается невозможной: а) в сочетаниях с *лесной* со значением ‘растущий, живущий в лесу’: *лесное дерево, лесная земляника, лесной орех*; б) в сочетаниях со значением ‘находящийся, расположенный в лесу’: *лесная дорога, лесная тропа, лесная избушка, лесная поляна*; в) ‘покрытый лесами’: *лесная область, лесной район, лесная сторона.*

Аналитические прилагательные, происходящие из компонентов сложных слов, как видим, тоже регулярно заменяются прилагательными в чисто относительном значении (хотя и не охватывают весь объем этих значений). Так как полные прилагательные строго определенного круга значений и неизменяемые словоизменители типа *лесо-* оказываются хорошо взаимозаменимыми, то и эти единицы надо считать аналитическими прилагательными.

Они обладают и всеми второстепенными признаками слова. В частности, они способны нести свое особое ударение: *бѐнзобáк, бдезапáс, вѐтроэнергéтика, вòдоприéмник, гàзоаппарату́ра, звýкоизоля́ция, кòрмокýхня, льнòсéмя, мàслозавóд, метàллоиздéлия, мя̀сопостáвка, нѐфтесквáжина, свѐтомаскирóвка, стѐклотáра, тѐплоэнергéтика, хлѐботоргóвля.* Напротив, в сложных словах с подобными же элементами на них нет особого ударения: *бензовóз, ветромéр, водопровóд, газомéр, газомéт, маслобóйня, металловéд, мясорýбка, светокóпия, стеклорéз, теплохóд, хлеборéз* и т. д.

85. В число наиболее продуктивных определительных компонентов включаются и элементы, не связанные с собственно усечениями. Это корневые заимствованные элементы типа *аэро-, теле-, гео-, гелио-, гидро-* и др., отвлеченные из состава таких заимствований, как *аэрометр, аэростат, аэронавтика, телескоп, телевизор, геометрия, география, гелиоскоп, гелиометр*, и получившие в языке самостоятельное функционирование. Отвлечение подобных элементов из состава заимствований и возможность появления новых соединений — процесс, как известно, давний и исторически закономерный. В современном языке он заметно активизируется по мере накопления в языке (достаточно быстрого) одноструктурных единиц.

Среди них наиболее сейчас актуальны и продуктивны *авиа-*, вносящее значение ‘авиационный’: *авиабомба, авиабензин, авиа-*

служба, авиаразведка, авиапочта, авиаписьмо; *аэро-*, вносящее значение ‘относящийся к авиации, воздухоплаванию’: *аэроклуб, аэромаяк, аэротранспорт, аэросев; авто-* ‘автомобильный’: *автовокзал, автолиния, автокросс, автомеханик*; *авто-* ‘автоматический’: *автосборка, автоспуск, автопилот; агро-* ‘агрономический’: *агротехника, агрокружок, агрорайон*; *астро-* ‘относящийся к астрономии’: *астрофизика, астронавигация, астропункт*; *био-* ‘имеющий отношение к органической жизни’: *биотопливо, биопрепарат, биотоки*; *вело-* ‘велосипедный’: *велоспорт, велогонки, велопробег; вибро-* ‘вибрационный’: *вибромолот, вибросито*; *гелио-* ‘относящийся к солнцу’: *гелиоэнергетика, гелиотехника, гелиоприборы*; *гео-* ‘имеющий отношение к земле’: *геомагнетизм, геотехника*; *гидро-* ‘относящийся к воде, водной энергии’: *гидроавтомат, гидродобыча, гидроторф*; *мото-* ‘мотоциклетный’: *мотоспорт, мотопробег, мотогонка; мото-* ‘моторный, моторизованный’: *мотобот, мотодивизия; зоо-*, вносящее значение ‘относящийся к животному миру’: *зооферма, зоогигиена, зоомероприятия*; *теле-* ‘относящийся к телевидению’: *телеэкран, телеспектакль, телепьеса* или ‘действующий на большом расстоянии’: *телеуправление, телебинокль, телеобъектив; электро-* ‘электрический’: *электросистема, электропроводка, электроток, электрооборудование; энерго-* ‘энергетический’: *энерголиния, энерговооруженность, энерготраты* и некот. др.

Особенно продуктивны аналитические прилагательные *кино-* (усечение от *кинематограф*), *радио-* (*радиотелеграф*), *фото-* (*фотография*): они функционируют и в качестве существительных. Использование их как аналитических прилагательных было этим облегчено: языковое сознание говорящих уже оценило их как отдельные слова (существительные), нужен был лишь обычный для русского языка процесс адъективизации, чтобы превратить их в прилагательные.

Ряд единиц из этой группы уже превратился в аналитические прилагательные (т. е. они приобрели способность входить в свободные сочетания), другие на пути к такому превращению [26].

Единицы этого типа обладают и второстепенными признаками слова. Приводим примеры на синтаксическую сочетаемость:

Где стояли *мото-то* эти части (Из устной речи, 1964); Это звучало в обычной, *а не радио* коммуникации. Это же будет в *микро каких-то* обсуждениях (Из устной речи, 1965).

---

[26] Этот тип представлен и во многих других языках, в частности в чешском, где в качестве определительных частей сложений также широкоупотребительны иноязычные корневые морфемы. Распространенность слов этого типа в чешском языке, по-видимому, менее значительна, чем в русском, и в чешской лингвистической литературе очень остро стоит вопрос об их литературности. См.: M. Helcl. Hybridně složená slova jako elektromotor, autodoprava. «Naše řeč», ročn. XXXVI, 1953, № 1—2; V. Mejstřík. Tzv. hybridní složeniny a jejich stylová platnost. «Naše řeč», ročn. ILIII, 1965, № 1.

А сейчас будет театральная афиша. Нет, не театральная, *а кино* (Радиопередача, 3 марта 1963); Сразу же после получения этого сообщения редакции вашингтонских газет, *радио- и телевизионных* станций направили своих корреспондентов для освещения этого события («За рубежом», 1961, № 7); Эти микроскопические металлические объекты помешают работе *радио- и телевизионных устройств* («Техн.— мол.», 1961, № 12); Расс Никсон — представитель Объединенного профсоюза рабочих *электро-, радио- и машиностроительной* промышленности в Вашингтоне («За рубежом», 1961, № 7); Это и есть политехнизация жизни, я назвал бы ее изучением техники жизни: самостоятельная сборка *радио- и телевизионных* приемников, курсы кройки и шитья, косметические и кулинарные курсы («Польша», 1961, № 7); Судно полностью оснащается *радио- и навигационными* приборами, телевидением и средствами управления и связи («Зн.— сила», 1963, № 12); Западногерманские спортивные лидеры вели себя так, будто они — единоличные руководители единой команды. Представителей ГДР они попросту пытались игнорировать в *радио-* и *телевизионных* интервью, на пресс-конференциях («Сов. спорт», 8 февр. 1964); Эти перегородки очень быстро устанавливаются, в них очень легко провести *электро и другие* проводки, но они отличаются недостаточной звукоизоляцией («Англия», 1964, № 4); Здесь открывается мастерская, где будут заниматься юные техники. Уже работают кружки художников-оформителей, *автомото, музыкальный и другие* («Веч. Москва», 27 окт. 1955); Работают кружки: *драматический и фото* (Радиопередача, 20 янв. 1963). Подобны приведенным многочисленные другие сочетания типа *электро- и водные процедуры, электро- или газовый подогрев воды, фото- и электронное реле, электро-, радио- и телефонные линии* и т. д.

Многие из неизменяемых определителей этого типа имеют свое собственное ударение, менее сильное, чем у существительного — так же, как у большинства сочетаний прилагательных с существительным [27]. Вот некоторые из таких определителей: *авиа- (àвиасвя́зь), аэро- (àэровокза́л), авто- (àвтозавóд, àвтопóйлка), агро- (àгромúнимум), астро- (àстрофúзика), био- (бùомехáника), вибро- (вùбромóлот), вело- (вèлофигурúст), гелио- (гèлиогравю́ра), гидро- (гùдроавиáция), микро- (мùкрорайóн), мото- (мòтогóнки), зоо- (здобáза), кино- (кùноартúст), радио- (рàдиосвя́зь), теле- (тèлепередáча, тèлеуправлéние), фото- (фòтобумáга), электро- (элèктролúния), энерго- (энèргосистéма).* Ср. отсутствие ударения на подобных же элементах, когда они являются частью слова, а не словосочетания (т. е. морфемой, а не словом): *авианóсец, аэродрóм, аэромéтр, агронóм, астронáвтика, биолóгия, био-*

[27] Ср. замечание Ф. Е. Корша, что в сочетаниях типа *белый дом* ударно только существительное.

гра́фия, гелиоско́п, велосипе́д, гидро́метр, гидро́граф, мотово́з, мотодро́м, зооло́гия, радиогра́мма, телеви́зор, телеско́п, фотогра́фия[28].

86. Процесс превращения «прилагательной морфемы» в слово может быть детально продемонстрирован на примере соединений с компонентом *радио-*, поскольку потенциальные возможности сочетаемости здесь, в связи с наличием соответствующего социального заказа, оказались выраженными достаточно полно.

Как известно, широкое распространение радио у нас начинается с 1924 года, когда был подписан декрет о разрешении радиолюбительства. До этого использование радио было ограничено некоторыми техническими целями, и само число слов, включающих элемент *радио-*, было очень невелико[29]. Примерный список этих слов — специальных технических наименований, известных к началу 20-х годов, включал *радиотелеграф*[30], *радиотелефон, радиотехника, радиопередача, радиоприем, радиоприемник, радиосвязь, радиостанция, радионавигация, радиомаяк, радиокомпас* и некот. др. С июня 1924 г. радиодвижение (называем его так, пользуясь термином того времени) приобретает сразу необыкновенно широкий размах. «Еще полгода назад,— писал журнал «Новости радио» в 1925 г.,— ни одного радиолюбителя. Сейчас — десятки простых (доступных) радиотехнических книжек, несколько радиолюбительских журналов, *радиоотделы, радиоуголки, радиохроники* — во всех значительных газетах».

---

[28] Неизменяемые определители этого типа вначале (в 20-е годы) были распространены в разговорной, сниженной речи интеллигенции, но быстро были усвоены и в нейтральной литературной речи и даже за ее пределами, в самых разных социальных слоях. Один из очень типичных в этом смысле примеров — проникновение сокращения *электро-* в речь сельских жителей в 20-е годы — отражен в повести А. Караваевой «Лесозавод» (1927). В речи интеллигенции, работающей на строительстве завода, весьма обычно употребление специализированных названий с «темой» *электро-*:

Он [инженер] говорил о двигателях, амперах, силе *электротока*. Этакий, знаете, домина в шесть этажей, *электромолотилки, электромельницы*... замечательно! На пашнях будут асфальтовые дороги, вечером там *электрофонари* будут гореть во всю ивановскую; у Елены пылали щеки... в глазах плавали сияющие туманы, будто уже встали по низинковским дорогам десятки малых *электросолнц* под железными дугами фонарей.

В речи крестьян же употребительно только полное прилагательное *электрический:*

В городе дома высокие, транвай, сады, лампочек *электрических* везде, как гороху понасыпано... Бывало молотилку *электрическую* завести — наше вам почтение, готово; А Огнев мне: что ж особенного-де, на один постав пока смогет давать силу, то есть энергию *электрического* света; А чем мельница-то работала?— Кажись, этим... как-ан его... *электрическими* машинами,— подсказал Кудряй.

Постепенно, однако, по мере освоения соответствующей терминологии, становится употребительным и сокращение *электро-:* Значит, выходит дело, на мельнице-то самой окромя вашего... ну... *электро-го-ка* никакой силы боле не понадобится?

[29] Известно, что само слово *радио* (от лат. radio 'излучаю') как термин в применении к электромагнитным колебаниям было введено в 1890 г. французским ученым Бранли.

[30] С. О. Карцевский дает такую справку: «Тот же прогресс техники создал *радиотелеграф* (говорят иногда «искровой телеграф») или просто *радио*, откуда пошло *радиосвязь*, особенно часто употреблявшееся во время гражданской войны, говорят также *радиограмма*» (С. О. Карцевский. Указ. соч., стр. 26—27).

Во время, когда создавалась база строительства социализма и решались задачи первых пятилеток, радиовещанию отводилась большая роль как мощному орудию организации масс, проведения в жизнь директив партии, как средству приобщения масс к науке, технике, культуре. Радио должно было способствовать решению тех грандиозных задач, которые стояли перед страной, обслуживать каждую область жизни. «Мы должны,— писал в одной из передовых статей в 1931 г. Ф. Кон,— поставить радио на службу рабочему классу и через посредство радио дать ему возможность подняться на высшую ступень культуры» [31]. «Нам нужна,— указывалось также,— массовая радиоагитация, радиопропаганда, радиокультура, радиопросвещение» [32].

Наличие такого нового социального заказа сразу же сказалось на росте соединений с *радио-*. Наряду с разного рода новыми соединениями терминологического характера — обозначениями специальных технических явлений и понятий: *радиоэлектричество*, *радиочастота*, *радиоволна*, *радиослышимость*, *радиосигналы*, *радиоакустика*, *радиополе*, *радиопомехи*; различных технических устройств, предназначенных для радиоприема и радиопередачи: *радиобашня*, *радиомачта*, *радиоантенна*, *радиоузел*, *радиоточка*, *радиоустановка*, *радиостудия*; специальных технических устройств, оборудованных радиоустановками: *радиозонд*, *радиопеленгатор*, *радиоторпеда*, *радиотормоз*, *радиомотор*, *радиограммофон*, а также и *радиоавтомобиль*, *радиовагон* [33]; специальных областей техники: *радиотехника*, *радиодело*, *радиопромышленность*; разного рода учреждений и организаций: *радиомастерская*, *радиолаборатория*, *радиозавод*, в том числе коммерческих: *радиомагазин*, *радиокооператив*, *радиофирма*, *радиорынок* и др.— возникает масса соединений и нетерминологических. Среди них большая группа соединений, имеющих то или иное отношение к жанрам радиопередач: *радиогазета*, *радиоблокнот*, *радиобюллетень*, *радиокалендарь*, *радиолекция*, *радиобеседа*, *радиодоклад*, *радиорепортаж*, в том числе и ряд обозначений, связанных с разработкой новых форм радиоискусства: *радиотеатр*, *радиомузыка*, *радиомелодии*, *радиожанр*, *радиорепертуар*, *радиоконцерт*, *радиоэстрада* [34]; множество соединений, включающихся в круг ак-

[31] «Говорит СССР», 1931, № 3.

[32] «Новости радио», 1925, № 6.

[33] В 20—30-х годах широкое распространение (особенно за границей) получило экспериментаторство в области бытового применения радио и конструирования разного рода бытовых предметов, оборудованных радио. Почти в каждом из номеров журнала «Радиослушатель» (затем — «Новости радио», «Говорит СССР»): можно найти новое «сенсационное сообщение об изобретениях подобного рода: *радиобудильник*, *радиочайник*, *радиопогребец* (для провоза спиртного контрабандой), *радиопианино*, *радиоорган*, *радиовелосипед*, *радиошкаф*, *радиотумбочка*, *радиостол*, *радиолампа*. Радиоприемник помещают также в трубке, бутылке, на зубной щетке, дамской шляпе, создается *кукла-радиоприемник*. В одном из рассказов тех лет фигурирует и *радиомогила* как обозначение грандиозного мавзолея, оборудованного гигантскими громкоговорителями (П. Бетлер. Радиомогила мистера Скландера. «Новости радио», 1927, № 41).

[34] Особенности восприятия звучащей речи, задача сделать передачи наиболее доходчивыми обусловливают поиски и наиболее удобных для этого язы-

туальной в то время общественно-политической лексики: *радиодвижение, радиодостижения, радиозадачи, радиообщественность, радиосоревнование, радиорекорд, радиоплан, радиознания, радиограмотность, радионеграмотность, радиоликбез, радиофронт, радиоинтернационал, радиосмычка, радиовылазка, радиопоход, радионалет, радиопраздник, радиооктябрь, радиомай*; обозначения общественных мероприятий, которые организуются по радио: *радиосуд* (над бесхозяйственностью), *радиособрание* (по выполнению третьего, решающего года пятилетки), *всесоюзный радиомитинг, радиоотчеты* (о ходе соревнования), *радиоконференция, радиоперекличка* (городов), *радиослет* (пионеров и школьников), *радиосбор* (радиогазеты «Ленинские искры»); культмероприятий: *радиоэкскурсия по Москве, радиоутренник, радиовечер, радиолотерея, радиогимнастика, радиофизкультура;* различных других мероприятий, организуемых и передаваемых средствами радио: *радиопреподавание, радиовыступление, радиодирижирование, радиодрессировка* (животных), *радиопереписка, радиоразговор, радиоречь, радиоконсультация, радиоинформация, радиообъявление, радиореклама;* обозначение лиц: *радиорепортер, радиодиктор, радиолектор, радиоартист, радиопевица, радиоаккомпаниатор, радиообщественник, радиоударник, радиоорганизатор, радиостудент, радиофизкультурник* и т. д. и т. п.

Тот факт, что радио как новое средство общения стоит в то время в центре внимания широкой общественности и разные стороны его применения в силу новизны «общественно бурно переживаются», обусловливает появление огромного числа эмоционально окрашенных соединений: *радиочудо, радиосчастье, радиоотрада*; с другой стороны — *радиоскука, радионеприятности, радиолихорадка, радиоканитель, радиозуд, радиоболезнь, радиобеспорядки, радиобезобразия, радиоанархия, радиомуки, радиохулиганство, радиосутолока, радиоспячка, радиомытарства, радиопрорыв, радиохалтура.*

Создается мода на такие соединения. Появляются *радиомужья* (мужья, слишком увлеченные радио) и *радиовдовы, радиосиротки* и *радионесчастные*, называется новое племя *радиоребят* (которые все свободное время целиком посвящают возне с радиоприемниками), появляются *радиозайцы* (лица, обладающие радиоприемными станциями, но не зарегистрировавшие их) [35], а по аналогии с ними — *радиобараны* и *радиольвы* [36]. Ча-

ковых средств. В 20—30-х годах очень актуален вопрос о правилах *радиоязыка*, об особенностях *радиоречи, радиофразы, радиопроизнесения, радиорассказчика*. См.: А. Шнейдер. Язык радиопрессы. «Говорит СССР», 1931, № 2.

[35] Явление это имело очень широкое распространение, а название *радиозаяц* было не только юмористически-шутливым, но употреблялось и как вполне нейтральное: К сведению *радиозайцев*,— делается объявление в журнале «Новости радио».— Управление округа предупреждает *радиолюбителей*, не запломбировавших свой приемник, о необходимости поторопиться (1925, № 3).

[36] Название *радиозайцы*,— пишут в одной из статей о суде над радиозайцами,— позорно и незаслуженно. Скорей можно назвать *радиобаранами* тех

стушки именуются «*Радиогармонью*», фельетон на тему о любви двух слушателей радио — «*Радиолюбовью*», толпа людей у громкоговорителя — *радионаселением*, очередь послушать радио — *радиоочередью*. Демьян Бедный, выступающий заочно в суде над радиозайцами, называет себя *радиосвидетелем* и *радио-Демьяном*, частушки, стилизованные под него, подписываются *радио-Дёма*, появляется басня «Квартет» — *по радио-Крылову* и т. д. Словом, налицо необыкновенно большая свобода соединений с элементом *радио-* как в жанрах серьезных, стилистически нейтральных, в частности в газетно-публицистическом, так и в юмористических. Естественно, что большинство этих последних соединений окказионально и, раз возникнув, не закрепляется в языке. В дальнейшем именно такого рода соединения идут на убыль.

Наличие незамкнутого и не ограниченного в количестве ряда соединений с элементом *радио-* само по себе уже является важным для характеристики этого элемента как отдельного слова в составе рассмотренных соединений. Важно, однако, показать, исходя не только из количественных, но и из качественных данных, насколько рассматриваемые соединения есть соединения действительно свободные. Это предполагает, в свою очередь, необходимость показать: 1) что значение *радио-* во всех соединениях (или большинстве — важно подсчитать соотношение и преобладание одних соединений над другими) всегда одно и то же, что оно строго стандартно; 2) что второй элемент соединения есть также отдельное слово, что он также входит в незамкнутый ряд других соединений, внося в них одно и то же значение.

Для этого надо проанализировать, какие значения имел несклоняемый определитель *радио-* в сочетаниии с существительным и в какой степени позиционным, зависящим от значения существительного, было распределение этих значений.

В 20-х годах в «радиосочетаниях» неизменяемый определитель имел такие значения:

1. ‘осуществляемый средствами радио’: *радиовещание, радиовидение, радиоприем, радиопередача, радиосвязь, радиотрансляция;*

2. ‘передаваемый по радио’: *радионовости, радиоизвестие, радиоинформация, радиобеседа, радиолекция, радиодоклад, радиодонесения, радиорепортаж, радиомонтаж, радиогазета, радиожурнал, радиоблокнот, радиобюллетень, радиопресса, радиоконцерт, радиомузыка, радиомелодия, радиоочерк, радиоводевиль, радиодрама, радиопьеса, радиоинсценировка, радиопоэма, радиосказка, радиооперa, радиосплетни, радиоерунда* (юморист.); (*надоевшее*) *радиоблюдо* (юморист.);

патентованных законных радиолюбителей, которые довольствуются слушанием концертов и больше ни о чем не помышляют; Нередко думал он притом: |*Радиозайцем* быть опасно,| Уж лучше быть *радиольвом* («Новости радио», 1925, № 24).

3. ‘свойственный радиовещанию’: *радиодостижения, радиозадачи, радиозапросы, радионужды;*

4. ‘приспособленный к особенностям (условиям) передачи звучащей речи, обусловленный спецификой радио’: *радиоязык, радиоизложение, радиофраза, радиоискусство, радиотеатр, радиосцена, радиофильм*;

5. ‘вызванный радиовещанием’: *радионужды, радиозапросы, радионеприятности, радиомытарства, радиомуки, радиосчастье, радиоболезнь, радиолихорадка, радиоэпидемия;*

6. ‘организованный с помощью радио’: *радиомитинг, радиоконференция, радиозаседание, радиособрание, радиоперекличка, радиопраздник, радиовечер, радиовеселье, радиоторжество, радиоутренник, радиоэкскурсия*; ‘ведущийся с помощью радио’: *радиовойна, радиопереговоры, радиоразговор, радиопреподавание, радиодирижирование, радиодрессировка, радиоучеба, радиоурок, радиопереписка*;

7. ‘предназначенный для передачи и приема информации по радио’: *радиомачта, радиобашня, радиопередатчик, радиоприемник, радиоприбор, радиоаппаратура, радиопринадлежности, радиоинструмент, радиосредства:*

8. ‘относящийся к радиоаппаратуре’: *радиоконсультация, радиограмотность, радионеграмотность, радиознания, радиоминимум*;

9. ‘оснащенный радиоприемниками’: *радиозал, радиоаудитория, радиокомната, радиокабинет, радиокабина, радиоавтомобиль, радиовагон, радиофургон; радиопивная, радиоизвозчик* (юморист.);

‘соединенный с радиоприемным устройством’: *радиобудильник* (ср. *радиобудильник* у В. Маяковского в поэме «Летающий пролетарий» в другом значении: Восемь. Кричит *радиобудильник* вежливый), *радиочайник, радиопианино, радиоорган, радиочасы*;

‘работающий при помощи радио’: *радиозонд, радиобуй, радиомаяк, радиомотор, радиотормоз*;

‘управляемый по радио’: *радиомашина, радиоторпеда*;

10. ‘изготовляющий аппаратуру для радио’: *радиозавод, радиолаборатория, радиопромышленность*;

11. ‘предназначенный для продажи радиотоваров’: *радиомагазин, радиокиоск, радиофирма, радиокооператив, радиорынок, радиоярмарка*;

12. ‘служащий для подготовки специалистов по радиотехнике’: *радиоинститут, радиошкола, радиокурсы, радиокружок*;

13. ‘содержащий сведения о радиотехнике’: *радиолитература, радиобиблиотека, радиоиздания, радиоэнциклопедия*;

14. ‘связанный в своей деятельности с радиовещанием’: *радиолюбитель, радиослушатель, радиодеятель, радиоорганизатор, радиообщественник, радиоударник;*

15. ‘работающий на радиостудии’: *радиоадминистратор, радиодиктор, радиоартист, радиоработник, радиорепортер, радиомузыкант, радиоаккомпаниатор, радиоклоун;*

16. ‘выступающий по радио’: *радиолектор, радиосвидетель, радиопевица, радиоансамбль, радиооркестр;*

17. ‘слушающий радио’: *радиослушатель, радиоаудитория, радиоабонент, радиоребята, радионаселение* (слушатели лекций, докладов);

‘занимающийся по радио’: *радиостудент, радиофизкультурник*;

18. ‘увлеченный (чрезмерно) радио’: *радиоискатель, радиофанатик, радиомуж*;

‘жертва увлечения радио’: *радиовдова, радиосиротки, радионесчастный*;

19. ‘сделавшийся специалистом по радиоприборам’: *радиоинженер, радиоинструктор, радиотехник, радиоконсультант, радиоавторитет* (шутл.);

20. ‘организующий работу радиовещания’: *радиосовет, радиокомитет, радиоцентр.*

Все огромное количество сочетаний распределяется между этими многочисленными значениями (впрочем, некоторые более редкие значения здесь не указаны). До какой степени в каждом отдельном случае семантика элемента *радио-* определяется семантикой существительного? Иначе говоря: в какой степени позиционным является распределение значений у несклоняемого определителя *радио-*? Степень эта невелика. Огромное количество сочетаний многосмысленно: вне контекста или при недостаточно разъясняющем контексте они могут быть поняты по-разному. Существительное обычно неясно определяет значение примыкающей единицы *радио-*; значение этой единицы капризно-вариативно; варьирование его не определено контекстом. Определение значения при отсутствии традиции в употреблении каждого такого сочетания предоставлено догадливости слушателя и читателя.

Возникло характерное противоречие: появилось многосотенное число сочетаний с единицей *радио-*; такая многочисленность сочетаний свидетельствовала о том, что они — свободные сочетания, т. е. сочетания слов. Однако у слов значение или постоянно, или изменяется позиционно (см. IV, § 78). В 20-е годы, напротив, у огромного числа сочетаний с определителем *радио-* значение варьировалось не позиционно, менялось капризно-фразеологично. Дальнейший путь мог быть только одним: постепенное устранение одних значений и позиционное упорядочение других. Так и случилось.

Указанные выше значения 3, 5, 6, 8—18, 20 оказались устраненными: в 50—60-е годы они уже неупотребительны в сочетаниях с *радио-;* остальные распределились позиционно. Зная, к какой семантической группе принадлежит существительное, мож-

но, без большого риска ошибиться, сказать, каково значение *радио-* в сочетании с этим существительным (даже если дальнейший контекст неизвестен).

Конечно, не все сочетания, начинающиеся единицей *радио-*, являются свободными. Наряду с существительным *радио-*, аналитическим прилагательным *радио-*, существует и омонимичная морфема *радио-* (*радиолокация, радиотелеграф* и т. п.). Этот факт, разумеется, не мешает квалифицировать огромное большинство сочетаний с несклоняемым определителем *радио-* как словосочетания.

87. Были описаны четыре группы аналитических прилагательных: 1) *беж, до диез, коми;* 2) *гос-, парт-, хоз-;* 3) *лесо-, хлебо-, нефте-;* 4) *радио-, авто-, фото-*. Не все группы в равной степени активны как поставщики аналитических прилагательных. Единицы третьей группы, видимо, «отстают» в своем превращении из морфем в слова (об этом уже говорилось: см. выше, IV, § 85).

Это подтверждают и данные лингвистического эксперимента. Можно предположить, что один из второстепенных признаков слова — способность соединяться сочинительной связью с другими единицами того же (или близкого) типа — служит показателем, насколько полно данная единица обрела качество «словности», насколько приблизилась к качественной границе, преодолев которую, она становится полноценным словом. Второстепенный признак слова, таким образом, служит зеркалом основного и главного признака.

Большому количеству информантов был задан вопрос: «Считаете ли вы вполне правильными такие сочетания: *мото- и велосипедные гонки, авиа- и морские перевозки, электро- и газовый подогрев воды, лесо- и нефтяные заводы, проф- и партийные работники, радио- и телевизионные передачи, радио- и телевизионные устройства, фото-, кино- и чертежные товары?*»

Огромное большинство отвечающих — независимо от возраста, образования и социального положения — дали положительный ответ, т. е. признали приведенные сочетания вполне возможными и правильными. Однако оценка разных сочетаний оказалась неодинаковой. Очевидно, степень «словности» разных элементов представляется все же разной. Резкий спад числа положительных ответов сравнительно с другими характеризует *лесо-*. Очевидно, прав был Г. О. Винокур, утверждая, что на иноязычные слова, в силу неизменяемости, по большей части им свойственной, наслоение значения прилагательного происходит легче [37].

Результаты описанного эксперимента показаны в табл. 20.

---

[37] Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. «Труды МИФЛИ», т. V, 1939, стр. 47.

Возрастная группа	1885—1895 гг.			
Сочетания	всего ответов	ответ положительный, %	ответ отрицательный, %	всего ответов
мото- и велосипедные гонки	166	65,4	34,6	326
авиа- и морские перевозки	166	65,0	35,0	326
электро- и газовый подогрев	164	64,0	36,0	318
лесо- и нефтяные заводы	163	38,6	61,4	321
проф- и партийные работники	166	65,5	36,5	324
радио- и телевизионные передачи	166	81,0	19,0	324
радио- и телевизионные устройства	166	82,0	18,0	322
фото-, кино- и чертежные товары	160	56,8	43,2	315

Возрастная группа	1885—1895 гг.			
Соединения	общее число ответов	расшифровано прилагательным, %	расшифровано другими сочетаниями, %	общее число ответов
агитбригада	155	80,0	20,0	338
агитпоезд	151	84,1	15,9	328
агитпункт	149	85,9	14,1	332
бензобак	154	51,9	48,1	335
бензоколонка	152	60,5	39,5	324
водолечебница	142	40,1	59,9	311
грязелечебница	144	44,4	55,6	322
светолечение	148	25,7	74,3	328
газобаллон	154	44,8	55,2	332
металлоизделия	155	65,8	34,2	332
судомеханик	170	81,2	18,8	311
спортинвентарь	173	85,6	14,4	316
теплотехник	147	34,0	66,0	252
теплоузел	147	68,0	32,0	251

88. Другой эксперимент состоял в том, чтобы «расшифровать» некоторые соединения — *агитбригада, агитпоезд, агитпункт, бензобак, бензоколонка, водолечебница, грязелечебница,*

Таблица 20

1905—1915 гг.		1925—1935 гг.			Рождения 1945 г. и позже		
Варианты ответов							
ответ положительный, %	ответ отрицательный, %	всего ответов	ответ положительный, %	ответ отрицательный, %	всего ответов	ответ положительный, %	ответ отрицательный, %
60,0	40,0	1020	64,8	35,2	1083	69,0	31,0
60,0	40,0	1020	66,0	34,0	1083	76,5	23,5
60,0	40,0	991	60,0	40,0	1004	64,0	36,0
36,8	63,2	994	39,4	60,6	1014	50,0	50,0
49,8	50,2	997	53,0	47,0	1033	63,5	36,5
77,8	22,2	1017	80,0	20,0	1059	82,0	18,0
79,0	21,0	998	79,0	21,0	1043	80,5	19,5
54,0	46,0	984	47,5	52,5	1009	53,7	46,3

Таблица 21

1905—1915 гг.		1925—1935 гг.			Рождения 1945 г. и позже		
Варианты ответов							
расшифровано прилагательным, %	расшифровано другими сочетаниями, %	общее число ответов	расшифровано прилагательным, %	расшифровано другими сочетаниями, %	общее число ответов	расшифровано прилагательным, %	расшифровано другими сочетаниями, %
91,1	8,9	1047	93,5	6,5	1121	93,3	6,7
92,4	7,6	1025	96,5	3,5	1072	95,3	4,7
93,1	6,9	1040	95,6	4,4	1109	96,2	3,8
71,3	28,7	1050	75,8	24,2	1133	72,3	27,7
75,3	24,7	1031	82,4	17,6	1086	80,1	19,9
51,7	48,3	986	66,5	33,5	1004	71,8	28,2
55,9	44,1	1001	69,6	30,4	1073	74,6	25,4
39,6	60,4	1023	54,6	45,4	1111	65,8	34,2
63,3	36,7	1031	70,3	29,7	1128	72,6	27,4
83,1	16,9	1041	80,6	19,4	1121	81,4	18,6
87,5	12,5	1021	90,6	9,4	1112	88,1	11,9
94,3	5,7	1036	97,8	2,2	1132	97,4	2,6
40,5	59,5	831	54,9	45,1	915	75,5	24,5
76,5	23,5	885	86,8	13,2	979	92,7	7,3

светолечение, газобаллон, металлоизделия, спортинвентарь, судиомеханик, теплотехник, теплоузел (см. табл. 21).

Результаты опыта говорят о явном росте ощущения их при-

лагательности. Данные ответов здесь имеют очень характерное распределение в зависимости от возраста отвечающего. Наименьший процент положительных ответов (т. е. расшифровки этих сочетаний с прилагательным) дают лица старшего возраста, наибольший — младшего. Очевидно, по мере того как эти несклоняемые определители приобретали все более ясную характеристику слова, по мере того как они все шире и шире включались в свободные сочетания, формировалось и восприятие их как слов, как аналитических прилагательных, т. е. как ближайших родичей изменяемых прилагательных. Сознание каждого следующего поколения все более и более уверенно отражает эту растущую определенность формирующегося языкового класса.

Превращение ряда элементов (частей) слов в слова связано, как было сказано, с резким ростом названий для новых объектов действительности, с бурным процессом наименования, который всегда характеризует эпохи стремительного общественного развития.

Эта группа примыкающих определителей, как и весь класс аналитических прилагательных, находится в процессе развития, во многих случаях представляя факты скорее речевого плана, хотя речевое настойчиво кристаллизуется в языковое. Как активно процесс этот будет идти — покажет время. Важно, однако, уже и сейчас, хотя сфера распространения всех этих явлений еще очень узка, определить и оценить возможность некоторых общих изменений (связанных с этим) в других звеньях морфологической системы. В частности, это касается действующей синтаксико-морфологической структуры выражения рода, поскольку в сочетании с такими прилагательными независимо от того, функционируют ли они в качестве морфем или отдельных слов, существительные лишаются возможности обнаружить род в формах прилагательных (см. IV, § 82—85).

Процессы развития аналитических прилагательных углубляют и аналитичность существительных (см. IV, § 42).

Все эти явления при условии дальнейшего достаточно большого их распространения могли бы свидетельствовать об определенных дальнейших сдвигах в русской морфологической системе, о движении ее к аналитизму.

Известно, что именно появление в русском языке сокращений *нэпо-, ком-, проф-, сов-* давали в свое время В. И. Ленину право заключать, что русский язык прогрессирует в сторону английского [38].

Мы являемся свидетелями гораздо большего распространения подобных фактов.

---

[38] В. И. Ленин. Планы статьи «Заметки публициста». Полн. собр. соч., т. 44, стр. 503.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Действие морфологической аналогии. *Освобождение морфологических изменений в советскую эпоху от власти аналогии. Причина этого — возрастающая стабильность литературного языка, сознательное отталкивание от нарушений литературной нормы. Вытеснение у глаголов II спряжения безударной флексии* -[ут] *флексией* -[ът] *под влиянием ударных форм II спряжения. Грамматическая аналогия в этом случае — следствие поддержки письменной нормы.*

89. Многие исторические факты в морфологии объясняются действием грамматической аналогии. Но это — в прошлом. Морфологические изменения в XX в. как будто освободились от власти аналогии, не она определяет новые процессы в грамматике. Конечно, ее действие не исчезло: если в языке есть неизменяемое слово *депо, пальто, трико,* то новым словам *кино, радио, метро* легче утвердиться как неизменным. Если в сочетании *кусок сахару* стала господствовать форма на *-а* (*кусок сахара*), то легче этой же флексии утвердиться в сочетании *совок песка* и т. д. Аналогия сохраняет свое значение при распространении новых морфологических явлений, при переносе их с одной лексической единицы на другую лексическую единицу этого же класса.

Но она как будто лишилась силы переносить морфологические особенности на единицы другого лексико-грамматического класса. А ведь именно такое действие аналогии имеется в виду, когда описываются изменения в русской морфологии прошедших столетий [1].

Почему же грамматическая аналогия, по-прежнему помогая распространению грамматических явлений, заметно ослабила свою творческую силу, т. е. способность, нарушая сложившиеся

---

[1] Например, когда распространяется флексия *-ами* вместо *-ы* в словах типа *вороны, слоны* (тв. мн.), то аналогическое влияние переносит аффикс одного класса существительных (жен. р.) на другой класс (муж. и сред. р.). Если бы грамматическая аналогия действовала в тех же пределах, то ее силы хватило бы только на то, чтобы в новых словах муж. и сред. р. вызывать флексию *-ы*.

закономерности, создавать новые? Причина — во все возрастающей стабильности литературного языка.

В 20-е годы возникала возможность резкого изменения в некоторых участках морфологической системы. К таким изменениям могло привести сильное влияние просторечия. Например, наблюдения над устной речью в 20-х годах и даже показания печати говорят о том, что очень распространенным было склонение слов *время*, *племя* и проч. точно по образцу *поле*, т. е. *времю*, *времем* и т. д. Однако новшество не укрепилось, и даже из устной речи оно было вытеснено настолько, что сейчас такие формы в речи интеллигенции возможны только как оговорка. Устойчивая форма, возникшая аналогически, осталась лишь в вопросе: *Сколько время?*

Резкое и повсеместное повышение культуры населения привело к тому, что уже в 30—40-е годы началось жестокое гонение всех отступлений от литературной нормы. Сознание важности языка как орудия культуры, как средства существования литературных и художественных произведений, заставило новых строителей литературного языка ценить в нем традицию. Возможность сколько-нибудь значительных нарушений традиции под влиянием аналогии значительно сократилась.

90. В 20-х годах живая речь новых носителей литературного языка не чуждалась таких форм, как *пахают, пахая, пахающий, дремают, колебают, прятают, стрекотают, трепают, скакают* и проч. (по аналогии с *играют*, *ласкают*).

Этот процесс, известный в языке как переход глаголов первой непродуктивной группы в I продуктивный класс, свойствен и диалектам, и городскому просторечию. Свидетельства художественной литературы весьма красноречивы: писатели очень часто, характеризуя речь персонажей, используют такие формы. Очевидно, натиск на литературный язык со стороны диалектов и городского просторечия был очень сильным.

Сейчас непродуктивные образования обнаруживают более высокую частотность в речи, чем соответствующие новые, но ненормативные формы. Данные вопросников по современной русской морфологии подтверждают это. Например, из 3718 человек, ответивших на вопрос относительно употребления дублетов *машут — махают* (в предложении: *Провожающие стоят на перроне, машут/ /махают вслед уходящему поезду*), 3253 человека употребило форму *машут* (89%) и лишь 445 человек — форму *махают* (11%).

Грамматическая аналогия, как видно, оказалась неспособной, несмотря на помощь диалектов и просторечия, победить традицию литературного языка. Его новые хранители и создатели отказались от грамматических новшеств, разрывающих преемственность с культурой прошлого.

Особенно сильным было стремление изгнать морфологические новшества в 30-х годах. Приведем в связи с этим замечание

В. Бианки на совещании по детской литературе в 1936 г. относительно использования формы *махая*: «Иногда редакторы слишком усердствуют в исправлении русского языка, который им якобы одним и ведом. Вот, например, о слове *махая*. Один из ленинградских редакторов заявил мне, что такого слова в русском языке нет... На это я привел строки из небезызвестного поэта, где говорится про орла, который, «махая крылом, кровавую пищу клюет под окном» [2].

91. Грамматическая аналогия в современном русском литературном языке может нарушить сложившиеся нормы только в том случае, если она опирается на сложившуюся норму. Парадоксальность этого утверждения лишь кажущаяся. Речь дальше пойдет о том, как под влиянием форм *тереблю — теребят, свищу — свистят* и под. изменились формы *приспособлю — приспособют, вымещу — выместют* и под.

92. Из многочисленных высказываний исследователей русского литературного языка о произношении начала XX в. известно, что без ударения флексии I и II спряжения не различались, так как гласные личных флексий, кроме 1-го лица ед. и 3-го лица мн. ч., совпадали в звуке [ь], а в 3-м лице мн. ч. произносился звук [у]. «Живое произношение *держут* вместо *держат*, *ходют* вместо *ходят*, *будют* вместо *будят*, *стоют* вместо *стоят*... является одним из доказательств бессмысленности распределения русских спряжений, повторяемого во всех грамматиках и основанного на буквах, на традиционном писании, а не на настоящем составе слов и форм» [3].

Ф. Е. Корш предлагал узаконить написания типа «служут», «ходют», ссылаясь на «нынешнюю этимологию этих форм» [4].

Такие рифмы, как *холят — колют, положат — обгложут, значат — плачут* и т. п. Р. Кошутич считает точными и дает транскрипции [хо́л'ут], [пало́жут], [зна́ч'ут] [5].

«Мы произносим *строют*, а также *дышут*, *держут*, *любют*, *косют*, *произносются*, *будют* (от *будить*),— писал Д. Н. Ушаков в в 1910 г. и ссылался на «постоянные орфографические ошибки в этой области» [6].

Ср. транскрипции Й. А. Люнделля ви́[д'ут], хо́[д'ут], то́[п'ут], е́з[д'ут], но́[с'у]тся, ви́[д'у]тся, схо́[д'у]тся [7].

Произношение *любят, косят* (т. е. лю́[б'ът], ко́[с'ът]) вместо *любют, косют* Д. Н. Ушаков (1928) оценивает как свидетельство того, что «в частностях... письмо подчинило себе язык: грамотеи

---

[2] Журнал «Детская литература», 1936, № 3—4, стр. 23.

[3] И. А. Бодуэн де Куртенэ. Лингвистические заметки и афоризмы.— ЖМНП, 1903, май, стр. 7.

[4] Ф. Е. Корш. О русском правописании.— ИОРЯС, кн. I, т. 7, стр. 64.

[5] Р. Кошутић. Граматика руског језика. Гласови. Пг., 1919, стр. 413.

[6] Д. Н. Ушаков. Русское правописание. М., 1911, стр. 43.

[7] J. Lundell. Lärobok i ryska språket. Stockholm, 1911.

придали мало-помалу буквенное произношение многим уже не книжным, а чисто русским словам... в полной уверенности, что «как написано, так и правильней» [8]; произношение (лю́[б'ът], ко́[с'ът]) Д. Н. Ушаков ставит в один ряд с такими явными отступлениями от орфоэпической нормы, как произношение [ч'то], коне[ч'н]о вместо [што], коне[шн]о.

С. И. Бернштейн, провозгласивший принцип сближения произношения с письмом, тем не менее резко отрицательно относится к таким появившимся под влиянием письма произношениям, как со[ц'и]ализм (вместо со[цы]ализм), [ч'то] (вместо [што]). се[го́]дня (вместо се[во́]дня), но́[с'ът], ви́[дэът] (вместо но́[с'ут], ви[д'ут]) [9]. Гораздо более терпимо к появлению [ъ] в расматриваемых формах относился Р. И. Аванесов (1937): «Наряду со старым орфоэпическим произношением безударных глагольных окончаний 3-го лица мн. ч. всегда как *-ут* (лю́[б'ут], во́[з'ут], ко́р[м'ут], го́[н'ут], смо́т[р'ут], но́[с'ут]) сейчас чрезвычайно развито произношение на *-ът* у глаголов 2-го спряжения (ко́[л'ут], дре́м[л'ут], но лю́[б'ът], во́[з'ът]...). Последние поддерживаются нашей орфографией, а также значительной частью севернорусских говоров» [10]. А через десять лет после написания этих строк (1947) Р. И. Аванесову уже пришлось констатировать, что произношение но́[с'ът], ку́[р'ът]... «в настоящее время шире распространено, чем старое московское» [11]. Еще через семь лет, в 1954 г., Р. И. Аванесов пишет, что «описанная особенность» (т. е. произношение -[ут] в глагольных окончаниях при написании *-ят*) (уже не свойственна современному состоянию русского литературного произношения: она сохраняется, и то лишь непоследовательно, в устах представителей самого старшего поколения. Произношение форм 3-го лица множественного числа 2-го спряжения последовательно с [у] вместо [а] для современного русского языка либо представляет собой сознательную стилизацию под старое московское произношение, либо характеризует просторечный нелитературный язык» [12].

Так в рекомендациях лингвистов отразился процесс вытеснения одних глагольных флексий другими.

93. Какие же флексии используются в 3-м лице мн. ч. глаголов (с ударением на основе) так называемого II спряжения сейчас, в 60-е годы XX в.? Материал вопросников позволяет судить

---

[8] Д. Н. Ушаков. Русская орфоэпия и ее задачи. «Русская речь», 1928, III, стр. 10.

[9] С. И. Бернштейн. Назревший вопрос (об орфоэпии).— РЯШ, 1936, № 5, стр. 117.

[10] Р. И. Аванесов. Вопросы русского литературного произношения.— РЯШ, 1937, № 3, стр. 85.

[11] Р. И. Аванесов. Работа над русским литературным произношением в школе.— РЯШ, 1947, № 3, стр. 20.

[12] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1954, стр. 119.

об этом. Было проанализировано 400 вопросников. 100 из них были заполнены москвичами старшего поколения (родившимися в 1910 г. и раньше), 200 — москвичами младшего поколения (30—40-е годы рождения) и 100 — москвичами среднего возраста (20-е годы рождения). Москвичами считались те лица, которые, заполняя анкету вопросника, написали «Москва»: 1) или в графах: «Место, где прошло детство» и «Место наиболее длительного пребывания», 2) или в графах: «Место, где прошло детство» и «Из какой местности происходят родители».

Рассматривались ответы на такое задание вопросника: подчеркнуть один из произносительных вариантов: *варют* или *варят*, *видются* или *видятся*,— тот, который употребляет информант [13].

Можно ожидать, что в речи старшего поколения [ут] в рассматриваемых формах встречается чаще, чем в речи младшего поколения. Подсчеты подтвердили эти предположения (см. табл. 22).

Таблица 22

Время рождения	Частота произношения [ут], %
1910 г. и раньше	0,48
20-е годы	0,30
30—40-е годы	0,18

Цифры отражают неуклонно происходящий в языке процесс вытеснения безударной флексии -[ут] флексией -[ът]. Однако говорить о полной победе новой формы нельзя.

94. Известно, что в ходе развития русского языка в результате редукции безударных гласных большая часть заударных флексий глаголов I и II спряжений стала совпадать (ср. табл. 23).

Точная хронологическая приуроченность этой системы для нас несущественна. Имеют значение два обстоятельства: 1) что эта система когда-то существовала, 2) что в рассматриваемый нами период развития русского литературного языка (т. е. в XX в.) ее уже не было.

Поскольку в результате редукции совпали все безударные глагольные флексии кроме флексий 3-го лица мн. ч., то, естественно, возникла тенденция к совпадению и этих флексий, т. е. к объединению всех глаголов с безударными флексиями в общий тип спряжения.

[13] Была проведена специальная проверка достоверности ответов на вопросник.. На магнитофон было записано, а затем прослушано и транскрибировано произношение двухсот студентов, которые вместе с тем заполнили и вопросники. Затем были сопоставлены данные ответов на вопросник и транскрипции. Оказалось, что вопросник дает достаточно достоверные ответы о произношении (см. об этом I, § 17).

Таблица 23

Форма		I спряжение		II спряжение	
		флексии ударные	флексии безударные	флексии безударные	флексии ударные
ед. ч.	1-е лицо . .	*у*	*у*	*'у*	*'у*
	2-е лицо . .	*'ош*	*'ьш*	*'ьш*	*'ош*
	3-е лицо . .	*'от*	*'ьт*	*'ьт*	*'ит*
мн. ч.	1-е лицо . .	*'ом*	*'ьм*	*'ьм*	*'им*
	2-е лицо . .	*'от'ь*	*'ьт'ь*	*'ьт'ь*	*'ит'ь*
	3-е лицо . .	*ут*	*ут*	*'ьт*	*'ат*

Для такого совпадения, очевидно, были две возможности: в качестве единой безударной флексии 3-го лица мн. ч. могла закрепиться или 1) флексия ⟨ут⟩ или 2) флексия ⟨ат⟩. Каковы же стимулы, чтобы закрепилось именно ⟨ут⟩? Существует мнение, что проникновение ⟨ут⟩ в глаголы II спряжения устранило опасную омонимию флексий 3-го лица ед. ч. и 3-го лица мн. ч. Кроме того, ⟨ут⟩ было «универсальнее» в отношении сочетаемости с предшествующим согласным: оно встречалось и после твердых, и после мягких согласных, и после шипящих (ср. *мерзнут*, *колют*, *пишут*), тогда как ⟨ат⟩ было возможно только после мягких и шипящих. Это также способствовало закреплению ⟨ут⟩ в качестве единой безударной флексии.

Однако окончательной и бесповоротной победе этой новации препятствовал, по нашему мнению, один существенный фактор — отношение глагольных морфонологических типов. До появления безударного ⟨у⟩ в 3-м лице мн. ч. глаголов II спряжения одни модели чередования характеризовали I спряжение, другие — II спряжение. В системе спряжения начала XX в. с отсутствием разграничения двух безударных спряжений, естественно, такого четкого распределения морфонологических типов по спряжениям не было. Модели чередований, которые при ударных флексиях характеризовали только II спряжение, без ударения принадлежали к «общему спряжению», по характеру флексии совпадавшему с I спряжением.

Таким образом, в ходе развития глагольной системы русского литературного языка возникло состояние неустойчивого равновесия: с одной стороны, действовала тенденция к образованию единой безударной парадигмы (эта тенденция поддерживалась фактом совпадения безударных флексий I и II спряжений); с другой стороны, действовала тенденция к сохранению двух без-

ударных парадигм (эта тенденция поддерживалась разграничением морфонологических типов в глаголах I и II спряжений).

95. В начале XX в. победила первая из указанных тенденций: личные парадигмы с ударением на основе образуют общий, единый тип спряжения, который характеризуется флексиями: -[у], -[ьш], -[ьт], -[ьт'ь, -[ьм], -[ут]. Однако в дальнейшем чаша весов клонится в другую сторону — в сторону выравнивания спряжений по морфонологическим типам.

Общий безударный тип спряжения в начале XX в. включал и глаголы с таким распределением ступеней чередования конечного согласного основы, которое под ударением было характерно только для II спряжения. В дальнейшем положение изменилось.

Парадигмы глаголов, подвергшиеся изменению, можно разделить на три типа: 1) глаголы с основой на мягкий согласный во всех лицах и числах. Такими согласными являются ⟨р'⟩, ⟨н'⟩, ⟨л'⟩, ⟨j⟩, ⟨ч'⟩: *верю, верить, верят*; 2) глаголы с основой на твердый шипящий ⟨ж⟩, ⟨ш⟩, во всех лицах и числах: *дышу — дышат;* 3) глаголы с чередованием фонем:

1-е лицо ед. ч.	*бл'*	*пл'*	*вл'*	*фл'*	*мл'*	*ж*	*ч*	*ж*	*ш*	*ж*	*щ*
Остальные лица	*б'*	*п'*	*в'*	*ф'*	*м'*	*д'*	*т'*	*з'*	*с'*	*зд'*	*ст'*

В I спряжении встречаются парадигмы и первого и второго типов. Третий же тип характеризует лишь II спряжение. И, как показал материал вопросников, флексия -[ут] в 3-м лице мн. ч. медленнее всего вытесняется именно в парадигмах первого и второго типов, т. е. в таких, которые являются общими для I и II спряжений. Так, по результатам вопросника в одну группу со средней частотой -[ут], равной 0,34, вошли глаголы первого и второго типов. Гораздо меньшая средняя частота появления -[ут]: 0,20 — относится к глаголам третьего типа, модель которого характеризует только II спряжение.

Поскольку система была неустойчивой, для этого нового процесса оказалось достаточно влияния некоторых экстралингвистических факторов: как отмечают исследователи, вытеснению флексии -[ут] флексией -[ът] способствовало влияние орфографии, а также некоторых северновеликорусских говоров [14].

96. Как уже говорилось (см. I, § 4—7), возможны случаи, когда противоречие в системе может быть решено разными путями — и с точки зрения системной разные решения в равной степени приемлемы. Тогда социальные стимулы могут очень сильно повлиять на дальнейшие судьбы того или иного участка языковой системы: они из двух равновозможных путей изберут какой-нибудь один и решат исход процесса. Именно так случилось с системой спряжения.

---

[14] Р. И. Аванесов. Вопросы русского литературного произношения, стр. 85.

Тенденция к уединоображиванию могла пойти двумя путями: можно было единообразно реализовать безударные флексии и I и II спряжений, устранив различия между ними, или единообразно сочетать с определенным типом чередований всегда один и тот же тип флексий, например, при чередовании ⟨бл'⟩ — ⟨б'⟩ всегда использовать флексию -⟨а́т⟩ (-[ат], -[ът]). Социальные факторы, усилив значение письменной речи как источника усвоения литературного языка, определили резкий поворот к разрядке напряжения в системе по второму пути: укрепились флексии -[ът] после согласных, представляющих то чередование, которое типично для II спряжения. Резкое изменение того направления, в котором идет уединоображивание, могло быть вызвано только новыми условиями социального бытования языка.

В результате рассматриваемого изменения в произношении была перестроена система спряжения: появились глаголы II спряжения с безударными личными флексиями. I и II спряжения в ударной и в безударной разновидностях последовательно противопоставляются друг другу и личными парадигмами и морфонологическими моделями. Таким образом, система спряжения середины XX в. отличается большей стройностью и симметричностью, чем система начала XX в.

97. Но и достигнутое равновесие все же еще не полностью закреплено в речи. Даже в речи актеров и радиодикторов, т. е. людей, обучавшихся традиционным орфоэпическим нормам, встречается такое произношение: пла́[ч'ът] (*плачут*), курлы́[ч'ът] (*курлычут*), бо́[р'ъ]тся (*борются*).

Частота [у] в глаголе *борются*, установленная по данным вопросника по произношению, оказалась равной 0,68. Это значит, что примерно 30 человек из 100 уверены, что в этом глаголе они произносят не -[ут]. Из двух данных в вопроснике форм: *борятся — борются* — они подчеркнули первую, вопреки орфографическому навыку. Возможно, эти факты, пока единичные, не случайны и когда-нибудь снова победит тенденция к слиянию двух безударных личных парадигм в одной, притом уже в виде общей флексии -[ът] в безударных глагольных формах.

Именно потому, что это изменение не случайное и вызвано внутренними причинами, состоянием неустойчивого равновесия в языке,— грубое нарушение орфоэпической нормы, каким было в начале XX в. и даже в 20-е и 30-е годы XX в. произношение [ът] вместо [ут] (оно приравнивалось исследователями к таким орфоэпическим ляпсусам, как [ч'то], се[го́]дня, со[ц'и]ализм), вопреки запретам орфоэпистов, пробило себе дорогу и стало не только приемлемым, но и преобладающим и законным в языке.

Итак, по аналогии с глаголами:

тереблю — теребят... *графлю — графят...*
укреплю — укрепят... *утомлю — утомят...*
удешевлю — удешевят... *стыжу — стыдят...*

копчу — коптят...
поражу — поразят...
колешу — колесят...
борозжу — бороздят...
свищу — свистят...

стали спрягаться и глаголы с безударными флексиями:

приспособлю — приспособят...
вытоплю — вытопят...
оставлю — оставят...
потрафлю — потрафят...
познакомлю — познакомят...
высажу — высадят...
трачу — тратят...
выражу — выразят...
повешу — повесят...
езжу — ездят...
вымещу — выместят...

Во всех глаголах этого ряда в 3-м лице мн. ч. стала употребляться флексия -⟨ат⟩. Иначе говоря, глаголы с одинаковыми чередованиями стали одинаково спрягаться. Именно у этих глаголов флексия -⟨ат⟩ распространена больше всего; затем эта флексия распространяется и у глаголов других типов (у тех, которые не имеют чередований, свойственных лишь глаголам с ударным ⟨ат⟩ и не свойственных глаголам с ударным ⟨ут⟩).

Грамматическая аналогия нарушила сложившиеся морфологические нормы (употребление этих глаголов с безударной флексией -⟨ут⟩), но лишь потому, что смогла опереться на письменную норму. Условные написания *приспособят*, *вытопят*, *оставят* и под. стали расцениваться как подлинно отражающие фонемно-морфологический состав таких форм.

Само по себе влияние письма обычно не способно изменить распространенные и традиционно-устойчивые языковые факты. (Правописание *его*, *самого*, *тихого* и проч. не заставило говорящих использовать флексию *-ого*). Но влияние письма, социально усиленное, в соединении с действием внутриязыковых тенденций, именно — грамматической аналогии,— оказалось могучим изменителем традиций.

Таков единственно бесспорный случай, когда грамматическая аналогия преобразовала некоторые нормы русской литературной морфологии XX в.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Изменения словоизменительных значений. *Устойчивость значений в морфологических противопоставлениях. Причины, объясняющие, почему значение числа у существительных сравнительно более склонно к изменчивости, чем другие словоизменительные значения. Деривационные корреляции числа у отглагольных существительных. Степень регулярности разных значений у форм множественного числа таких существительных. Деривационные корреляции числа у отвлеченных существительных с суфф. -ость. Меньшая регулярность деривационных значений множественного числа у таких существительных по сравнению с отглагольными существительными; причины этого.*

Необычное отношение маркированных и немаркированных членов в числовых корреляциях у некоторых групп существительных. Преодоление этой необычности у существительных, обозначающих нелиц; внутриязыковые стимулы этого процесса. Продуктивность необычных отношений маркированных — немаркированных числовых форм в группах существительных, обозначающих лиц. Социальная стимулированность этой продуктивности.

98. Постоянство, неизменность на протяжении очень длительного времени, иногда целых веков,— давно установленная черта морфологических (словоизменительных) значений. Подавляющее большинство этих значений осталось неизменным и в русском литературном языке нашего времени. Исключение представляет только значение числа существительных, хотя и оно в своих основных чертах осталось прежним; перемены коснулись некоторых частных его проявлений. Значение числа у существительных является словоизменительным [1], но оно тесно связано со значениями лексическими и словообразовательными; отсюда его бóльшая, чем у других морфологических значений, историческая изменчивость.

В чем она заключается?

Значение числа, оставаясь словоизменительным, может осложняться дополнительными значениями, деривационными. Но де-

[1] См. другое мнение в кн.: Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.

ривационные значения не могут, как правило, сразу распространиться на все слова, т. е. не могут сразу стать значением аффикса в определенных условиях его появления (например, при основах такого-то типа). Они медленно завоевывают одно слово за другим. Лишь завоевав значительное количество слов одно за другим, они затем признаются говорящими вообще в качестве потенциальных значений данного аффикса (в определенных условиях его появления) и, таким образом, завоевывают слова уже не поодиночке, а как определенный класс грамматически однородных единиц. Пока это тотальное завоевание не совершилось, новое значение является словообразовательным ввиду своей нерегулярности; когда завоевание совершилось, значение становится словоизменительным.

Как видим, изменение значения числа связано со сложной переинтеграцией словоизменительных и словообразовательных связей между словами и формами слов (см. IV, § 78).

Словоизменительные значения пережили в нашу эпоху и более тонкие изменения, связанные с отношением маркированных и немаркированных членов в противопоставлении «единственное число — множественное число». У большинства лексико-грамматических групп существительных маркированным членом этого противопоставления является множественное число, а немаркированным — единственное число. Есть, однако, группа существительных, у которых отношение перевернуто и в качестве немаркированного выступает множественное число. Естественно, эти два типа корреляций, прямо противоположных по распределению маркированных — немаркированных членов, взаимодействуют друг с другом.

Процессы, связанные с изменчивостью — и устойчивостью! — словоизменительных значений, описываются в этой главе.

99. Категорию числа имен существительных в русском языке образуют формы, противопоставленные по числу (имеющие числовые корреляции), и формы не противопоставленные (не имеющие числовых корреляций). Среди противопоставленных форм есть, во-первых, формы релятивно-коррелирующие, которым свойственны количественные отношения: *стол — столы*, *книга — книги;* во-вторых, формы деривационно-коррелирующие, для которых характерны иные семантические отношения: действие — предметный результат (*высевка — высевки*); вещество — виды вещества (*масло — маслá*); качество — предметы, обладающие этим качеством (*емкость — емкости*).

За последние десятилетия наибольшее число изменений наблюдается в деривационно-коррелирующих формах, так как именно они в большей степени связаны с лексическим значением, а лексика — наиболее подвижная и социально отзывчивая часть языка. Источником новообразований в большинстве случаев являются профессиональные и научно-технические языковые сферы.

100. В современном литературном языке у отглагольных существительных с суффиксом *-ка* и бессуффиксных (типа *полив*, *прогиб*) продуктивна такая корреляция: форма ед. ч. обозначает действие (*полив, высадка*), форма мн. ч.— его предметный результат (*поливы, высадки*).

В XIX в. были возможны аналогичные же отношения форм у существительных с суфф. *-ка*, например: Урожай хорош, и *заготовки* прошли удачные (М. Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина). Сколько-нибудь широкого распространения они, однако, не получили. Корреляции форм числа бессуффиксных имен, если и встречались в языке XIX в., то очень редко, они не представлены в имеющихся у нас материалах.

В литературном языке XX в. формы мн. ч. таких существительных значительно более употребительны.

В литературный язык они поступают из профессиональной речи, где используются очень широко (*выбросы, сбросы, размывы, надвиги, прогибы* — в геологии; *пересевы, привесы, опоросы, растелы* [животных], *сборы, выкормки, высадки* — в земледелии и животноводстве и мн. др.).

Формы ед. и мн. ч. в корреляциях типа *высадка — высадки, полив — поливы* обозначают разные классы объектов: *высадки* — не 'высадка (процесс), повторенная многократно', а 'предмет, являющийся результатом того действия, которое обозначено словом *высадка*'. Ср.: *высадка свеклы окончилась в срок — хорошие высадки сахарной свеклы.* Еще примеры:

Исследуя *смывы* со страниц книг, лаборанты иногда находят в них болезнетворных микробов («Здоровье», 1961, № 7); На ферме работать никого не допросишься, ибо кому интересно работать там, где ежедневно падеж поросят, где вместо *привесов* одни, как здесь принято говорить, *отвесы*... («Колх. производство», 1962, № 11); Л. Глушков при первом же ознакомлении с рабочими чертежами обнаружил крупные *просчеты*, допущенные проектировщиками («Изв.», 3 апр. 1962).

101. В некоторых случаях формы ед. ч. *выброс, прогиб, обрыв, простой, просчет, стрижка, укладка, поломка* и др. тоже могут иметь значение результата действия. Например: *выброс* песку почковидной формы (А. Формозов, Спутник следопыта, 1952); образуется межгорный *прогиб* («Сов. геология», 1961, № 10). Ср. в парикмахерском деле: *простая стрижка, завивка* и под.

Формы ед. ч. со значением результата действия оказываются иногда необходимыми (хотя встречаются в речи они не часто), потому что в формах *выбросы, посадки* значение результата не вытесняет значение множественности, а накладывается на него: *выбросы* — это конкретные результаты, это овеществление нескольких действий. Впрочем, значение множественности объектов обозначения у форм типа *выбросы, посадки* не подчеркну-

то, отодвинуто на задний план и может полностью нейтрализоваться контекстом.

Однако тенденция использовать формы ед. ч. в значении результата действия не находит активной поддержки в языке. Число таких употреблений форм ед. ч. не возрастает, а уменьшается. Особенно это заметно у безаффиксных существительных. Формы числа таких существительных нередко употребляются параллельно, без разграничения их значений.

102. Формы числа имен суффиксальных и бессуффиксных, имея много сходства, обладают и некоторыми различиями. Так, в именах суффиксальных (*поломка, заготовка*) формы мн. ч. наряду со значением результата действия, общим для всех рассматриваемых имен, имеют значение сложного, повторного или многоактного, действия: *заготовка — заготовки, поставка — поставки, закупка — закупки* и под.

С таким значением создаются широкоупотребительные образования типа *хлебопоставки, сенозакупки, лесопосадки* и под. Эти образования в текстах отмечены преимущественно в форме мн. ч., формы ед. ч. у таких существительных редки (например, у Ф. Панферова в «Брусках» в письме секретаря обкома: Товарищ Огнев, ты член областкома и забыл о том, что сейчас надо заняться не только устройством коммуны, а и, главным образом, *хлебозаготовкой*...).

В преимущественном функционировании форм мн. ч. у этих имен можно убедиться и по данным словарей: если СУ приводит лишь формы ед. ч. таких имен, как *мясозаготовка, лесозаготовка, дровозаготовка* (1939), то в БАС уже на первом месте во всех подобных случаях отмечена форма мн. ч.: *мясозаготовки, лесозаготовки, дровозаготовки* и т. д.

103. В именах бессуффиксных можно отметить другую особенность, в большой степени свойственную им: параллельное употребление форм числа, происходящее, видимо, из-за недостаточной разграниченности их значения. Часто возможна взаимозамена этих форм без изменения смысла:

За апрель он получил среднесуточные *привесы* по 900 граммов, а всего *привес* составляет 28 килограммов на каждое животное в месяц («Колх. производство», 1962, № 8); экономили время на значительном сокращении *простоев*... *простой* не только поглощает время, но, нарушая планомерность процесса, понижает и работоспособность («Соц. реконстр. с/х», 1934, № 6).

При сравнении параллельного употребления форм числа в сельскохозяйственных журналах 30-х и 60-х годов[2] можно установить, что в языке 30-х годов большему числу имен было свой-

[2] Были просмотрены журналы: «Сельскохозяйственная жизнь», 1930; «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства», 1934; «Колхозное производство», 1962.

ственно подобное параллельное употребление форм числа; встречались без разграничения значения такие формы, как *выпас — выпасы, посев — посевы, подсев — подсевы, пересев — пересевы, расчет — расчеты, подсчет — подсчеты* и т. д. Например:

Для подсевов необходимо вначале испытать устойчивость подсеваемых трав... *Для подсева* могут быть испытаны тимофеевка, овсяница луговая... («Соц. реконстр. с/х», 1934, № 6); расширение площадей *посева* кукурузы... расширение *посевов* кукурузы («Соц. реконстр. с/х», 1934, № 4); можно прибегнуть при необходимости к выделению *выпаса* из пашни... Выделять *выпасы* надо с таким расчетом, чтобы придать полям севооборота правильную конфигурацию («Соц. реконстр. с/х», 1934, № 5).

В подобных же материалах 60-х годов параллельное употребление свойственно более ограниченному кругу имен (*привес — привесы, подсчет — подсчеты* и некот. др.). Уменьшение параллелизма в употреблении рассматриваемых форм способствует более четкому разграничению этих форм по значению: формы ед. ч., как правило, выражают значение действия, а формы мн. ч.— результата.

Во всех случаях, когда нет необходимости особо подчеркивать единичность объекта называния (а контекстуально почти всегда представлены именно такие случаи), для обозначения вещественного результата действия теперь избираются формы мн. ч.

Это вносит упорядоченность в использование форм числа у таких слов. При употреблении форм *полив, высадка* (в значении результата действия) друг на друга накладывались два типа отношений: каждая форма означала и единичность (не множественность) и действие (не результат). Форма *высадка* могла означать действие или единичный объект, явившийся результатом действия.

Неопределенность значения этих форм в дальнейшем, к середине нашего века, уменьшается ввиду указанного уменьшения в текстах «результативных» форм ед. ч. Эта специализация значения каждой формы особенно заметна у безаффиксных слов: в 20—30-х годах они были, как уже говорилось, особенно не специализированы, а сейчас «догнали» (или почти догнали) слова на *-ка.*

104. В специальном употреблении может выделяться из общего названия процесса название единичного акта: например, *один полив, одна поломка* и под. Обозначая единичное действие, эти имена легко сочетаются с числительными и образуют формы мн. ч.: *два-три полива, несколько обрывов, много простоев* и под. В этом случае отношение форм числа количественное, такое же, как в именах исчисляемых (*стол — столы*). Например:

Посевы хлопка получили только *один полив* («Сельск. жизнь», 21 мая 1963); *две подкормки* помогли посевам окрепнуть («Сельск. жизнь», 24 мая 1963). *Число обработок* весной зависит от условий погоды («Сельск. жизнь», 21 июня 1963); В этом отчете указывается, сколько в течение 24 часов прошло *опоросов* («Сельск. жизнь», 3 янв. 1963); *Количество обрывов* нитей на ватер-машине зависит во многом от состояния опойковых валиков (А. Курочкин, Спутник ватерщицы, 1929); при слиянии *двух прогибов* образуется межгорный прогиб («Сов. геология», 1961, № 10).

Подобные имена могут обозначать несколько единичных актов, даже не сочетаясь с числительными:

Длительными *повторными перевивками* вируса бешенства через мозг кроликов Пастер получил живую вакцину против этой смертельной болезни («Здоровье», 1961, № 9); Устранение *утечек* нефти и газа (Единый перечень профессий рабочих, 1962); Особенно мало внимания обращают на потери при *перекачках* жидкого удобрения из одной цистерны в другую («Сельск. жизнь», 6 апр. 1963); Установки должны иметь устройство для проведения контрольных *доек* («Сельск. жизнь», 12 янв. 1963); Для ремонта машин и проведения технических *уходов* в отделении создано пять специализированных бригад («Сельск. жизнь», 17 марта 1963); весь многодневный опыт с бесконечными *пересевами* провести в условиях полной стерильности («Наш современник», 1956, кн. 4) [3].

105. Итак, формы типа *поливы, высадки* могут иметь такие значения: 1) предмет, являющийся результатом какого-то действия (называемого глаголом с той же основой, что и данное существительное); при этом отстраняется указание, что этот предмет взят в некотором (неединичном) количестве: *посадки свеклы нашего колхоза кончались около леса* (ср. оборот с тем же значением, но менее вероятный в речи: *посадка свеклы кончалась около леса*); 2) предмет, являющийся результатом какого-то действия; при этом указывается, что этих предметов несколько: *прически такого типа мне не нравятся* (не равно: *прическа такого типа мне не нравится);* 3) несколько субстантивированных действий; в противоположность форме мн. ч., форма ед. ч. обозначает одно такое действие: *ежегодно — высевки трав*; 4) односложное (многоактное) действие — при этом употребление данного слова в ед. ч. затруднено: *заготовки хлеба в этом году начались рано.*

Зная, что есть формы *посадка, прическа, высевка, заготовка* с процессуальным, отглагольным значением (*посадка дубков, стрижка и прическа детей, высевка трав, заготовка припасов на зиму*), с очень большой уверенностью можно утверждать, что формы *посадки, прически, высевки, заготовки* имеют результативное значение. Таким образом, регулярность указанной формы отглагольных существительных со значением первым и вторым достаточно высока. Однако она еще недостаточно высока, чтобы словесные единицы в форме мн. ч. со значением результата действия считать формами того же слова, которое представлено в ед. ч. формами со значением действия (см. IV, § 78).

---

[3] Это же явление можно наблюдать и в других группах отвлеченных существительных, обозначающих действие:

Одно-два *мотыжения* («Сельск. жизнь», 1930, № 5—6); В прошлом году они совершили... 21 *ограбление* на улице («Лен. зн.», 2 авг. 1962); с весны в округе зарегистрировано до 35 *отречений* священников от сана («Беднота», 3 авг. 1929); По заданию мы должны были выполнить серию *планирований и пикирований* под разными углами (М. Галлай, Через невидимые барьеры, 1960).

Сохранив для разных значений ранее указанные числа, отметим в таблице наличие их у данного слова знаком плюс, отсутствие — знаком минус:

			3	4
высадки (деревьев)	+	+	+	+
выработки	+	+	+	—
прививки	—	+	+	+
припевки	+	+	—	—
завивки	—	+	+	—
насечки	—	+	+	—
переноски	—	—	+	+
записки	—	+	—	—
просушки	—	—	+	—
попытки	—	—	+	—

Эта таблица достаточно верно отражает объективное отношение слов с суффиксом *-ка*: увеличение списка проанализированных слов не внесет изменения в наши выводы.

Из таблицы следует, что регулярностью в наибольшей степени отличается появление третьего значения: оно есть (с единичными исключениями) у всех форм. Следовательно, формы с этим значением, отличаясь регулярностью, вместе с формами ед. ч. (*высадки*$_3$ — *высадка*, *прививки*$_3$ — *прививка*) составляют одну и ту же лексему. Действительно, отношение между *высадки*$_3$ — *высадка, прививки*$_3$ — *прививка* то же, что между *столы* — *стол*, *слоны* — *слон*; это обычное отношение между мн. ч. и ед. ч. Такие формы, естественно, находятся в пределах одной лексемы. Второе значение уже гораздо более капризно и нерегулярно, еще менее регулярно первое.

Может быть, возможно все лексемы, у которых есть второе значение (или все те, которые его не имеют), выделить на основании какого-либо общего семантического признака их основы? Тогда у форм мн. ч. с основами, обладающими этим признаком, вероятность формы со значением вторым будет очень высока и, таким образом, эти формы будут регулярным соответствием к формам ед. ч. Такое объединение невозможно.

Следовательно, формы мн. ч. с результативным значением у существительных типа *высадки* еще не стали формой того же слова, которому принадлежат формы ед. ч. *высадка*, *высадку*, *высадкой* (и проч.). Но в современном языке возможность образования форм с указанным значением резко возросла, они сильно продвинулись по пути к слиянию с формами ед. ч. в одно слово. Не достигнув еще уровня регулярности, они все же почти его достигли.

106. И факты словообразования, и факты морфологии показывают, что в советскую эпоху, когда специально была стимулирована продуктивность многих образований, эти образования

стояли на грани того, чтобы стать формами одного слова. Некоторые словообразовательные аффиксы, становясь все регулярнее, близко подходят к этой грани. Формообразующие аффиксы (флексии), как только что было показано, получают у некоторых слов новое деривационное значение; новообразования с этим значением являются особыми словами. Но новообразования быстро увеличиваются в количестве, становясь почти неизбежными при данной основе, и тем самым флексии возвращаются снова к естественной для них формообразующей роли. Когда этот процесс будет завершен, формы *высадка — высадки*$_2$ *— высадки*$_3$ и под. будут формами одного слова. Пока процесс еще не закончился, и поэтому *высадка — высадки*$_3$ образуют одно слово, а *высадки*$_2$ — другое. Еще дальше от завершения этого процесса безаффиксные формы типа *полив — поливы*$_2$ *— поливы*$_3$.

107. Иной тип корреляций форм числа, возникших за последние десятилетия, представлен в отвлеченных именах с суффиксом *-ость*: *освещенность — освещенности*, *влажность — влажности*, *мощность — мощности*.

В современном языке расширилось употребление форм мн. ч. имен существительных с суфф. *-ость*, образованных от прилагательных, которые имеют значение качества неодушевленного предмета. Формы мн. ч. подобных имен обозначают преимущественно конкретные проявления качеств, названных единственным числом: *сложность — сложности*, *возможность — возможности*, *скорость — скорости* и под. (ср., например, широко распространенное в современном языке употребление: *увеличение скоростей машин*, *развивать большие скорости*, *применение повышенных скоростей* и т. д.).

Преимущественно профессиональному употреблению в настоящее время свойственно образование форм мн. ч. таких существительных, как *освещенность*, *влажность*, *интенсивность*, *яркость*. Формы мн. ч. *освещенности*, *влажности*, *интенсивности*, *яркости* имеют значение некоторых разновидностей названных отвлеченных качеств, разные степени их проявления, например:

Защита становится ненужной и, наоборот, вредной в ночных условиях, при очень слабых *освещенностях* (С. Вавилов, Глаз и Солнце, 1956); Зерновой влагомер для высоких *влажностей* («Колх. производство», 1962, № 9); раздражения проводятся изолированно при известных отношениях *интенсивностей* (И. Павлов, Экспериментальная психология и психопатология на животных).

108. Характерными для языка нашего времени, преимущественно в профессиональном употреблении, являются формы мн. ч., обозначающие конкретные предметы, которые обладают определенным качеством: *мощности* (производственные объекты), *емкости* (цистерны, помещения и под.), *вредности* (пыль, пары и т. д.). Ср. в словосочетаниях: *рост производственных мощ-*

ностей, излишки мощностей, ввести в действие новые мощности, емкости для топлива, складские емкости, установки для улавливания производственных вредностей и под.

Отношения форм числа в этих случаях могли складываться по типу отношений, уже представленных в литературном языке: *копченость — копчености,* где форма ед. ч. обозначает отвлеченное качество, а форма мн. ч.— собирательно обозначает разряд предметов, обладающих этим качеством [4].

Употребление форм мн. ч. *мощности, емкости, вредности* (газа, паров, пыли и под.) свойственно преимущественно профессиональной речи, но постепенно завоевывает и общелитературные тексты, например:

Увеличение производственных *мощностей* достигается путем капитального строительства социалистических предприятий (Политическая экономия, 1955). Ср.:

Его тревожило состояние одной из важнейших *мощностей* завода — большой *мощности* пресса (А. Караваева, Огни); нужны для нормальной эксплуатации сооружения большие *емкости* под нефть (В. Ажаев, Далеко от Москвы); Эти простые, но эффективные установки улавливают производственные *вредности* (пыль, пары, газ) («Изв.», 16 апр. 1953) и под.

Корреляции форм числа типа *емкость — емкости* представляют деривационные отношения, так как подобные формы числа принадлежат к разным семантическим классам предметов, в них отсутствуют количественные значения, свойственные реляционным отношениям.

Тексты, где конкретное значение выражено и в форме ед. ч., единичны. Например: Шумы — одна из разновидностей *вредности* («Строит. газ.», 16 дек. 1956) . *Вредность* здесь представлена как предмет, имеющий разновидности. Еще более редкий случай, когда предметное значение представлено в ед. ч. имени *емкость:*

Вся масса (вымолоченное зерно и измельченная солома) транспортируется вентилятором в закрытую *емкость* [5] («Комс. пр.», 22 дек. 1959).

Оба значения мн. ч. существительных на *-ость* ('разновидности отвлеченных качеств, названных основой' и 'конкретные предметы, которые обладают качеством, обозначенным основой') продуктивны: с ними образуются формы мн. ч. от все большего

---

[4] В корреляции форм числа *копченость — копчености* ед. ч. получило предметное значение сравнительно недавно. Ср.: в СУ указано только мн. ч.: *копчености* — 'копченые съестные продукты'; а в СО указана форма ед. ч. с предметным значением (*копченость* — 'копченый съестной продукт'); БАС указывает, что ед. ч. употребляется редко. Предметное значение форм ед. ч. в этом случае, видимо, вторично.

[5] Подобное значение формы ед. ч. отмечает и БАС, указывая с пометой *спец. значение* формы ед. ч. *емкость* 'вместилище, сосуд для хранения чего-либо. Емкость с горючим'. СУ (1935) и СО (1960) подобного значения не отмечают.

числа прилагательных. Но образования эти в целом немногочисленны, распределение первого и второго значений между существительными на *-ость* (в формах мн. ч.) капризно-нерегулярно. Поэтому формы типа *мощности, емкости* разрывают свою связь с формами *мощность, емкость*: лексически формы мн. и ед. ч. не тождественны. Флексия *-и* выступает и в роли формообразующего аффикса — потому-то она и остается флексией, ср.: *мощности, мощностей, мощностям* — и в роли словообразовательного аффикса.

109. В чем различие между двумя описанными случаями активизации деривационных значений и форм мн. ч.? В первом случае (отглагольные существительные) причиной активизации была особенная актуальность определенных деривационных значений (предметный результат действия); с развитием техники, новых общественных форм труда возросла потребность выражать такие значения в речевом общении. Появились формы мн. ч. отглагольных существительных, которые имели значение результата действия. Пока таких существительных было немного, само явление нового значения оказывалось капризно-нерегулярным (непредсказуемым при знании основы существительного). Новое значение формирует особые слова (pluralia tantum): *подсчеты, привесы* и под., которые не входят в ту же морфологическую парадигму, что слова *подсчет, привес* — именно ввиду нерегулярности новых образований.

Но непрестанно и напряженно действующая общественная потребность вызывала все новые и новые употребления «результативного» значения у описанных форм; оно стало возможным почти у всех отглагольных существительных с суффиксом *-ка* (и в меньшей степени у существительных безаффиксных). Усиливая регулярность, «результативное» значение приблизилось к словоизменительному; формы *подсчет, привес* и *подсчеты, привесы* снова подходят к той грани, переступив которую они как регулярно соотносительные станут формами одного слова.

В существительных же на *-ость* формы мн. ч. с новыми деривационными значениями не получили такой же сильной «общественной поддержки», новообразования остались редкостью — и превращения новых деривационных значений из словообразовательных в словоизменительные не произошло.

110. Сложными были процессы, связанные с отношениями маркированности — немаркированности в числовых противопоставлениях существительных.

У большинства существительных формы мн. ч. обозначают «некоторое количество» [6], множество лиц или предметов.

Формы же ед. ч. не указывают, имеется в виду единичный объект, или множество объектов, или они представляются вообще

---

[6] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 89.

несчитаемыми. В этих формах «отсутствует указание на какое-либо количество»[7]. Соответственно эти формы могут не только обозначать единичность лиц или предметов, но и передавать безотносительность к идее числа[8]. В этом отношении характерны отвлеченные имена существительные (*товарищество*, *взаимопомощь*, *героизм*, *интенсивность*, *возможность* и др.), а также группа имен с вещественным значением (*сталь*, *железо*, *нефть*), названия минералов, химических элементов (*ломоносовит*, *менделевий* и др.).

Поскольку формы ед. ч. могут обозначать и единичность, и множественность, и несчитаемость обозначаемых объектов, постольку эти формы представляют немаркированный член морфологического противопоставления, а формы мн. ч., всегда указывающие множественность обозначаемых объектов,— маркированный член того же противопоставления[9].

Однако в некоторых группах существительных по-другому распределяются маркированные и немаркированные члены числовых корреляций.

В условиях определенного контекста формы мн. ч. некоторых имен существительных могут ослаблять и вовсе утрачивать значение множества лиц и предметов, заменяя его другим, гораздо более обобщенным значением, иногда более, иногда менее четко выраженным:

Советские *писатели* за рубежом. По приглашению ассоциации «Великобритания — СССР» из Москвы в Лондон вылетел советский поэт Андрей Вознесенский (Из газет, 1965).

Речь идет об одном писателе — поэте Андрее Вознесенском. Форма мн. ч. здесь выступает как немаркированная, т. е. не указывающая, сколько лиц имеется в виду.

Панкратов криво усмехнулся: —...К тому же у него *дезертиры* шинель уперли (Н. Островский, Как закалялась сталь, 1932).

Речь может идти как об одном, так и о нескольких дезертирах. И здесь, следовательно, форма мн. ч. выступает как немаркированная[10]. Еще примеры употребления форм мн. ч. как немаркированных:

— Беги к председателю, скажи, чтоб в карауле меня заменил,— у меня *гости*: дочка скобеевского доктора приехала (А. Фа-

---

[7] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 89.

[8] См.: В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М.— Л., 1947, стр. 147

[9] Это явление как в отношении числа, так и в отношении других грамматических категорий, отмечалось в русской лингвистической традиции уже со времен К. С. Аксакова (см. труды Н. П. Некрасова, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова и др.), хотя с применением других терминов.

[10] Такое употребление форм мн. ч. никем не описано. Впервые отмечено И. П. Мучником (см.: «Русский язык и советское общество, Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 62) .

деев, Последний из удэге, 1930);— Когда я пришел в себя, коробка исчезла, Должно быть, ее выбросили *санитары*. Или сестра, которая меня перевязывала (К. Паустовский, Бриз, 1944); Никаких креплений орудия не имели.— Братишечки, милые,— сказали *моряки*,— да ведь ежели вы откроете огонь с этого вашего монитора, пакля-то ведь вспыхнет! (К. Федин, Необыкновенное лето, 1948); — Вот, рекомендую вам,— сказал Пластунов,— мастера кузнечного цеха Лесогорского завода Ивана Степановича Лосева. *Уральцы*, как видите, едут нам помогать (А. Караваева, Родной дом, 1950).

Выделяются две группы имен существительных с немаркированными формами мн. ч.: а) существительные со значением нелица (предмета-вещи) и б) существительные со значением лица.

111. Взаимодействие маркированных и немаркированных значений своеобразно проявляется в формах мн. ч. имен существительных со значением нелица (предмета-вещи). При этом в конечном счете побеждает характерная для категории мн. ч. маркированность.

Об этом свидетельствует судьба сравнительно небольшой группы широко использовавшихся в XIX в. имен существительных. Это такие слова, как *кресла, фортепьяна, ширмы* и др.[11] Формы мн. ч. у них часто выступали как немаркированные:

Потом красавица захочет слух прельщать. За *фортепьяны:* тут не смеют и дышать (А. Грибоедов, Молодые супруги); Дуня... сидела на ручке его *кресел*, как наездница на своем английском седле (А. Пушкин, Станционный смотритель); сам он стоял у камина, застегнутый на все пуговицы, в высоком твердом галстуке и в туго накрахмаленных *воротничках* (И. Тургенев, Накануне); но полицмейстер не удостоил даже ответом меня и, сев на свои *пролетки*, уехал (А. Писемский, Старческий грех).

Как видно из примеров, слова эти близки к pluralia tantum.

Во второй половине XIX в. распространяется параллельное употребление форм ед. ч. и мн. ч. имен существительных отмеченной группы, обозначающих один предмет (дублетные формы *кресло* и *кресла, фортепьяно* и *фортепьяна* и др.) [12]. Однако в дальнейшем такие формы мн. ч., как *кресла, фортепьяна, пролетки, ширмы* и др., обозначающие один предмет, как правило, выходят из употребления [13].

---

[11] По свидетельству исследователей, например, форма *креслы* (*кресла*), обозначающая один предмет, преобладала у большинства писателей конца XVIII — первой половины XIX в. (см.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964, стр. 160).

[12] См.: Д. И. Арбатский. Значения форм множественного числа имен существительных в современном русском литературном языке. Канд. дисс. М., 1954, стр. 145—147.— Автор приводит примеры из произведений И. С. Тургенева, И. А. Гончарова и других писателей. Об употреблении дублетных форм в начале XX в. см.: В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, вып. 2. Пг., 1915, стр. 154.

[13] Единичны они в отдельных произведениях советской литературы 20-х годов и воспринимаются, естественно, как устаревшие, с оттенком некоторой стилизации; А когда я Никитинского в залу притащил, Надежда Васильевна побежали *в кресла* садиться, на них бархатная корона перьями убрана была, они *в кресла* бойко сели (И. Бабель, Конармия, 1932); Ведь какая женщина!

Видимо, это можно объяснить общей тенденцией языка к закреплению основного соотношения чисел: множественное число — маркированная категория, единственное число — немаркированная категория. В силу этого формы мн. ч., употреблявшиеся в немаркированном значении независимо от контекста, заменяются формами ед. ч., для которых эта немаркированность характерна.

112. Немаркированное употребление форм мн. ч. имен существительных этой группы часто бывает связано с эмоциональностью, экспрессией высказывания. Здесь выделяются многочисленные случаи, когда формы мн. ч. в определенном контекстуальном окружении обозначают не множество, а один предмет:

В комендантской говорят ему: — На Дальнем Востоке и в Манчжурии белогвардейские восстания, товарищ. Мы не имеем времени отправлять какие-то *экспедиции с буддами* (Вс. Иванов, Возвращение Будды, 1924).

Речь идет об одной экспедиции, везущей статую Будды; выделенные формы мн. ч., следовательно, немаркированы.

— Вы тут обедали, а нас *по милициям* водили (А. Макаренко, Педагогическая поэма, 1935).

Речь идет об одном отделении милиции; выделенная форма мн. ч. немаркирована.

А другому тоже некогда. У него в руках большой фикус в вазоне...— Ах, боже мой, еще *фикусы* с собой возят. Куда же он с ним денется? (В. Катаев, Время, вперед! 1932); — Вот приедет братан, сразу свадьбу сыграем, и привет товарищу Трубникову!..— Ишь ты, какой быстрый *приветы* раздавать! — прозвучало за березами (Ю. Нагибин, Страницы жизни Трубникова, 1965); В углу Серков заметил плакат: — Товарищи, мойте руки перед едой... Серков подошел к талонщице.— Руки где перед едой отмыть? — Товарищ, не мешайте работать! У нас столовая, а не баня.— Да ведь вон на плакате...— Плакат, плакат, мало ли что на плакате! ...Очень даже хорошо! Всякие удобства тебе тут предоставлены, *плакаты* разные висят («Смехач», 1924, № 10); И чему только тебя в *университетах* учили — неизвестно (Из устной речи, 1965).

См. также широко распространенное в разговорной речи выражение типа: «Мы вот дома сидим, а вы по *театрам (кино, концертам, выставкам* и т. п.) ходите» (хотя бы речь шла об одном посещении театра, концерта и т. п.). Эти конструкции имеют живой разговорный характер. Немаркированное употребление

По-английски говорит, на *фортепьянах* играет, а в то же время самоварчик может поставить (М. Булгаков, Дни Турбиных, 1926); Был вечер. Спускаясь по лестнице со своих *мансард,* Курт встретил офицера (К. Федин. Города и годы, 1924).

такого типа потенциально возможно для каждого или почти каждого имени существительного [14].

Очевидно, что в эмоциональной речи неличные существительные сохраняют возможность немаркированного употребления форм мн. ч., существовавшую и в XIX в. Возможно, что в связи с усилением влияния разговорного стиля языка на все другие стили употребительность таких немаркированных форм (с «экспрессивным умножением») даже увеличилась.

113. Иное дело в неэкспрессивной речи. Как уже говорилось, небольшая группа неличных существительных, допускавших употребление форм мн. ч. в немаркированном значении, в XIX в. сокращалась и сейчас сведена к нулю.

Этот процесс невозможно объяснить какими-либо внешними, экстралингвистическими факторами; он, несомненно, находит объяснение во внутренних закономерностях развития языка. Множественное число оказалось перегруженным значениями; употребление его для обозначения единичного предмета совпало с наиболее частым употреблением форм ед. ч. Естественно, должна была произойти разгрузка семантически перегруженных форм. Так как немаркированность форм ед. ч. более распространена, то формы мн. ч. неличных существительных потеряли способность выступать как немаркированные. Они стали указывать только множественность, а не единичность. Формы мн. и ед. ч. неличных существительных получили яркую грамматическую противопоставленность.

Экспрессивные формы, как им положено, нарушали это четко регламентированное разграничение: здесь ярко проявилась антиномия регулярности и экспрессивности (I, § 4).

114. Совершенно иное наблюдается в группе имен существительных со значением лица. Эта обширная и широкоупотребительная в современном русском языке группа имен отличается большой активностью в отношении немаркированного употребления форм мн. ч.

Случаи немаркированного употребления форм мн. ч. отмечались уже в русском литературном языке XIX в. Ср.:

Тут же и Игнатий Савельич был, и ногу ему прострелили *басурманы* (А. К. Толстой, Упырь); Да, Владимир! Я жив и даже не ранен; но поручика моего *французы* отправили на тот свет (М. Загоскин, Рославлев); Едва он успел шагнуть на первую ступеньку, как вдруг у самых ног его кто-то прохрипел диким голосом: «Тише ты! Не дави живых *людей;* я еще не умерла» (Там же).

В дальнейшем немаркированное употребление форм мн. ч., казалось бы несовместимое с характером этой категории в сис-

---

[14] См. такое употребление форм мн. ч. в XIX в.: — Ну, батюшка...— сказал Михеич,—... набрался же я страху! Уж, я, батюшка, кричал медведю гу! гу! чтобы бросил он тебя... виданное ли это дело, чтобы среди царского двора *медведей* с цепей спускали? (А. К. Толстой, Князь Серебряный).

теме русского языка, не только не затухает, но наоборот, развивается и укрепляется. Оно теснейшим образом связано с процессами обновления словарного состава русского языка, особенно активными в революционную эпоху.

Коренные революционные изменения в стране, породившие новые явления общественной и политической жизни, стимулировали появление множества новых слов. В 20—30-е годы получает широкое распространение группа слов, обозначающих лица по их общественной и политической деятельности: *выдвиженцы, исполкомщики, комбедовцы, рабфаковцы, просвещенцы, ликбезовцы, трудшкольцы, избачи, совкинцы* (работники советской кинематографии), *агитпропщики, политпросветчики, политграмщики, губотдельцы, завкомцы, вузовцы, метростроевцы* и др.; *буденновцы, чапаевцы, щорсовцы, котовцы* и др., с одной стороны, *махновцы, колчаковцы, деникинцы, петлюровцы* и т. д.— с другой.

Новая лексика вовлекается в активный словарь, становится широкоупотребительной. При этом имена существительные названной группы лексики особенно легко и свободно включаются в процесс развития немаркированного употребления форм мн. ч. По сложившимся образцам в определенном контекстуальном окружении возникают конструкции, в которых новые имена существительные выступают как немаркированные формы мн. ч.

В Давлеканове *красноармейцы* сообщили Федору, что в полковом обозе везут какую-то девушку, захваченную по дороге (Д. Фурманов, Чапаев, 1923); Лаванда, Володька Лаванда рассказывал, что ему говорил один боец, будто захватили Степку *белые* и сказали:— К стенке! (Л. Кассиль, Швамбрания, 1931); Приняли бумажку *завкомцы* и положили ее в папку: | Объяснили, что нет червонцев, | А заявлений-то во! — охапка («Смехач», 1924, № 24).

Широкое вовлечение новообразований в процесс развития немаркированного употребления форм мн. ч.— одно из несомненных свидетельств того, что такое употребление является живым и развивающимся в современном русском языке.

Немаркированность форм мн. ч., как говорилось, определяет использование этих форм для обозначения и одного лица, и множества лиц, и нерасчлененного значения единичности — множественности. Возможность их использования для обозначения множества лиц не вызывает сомнений (ведь эта возможность реализуется безразлично и при маркированном и при немаркированном использовании данных форм). Но способность их обозначать два других значения надо показать.

1. В определенных контекстуальных условиях формы мн. ч. могут обозначать одно лицо. Это наиболее яркое проявление немаркированности:

Есть у нас такой секретарь нашей организации Свистякин ...Свистякин *чуждые элементы в составе какой-то девчонки* в со-

ют протаскивает (Из газет, 1926); И в моей скромной квартире *гости*. Я теперь живу с матерью... Мать мою все колонисты называют бабушкой. У бабушки сидит *Шурка Жевелий*, младший брат маленького Митьки Жевелия (А. Макаренко, Педагогическая поэма, 1935); — Давайте быстрее! — сказал он отрывисто и сердито.— Хорошего человека *фашисты* подстрелили, надо что-то делать, разворачиваться (Ю. Герман, Дорогой мой человек, 1962); из последующего текста ясно, что стрелял один фашист:— Просто произошло,— ответил из тамбура ровным голосом командир.— Он к моим людям на свидание шел, уходил, в общем, от Гитлера к нам. Ну и свой в него выстрелил, *фашистюга*, из винтовки с оптическим прицелом.

В рассмотренных и подобных им случаях в формах мн. ч., обозначающих, как явствует из контекста, одно лицо, активизируется оттенок обобщенности. Выразителен он в следующих текстах:

— Прошу не оскорблять *служащих*,— прокричала девушка. Служащих...— задумчиво остановился Курбышев...— какие тут еще служащие. Хорунжий выпрямился:— При канцелярии вверенного мне полка гражданка Лебедева состоит машинисткой (Вс. Иванов, Денежный ящик, 1926); — Это что за нежности? Почему здесь Тоська вертится?.. Екатерина Григорьевна улыбается: ...здесь малых *детей* пускают к тифозному (А. Макаренко, Педагогическая поэма, 1935); — Вы давно были на могиле Борисова-Мусатова? — спросил меня Леонтий Назарович...— Прошлой осенью.— Что же это вы? — сказал с упреком Леонтий Назарович.— Знаменитых своих *земляков* забываете (К. Паустовский, Уснувший мальчик, 1957).

Немаркированное употребление форм мн. ч. рассматриваемого типа, когда форма мн. ч. обозначает одно лицо, неся при этом яркий оттенок обобщенности, широко распространено в современной разговорной речи (однако такое употребление далеко не всегда связано с «экспрессивным умножением»):

В вагоне у нас новые *пассажиры:* молодая женщина с чемоданом (Из устной речи, 1965); Вы Николай, вероятно, хорошо плаваете? — Да, ничего, держусь на воде.— Ну, пойдемте, посмотрим, как плавают *моряки* (Из фильма «Увольнение на берег»); Он свел знакомство со *служащими* царской армии.— Конкретнее.— С фельдфебелем (Из фильма «Приключение в полночь»); В дверь просунулся Яков Узелков.— Можно? — Нельзя,— сказал Венька, и, выглянув в коридор, строго отчитал постовых: зачем они пропускают разных *граждан* с улицы? — Я не с улицы,— закричал Узелков.— Я представитель прессы.— *Представители* пусть приходят утром,— сказал Венька (П. Нилин, Жестокость, 1956); — *Профессора* тоже! — сказал дед.— Заявится и сразу Егора целует. Ах, какие вы прекрасные, ах, какие вы *мальчишечки!* (Ю. Герман, Дело, которому ты служишь, 1958);

Пастухов, опять усаживаясь, обратился к Наде: — У нас есть *молчальники*. Вот вы (К. Федин, Костер, 1965).

2. Формы мн. ч., обозначающие лиц по их общественному положению и по профессии, в условиях определенного контекста могут выражать особое нерасчлененное значение единичности — множественности:

— Отца твоего, командира полка, погубили *колчаковцы* в Сибири в гражданскую войну (А. Первенцев, Честь смолоду, 1949); В самолет одного из них... *партизаны* подложили мину (Из газет, 1965); А тут звонят мне на работу *геологи* и говорят: «Вам к празднику из Москвы посылка, придите, заберите ее» (Из газет, 1965); Недавно на общем собрании жильцов нашего дома *представители домоуправления* заявили... (Из газет, 1965).

Немаркированные формы мн. ч. с нерасчлененным значением единичности — множественности широко используются в публицистике нашего времени, в фельетонах, критических статьях, очерках, корреспонденциях, опубликованных на страницах газет и журналов:

Минувшей осенью «гроза репортеров» Жан Габен после долгого перерыва в течение нескольких часов беседовал с *журналистами*. Это интервью, быть может, впервые повествующее о жизни знаменитого артиста, было опубликовано в «Юманите диманш» («Неделя», 1964, № 49); На почте отказались принять посылку, поскольку работы графиков весили 11 кг 700 г.— Для нас,— сказали *почтовики*,— такая графика тяжеловата («Правда», 6 дек. 1964); Директор комбината «Апатит» Г. А. Голованов утром позвонил на метеостанцию, выслушал ответ *синоптиков* и красноречиво развел руками: — Надо же! На плато — штиль («Правда», 26 дек. 1964).

Нерасчлененное значение единичности — множественности становится возможным, как следует из приведенных примеров, когда на первый план выдвигается не числовое обозначение лиц, названных именами существительными, а заключенная в них семантическая характеристика. В самом деле, подчеркивается, например, тот факт, что Жан Габен беседовал с *журналистами* (при этом неважно, сколько их было — один или же несколько, но важно, что это именно представители прессы — журналисты), что отказались принять посылку *почтовики* (опять-таки неважно, сколько их было — один или несколько, но важно, что это работники почты) и т. д.

115. Не было ли какой-нибудь поддержки у анализируемых форм со стороны самой грамматической системы?

Немаркированное употребление форм мн. ч. имен существительных, обозначающих лица по их профессии, общественному положению, месту жительства и т. д., в составе предложения сближает эти предложения с неопределенно-личными. Выразительна эта близость в тех предложениях, где формы мн. ч. выра-

жают нерасчлененное значение единичности — множественности.

В этом отношении интересно сравнить такое, например, предложение, как *Его друга убили фашисты в 1941 году* с предложением *Его друга убили в 1941 году*. Имя существительное в форме мн. ч. *фашисты* в первом предложении, как явствует из контекста, выражает нерасчлененное значение единичности — множественности (число названных лиц неопределенно: либо один фашист, либо несколько). Действие, обозначенное глаголом во втором предложении, также относится к неопределенному числу лиц, однако лица эти не названы. Таким образом, количественная неопределенность лиц, названных именем в форме мн. ч., сопоставима с такой же количественной неопределенностью не названных именем, но подразумеваемых лиц. Это создает параллелизм, определенную соотносительность рассматриваемых предложений. Показательны с точки зрения этой соотносительности следующие примеры:

На прошлой неделе я ехал,— у одной женщины два узла крючком *выхватили*...— Это непременно *махновцы* (А. Толстой, Восемнадцатый год, 1929); Брата *убили*...— Как это? — Брат у меня партизан, *убили петлюровцы* в городе, на улице (А. Макаренко, Педагогическая поэма, 1935); — Вообще тяжело,— сказал батальонный комиссар.— Турмачева вчера *диверсанты ранили* (К. Симонов, Живые и мертвые, 1959); Синцов возвращался в Могилев уже в темноте на той же самой редакционной полуторке, на которой в предыдущую ночь *ранили* неизвестного ему Турмачева (Там же).

Соотносительны с неопределенно-личными и предложения, в которых формы мн. ч. имен существительных выражают одно лицо. Параллелизм между ними отчетлив при сравнении таких, например, предложений:

а) Вчера *участники драмкружка* расклеили по всему институту объявления. Это сделал *Петя Степанов* — наш комик (Из выступления на собрании, 1963); б) *Постучали* в дверь. Это был *Кострицын*. Он шагнул в купе — седой, громоздкий, руки по швам (В. Панова, Спутники, 1946); В этот миг его *окликнули*. Из тамбура вагона-микст легонько кивал ярколицый рыжеусый *командир* без пояса, с маузером на узеньком ремне через плечо (К. Федин, Необыкновенное лето, 1948).

В предложениях группы «а» форма мн. ч. имени существительного, выражающая нерасчлененное значение единичности — множественности (первое предложение), благодаря контексту становится определенной, обозначая одно лицо (второе предложение). В соотнесенных с ними предложениях группы «б» неопределенное число лиц, не названных именем (первое предложение), также благодаря контексту получает определенность: действие, обозначенное глаголом, относится к одному определенному лицу (второе предложение).

К этой группе примыкают такие нередкие в языке неопределенно-личные предложения, в которых действие, обозначенное глаголом, относится к одному, но неопределенному лицу:

Отправилась узнавать о результатах конкурса на сценарий; мне *сказали,* что конкурс признан несостоявшимся (М. Шагинян, Дневники, 1921); И он принялся стонать еще громче.— Замолчи, симулянт,— *сказали* с верхней полки (В. Панова, Спутники, 1946); — Тетя Паша, к телефону вас! — *крикнули* с другого конца цеха (В. Солоухин, Владимирские проселки, 1961); Потом на войне, в траншее, ребята дали мне трубку полевого телефона: — Иди, разговаривай. Сводку просят. Из трубки беззаботно *спросили:* — Кто отличился в бою? (Из газет, 1965).

Приведенные предложения интересны тем, что в них, несмотря на их неопределенность, имеется в виду одно лицо. Это показывает, что неопределенно-личные предложения поддерживают и стимулируют немаркированное употребление форм мн. ч. в строе предложения.

Эта семантико-грамматическая связь показывает, что для укрепления в русской грамматической системе немаркированных форм личных существительных были внутриязыковые основания. Именно личных: немаркированное употребление неличных существительных (в форме мн. ч.) не находило поддержки в неопределенно-личных предложениях.

116. Все же только этой параллелью нельзя объяснить, почему неличные имена существительные потеряли способность (за исключением экспрессивной речи) выступать немаркированно в формах мн. ч., а личные, напротив, активизировали ее. Возможно, судьба немаркированных форм личных существительных отразила какие-то экстралингвистические факторы.

Можно предположить, что здесь имели вес некоторые факты общественного сознания. В 20-е и 30-е годы, в эпоху ожесточенной классовой борьбы, при оценке человека решающее значение имели общественные определения его классовой, социальной партийной сущности: напряженные социальные битвы оправдывали такое сужение и заострение характеристики. Те новые имена (личные существительные), которые массой хлынули в язык сразу после Октября, в первую очередь были социальными характеристиками лиц (IV, § 117—126). Эти-то слова и поддержали и сделали массовым немаркированное употребление форм мн. ч.

Сообщая: *его убили колчаковцы, плакат нарисовали комсомольцы,*— говорящие характеризовали действователя, при этом важной оказывалась только его социальная характеристика. Определение количества лиц, осуществлявших действие (шире: причастных к нему), находится на периферии сознания. Именно немаркированное употребление форм мн. ч. позволяет указать группу лиц, но так, что не отвергается мысль об одном лице

(представляющем названную социальную группу). Форма *комсомольцы* означала 'те, кто из Коммунистического Союза Молодежи, или хотя бы один из них'. Каждый человек — представитель общественнной группы, класса, партии; пусть плакат нарисован одним комсомольцем, но это действие и всех комсомольцев, индивидуум осознается в его неразрывной связи с обществом.

Это представление, несмотря на свою новизну (массы сознательно усвоили его именно в ходе революции), стало уже в 20-е годы всенародным. Выдвижение «только группового» в человеке было оправдано эпохой (ср. распространение плаката в искусстве, притом не только в изобразительном). Последующие этапы развития общественного сознания в Советской России не потребовали отказа от характеристики человека в первую очередь с социальной стороны; бóльшая диалектичность, бóльшая глубина в оценке человека не означали отказа от ее социальной заостренности. В общественном сознании не было, следовательно, стимулов для отказа от того, что отражало это общественное сознание в первые послереволюционные годы. Не было стимула и для отказа от широчайшего употребления форм мн. ч. личных существительных в немаркированном значении.

Общественное сознание, если оно является подлинно массовым, может отразиться на самых глубинных ярусах языка. В настоящем случае можно предполагать именно такое отражение общественного сознания в грамматике русского языка.

Социальные стимулы создали условия для широкого использования форм мн. ч. «личных» существительных в немаркированном значении. Такие формы были поддержаны и внутриязыковыми стимулами — соотносительностью с неопределенно-личными предложениями; но были и сильные внутриязыковые тормоза, препятствовавшие распространению такого употребления форм мн. ч.: тенденция к освобождению от перегруженности значениями, к специализации их на одном значении. У «неличных» существительных эта внутриязыковая тенденция победила, у «личных» она была преодолена социальными стимулами.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Стабилизация некоторых традиционных грамматических значений. *Обобщенно-собирательное значение у существительных единственного числа. Употребительность форм в таком значении в агитационной публицистике. «Плакатность» форм единственного числа существительных в обобщенно-собирательном значении. Использование этих форм в других речевых областях в разные периоды новейшей истории русского литературного языка.*

Уменьшение продуктивности собирательных существительных ввиду возросшей употребительности обобщенно-собирательных форм существительных. Укрепление немаркированности этих форм.

117. В разделе о словообразовании не раз говорилось об актуализации словообразовательных значений. Социальные факторы определяют также и актуализацию морфологических (словоизменительных) значений. Как и в словообразовании, это влечет за собой изменения, существенные для развития грамматической системы.

Однако морфология — более внутренняя область языка, менее доступная социальным воздействиям, чем словообразование. Поэтому социальная актуализация морфологических значений встречается значительно реже, чем словообразовательных. Опишем один из наиболее явных случаев, когда словоизменительное значение было социально актуализировано и это оказалось существенным для русской грамматической системы.

118. Единственное число обычно выступает в русском языке как немаркированная категория. Поэтому формы ед. ч. у большинства существительных могут быть использованы не только для обозначения одного лица или предмета; они обозначают также множественность называемых объектов:

Рад ему [первомайскому празднику] *сталевар с Урала* и *автостроитель в Детройте, польский ткач* и *докер Марселя* (Из газет, 1962); Новая программа, показанная в Москве, была тепло принята *зрителем*. Особенно понравилась москвичам вокально-хореографическая сюита (Из газет, 1965); *Пешеход* бывает разный. *Пешеход-мужчина, пешеход-женщина, пешеход — молодой человек с девушкой.* А то еще бывает *пешеход-старушка* (Из газет, 1962).

Выделенные формы ед. ч., как видно из контекста, выражают «образ сплошного множества» [1].

Такое употребление форм ед. ч. со всей отчетливостью раскрывается при сопоставлении этих форм с соотносительными по значению собирательными именами существительными, с одной стороны, и с соответствующими формами мн. ч.— с другой. Так, например, форма ед. ч. *студент* в определенном контекстуальном окружении обозначает «образ сплошного множества»:

Ясно, что *студент* не может стать равноценным специалистом во всех изучаемых им дисциплинах... Поэтому, обучая *студента* методике изучения избранной им науки, надо требовать, чтобы в остальных «обязательных» науках он хорошо ориентировался (Из газет, 1965).

Форма *студенчество* обозначает «сплошное множество, понятое как единица или как множество»:

И на международных юношеских форумах советское *студенчество* поднимает свой сильный голос за дружбу и мир между народами (Из газет, 1965).

Форма же *студенты* обозначает «раздельное множество»:

Организации самостоятельной работы *студентов,* контролю над ней должно быть уделено самое тщательное внимание (Из газет, 1965) [2].

При таком употреблении форм ед. ч. в одних случаях акцентируется значение обобщенности:

Что должна дать *ребенку книга? Книга* должна развивать у *ребенка* мечту (А. Толстой, Книга для детей); Без *лошади* нет армии (И. Бабель, Конармия).

В других же случаях подчеркивается собирательность:

Здесь в изобилии растут: *дуб, бук, граб, ясень, клен...* К этим распространенным в ленкоранских лесах породам в меньшем количестве примешаны... *груша, яблоня* (И. Соколов-Микитов, Ленкорань).

Между обобщенностью и собирательностью, в свою очередь, много различных оттенков, объединяющих рассматриваемые формы в группу форм ед. ч. с обобщенно-собирательным значением [3].

Обобщенно-собирательное значение реализуется в них ситуативно, в определенном контекстуальном окружении. В этом их отличие от собственно собирательных образований, структурно

---

[1] Это значение было тонко подмечено еще А. А. Потебней («Из записок по русской грамматике», т. III. Харьков, 1899, стр. 27).

[2] А. А. Потебня. Указ. соч., т. III, стр. 28. См. также «треугольник» А. А. Реформатского («Число и грамматика».— «Вопросы грамматики. Сб. статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова». М. — Л., 1960, стр. 393—394).

[3] Эти формы изучены недостаточно. Лишь отдельные замечания о них и возможном их употреблении можно встретить в обобщающих курсах русской грамматики (Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, В. И. Чернышев).

оформленных (*студенчество, учительство, актерство, старичье, ребятня* и др.), а также от таких имен существительных, в которых выражается совокупность лиц или предметов (*класс, отряд, группа* и др.).

В определенном контекстуальном окружении обобщенно-собирательное значение форм ед. ч. широко представлено большой группой имен существительных, обозначающих лица по профессии, общественной, политической деятельности, классовой, территориальной принадлежности и т. д.

Другую обширную группу форм ед. ч., употребляющихся в обобщенно-собирательном значении, составляют имена существительные, обозначающие животных, рыб, птиц, «злаки и произрастания» (по терминологии А. А. Шахматова), машины и прочие предметы, связанные с производственной и другими видами деятельности человека.

119. Уже в эпоху русской революции 1905 г. формы ед. ч. в обобщенно-собирательном значении, обозначающие лиц, широко используются в листовках русской социал-демократии, обращенных к массам трудящихся:

В деревнях *мужик* продавал последнюю скотину, чтобы уплатить подати в казну да аренду помещикам... В городах *рабочий* изнывал в каторжном труде ради мошны *фабриканта* (Листовка Моск. комитета РСДРП, 1905); фабриканты и полиция, те дорожат своими интересами. Они сразу увидели, как опасна для них вся та правда, которую распространяли в народе мы — сознательные люди — социал-демократы. И нераздельная троица: *фабрикант, полицейский* и *поп* обрушились против нас (Листовка Моск. комитета РСДРП, 1905); За *городским рабочим* встал на борьбу *деревенский батрак*. За всем рабочим народом потянулся *крестьянин-хлебопашец* (Обращение МК РСДРП, 1905); Да, товарищи, борьбой и только борьбой мы заставим *капиталиста* уважать наши требования. Не к сердцу его нужно взывать, а бить его по карману. *Капиталист* не сердцем чувствует, а карманом (Листовка Моск. комитета РСДРП, 1905); *Российский пролетарий* не опозорит молчанием свою покрытую от борьбы сединами голову! Он гордо скажет царю: нам не нужна твоя свобода; твои указы, манифесты не дадут ее (Листовка Моск. комитета РСДРП, 1905).

В дальнейшем, по мере роста революционного движения в стране, повсеместно распространяется разнообразная агитационно-пропагандистская литература. В ней значительное место занимают рассматриваемые формы. Это связано с их спецификой. Собирательно обозначая ту или иную общественную группу, такие формы одновременно указывают и на всякого отдельного представителя этой группы. Иными словами, они выступают как двуплановые. Это делает их особенно выразительными: они действенны, активны.

120. Дальнейший рост форм ед. ч. в обобщенно-собирательном значении теснейшим образом связан с целым рядом сложных процессов, протекающих в языке, и. в первую очередь с изменениями в его словарном составе. Изменения же в языке, в свою очередь, неразрывно связаны с развитием русского общества — носителя языка. Революционные изменения в стране, эпоха гражданской войны, индустриализация, коллективизация вызвали к жизни множество новых слов. Среди них — имена существительные различных семантических групп и прежде всего — обозначающие лица по их общественной, политической деятельности. Распространение новой лексики отличалось большой активностью и широтой: она включается в активный словарь языка, употребляется в самых широких кругах советской общественности.

Ооссбенно важным представляется тот факт, что новые имена существительные интенсивно вовлекаются в процесс развития категории собирательности: формы ед. ч. этих существительных легко и свободно употребляются в обобщенно-собирательном значении.

Широко используют рассматриваемые формы боевой лозунг, призыв, обращение 20—30-х годов. Здесь явно выступает традиция, идущая от времен революционного подполья и связанная с распространением этих форм в листовках, воззваниях и т. п.

Разнообразные по содержанию (но всегда живые, злободневные), своеобразные по форме (предельно сжатые, лаконичные), лозунги и призывы отличались большой целеустремленностью, а отсюда — и действенностью. «Здесь были найдены нужные слова, переход от восприятия которых к действию не осложнялся никакими побочными ассоциациями: прочел — и действуй!» [4].

Такая же целеустремленность и действенность отличает широкоупотребительные формы ед. ч. в обобщенно-собирательном значении. С их помощью призыв к действию, боевой лозунг, обращение получают своего адресата — и весь определенный коллектив людей, и отдельного его представителя:

— *Рабочий,* даешь паровоз!
— *Крестьянин,* даешь фронту хлеб!
— *Пролетарий,* на коня!
— *Избиратель!* Вноси в наказ свои предложения!

Широко использует рассматриваемые формы В. Маяковский в агитлубках и агитплакатах, написанных для «Окон Роста и Главполитпросвета» (1917—1920 гг.):

Пролетарий деревни, пролетарию города руку протяни! | Дайте городу все, чем деревни богаты, | а город все, чем богат, понесет в деревенские хаты (1920); Каждый чем может помогать фронту: | 1. Одни — добровольцами, | 2. другие — хлебом, |

[4] Г. О. Винокур. Культура языка. М., 1930, стр. 150.

3. третьи — штык гранят колкий, | 4. а ты, *работница,* помоги иголкой (1920); Да здравствует всероссийский субботник для *красноармейца-тыловика!* (1920); И ты не будь в работе долог.| Исполни, *шахтер,* перед рабочими долг (1921); *Крестьянин,* чтоб выработать для тебя сеялки и плуги, | фабрикам нужен уголь, | А рабочим — есть. | Крупы же требовалось 40.611 пудов, | А поступило 17.000 пудов. | Где остальное? | *Крестьянин!* Спеши недостающее привезть! (1921).

Актуальность этих форм в 20-е годы была вызвана их, условно говоря, «плакатностью». В них соединяются обобщенно-множественное и единичное значения. Сосуществование обоих этих значений, свойственных форме ед. ч. как немаркированной, и позволяет говорить о ее «плакатности». Искусствоведы так характеризуют специфику плаката: «Герой плаката — это представитель общественной группы, и ...характеризован [он] обобщенно, только как такой представитель. Индивидуальный психоанализ, свойственный, например, портрету маслом, плакату не нужен. На плакате всегда — человек вообще, депутат целого сообщества. Он нарисован на полотнище плаката, к такому обобщенному представителю он и обращен. Вместе с тем, на плакате изображен человек как некая индивидуальность, он конкретизирован как собеседник читателя плаката. Это равновесие между всеобщностью и конкретностью и выражает специфику плаката. Он обращен и ко всей социальной группе, и к каждому мимоидущему».

Действенные, целеустремленные, формы ед. ч. в обобщенно-собирательном значении естественно находят самое широкое применение в публицистике того времени.

...как справедливо сказал т. Кураев в одной статье, на основании опыта Татарской республики,— трудящиеся *середняк* и *бедняк* — друзья Советской власти, лодыри же — ее враги (В. И. Ленин, Доклад ВЦИК и СНК на VIII Всероссийском съезде Советов, 1920); *Народный учитель* должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе (В. И. Ленин, Странички из дневника, 1923); Наконец, недавно рабфак был развернут в 4-летнюю подготовительную школу и качество *рабфаковца* поднято на достаточную высоту (А. В. Луначарский, Фабрика знаний, 1929); Победили молодые ударники. *Ударник* давал тридцать пар в день, а старики, работавшие «на нормах»,— семнадцать («Огонек», 1929); Многим ли потребителям нашей книги, от *вузовца,* зашедшего в магазин за учебником, до почтеннейших и всеми уважаемых граждан... известно, что по количеству ежегодно выпускаемых книг СССР уже теперь занимает одно из первых мест в мире? («Огонек», 1929); *Котовец, славный соратник Григория Ивановича,* не только штурмует... неподатливые формы старого хозяйствования и быта: он не забывает военного дела и учит молодежь владеть конем и шашкой («Кр. панорама», 1929);

Красноармеец, отправляющийся в деревню, выполняет не менее славную задачу, чем на поле брани («Кр. панорама», 1929); Единого слова не было сказано об этом, о необутых просвещенских ногах, о зверином числе путевок, вконец загоняющих терпеливого деревенского *агитпропщика* (Из газет, 1925); *здравкор* должен все знать и в журнале, как в зеркале, жизнь рабочих отражать («За новый быт», 1925); *Крестьянин-посевщик* еще не знает о тех льготах, которые ему предоставлены (Из газет, 1929); Нельзя думать, что наш книжный рынок обслуживает только *нэпмана* (Н. Асеев, Дневник поэта, 1929).

Рассматриваемые формы использует и художественная литература 20—30-х годов:

Стукнув кулаком по ящику, он оторопело кричит: —...Тифозных нету? Сейчас борьба с эпидемиями. *Белогвардеец* прет (Вс. Иванов, Возвращение Будды, 1924); Совершенно изменился облик *колониста;* он стал стройнее и тоньше (А. Макаренко, Педагогическая поэма, 1935); Но лучший звонок, самый приятный для уха *шкидца,*— это звонок в субботу по окончании уроков (Г. Белых и Л. Пантелеев, Республика Шкид, 1927); Вымыл все февраль | и вымел — | не февраль, | а прачка, | и гуляет | мостовыми | *разная собачка* (В. Маяковский, Краснодар, 1926); Недалеко от Дворцовой площади, в третьем этаже клуб бритых. Тут *актера,* что яблока в саду... (Н. Никитин, Хлеб, 1922).

121. Не снижается употребительность форм ед. ч. в обобщенно-собирательном значении и в последующие десятилетия. Они продолжают развиваться и укрепляться в языке. Об этом свидетельствует новая лексика, вызванная к жизни Великой Отечественной войной и послевоенными выдающимися достижениями науки и техники, промышленности и строительства.

Новые имена существительные (*суворовец, нахимовец, ракетчик, космонавт* и др., а также названия приборов, механизмов, препаратов) легко получают возможность выражать обобщенно-собирательное значение и широко распространяются (правда, неравномерно) в различных функциональных разновидностях современной русской речи.

122. Активизации форм ед. ч. в обобщенно-собирательном значении способствует профессиональная речь. Это связано со сложными и весьма противоречивыми взаимодействиями речи профессиональной и общелитературной. Уже говорилось, что после Великой Октябрьской революции профессиональные слова широким потоком устремились в литературный язык, а вместе с тем и в язык художественной литературы.

Характерна в этом отношении семантически разнообразная группа форм ед. ч. имен существительных, обозначающих нелицо. Репортажи с предприятий и другие материалы газет и журналов иллюстрируют употребление этой группы форм в профессиональной речи:

Сейчас на предприятии готовятся к производству *автомашины «ЗИЛ-131»-вездехода* и *«ЗИЛ-133» повышенной грузоподъемности* (Из газет, 1965); Продукция цеха — *полихлорвиниловая плитка* для настила полов. Предприятие достраивается. Его проектная мощность — 2,5 миллиона квадратных метров плиток в год (Из газет, 1965); А резервов на транспорте немало. Важнейшим из них является ускорение оборота *вагона*. В прошлом году задание по обороту *вагона* не было выполнено, в нынешнем году вагоны оборачиваются еще медленнее (Из газет, 1962); Вам пишут рабочие Колюбакинского игольного завода. Наш завод более пятидесяти лет выпускает *ручную швейную иглу* и рыболовные крючки (Из газет, 1965); *Тонкий чулок* действительно непрочный,— констатирует главный инженер фабрики тов. Медведев.— Хотите, чтобы чулки подольше носились,— покупайте более плотные (Из газет, 1962); Так бывает довольно часто. Мы просили дать *прочный чулок* высокой крутки, но — увы! — Главтрикотаж отвечает, что означенный *чулок* пока в стадии проблемного освоения («Крок.», 1957); — Зато *стул наш, егорьевский,* отменно хорош! — говорят на фабрике (Из газет, 1965) [5].

123. Распространение форм ед. ч. в обобщенно-собирательном значении протекает в наше время активно, но неравномерно в различных функциональных разновидностях современной русской речи. Наблюдения показывают, что наиболее широко они используются в публицистике, в частности в газетах и журналах (передовые статьи, статьи литературно-критические, статьи на научные темы, фельетоны, очерки и другие материалы).

Действенный характер форм ед. ч. в обобщенно-собирательном значении, их выразительность, образность способствуют не только активному распространению этих форм в современной публицистике вообще, но и широкому их использованию в газетных, журнальных заголовках различной структуры:

Коммунист — активный боец партии («Пр.», 1965); *Народный учитель* («Пр.», 1965); Полнее удовлетворять запросы *зрителя* («Пр.», 1965); Степь зовет *хлебороба* («Пр.», 1965); Уходил воевать *сибиряк* («Изв.», 1965); Производить то, что нужно *потре-*

---

[5] Нормативность (соответствие современной литературной норме) форм ед. ч. в случаях, когда наряду с ними может быть употреблена форма мн. ч., определяется их значением. Они являются общепринятыми в тех случаях, когда используются для передачи обобщенно-собирательного значения. Вполне допустимы такие формы и в названиях предприятий, магазинов и т д.: завод *«Стройдеталь»*, завод *«Виброприбор»*, магазин *«Авторучка»* и др. Между тем, это иногда не учитывается. Любопытен в связи с этим недоуменный вопрос Б. Тимофеева по поводу вывески «Мужская сорочка»: «Странно, неужели в магазине продается одна-единственная сорочка?... Вообще почему-то «магазинно-вывесочный язык» за последнее время обнаруживает пристрастие к единственному числу: «Детская игрушка», «Диетическое яйцо» (Радиопередача «В мире слов», 1962).

бителю («Пр.», 1964); Знать завтрашнего *студента,* работать с ним («Веч. Москва», 1966) и мн. др.

Растет употребительность форм ед. ч. в обобщенно-собирательном значении в различных названиях, например, праздников. Рядом с *Всесоюзным днем железнодорожника, Всесоюзным днем физкультурника, Днем металлурга, Днем пограничника* возникают: *День строителя, День рыбака, День учителя* (это сочетание особенно интересно, если учесть наличие такого образования со значением собирательности, как *учительство*) и, наконец, совсем недавно *День химика, День медицинского работника, День геолога.* Накануне очередного призыва в армию военкоматами отмечается *День призывника:*

День призывника провел Торопецкий райвоенкомат Калининской области совместно с райвоенкомом ДОСААФ. Большой группе будущих воинов, отлично работающих на производстве, вручены почетные грамоты и ценные подарки (Из газет, 1965).

См. также:

В Приморье проведен интересный праздник: *День продавца.* Выпущено несколько листовок и плакатов, посвященных передовикам торговли (Из газет, 1965); В зимние каникулы музей проведет *День школьника* (Из газет, 1966).

124. Общая тенденция к активизации форм ед. ч. в обобщенно-собирательном значении, к широкому их распространению в различных функциональных разновидностях современной русской речи проявляется и в их использовании в художественной речи — не только в речи действующих лиц, но и в авторской.

Рассматриваемые формы встречаются у старшего поколения советских писателей:

— Я не говорю о нем, как о лучшем выразителе темы. Он, как никто, ставит перед *зрителем* мысль (К. Федин, Города и годы, 1924); Недавно я тряхнул стариной: прочел лекцию о самоотверженности *русской женщины* (Ф. Гладков, Клятва, 1944); Каждый день над любителями плотно покушать,— а *водолаз,* справедливо говоря, любит поесть плотно,— весело шутили (И. Соколов-Микитов, Спасение корабля, 1946); — Нынче *пьяный* в редкость,— примирительно заметил от дверей невидимый человек (К. Паустовский, Кордон «273», 1948); За *немецким танком* он следил и до войны, но познаниями своими был недоволен и понимал, почему (А. Караваева, Огни, 1943).

Формы ед. ч. в обобщенно-собирательном значении используются и представителями младшего поколения советских писателей:

— *Немец* выдыхается,— сказал капитан,— факт.— Я все жду,— сказал с верхней койки бледный, красивый горбоносый грузин, раненный в голову,— где он споткнется. Я по географическому атласу гадал, откуда мы пойдем его гнать (В. Панова, Спутники, 1946); — Не для того *солдат* роет *окоп,* чтобы остав-

лять его по первому требованию противника (К. Симонов, Живые и мертвые, 1959); — Почему не работаешь? Когда смена кончается, в девять? Разучился на часы смотреть? Самый образованный шофер парка, отличный водитель, в пример ставили! *Пассажир* ждет, скучает, а ты на курорте сидишь? (Ю. Бондарев, Двое, 1964); Кроме вокзалов, большое скопление *рыбака-фанатика* в ночь с субботы на воскресенье отмечается возле метро «Сокол»: они сидят там на ящиках и, поднимая руки, просят, чтобы их подвезли те самые служебные и военные автобусы, о которых только что шла речь... *Рыбак-подледник* бывает разный: *рыбак-пенсионер, рыбак — рабочий и служащий, рыбак-военный, рыбак-министр, рыбак-интеллигент* (ну, конечно, и *местный рыбак* — совершенно особая категория)... *Рыбак — рабочий, служащий* и *военный* — хорошо и четко организован... *Рыбак — государственный деятель* выезжает в ЗИЛах. *Рыбак-интеллигент* чаще всего группируется по 5—6 человек вокруг одной частной «Победы» или «Волги» (В. Солоухин, Григоровы острова, 1964).

Таким образом, употребление форм ед. ч. в обобщенно-собирательном значении, известное и в предшествующие периоды исторического развития языка, в советскую эпоху активизировалось, получило широкое распространение в различных функциональных разновидностях современной русской речи.

125. Широкая распространенность, большая продуктивность форм ед. ч. в обобщенно-собирательном значении с особой отчетливостью выступает при их сопоставлении с собирательными именами существительными.

Существительные, выражающие собирательность (*студенчество, учительство, казачество, офицерство; старичье, кулачье, бутылье, рванье; профессура; матросня, ребятня* и др.), принадлежат в современном русском языке к числу малоупотребительных, непродуктивных.

Несмотря на некоторое расширение их круга за счет образований на *-ия* (*комсомолия, пионерия, инженерия, рабкория, рабселькория* и под.), довольно широкое распространение ряда таких эмоционально окрашенных собирательных имен существительных, как *кулачье, офицерье, юнкерье, солдатье*[6], которое наблюдалось в 20—30-е годы, общее сокращение употребительности собирательных имен существительных распространяется и на эти образования. Употребительность их уменьшается. Этому во многом способствовало, видимо, широкое распространение форм ед. ч. в обобщенно-собирательном значении.

В этой связи показательны отношения между двумя способами выражения собирательности в языке нашего времени. Ряд

[6] Ср. образования такого типа в стихах В. Маяковского для плакатов в «Окнах РОСТА и Главполитпросвета» (1920 г.): *баронье, пановье* и др.

форм ед. ч. в обобщенно-собирательном значении имеет среди собирательных существительных дублеты, соотносительные образования. Так, например, *студент* (в обобщенно-собирательном значении) и *студенчество; офицер* (в обобщенно-собирательном значении) и *офицерство* (эмоционально окрашенная форма *офицерье*); *солдат* (в обобщенно-собирательном значении) и эмоционально окрашенные формы *солдатня, солдатье* и др.

Однако таких пар в современном русском языке мало. Не засвидетельствованы в современных словарях такие, например, собирательные имена на *-ство,* как *читательство, писательство, зрительство, покупательство, обывательство, избирательство* и др. Соответствующие же формы ед. ч. в обобщенно-собирательном значении на *-тель* — *читатель, писатель, зритель, покупатель, обыватель, избиратель* и др.— принадлежат к числу широкоупотребительных, распространенных в языке.

Не имеет соотносительных образований с собирательными суффиксами большинство типов несобирательных существительных, обозначающих лицо (*охотник, колхозник, школьник, танцовщик, формовщик, обувщик, москвич, омич, волжанин, моряк, рыбак, танкист, артиллерист* и мн. др.). Лишен дублетов и обширный, семантически разнообразный круг форм ед. ч. в обобщенно-собирательном значении имен существительных, обозначающих нелицо.

Это, с одной стороны, яркое свидетельство непродуктивности в современном русском языке собирательных имен существительных. С другой же стороны, это — показатель живого и развивающегося характера употребления форм ед. ч. в обобщенно-собирательном значении, продуктивности этих форм.

126. Употребительность форм ед. ч. существительных в обобщенно-собирательном значении важна для морфологической системы русского языка. Уже говорилось о конкуренции и борьбе двух тенденций в распределении маркированных — немаркированных членов у числовых корреляций. В некоторых случаях формы мн. ч. выступают как немаркированные, а формы ед. ч. существительных — как маркированные (III, § 8).

Интенсивная употребительность форм ед. ч. в обобщенно-собирательном значении усилила и укрепила другое отношение, более распространенное и глубоко традиционное в русском языке, когда немаркированными являются формы ед. ч., а для форм мн. ч. остается значение маркированности. Очень существенно, что обобщенно-собирательное значение реализовалось в первую очередь группой личных существительных, т. е. той же группой, которая допускала и «перевертень» в соотношении маркированных — немаркированных членов. Борьба двух типов привативных отношений шла на одном и том же плацдарме.

Обе тенденции — употреблять как немаркированную форму ед. ч. или употреблять как немаркированную форму мн. ч.— бы-

ли поддержаны социальными факторами. Но одна из них (первая) получает также и большую поддержку внутренних, собственно-языковых тенденций, она сильна тем, что формы ед. ч. являются немаркированными и у глагола и у субстантивированных прилагательных (*сытый голодного не разумеет*). Очевидно, постепенно формы ед. ч. существительных будут монополизировать немаркированное значение. Поддержка их в этом отношении со стороны социальных факторов, актуализировавших обобщенно-собирательное употребление форм ед. ч., помогает им достичь такой монополизации.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Стилистические изменения в морфологии. ***Противопоставленность форм типа песка — песку*** *как средство различения значений падежа, семантической и стилистической принадлежности существительного. Эволюция трех типов противопоставленности флексий -а — -у в отдельных речевых жанрах. Хронологическая приуроченность наиболее интенсивных изменений. Сдвиги в отношении форм на -а и на -у как результат продуктивной и репродуктивной языковой способности. Различия в отношении форм на -а и на -у у разных социально-профессиональных групп общества.*

Противопоставленность форм типа катеры — катера. *Борьба двух форм именительного множественного. Действие семантической аналогии. Влияние укрепления связей литературной речи с профессиональной на развитие этого процесса. Широкая распространенность форм на -а́ в 20-е годы. Замедление процесса их проникновения в общелитературный язык в последующие десятилетия в результате стабилизирующего влияния языковой нормы.*

127. Стилистические противопоставления на морфологическом уровне в русском языке (так же, как и в других восточнославянских) довольно редки. Можно сказать, не рискуя ошибиться, что только в XX в. некоторые флексии (и формы с этими флексиями) стали противопоставляться в первую очередь стилистически. (Однако в русском языке издавна существует много стилистических разграничений, для которых морфологические показатели используются в стилистических целях; ср.: *Молчите* и *Молчать!* Форма повелительного наклонения и инфинитив, как морфологические единицы, не являются стилистическими антагонистами; но, поступив в распоряжение синтаксиса, обретя интонацию определенного типа, инфинитив может уже чисто стилистически противостоять форме повелительного наклонения).

Становление стилистических противопоставлений в морфологии, так же как и в словообразовании, происходит в непрерывном взаимодействии с грамматическими значениями. Чем ярче становятся стилистические разграничения, тем больше стушевываются собственно морфологические (см. такое же протекание подобных процессов и в словообразовании, III, § 179).

Развитие стилистической противопоставленности грамматических форм, различающихся флексиями (т. е. морфологически), наиболее интенсивно протекает у форм род. п. ед. ч. существительных муж. р.

Противопоставленность форм типа *песка—песку* 128. Современное состояние литературного языка характеризуется тремя основными контрастами в соотношении двух форм род. ед. (на *-а* и на *-у*) [1]: падежно-грамматическим, семантическим и стилистическим.

Сущность падежно-грамматического контраста составляет грамматически оформленное различие двух основных значений родительного — количественного, или партитивного (*напиться чаю*), и неколичественного (*цвет чая*). Это основное грамматическое противопоставление осуществляется с большей или меньшей степенью последовательности только у определенных групп слов — у вещественных и отвлеченно-собирательных существительных муж. р.

Грамматический контраст пересекается с семантическим разграничением отвлеченных и вещественных существительных, с одной стороны, и всех остальных — с другой. В отличие от всех остальных существительных, семантические различия этих двух групп слов находят особенное грамматическое выражение; ср.: *нет страху* и *нет голоса, принеси сахару* и *принеси ребенка.*

В литературном языке XX в. падежно-грамматический и семантический контрасты выражены недостаточно четко, не имеют силы грамматического закона. Вариации *напиться чаю* и *напиться чая, нет страху* и *нет страха, принеси сахару* и *принеси сахара* и т. д. используются в языке XX в. чаще всего для выражения стилистического противопоставления.

В XIX в., по свидетельству большинства исследователей (В. А. Богородицкий, В. В. Виноградов, А. М. Пешковский, А. А. Шахматов, Р. О. Якобсон), флексии *-а* и *-у* противопоставлялись прежде всего грамматически, как средство дифференциации падежных значений.

«Формы на *-а* и на *-у,* противопоставлявшиеся в конце XVIII в. как вариантные и равнозначные..., в конце XIX — нач. XX в. противопоставляются — правда, не всегда регулярно и не от всех существительных — как формы с разными значениями... Возможность образования родительного партитивного характеризует несколько семантически однородных групп существительных, называющих предмет и понятия, подлежащие мере, а не счету... Историю употребления форм родит. пад. в конце XVIII—XIX вв. составляют закрепление формы на *-у* за партитивным значением родит. пад. определенных семантических разрядов

[1] Схема трех контрастов приводится в кн.: «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 64.

слов, с одной стороны, и постепенное возрастание стилистического разграничения и противопоставления форм на *-а* и на *-у* как форм „книжных" и „разговорных" — с другой» [2].

На протяжении XX в. в отношении форм на *-а* и на *-у* произошли сдвиги, которые были различны в разных стилях и жанрах литературного языка.

Соотношение форм родительного падежа единственного числа в письменной речи. **129.** Устная и письменная формы литературного языка существуют самостоятельно и внешне независимо; они идут во времени как бы двумя разными потоками. Это не исключает, однако, возможности их взаимного перекрестного влияния, особенно сильного во времена общественных потрясений, когда смещаются привычные нормы литературного языка.

Далее описывается попытка планомерного количественного анализа двух разновидностей письменного литературного языка, диаметрально противоположных по стилистическому устремлению:

1) деловая речь, в которой вариантные формы употребляются, как правило, бессознательно, автоматически, без какого-либо художественного или экспрессивного задания;

2) язык художественной литературы, где на первый план выдвигается эстетическая функция языка и вариантные формы могут использоваться автором сознательно, причем в речи персонажей эти формы часто применяются как особое характерологическое средство.

Выбор текстов для обследования обусловлен общим заданием: на избранных хронологических отрезках взяты тексты с наиболее частотными формами род. ед.

Деловая речь. **130.** Выборочно исследовались образцы стилистически нейтральной деловой речи — тексты с наиболее часто повторяющейся формой род. п. у бытовых обиходных слов в партитивном значении. Это рецептурные справочники по кулинарному искусству и поваренные книги дореволюционного и послереволюционного времени.

Общий объем выборки — 5000 форм род. п.: выбирались только формы род. парт. у тех слов, которые принимают и форму на *-а*, и форму на *-у*.

Для выборки использовались следующие издания.

1. Начало XX в. (1900—1913 гг.). Выборка объемом в 2000 форм (20 выборок по 100 форм в каждой). Было взято несколько книг разных авторов, изданных в разных городах стра-

---

[2] «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964, стр. 184—185.

ны, с тем чтобы нейтрализовать возможные индивидуальные отклонения [3].

2. 20-е годы — начало 30-х годов. Выборка объемом в 1000 форм (10 выборок по 100 форм в каждой) [4].

3. Конец 30-х годов. В 1939 г. вышла первая в Советском Союзе большая поваренная книга под названием «Книга о вкусной и здоровой пище. Наркомпищепром СССР — домашней хозяйке», рассчитанная на широкие слои населения. В сущности, это сборник: отдельные главы написаны разными людьми. Это заметно и по разной манере подачи рецептов, и, главное, по весьма значительным колебаниям в форме род. парт. разных слов. Расшатанность норм оставила значительный след в книге. Поэтому книга обследована методом сплошной выборки (стр. 25—395). Объем выборки 1000 форм (10 выборок по 100 форм в каждой).

4. В 1947 г. вышла «Книга о вкусной и здоровой пище» под ред. И. К. Сиволапа; она переиздавалась стереотипно в 1950, 1953, 1955 гг.; последнее издание — в 1962 г. (по употреблению форм род. ед. эти издания ничем не отличаются друг от друга). Основная особенность языка этой книги заключается в том, что ее авторы без колебаний употребляют в род. парт. только форму на *-а*: ни одной формы на *-у* не отмечено. Книгу, очевидно, слишком усердно редактировали. Факт сам по себе существенный, но, поскольку колебания в форме род. ед. у слов типа *сахара — сахару* и т. д. в современной речи, несомненно, еще существуют, пришлось искать те кулинарные и поваренные книги, в которых форма на *-у* встречается. Такой книгой оказалась «Книга о вкусной и здоровой пище» (М., 1952; ее последнее издание — тоже в 1962 г.). Для сравнения книга также была обследована целиком, так как она, как и книга 1939 г., представляет собой сборник статей нескольких авторов. Выбрано 1000 форм (10 выборок по 100 в каждой).

Результаты обследования приведены в форме двух хронологических таблиц. В табл. 24 представлены общие количественные

---

[3] Обследованы следующие тексты: «Настольная книга для хозяек. Составлена по программе кулинарной школы Зинаиды Неженцевой в Харькове». Изд. I. М., 1907, стр. 18—177; Н. Дмитриевич. Варенья, желе, шербеты, наливки и другие изготовления из ягод и фрукт. 150 рецептов. Одесса, 1910, стр. 8—20; «Руководство для молодых хозяек по изготовлению квасов, лимонаду, пряников, конфет, пирожного и по мыловарению. Составил мастер Иван Макарович Орехов». Армавир, 1912, стр. 3—16; «Практические основы кулинарного искусства. Составлена преподавательницей кулинарного искусства в Петрограде П. П. Александровой-Игнатьевой». Пг., 1916, стр. 150—392; М. М. Зарина. Учебник кулинарии. М., 1918, стр. 12—235.

[4] В это время новые поваренные книги издавались очень редко. Есть, например, малоизмененное переиздание книги З. Неженцевой (1962 г.), но по существу в ней отражены нормы языка конца XIX — начала XX в. Поэтому обследованы только две известные книги: М. П. Готвальд. Дешевый домашний стол. Настольная поваренная книга. Издание автора. Камышин, 1919, стр. 7—110; «Поваренная книга». Рига. 1932, стр. 1—199.

Таблица 24

I				II			III			IV		
1900—1918 гг.				Конец 20-х — начало 30-х годов			Конец 30-х годов			50—60-е годы		
	-а/-у		*-а/-у*		*-а*	*-у*		*-а*	*-у*		*-а*	*-у*
1	12/88	11	32/68	1	36	64	1	98	2	1	95	5
2	11/89	12	17/83	2	46	54	2	94	6	2	86	14
3	10/90	13	3/97	3	52	48	3	81	19	3	66	34
4	11/89	14	10/90	4	37	63	4	80	20	4	87	13
5	19/81	15	5/95	5	45	55	5	46	54	5	89	11
6	8/92	16	17/83	6	52	48	6	47	53	6	61	39
7	10/90	17	15/85	7	61	39	7	65	35	7	56	44
8	6/94	18	0/100	8	65	35	8	83	17	8	61	39
9	9/91	19	8/92	9	56	44	9	55	45	9	59	41
10	4/96	20	10/90	10	57	43	10	75	25	10	75	25
	$P_y = 0{,}891$			$P_y = 0{,}493$			$P_y = 0{,}286$			$P_y = 0{,}265$		

колебания (в деловом стиле) всех форм на *-а* и *-у* (в каждой выборке по 100 форм) [5].

В табл. 25 (она также хронологическая) представлен тот же материал, но с другой стороны: приведены количественные отношения по разным лексемам (93 слова) [6], чтобы выяснить, одинаково ли происходило изменение употребительности форм у разных слов.

Еще одно пояснение. Поскольку наиболее заметные сдвиги происходили в партитивном значении род. п., подсчитывались только формы род. парт. Случаи определительных значений род. п. при подсчете не учитывались, так же как и предложные употребления (с непартитивным значением).

Вот типичные контексты с разными оттенками партитивного значения, в которых подсчитывалось отношение форм. В именных конструкциях: *стакан сахару* и *стакан сахара, ложка песку — ложка песка, стакан крепкого чая — чаю, несколько капель сока — сока;* в глагольных конструкциях: *прибавить больше буль-*

[5] В таблице колебания в частоте форм выражены в процентах, в тексте же в дальнейшем для обозначения величины колебаний используется термин «частота»; по абсолютным величинам эти данные совпадают, например: 0, 526 составляет 52,6% и под.

[6] За недостатком места опущены формы, отмеченные не чаще 10 раз на 1000, редкие формы и формы с ударной флексией. Приводятся только суммированные данные.

Таблица 25

Хронологический отрезок	1900—1926 гг. (объем выборки — 2000 форм)	Конец 20-х — начало 30-х годов (объем выборки 1000 форм)	Конец 30-х годов (объем выборки 1000 форм)	50—60-е годы (объем выборки 1000 форм)
Лексемы	Варианты ответов в абсолютных числах			
	-а/-у	*-а/-у*	*-а/-у*	*-а/-у*
1. Сахара — сахару	16/584	125/107	45/204	71/160
2. Лука — луку	2/170	11/46	127/21	170/15
3. Бульона — бульону	38/123	76/28	83/2	68/0
4. Перца — перцу	7/165	40/93	11/23	18/0
5. Уксуса — уксусу	8/80	38/31	60/0	52/0
6. Риса — рису	0/54	12/19	25/22	31/21
7. Желатина — желатину	27/26	14/2	34/0	24/0
8. Сока — соку	5/48	11/14	22/1	12/2
9. Миндаля — миндалю	25/36	23/1	11/0	15/0
10. Творога — творогу	4/37	5/71	4/5	14/4
11. Сыра — сыру	0/27	4/3	26/4	8/12
12. Томата — томату	1/42	7/6	31/0	—
13. Сельдерея — сельдерею	7/3	6/6	23/0	20/0
14. Жира — жиру	3/11	11/7	13/0	14/5
15. Салата — салату	2/7	1/0	25/0	26/0
16. Укропа — укропу	6/13	18/5	11/1	5/0
17. Изюма — изюму	1/11	2/10	15/2	15/0
18. Соуса — соусу	1/0	4/1	15/0	30/0
19. Кипятка — кипятку и мн. др.	2/17	5/14	7/3	2/0
Всего:	217/1783	507/493	714/286	735/265

она — бульону; положить хрена — хрену, прибавлять по вкусу сахара — сахару и т. д.

Общие выводы из обеих таблиц:

а) Частота формы на *-у* в начале XX в. в партитивном значении была преобладающей: она составила около 90% (0,891), т. е. в 90 случаях из 100 пишущий в рассмотренном жанре выбирал форму на *-у*. В послереволюционный период отношения резко сместились, частота формы на *-а* поднялась примерно до 50%; в употреблении формы стали равноправными. В 30-е годы резкое падение употребительности формы на *-у* продолжалось, окончательно воспреобладала форма на *-а*. Количественные отношения в эти годы, по существу, «перевернулись» (частота формы

на *-у* в этот период составила 0,286). Временем наиболее активного падения употребительности формы на *-у* оказались 20-е и 30-е годы. В последующие десятилетия процесс вытеснения формы на *-у* продолжался более плавно, он не закончился и в наши дни. Столь стремительные количественные сдвиги стимулировались прежде всего разрывом с прежними традициями письменной речи этого жанра. В дореволюционных изданиях наблюдалась тесная связь с устной речью. В послереволюционных изданиях язык стал стандартизованнее и книжнее, авторы отказались от устных оборотов речи и свойственных им форм.

Формирующиеся стили деловой литературы находились в послереволюционную эпоху под более сильным, чем раньше, влиянием стиля научной и газетно-журнальной речи (где формы на *-а* явно преобладали в XIX в.).

б) Процесс замены форм с флексией *-у* на формы с флексией *-а* был неоднородным и в том смысле, что разные слова с разной легкостью расставались с прежней формой, и в том смысле, что в некоторых словосочетаниях активной замены флексии *-у* на *-а* не происходило.

131. Данные обнаруживают четкую закономерность между частотностью слова и скоростью вытеснения формы на *-у*. Наиболее частотные слова удерживают форму на *-у* дольше других. Так, например, очень частотное слово *сахар* в начале XX в. почти не употреблялось в форме *сахара* (имеется в виду партитивное значение формы род. ед.): на 600 примеров отмечено лишь 16 случаев формы на *-а*. К нашему времени это количественное отношение изменялось очень медленно, во всяком случае и в 50—60-е годы в обследованных текстах количественный перевес остался на стороне формы на *-у* (см. табл. 25).

У слов, среднечастотных в письменной речи, форма на *-у* сохранялась в тех случаях, когда эти же формы были поддержаны разговорной речью, т. е. слова, наиболее употребительные в быту, удерживали форму на *-у* и в письменной речи несколько дольше, чем малоупотребительные в бытовой речи: это формы *луку, перцу, рису, сыру, творогу, жиру*. Малочастотные, редкие слова (и в письменной, и в разговорной бытовой речи), например *эстрагону — эстрагона, шпинату — шпината, солоду — солода,* принимали в начале XX в. форму на *-у*, а в 30-е и тем более в 50—60-е годы — форму на *-а*.

Фактор частотности оказывается доминирующим также и в случаях с ударной флексией. Удивительно стойко держится форма *песку*. Очевидно, она поддерживается формой *сахару,* так как обычно форма *песку* употребляется в приложении *сахару-песку*. В обследованных текстах не отмечено ни одной формы этого слова с флексией *-а*; относительно устойчивы формы *коньяку* и *чесноку*. Все сравнительно редкие формы с ударной флексией приняли *-а* (*сыровца, ревеня* и проч.).

Итак, перемены заключались, во-первых, в сокращении общей частоты употребления формы на *-у*, и, во-вторых, в сокращении круга слов, способных принимать форму на *-у*. Так, в начале XX в. и в 20-е годы в обследованных текстах зарегистрировано 92 слова, принимавших форму на *-у*, в 50—60-е годы круг этих слов резко сократился — до 15.

Как видно из рассмотренного материала, форма на *-у* поразному исчезает из различных синтаксических конструкций, в которых родительный падеж получает дополнительные оттенки значений в зависимости от синтаксической модели. Закономерность такова: чем ярче в конструкции подчеркивается партитивное значение формы, тем более стойко в ней удерживается форма на *-у*; форма на *-а* интенсивно вытесняет форму на *-у* во всех случаях, когда чисто количественные представления хоть в малейшей степени ослаблены.

В начале XX в. форма на *-у* не только преобладала во всех конструкциях с партитивным значением род. п., но она нередко употреблялась и в других, непартитивных значениях род. п., например в предложных конструкциях: *для супу, для запаху, для вкусу, для цвету; вместо томату, вместо сахару; до пару, до часу; из ливеру, из творогу.*

К 30-м годам подобные конструкции с формой на *-у* в изученном жанре не встречались. В конструкциях же с партитивным значением форма на *-у* дольше задерживалась в сочетаниях идиоматического характера с ярким партитивным значением и исчезла из более свободных синтаксических построений. При этом судьба формы на *-у* была связана с типом конструкций: в глагольных конструкциях форма на *-у* задерживалась дольше, чем в именных.

132. Форма на *-у* дольше удерживается в сочетаниях с переходными глаголами, когда указывается действие, переходящее на неопределенную часть объекта (значение неполного объекта): *налить кипятку, прибавить перцу, положить творогу, купить табаку* и т. д. Эти конструкции отличаются от всех других прежде всего тем, что форма род. п. в них контрастирует с формой вин. п.: *налить кипяток, прибавить перец, положить творог, купить табак* и проч. Различие между конструкциями с род. п. и вин. п. сводится к зыбким семантическим нюансам: одни лингвисты считают, что формами вин. п. и род. п. противополагаются значения определенности и неопределенности объема, его целостности и частичности, другим кажется, что в конструкциях с вин. п. (например, *дай мне хлеб*) выдвигается представление вещества, а в конструкциях с род. п. (*дай мне хлеба*) — представление объема вещества. Несомненно, что смысловые различия между формой род. п. и формой вин. п. в данных конструкциях весьма неопределенны. Это открывает простор для их свободной взаимозамены.

В обследованном жанре флексия *-у* вытеснялась не столько вариантом род. п. *-а*, сколько формами вин. п., т. е. по существу нулевой флексией. Так, например, показательно, что после префиксальных глаголов типа *прибавить*, *добавить*, *допить*, *всыпать*, в семантическом значении которых есть партитивные оттенки, в начале века употреблялась форма на *-у* гораздо чаще, чем форма вин. п. Некоторые количественные отношения показательны. Так, в книге П. П. Александровой-Игнатьевой с глаголом *прибавить* зарегистрировано 27 форм на *-у* (*не прибавляя соку*, *прибавить льду* и проч.) и 13 форм вин. п. типа *прибавляют тертый шоколад* и под.

В кулинарной книге 1939 г. в сочетаниях с этим глаголом отмечена только форма вин. п. (18 раз): *прибавить перец*, *томат-пюре*, *лук* и под. С глаголом *добавить* там же отмечены 3 формы род. п. (из них 2 формы с флексией *-а*) и 49 форм вин. п. (*добавить перец*, *бульон*, *томат-пюре* и проч.). В книге 1962 г. отношение этих же конструкций следующее: *прибавить* (*чего*) — 1 (*прибавить немного перца*), *прибавить* (*что*) — 32 (*прибавить чеснок*, *уксус*, *салат* и проч.), с глоголом *добавить* отношение следующее: с формой род. п. отмечено 2 случая (*добавить соку*, *добавить немного сахару*), с формой вин. п. отмечено 53 случая.

Итак, в глагольных сочетаниях форма с объектным значением флексии *-у* вытеснялась формой вин. п. с нулевой флексией. Последний факт надо, вероятно, поставить в ряд с другими фактами роста аналитизма в падежной системе русского языка (см. IV, § 8—26).

133. Язык художественной литературы. Предполагается, что флексия *-у* неколебимо господствует в разговорной речи. Поэтому были рассмотрены драматические произведения, в которых писателями воспроизводится диалогическая, разговорная речь. В языке художественной литературы нет зеркального отражения всех особенностей устной речи, даже если автор стремится воспроизвести стихию этой устной речи. В диалогах автор лишь имитирует разговорную речь.

Некоторые варианты изучаемых форм с яркой стилистической окраской применяются авторами как художественная деталь для создания речевого образа. Так, варианты типа *ехай*, *посодют*, *замолчь*, *сидю* и под. используются в пьесах К. Тренева, В. Вишневского для воссоздания речи людей «из народа», еще не владеющих литературным языком. Но есть и другие морфологические варианты — сталистически малоконтрастные, типа *граммов* и *грамм*, *обусловливать и обуславливать*, *обессилею и обессилю* (неперех.). Таких дублетов авторы, как правило, не разграничивают и применяют их в той форме, какая свойственна их собственной речи. Характерологического задания эти варианты обычно не выполняют.

Варианты род. ед. *-а* и *-у* в своем стилистическом отношении неоднородны. В некоторых значениях у некоторых лексем форма на *-у* обладает резко выраженной просторечной окраской. Ср.:

Дело задержало? — Какое же? — Мирового *масштабу* (К. Тренев, Любовь Яровая, диалог Кошкина и Шванди); [Ротмистр] Ни к чо'ту вы не

годитесь! *Вида* нет. П'иемы плохо выходят. Подзаняться! (Уходит). [Младший офицер]... Слышали?! Ни к чорту вы не годитесь. *Вида* нет. Приемы плохо выходят. Подзаняться. (Уходит). [Взводный] (рычит). А! Ни к чорту вы не годитесь! *Виду* нет. Приемы плохо выходють. Подзаняться... А ну, я вас подзайму! (В. Вишневский, Первая конная).

В других же случаях стилистическое различие между вариантами *-а* и *-у* стушевано.

— *Чаю* хочешь? — говорит героиня пьесы, а через несколько реплик она же произносит: — Налить еще *чая*? (А. Арбузов, Мой бедный Марат). Автор здесь бессознательно воспроизводит речевые колебания: свои собственные или окружающей его среды.

В первые послереволюционные годы молодые драматурги М. Булгаков, В. Вишневский, В. Киршон, К. Тренев создавали новый жанр социальной драмы. В пьесах сталкивались контрастные образы героев из народа, большей частью малообразованных, и представителей враждебных, эксплуататорских классов. Проявлялась необходимость острых социально окрашенных речевых характеристик. Вербовались именно те речевые средства, которые помогали создать социальные маски. Форма на *-у* активно используется в самых резко окрашенных употреблениях. Например, В. Вишневский использует форму на *-у* в наборе диалектно-просторечных речевых явлений.

[Боец] Ох, бой был! *С холоду* лютые — смерти не видят — идут белые. *Останову* нет. Прямо беда... Однако и тут их побили. И только. В степь их угнали. А мороз! *Спасу нет* (Первая конная); [Сысоев] И чево волтузятся — *воздыху* им мало в Росеи, што ли? В спокой надо приходить (Там же).

В современной драматургии использование просторечно-окрашенных форм на *-у* встречается редко; подобные случаи отмечены, например, в одноактной пьесе для народного театра «Товарищ ведьма» З. Журавлевой. В этой пьесе формы на *-у* отвлеченных существительных используются в ряду других средств для воссоздания деревенской речи персонажей:

[Кемова] Николай, богом тебя прошу, не делай *скандалу*. В лес пойду, блином лягу, только скандалу не делай! Летательного *исходу* побойся! («Товарищ ведьма»);

[Катерина] А на синем на мори, на сером камени сидит старец одноузуб-двоезуб-троезуб, не имеет этот старец ни скорби, ни болезни, *ни упреку, ни призору,* ни лихого человека *оговору* (Там же).

Не могут ли случаи, когда разграничение флексий *-а/-у* в формах род. мн. используется драматургами характерологически, искажающим образом повлиять на результат сопоставления этих форм? Анализу должны подвергаться факты литературного языка; если же автор систематически использует, например, флексию *-у* для характеристики крестьянской речи, то этот факт может, при подсчетах форм, только осложнить и исказить выводы. Опасение это основательно; однако характерологическое использование форм в современной драматургии встречается редко. Об истинности результатов анализа говорят сами эти результаты: они показывают неуклонное, единонаправленное изменение анализируемых фактов.

134. Характер количественных сдвигов в использовании вариантов, происходивших в жанре драматических произведений, изучался методом выборочного статистического обследования. Сравнивались три хронологических среза: конец XIX в. и первое десятилетие XX в., с одной стороны, и конец 50-х — начало 60-х годов нашего времени, с другой; кроме того, обследованы 20—30-е годы — время, когда в деловом стиле письменной речи происходили резкие перемены в отношении вариантов.

Для первого периода обследованы 32 пьесы Л. Андреева, М. Горького. В. Немировича-Данченко, А. Толстого, А. Чехова,

А. Южина-Сумбатова[7]. Для второго периода (20—30-е годы) обследовано 15 пьес И. Бабеля, М. Булгакова, В. Вишневского, В. Киршона, А. Макаренко, К. Тренева[8]. Для третьего периода (конец 50-х — начало 60-х годов) взято 16 пьес, они принадлежат драматургам, выступившим впервые в печати, за немногим исключением, в 50-е и 60-е годы[9].

Известно, что частота употребления форм род. п. в языке художественной литературы ниже, чем в научно-деловой речи (ср. данные частотного словаря Йоссельсона). Обследованные жанры различаются также и по распределению отдельных значений родительного падежа. В книгах с кулинарными рецептами тематически обусловлена высокая частота партитивного значения у вещественных существительных, другие значения наблюдаются сравнительно редко. В пьесах же формы в партитивном значении у вещественных существительных (в ряду прочих значений родительного падежа) употребляются, естественно, значительно реже; зато с повышенной частотой используются разговорные фразеологизированные и онареченные конструкции типа *сживать со свету* (*со света*); *с голоду* (*с голода*); *со страху* (*со страха*) и проч.

Все встретившиеся соотносительные конструкции с формами на *-а* и *-у* были сгруппированы по отдельным значениям в пределах выделенных хронологических отрезков. Ниже приводится сводная таблица этих данных (табл. 26)..

---

[7] Перечень обследованных пьес: Л. Андреев. К звездам (1905), Савва (1906), Дни нашей жизни (1908), Gaudeamus (1910); М. Горький. Пьесы 1901—1906 гг.: Мещане, На дне, Дачники, Дети солнца, Варвары; В. Немирович-Данченко. Новое дело (1889), Цена жизни (1895); А. Толстой. Насильники (1912), Кукушкины слезы (1913), Касатка (1916), Ракета (1916); А. Чехов. Пьесы 1886—1904 гг.: О вреде табака, Лебединая Песня, Иванов, Медведь, Предложение, Трагик поневоле, Свадьба, Леший, Юбилей, Чайка. Три сестры, Вишневый сад; А. Южин-Сумбатов. Сергей Сатилов (1883), Ирининская община (1901), Невод (1905), Вожди (1908).

[8] Перечень пьес: И. Бабель. Закат (1928), Мария (1935); М. Булгаков. Дни Турбиных (1925—1926), Бег (1926—1928), Иван Васильевич (1935—1936); В. Вишневский. Красный флот в песнях (1929), Первая конная (1929), Последний решительный (1930), В. Киршон. Пьесы 1927—1932 гг.: Рельсы гудят, Город ветров, Хлеб; А. Макаренко. Мажор (1932—1933), Настоящий характер (1938); К. Тренев. Любовь Яровая (1925), Гимназисты (1935), На берегу Невы (1937).

[9] Перечень пьес: В. Аксенов, Ю. Стобавой. Коллеги (1961); А. Арбузов. Мой бедный Марат (1965); В. Блинов. Беглец (1961); И. Голосовский. Хочу верить (1961); З. Журавлева. Товарищ ведьма (1965); А. Корнейчук. Страница дневника (1965); О. Назаров. Вечер между вчера и сегодня (1962); В. Лаврентьев. Где-то совсем рядом (1962); В. Панова. Как поживаешь, парень? (1962); А. Салынский. Ложь для узкого круга (1963), Камешки на ладони (1965); Л. Зорин. По московскому времени (1958—1960), Энциклопедисты (1962). К. Финн. Дневник женщины (1962); Ю. Эдлис. Где твой брат, Авель? (1965).

Таблица 26

Хронологический отрезок	I		II		III	
	Конец XIX — начало XX в.		20—30-е годы		50—60-е годы	
Конструкция	Варианты ответов					
	абсолютные числа	%	абсолютные числа	%	абсолютные числа	%
	-а/-у	*-у*	*-а/-у*	*-у*	*-а/-у*	*-у*
С партитивным значением у вещественных существительных	9/169	94,9	3/25	89,2	15/24	61,5
С партитивным значением у отвлеченных существительных	44/52	54,1	14/26	65,0	26/18	40,9
Предложные конструкции с обстоятельственными значениями . . .	15/26	63,6	7/15	62,5	20/11	35,4
Фразеология	33/84	71,8	29/43	59,7	38/45	54,2
В сумме . . .	101/331	76,9	53/109	68,4	99/98	50,2

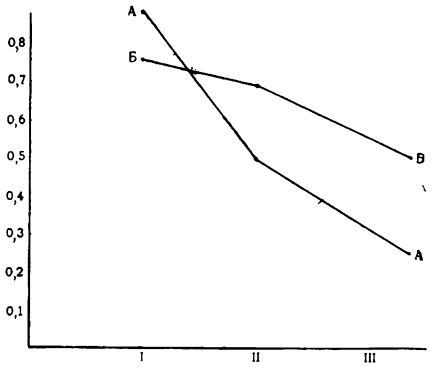
Подсчитанные частоты подвергались проверке критерием χ^2. Проверялось возможное предположение о том, что различия у сосчитанных частот случайны и независимы, т. е. частоты однородны. Эта гипотеза не подтвердилась. Приведенным данным не противоречит альтернативная гипотеза о неоднородности частот. Частоты закономерно менялись в зависимости от фактора времени [10].

Эти данные проясняют общую картину эволюции в употреблении форм. Как видно из только что приведенной таблицы, процесс вытеснения формы на *-у* в прошедшее шестидесятилетие протекал в изучаемом жанре хотя и неуклонно, но сравнительно вяло. Поэтому не удивительно, что создается впечатление, будто существенных перемен не происходит: уловить эти малозаметные смещения удается, лишь прибегая к специальным математико-статистическим приемам. По этим данным наиболее существенные сдвиги произошли к 50—60-м годам.

Обращает на себя внимание резкое различие в темпах перемен в языке художественной литературы (по итоговым данным:

[10] По данным табл. 26, для первого ряда $\chi^2 = 72{,}5$. Описание аналогичной задачи с подробным изложением формулы и хода расчетов задачи с применением критерия χ^2 см. в статье: Л. К. Граудина. Носков или носок (об одном приеме исследования). «Вопросы культуры речи», вып. 6. М., 1965.

I—76,9; II—68,4; III—50,2 — см. табл. 26) и в деловом стиле (I—89,1; II—49,3; IV—26,5 — см. табл. 24). В начале века частота формы на *-у* в деловом стиле была несколько выше, чем в языке драматических произведений. К 20—30-м годам в языке драм сдвиги едва заметны, тогда как в другом жанре в эти же годы частота формы на *-у* снизилась почти наполовину.

На графике линия А — А (она показывает движение форм на *-у* в деловой речи) в начале XX в. в своей верхней точке выше линии Б—Б (показывающей движение в языке художественной литературы). К нашему времени отношения перевернулись: А—А < Б—Б. Маловероятно, что эти перемены объясняются влиянием разговорной речи. Скорее наоборот: деловой стиль уходит от контакта с разговорной речью, очевидно, под влиянием усиливающейся книжности и стандартности научной и деловой речи, тогда как язык художественной литературы в диалогической речи развивается в тесной связи с устной речью и отражает, хотя и не прямо, эволюцию разговорной устной речи.

Однако в обоих жанрах процесс происходит в одном направлении: в сторону вытеснения формы на *-у* и расширения функции формы на *-а*. К середине XX в. форма на *-а* стала широко употребляться в партитивном значении. Отмеченная неравномерность процесса: сравнительная сохранность формы на *-у* в языке драм и стремительное падение употребительности той же формы в деловой речи в 20—30-е годы — объясняется, возможно, традиционностью художественной речи. Среди создателей письменных форм речи писатели оказываются наиболее последовательными хранителями традиционных норм письменного литературного языка (см. ниже). С другой стороны, в жанре драмы больше, чем в других художественных жанрах, существует необходимость опираться на разговорные элементы литературного языка.

135. Примечательные сдвиги происходили в употреблении форм на *-у* и на *-а* у вещественных существительных. Из материала видно, что процесс вытеснения формы на *-у* в партитивном значении происходит в том же направлении, что и в деловом стиле, хотя и более замедленными темпами. Сокращается круг лексем, принимающих форму на *-у*.

В начале века форму на *-у* принимали любые вещественные существительные, будь то заимствованные или малоизвестные

слова. Так, помимо привычных форм *чаю, сахару, коньяку, рому, перцу, уксусу, керосину, меду, тальнику, квасу, жиру, луку, мармеладу, яду, мышьяку, шелку, порошку, песку, супу, маку, коленкору*, отмечены формы *торфу, фенацетину, абрикотину, иодоформу, салицилу, нашатырю, спирту, киршвассеру, го-сотерну, лимону, шартрёзу*. Вот примеры:

[Апломбов] Скажи, чтобы еще *го-сотерну* поставили (А. Чехов, Свадьба); [Тенор] Ты зачем мне *нашатырю* даешь? (Л. Андреев, Gaudeamus); [Маруся] Нет. Мы *киршвассеру* выпьем. Самого чистого *киршвассеру* (Л. Андреев, К звездам); [Володька] Папиросы имеются? [Зоя] Имеются. [Володька] Пачку «*Трезвону*». [Зоя] Без денег не дам (А. Толстой, Мракобесы).

В настоящее время подобные случаи употребления устарели. Молодые драматурги обычно употребляют формы *чая, коньяка, сахара, меда, льда, кефира, нашатыря, анальгина, лимонада, нарзана, керосина, шашлыка*. В количественном отношении форм *чая/чаю* перевес пока что остается на стороне формы *чаю* (7/3), тогда как в начале века отмечена только форма *чаю* (42 раза).

В диалогической речи современных драматургов находит отражение процесс активизации форм вин. п., вступающего в конкуренцию с формами род. п.

В начале века в эмоционально-волевых употреблениях существительного-приказа использовался только родительный падеж:

[Федор Иванович] *Юлька, чаю*! (А. Чехов, Леший); [Чубуков] Мне дурно!.. *Воздуху* (А. Чехов, Предложение).

В подобных случаях современные драматурги часто используют форму вин. п.:

[Зеленин] В операционную, Даша, *камфору, кофеин*! [Карпов] *Адреналин*! Да скорее же! (В. Аксенов, Ю. Стабовой, Коллеги).

В сочетаниях с глаголами *положить, дать, налить, добавить* и под. полвека назад, как правило, употреблялась форма род. п., в современной речи часто употребляются формы вин. п.

[Темерницын] Трем свиньям *корму* раздать не умеете (А. И. Южин-Сумбатов, Вожди, 1908); [Таня] Хотел показать, как надо задавать корм (В. Лаврентьев, Где-то совсем рядом, 1962).

Аналогичные случаи замены форм родительного на винительный отмечены и в других стилях речи (см. IV, § 130—132). Оппозиция партитивного — непартитивного значений родительного падежа поколеблена. Натиск формы на *-а* в одних конструкциях и форм вин. п. с нулевой флексией в других представляется отдельными внешне выраженными формами проявления этого процесса.

Форма на *-у* постепенно сдает позиции и в предложных конструкциях с обстоятельственными значениями. Показательна смена количественных отношений в сочетании *из дому — из дома*.

В начале века сочетание употреблялось по преимуществу с формой на *-у*. Отмечено: *из дому* — 17 раз, *из дома* — 6 раз. В пьесах 50—60-х годов отношение изменилось: *из дому* — 8 раз, *из дома* — 14 раз. В настоящее время в живой речи наблюдается неустойчивость в употреблении флексии *-а* и *-у* в сочетаниях *из лесу — из леса, из носу — из носа, до дому — до дома, до часу — до часа* [11]. Весь ход эволюции в употреблении формы на *-у* убеждает в том, что усилился процесс закрепления морфемы *-у* за определенными словами и словосочетаниями. Происходит процесс ее грамматического выветривания. Процесс этот пока еще не завершился и в отдельных стилях письменной речи протекал с разной степенью интенсивности.

Соотношение форм родительного падежа единственного числа в устной речи. **136.** Поставлено два опыта выборочного количественного обследования форм на *-а* и *-у*.

Материал собирался при помощи вопросника, в котором предложен ряд вопросов и относительно употребления форм род. ед. в непринужденной (устной) речи. В работе использован также прием записи непринужденной городской речи. Оба метода ведут к одинаковым выводам; вместе они позволили собрать достоверный материал о формоупотреблении существительных в современной устной речи.

В вопроснике были такие задания: заполнить пропуски в ряде предложений, например: Я люблю сладкий чай, положи мне побольше *сахар*... И та же форма в другом стилистическом контексте (и в другой части вопросника): Наша промышленность выпустила в этом году намного больше *сахар*... по сравнению с прошлым годом. (См. все предложения этого типа в табл. 26, в графе 1). На каждый вопрос было получено и обработано по 4015 ответов. При обработке предусматривались ответы: «Да» — если ответивший написал форму на *-а*, «*Нет*» — если ответивший написал форму на *-у*, «И да, и нет» — если ответивший написал обе формы, «Не ответил» — если пропуски не заполнены, или ответивший ошибся и написал другую форму, предположим, не форму род. п., а форму вин. п.

Социологический аспект исследования предопределил композицию таблиц. Прежде всего важно было проверить динамику форм на *-а* и *-у* у разных возрастных групп населения.

Ниже приведена таблица, в которой вся совокупность обследованных лиц разбита на пять возрастных групп (см. табл. 27) [12].

[11] Наиболее стойко форма на *-у* держится во фразеологических сочетаниях типа *ни разу; ни шагу ступить не даст; ни слуху, ни духу; не будет толку; не хватает духу; спасу нет* и под. Здесь предлог + форма на *-у* выступает в качестве наречной морфемы. Этот пласт фразеологии, по существу, выпадает из системы живых грамматических образований.

[12] Здесь и далее полный текст предложений из вопросника приводится только в тех случаях, когда проверяемое слово находится в различном грамматическом и стилистическом окружении.

Таблица 27

Возрастная группа	1870—1909 гг.		1910—1919 гг.		1920—1929 гг.		1930—1939 гг.		1940—1949 гг.	
Словоформы	Варианты ответов									
	Общее число ответивших	-у, %	Общее число ответивших	-у, %	Общее число ответивших	-у, %	Общее число ответивших	-у, %	Общее число ответивших	-у, %
1. *Чая — чаю*										
а) Мы выпили две чашки *ча*...	356	45,5	186	44,6	445	46,0	1295	41,3	1655	36,9
б) Я выпил стакан крепкого *ча*...	352	40,6	185	40,5	440	42,7	1294	36,7	1664	30,7
в) цвет *ча*... ему показался приятным	357	1,1	191	1,0	444	1,8	1298	1,3	1671	0,7
2. *Кваса — квасу*	352	65,0	187	74,8	440	79,3	1293	75,4	1651	73,7
3. *Лимонада — лимонаду*	360	22,5	190	29,4	444	26,3	1307	23,7	1672	23,0
4. *Кагора — кагору*	358	24,8	190	33,1	444	33,5	1236	25,8	1665	23,3
5. *Сыра — сыру*	339	50,4	183	50,8	428	50,0	1268	45,9	1620	44,5
6. *Шоколада — шоколаду*	361	7,4	190	11,0	443	7,6	1312	6,0	1683	4,4
7. *Джема — джему*	359	12,2	188	15,9	442	12,6	1304	14,2	1670	11,9
8. *Винограда — винограду*	360	3,9	190	2,6	444	20,1	1312	2,4	1675	2,0
9. *Сахара — сахару*										
а) Я люблю сладкий чай, положи мне побольше *сахар*...	353	61,4	188	66,3	444	64,1	1305	59,8	1660	55,7
б) Наша промышленность выпустила в этом году намного больше *сахар*... по сравнению с прошлым годом	358	27,6	191	38,2	444	33,3	1310	27,9	1672	28,4
10. *Табака — табаку*	357	62,3	189	60,7	444	65,0	1310	51,8	1665	43,9
11. *Лака — лаку*	341	59,2	184	56,3	431	54,7	1246	50,6	1604	43,4
12. *Воска — воску*	340	49,7	183	53,5	431	54,0	1247	47,4	1601	40,7

Как видно из табл. 27, напряженная конкуренция вариантов *-а* и *-у* наблюдается только в партитивном значении род. п.; в определительном значении вероятность употребления флексии *-у* ничтожно мала. (Так, в сочетании *цвет ча...* форму *чаю* из 4015 человек выбрали только 44 человека, т. е. лишь 1%.)

Во всех оттенках партитивного значения род. п. перемены в количественном отношении форм происходят в одном направлении — в сторону возрастания частот употребления формы на *-а*. Проверка гипотезы о значимости количественных различий по отдельным возрастным группам показала, что для большинства словоформ и для суммарных данных по всем формам различия между первой, второй и третьей возрастными группами несущественны. Переломные сдвиги отмечаются в четвертой возрастной группе; в этой группе, т. е. у поколения 30-х годов, формируются новые количественные показатели употребления *-а* и *-у*. У поколения 40-х годов тенденция к увеличению частот формы на *-а* углубляется. Таким образом, по массовым различиям в употреблении *-а* и *-у* выделяются три возрастные группы:

1. Примерно от сорока лет и старше.
2. Между тридцатью и сорока годами.
3. Молодежь до тридцати лет.

Причина неравномерности сдвигов у отдельных возрастных поколений — социального происхождения. «Демографическая катастрофа»[13] 1914—1920-х годов выразилась в резком нарушении естественной динамики народонаселения (массовая мобилизация, эмиграция части служащих и лиц вольных профессий, последствия военных и революционных событий в возрастном и социальном составе населения). Естественная смена поколений сопровождалась активной перестройкой в социальном составе общества, сменой семейных речевых традиций. Пересечение возрастных и социальных перемен в обществе определило наблюдаемые различия: по нормам употребления форм заметно различаются старшие и нестаршие поколения; молодежь 40-х годов отличается от поколения 30-х годов менее существенно.

Средняя частота по всем обследованным лексемам (по итоговым данным) от одной возрастной группы к другой варьировалась незначительно: частота формы на *-а* возросла у поколения 40-х годов по сравнению с самым старшим поколением всего лишь на 4%, причем средняя частота формы на *-у* у всех возрастных групп продолжает оставаться довольно высокой, в частности, у молодежи 40-х годов она составляет 34,7%. Как видим, общие сдвиги становятся заметными лишь у поколения 30-х годов и носят характер довольно медленных и на первый взгляд малозначительных смещений.

[13] См.: С. А. Новосельский. Влияние войны на естественное движение населения. «Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг.».

137. Однако в таком обобщенном виде (в форме одной суммарной характеристики) картина общих сдвигов предстает несколько огрубленной, остаются нераскрытыми некоторые черты живого и развивающегося явления. Конкретные наблюдения над вариациями частот в определенных условиях и у отдельных лексем позволяют сделать ряд дополнительных выводов.

По типу отношений частот форм на *-а* и *-у* обследованные лексемы распадаются на две группы: у среднечастотной группы слов частота формы на *-а* преобладает над частотой формы на *-у*. Таковы отношения форм *лимонада — лимонаду, кагора — кагору, джема — джему* и др. (см. табл. 27). Каких-либо сдвигов, связанных с возрастным различием информантов, у этих слов не обнаружено. Статистическая проверка критерием χ^2 показала несущественность количественных различий по поколениям в отношении частот у этих пар.

Иное дело — у слов, высокочастотных в бытовой речи, которым искони была свойственна форма на *-у*: *кваса — квасу, сыра — сыру, сахара — сахару, табака — табаку*. У старших возрастных групп населения отмечено значительное преобладание формы на *-у* над формой на *-а*. Интересно, что существенный количественный рост формы на *-а* обнаруживается именно у этой группы слов с высокочастотной формой на *-у*. (Ср., например, рост частоты формы на *-а* в наиболее консервативной паре с ударной флексией *табака — табаку*. Именно в этой группе слов в настоящее время происходит активный процесс выравнивания частот, хотя контрасты форм на *-а* и на *-у* у разных лексем в количественном отношении пока еще значительны (ср. частоты по отдельным лексемам в последней графе табл. 27).

Активное падение употребительности форм на *-у*, начавшееся в деловой письменной речи, происходит теперь и в устной. Высокочастотные слова дольше, как правило, удерживали форму на *-у*, это характерно для всех стилей. Процесс вытеснения форм на *-у*, отчетливо выступающий в устной речи, постепенно углубляясь, охватил теперь и самые частотные слова (хотя пока что наиболее высокий процент употребления формы на *-у*, естественно, удерживается именно у них).

138. Сравнение частот у одной и той же лексемы в разных синтаксических условиях подтверждает наблюдение о позиционной закрепленности формы на *-у*. Было взято два предложения: «Мы выпили две чашки *ча...*» и «Я выпил стакан крепкого *ча...*». Эти два предложения грамматически и стилистически тождественны: различаются они только тем, что в одном случае приводится сочетание без прилагательного, во втором — с прилагательным. Частота формы на *-а* во втором случае оказывается значительно выше, чем в первом, у всех возрастных групп населения (ср. данные в табл. 27). Проверка показывает значимость отмеченных различий.

В устной речи, так же как и в письменной, позиция *-у* оказывается наиболее сильной в сочетаниях с глаголами, не ослабляемых вставкой определительных или каких-либо других зависимых слов. В одном из разделов вопросника проведен следующий эксперимент. Был задан вопрос: «Какое из приведенных словосочетаний Вам представляется правильным? Подчеркните его. Если Вы оба варианта считаете правильными, подчеркните тот и другой». Проверке подвергнуты две конструкции (с одной и той же лексемой) — именная и глагольная: *купил сахара* или *купил сахару*, с одной стороны, и *килограмм сахара* или *килограмм сахару*, с другой. У поколения 30-х и 40-х годов в глагольной конструкции преобладает форма на *-у* (ее частота для этих возрастных групп составила 0,741 и 0,713), в именной же, напротив, преобладает форма на *-а* (ее частота для тех же возрастных групп составила 0,612 и 0,643).

По существу нет ни одного оттенка партитивного значения род. п., куда бы ни проникла форма на *-а* [14].

Агрессия формы на *-а* простирается на все конструкции род. парт., однако с разной степенью интенсивности. По степени употребительности формы на *-у* на первом месте оказываются глагольные конструкции со значением неполного объекта, затем сочетания с наречиями, обозначающими меру (*много, мало, побольше, поменьше),* затем именные сочетания. Наиболее проницаемыми для формы на *-а* являются свободные синтаксические построения, в которых партитивное значение ослабляется вставкой зависимых слов типа *стакан крепкого чая, купить в магазине машинного масла, лака и воска* и под.

139. В настоящее время в речевом сознании говорящих при употреблении форм на *-а* и *-у* доминируют стилистические контрасты. В вопроснике был поставлен эксперимент: отвечающему предлагались две фразы с тождественными конструкциями и лексемами; фразы различались только стилистически. Вот эти предложения: одно — разговорное, бытовое: «Я люблю сладкий чай, положи мне побольше *сахар*...», другое — книжное, строго деловое: «Наша промышленность выпустила в этом году намного больше *сахар*... по сравнению с прошлым годом». Стилистические различия ощущаются говорящими в столь резкой форме, что полученные количественные отношения вариантов *-а* и *-у* в разных стилистических условиях оказались противоположными. У группы старшего поколения процент формы на *-а* составил 38,6 (как

[14] В табл. 27 за недостатком места не удалось показать данные по отвлеченным и собирательным существительным! В вопросе «Там было много народа или много народу» большинство предпочло форму на *-у* (у поколения 20-х годов — 464 *-а* и 827 — *-у*). На вопрос же *«Много блеска* или *много блеску»* ответили иначе: подавляющее число выбрало форму на *-а* (у поколения 40-х годов 1251 *-а* и 221 — *-у*). Общая частота формы на *-у* по обеим словоформам от старшего поколения к младшему менялась в сторону уменьшения: 0,401 у старшего поколения и 0,379 у самого молодого поколения.

видим, частота формы на *-у* резко преобладает; находясь в дополнительном распределении к форме на *-а*, она соответственно составляет 61,4). В книжной же фразе резко преобладает форма на *-а*: 72,4%. Причем частота формы на *-а* в книжной фразе держится стабильно у всех возрастных групп, тогда как частота формы на *-а* в разговорной фразе у поколения 30-х и 40-х годов несколько повышается.

140. Развитие форм на *-а* и *-у* представляет собой равнодействующую двух основных антагонистических сил — репродуктивной и продуктивной способности. С одной стороны, действует репродуктивная способность — воспроизводить формы по памяти; в результате действия этой, в общем, консервативной силы в языке удерживается форма на *-у*. С другой стороны, продуктивная способность производить формы по аналогии — творческая сила, обеспечивает продвижение форме *-а*. По существу, приходится исследовать закономерности передвижения форм на *-а* и *-у* в памяти говорящих. Еще В. А. Богородицкий говорил, что ошибка памяти — путь развития языка. Ошибка имеет будущее там, где она незаметна для говорящего и воспринимающего. Вариативность форм на *-а* и *-у* освящена традицией и допускается всеми грамматиками — от школьной до Академической. Допустимость формы на *-а* открывает широкий выход продуктивной языковой способности. Эта способность также связана с запоминанием, но не только отдельных слов с привычной для них формой (скажем, *квасу*, но *пирамидона*),— запоминается и активизируется форма наиболее часто повторяющихся сходных конструкций. Самыми живучими оказываются явления, которые лучше помнятся, а частое употребление является тем условием, которое способствует лучшему запоминанию.

Память говорящих неоднородна. В одних общественных группах уклонения от правил могут прогрессировать — и традиционные формы мало-помалу забываются. В других кругах постоянная тренировка речевого сознания поддерживает традиционность формоупотребления. Разумеется, такая тренировка происходит в том случае, если говорящий находится постоянно в среде, традиционной по своему речевому поведению. Представители старой интеллигенции находились именно в таких условиях.

На материалах вопросника была проведена проверка гипотезы о дифференцированности норм употребления *-а* и *-у* в разных социально-профессиональных группах (см. табл. 28).

Прежде всего были выделены лица, получившие высшее филологическое образование. Обследовались языковеды, преподаватели русского языка в школах и вузах, литературоведы, словом, все те лица, которых по окончании вуза называют филологами. Эта группа условно названа интеллигентами с филологическим образованием. Им противопоставлены все лица с высшим, но нефилологическим образованием. В особую группу выделены писа-

тели и журналисты, профессионально владеющие нормами литературного языка.

К лицам с высшим образованием примыкает группа студентов. Студенты тоже разделены на две группы: студенты-филологи и студенты-нефилологи. Большой интерес представляют те социально-профессиональные слои, представители которых не получили высшего (особенно филологического) образования. У них можно предполагать относительную свободу в выборе форм. Из этих групп опрошены рабочие и служащие.

Для иллюстрации проведенного опроса здесь приведены лишь немногие данные по наиболее ярким словоформам, имеющим индивидуальные отклонения в отношении частот *-а* и *-у*. Из этих данных очевидно следующее.

1. Перемены количественных отношений в выделенных группах не случайны (данные проверялись критерием χ^2).

Из всей опрошенной совокупности резко выделяются две группы: писатели и журналисты и лица с филологическим образованием. По сравнению со всеми другими у них снижена частота употребления формы на *-а*; соответственно выше, чем в других группах, частота формы на *-у* (ср. в табл.). В группах рабочих и студентов-нефилологов складывающиеся черты нового формоупотребления проявляются отчетливее: частота формы на *-а* у них самая высокая (см. табл.).

2. Установленные количественные отношения по отдельным профессиональным группам нестабильны. Внутри выделенных группировок количественные отношения в определенных пределах переменчивы, в частности, в зависимости от возраста.

Тщательное математико-статистическое исследование функциональной зависимости между факторами возраста и профессии, проведенное на одной словоформе (*чая — чаю*) [15], раскрывает одну особенность. Социальные контрасты в употреблении форм резче выражены у старших поколений: по частоте употребления вариантов резко различаются интеллигенты-филологи и нефилологи, рабочие и служащие. У поколений 30-х и 40-х годов различия несколько сглаживаются, хотя, как и у старших поколений, филологи и нефилологи по употреблению вариантов различаются довольно резко: на графике линия частот у филологов проходит по одну сторону от средней, у всех других групп — по другую.

Итак, лишь две социально-образовательные группировки сохраняют относительную верность грамматическим традициям в употреблении форм род. п.: филологически образованная интеллигенция самого старшего поколения и лица из писательской и журналистской среды.

---

[15] См. подробнее в статье Л. К. Граудина. Опыт количественной оценки нормы (форма род. ед. «чая — чаю»). «Вопросы культуры речи», вып. 8. М., 1967.

Словоформа	Возрастная группа	Социальное			
		Рабочие		Служащие	
		общее число ответивших	-у, %	общее число ответивших	-у, %
Сахара — сахару: Я люблю сладкий чай, положи мне побольше *сахар*...	До 1929 г.	69	63,7	218	62,8
	1930—1939 гг.	167	51,4	375	63,2
	1940—1949 гг.	199	45,7	319	53,2
	Всего	435	50,8	912	59,5
Сахара — сахару: Наша промышленность выпустила в этом году намного больше *сахар*... по сравнению с прошлым годом	До 1929 г.	69	36,2	219	32,8
	1930—1939 гг.	166	28,9	379	31,3
	1940—1949 гг.	200	25,5	320	26,8
	Всего	435	28,5	918	31,7
Кваса — квасу	До 1929 г.	67	73,1	214	75,7
	1930—1939 гг.	165	72,1	375	77,8
	1940—1949 гг.	199	64,8	318	67,6
	Всего	431	69,1	907	73,7
Табака — табаку	До 1929 г.	68	67,6	218	62,3
	1930—1939 гг.	167	48,5	378	57,6
	1940—1949 гг.	201	39,8	317	41,3
	Всего	436	46,5	913	53,1

Представители других общественных групп старшего поколения (рабочие, служащие, интеллигенты-нефилологи) дали ответы, свидетельствующие о пестроте и расшатанности нормы. У молодежи всех социальных групп, по сравнению со старшими поко-

Таблица 28

положение	Интеллигенты с нефилологическим образованием		Интеллигенты с филологическим образованием		Писатели, журналисты		Студенты-нефилологи		Студенты-филологи	
	общее число ответивших	-y, %	общее число ответивших	-y, %	общее число ответивших	-y, %	общее число ответивших	-y, %	общее число ответивших	-y, %
	457	58,2	159	74,8	48	75,0	—	—	—	—
	302	50,0	143	70,6	12	58,3	43	58,2	138	61,7
	36	36,1	36	69,4	4	61,1	120	51,7	530	58,0
	795	54,0	338	72,4	64	70,3	163	54,0	668	58,7
	463	28,0	161	39,7	47	51,6	—	—	—	—
	302	20,8	143	28,7	12	33,3	43	23,3	142	27,5
	36	22,2	37	29,7	4	0,0	122	23,0	532	33,5
	801	23,8	341	33,9	63	30,2	165	24,3	674	32,3
	457	73,5	160	86,8	45	88,8	—	—	—	—
	295	70,5	140	81,2	12	83,3	42	64,2	139	77,4
	35	74,2	35	80,0	4	75,0	111	70,3	529	75,0
	787	72,4	335	83,8	61	86,8	153	70,6	668	75,7
	459	57,9	162	73,9	48	75,0	—	—	—	—
	302	45,0	144	56,2	11	63,6	44	29,6	140	55,8
	36	38,8	37	54,0	4	50,0	122	46,8	530	45,9
	797	52,1	343	64,3	63	71,4	166	42,4	670	47,9

лениями, социальные контрасты в употреблении форм несколько сгладились. В послереволюционное время происходили коренные перемены в составе общества и в особенности в рядах интеллигенции. Новые социальные условия усилили действие продуктивной языковой способности.

141. Материал вопросника сопоставлен с записями услышанной речи. Чтобы провести подсчет форм в непринужденной речи, выбрана ситуация, в которой форма род. п. в партитивном значении у ходовых слов наиболее частотна — это короткие диалоги покупателя и продавца в магазинах. Записи проведены в 1963—1965 гг. в разных магазинах Москвы, Риги и Юрмалы. Было проведено 200 наблюдений вариантов *-а* и -у и лексем с колеблющейся формой. Общее отношение вариантов: 97 форм на *-а* и 103 формы на *-у*. Частота формы на *-а*, по этим данным, составляет 48,5%, и формы на *-у* соответственно 51,5% [16].

Средняя частота вариантов *-а* и *-у* старшего и среднего поколений по материалам вопросника составила для *-а* 59,3%, для *-у* — 40,7% (величина выборки —960 наблюдений). Как видим, различие между частотами форм по вопроснику и по записям заметно: по записям частота формы на *-у* выше, чем по вопроснику. Если при увеличении выборки из непринужденной речи, а главное, при некотором видоизменении ее лексического состава различия между частотами вариантов по вопросникам и по записям сохранятся, можно будет определить коэффициент поправки на осознанное и бессознательное употребление вариантов. Очевидно, при бессознательном устном употреблении у одних и тех же слов форма на *-у* может быть несколько частотнее, чем при осознанном. Иначе говоря, самая избирательность форм, вероятно, изменилась: молодежь сознательно предпочитает форму на *-а*, хотя бессознательно пользуется более привычной формой на *-у*.

Употребление вариантов в обследованной ситуативной речи, по сравнению с письменной, характеризуется некоторым своеобразием.

В магазинах диалоги ведутся в форме коротких фраз делового информационного характера. Фразы лаконичны, прерывисты, употребляются лишь немногие и самые важные для говорящих слова. Взаимное понимание снимает необходимость полных и правильных речевых построений, поэтому многие диалоги характеризуются синтаксической инверсией, несогласованностью, недоговоренностью. Вот примеры:

— У вас будет с пяти рублей? — Будет (у кассы, речь идет о сдаче); Мне, пожалуйста, вот этой штучку (у прилавка, речь идет о корешке свеклы); *Репка,* покрупнее! *Петрушка* сто, *сельдерюшка* двести и т. д.

---

[16] Количественные отношения вариантов по отдельным обследованным лексемам были следующие: *лука — луку* 24/66, *лучка — лучку* 1/0, *салата* — салату 2/0, *сыра — сыру* 17/12, *сырка — сырку* 2/0, *томата — томату* 5/6, *томатика — томатику* 0/1, *укропа — укропу* 10/7, *сельдерея — сельдерею* 5/4, *перца — перцу* 3/1, *укропчика — укропчику* 1/1, *перчика — перчику* 1/1, *уксуса — уксусу* 1/0, *горошка — горошку* 2/0, *маргарина — маргарину* 6/0, *меда — меду* 2/1, *кваса — квасу* 1/0, *творога — творогу* 1/1, *майонеза — майонезу* 2/0, *окорока* 1/0, *рулета* 1/0, *лимонада* 2/0, *коньяка* 1/0, *чая* 1/0, *кефира — кефиру* 5/2.

В этих условиях ожидаемая форма род. п. очень часто заменяется неизменяемой формой вин. п. и им. п. (именительный представления), например:

— Еще что? — *Лук,* килограмм (им. п. представления) или: Дайте мне *лук* еще (вин. п.).— 90 копеек *сыр* и 20 копеек *лук.*— Полкило моркови и *сельдерей* 100 грамм.— Мне на копеечку *укроп.*

Такие несклоняемые формы, синонимичные родительному партитивному, в магазинных диалогах довольно часты. Так, на 94 формы родительного отмечено было 32 случая неизменяемости формы [17].

Очевидно, и в устной разговорной речи постепенно победа будет одержана формой на *-а,* хотя процесс смены форм протекает замедленнее.

142. Выборочное обследование современных форм устной и письменной речи молодого, среднего и старшего поколений наших современников дает возможность выразить существующие отношения и произошедшие перемены в форме обобщающей таблицы (см. табл. 29, об употреблении флексии *-у*).

Таблица составлена так, чтобы можно было одним взглядом охватить самые существенные перемены в употреблении форм на *-а* и *-у* на протяжении XX в. Для наглядности хронологический «шаг» в таблице расширен до шестидесяти лет: в одной графе помещена характеристика отношений в начале XX в., в предреволюционные годы, в другой графе охарактеризованы современные количественные отношения вариантов. В таблице приведены количественные оценки (в %), представляющие собой основную переменную величину. Прочерком отмечены случаи, когда материал по каким-либо причинам обследовать не удалось.

Противопоставленность форм типа *катеры—катера.* **143.** В современном языке процесс образования и распространения форм именительного множественного с флексией *-а́* представлен весьма широко. Распространение этих форм связано главным образом с установлением более тесных связей современного литературного языка с профессиональной речью, которая и является источником этих форм.

---

[17] При употреблении родительного партитивного в устной речи по сравнению с письменной на слух различаются по существу четыре варианта, а не два:

-а ударное (*коньяка́*)	*-а* безударное (*лука*)
-у ударное (*коньяку́*)	*-у* безударное (*луку*)

В безударном положении часто слышится [ъ], призвук неопределенного качества, создающий постоянную возможность ослышек.

При сопоставлении количественных данных по записям услышанной речи с материалом вопросника вариант редуцированного окончания -[ъ] был, конечно, объединен с окончанием *-а.*

Таблица 29

Жанр / Конструкция	Книжно-деловая речь		Язык художественной литературы (диалогическая речь)		Письменный ответ на заданный вопрос		Разговорная речь	
	Начало XX в., %	Середина XX в., %	Начало XX в., %	Середина XX в., %	Начало XX в., %	Середина XX в., %	Начало XX в., %	Середина XX в., %
С партитивно-выделительным значением:								
а) у вещественных существительных . . .	89,1	26,5	94,9	61,5	40,7	34,7	—	51,5
б) у отвлеченно-собирательных существительных	—	—	54,1	40,9	40,1 (для сочетания *много народа-у, много блеска-у*)	37,9	—	—
Предложные конструкции с обстоятельственными значениями	—	—	63,6	35,4	—	—	—	—
Фразеология	—	—	71,8	54,2	—	—	—	—

Формы исконно русских существительных с такой флексией свойственны преимущественно профессионально-просторечному употреблению: *промыслá, приискá, выходá* (например, у химиков *выходá* — результаты опытов, ср. *выходá* пород у геологов и *выходá* у артистов), *выпускá* (в технике — *выпускá* — концы проводов), *весá* (*средние, низкие весá* — у спортсменов) и т. д. Немало форм этого типа относится к сельскохозяйственной лексике (*возá, стогá, плугá, триерá, трактóрá* и под.), к военной (*фортá, фронтá, взводá, мессерá, снайперá, офицерá* и под.), к производственно-технической (*цехá, клапанá, тендерá* и под.).

Здесь действует «фактор семантической аналогии»[18]. Он определяет «групповой» характер новообразований. Ряды имен

[18] Под семантической аналогией понимается аналогия между словами одной и той же семантической группы. См.: А. С. Фидровская. Имена существительные мужского рода с формами на *á* в именительном падеже множественного числа. Изд. Казанского ун-та, 1961; Она же. К вопросу о процессе и факторах новообразования на *-á* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода. «Уч. зап. Казанского ун-та», т. 112, кн. 6, 1952, стр. 19—64.

с флексией *-а́* в им. п. мн. ч. непрерывно пополняются образованиями, которые распределяются по определенным семантическим группам, принадлежащим к той или иной производственной области.

Так, по аналогии с формами *трактора́, бункера́* становятся употребительными формы *триера́, буккера́* (тоже названия сельскохозяйственных машин); по аналогии с *мессера́* в разговорно-профессиональном употреблении могли появиться формы *оппеля́, пульмана́* и т. д.

145. Кроме воздействия семантической аналогии, проявляющейся преимущественно в профессиональной лексике, на продуктивность данных форм может оказывать влияние и другой языковой фактор — отношение ударных и безударных флексий в парадигме склонения мн. ч. У существительных муж. р. в формах склонения мн. ч. представлены следующие типы ударения (при постоянном ударении на основе в формах ед. ч.): 1) *ве́тры, ве́тров, ве́трам, ве́трами, ве́трах* (тип, распространенный в XIX в.); 2) *ве́тры, ветро́в, ветра́м, ветра́ми, ветра́х* (тип, характерный и для языка XIX и для языка XX в.); 3) *ветра́*[19], *ветро́в, ветра́м, ветра́ми, ветра́х* (тип, характерный преимущественно для языка XX в.).

Ударение второго типа является как бы переходной ступенью к ударению третьего типа. В третьем типе ударные флексии косвенных падежей вытесняют безударную флексию им.-вин. п., образуя парадигму склонения с наконечным ударением во всех падежных формах мн. ч., противопоставленную парадигме склонения ед. ч. с ударением на основе (*ве́тер, ве́тра, ве́тру, ве́тром* и *ветра́, ветро́в, ветра́м, ветра́ми* и т. д.).

146. Действие внутриязыковых факторов (семантической аналогии и взаимоотношения ударных и безударных флексий в парадигме склонения) усиливается под влиянием факторов внешних, социальных, одним из которых является изменение социального состава носителей языка. Для расширения образования и распространения в языке форм с флексией *-а́* это изменение очень существенно: эти формы во многих случаях образуются вне литературного языка и лишь затем преодолевают границу между литературным языком и профессионально-просторечными сферами. Изменение социального состава лиц, владеющих литературным языком, приводит и к изменению отношения к старым традиционным нормам, делает границу между литературной речью и профессионально-просторечной более проницаемой.

---

[19] Ударная флексия им. мн. (*ы́*) в современном языке не является продуктивной. Она свойственна лишь небольшому числу односложных имен, таких, как *порты́, возы́, фронты́, горбы́, гробы́* и под. Как правило, при этих формах существуют и формы с флексией *-а́*, употребительные преимущественно в просторечии: *порта́, воза́, фронта́, гроба́* и под.

Следствие этого — широкий приток форм с ударной флексией *-á* в литературный язык.

Приток их, видимо, был особенно сильным в первые десятилетия XX в.; анализируемые формы употреблялись без сниженной стилистической оценки. Так, например, лишены сниженной стилистической окраски формы на *-á*, встречающиеся в деловой речи того времени:

Заподозренных в коммунизме замуровывали в *карцера* («Изв.», 2 июня 1922); только тогда можно иметь чистые *контура*, без затеков («Жен. журн.», 1928, № 12); Что дали новые *колдоговора?* («Работница», 1929, № 6); *сноваля* старые и качество пряжи плохое («Работница», 1929, № 8); Наши заводы жили тем, что получали из-за границы, наши *инженера* учились по заграницам («Гудок», 3 дек. 1920) и мн. др.

В художественной прозе тех лет можно встретить случаи параллельного, по-видимому, безразличного, употребления дублетных форм на *-и* (*-ы*) и *-á*: *возы* и *возá* у Ф. Гладкова, Б. Пильняка, Л. Сейфуллиной; *бронепоезды* и *бронепоезда* — у Вс. Иванова (и те и другие формы в авторской речи) и под. Например:

Кучами, пучками и вразлет забултыхали руками, лезли на *воза* с лицами, залитыми радостной кровью. И как только успокоились и отхлынули банные лица и заскрипели *возы*... (Ф. Гладков, Цемент); анархисты... везли со станции *воза* с пулеметами, винтовками и припасами... Во мраке нагнали *возы* (Б. Пильняк, Былое).

147. Наплыв форм на *-á* из профессиональных и просторечных сфер вызвал ответную реакцию, выразившуюся в стремлении ограничить и нормализовать их употребление в литературном языке. Так, акад. С. П. Обнорский в своих работах о культуре речи высказывает отрицательное отношение ко многим подобным формам. С. П. Обнорский считает, что литературно-нормализованными должны быть формы *цехи, архитекторы, авторы, аптекари, библиотекари, инструкторы, редакторы, крейсеры, катеры, прожекторы, шомполы, джемперы, свитеры, примусы, секторы* и др.[20] В некоторых случаях, вопреки нормализаторским стремлениям ограничить употребление форм с флексией *-á*, эти формы в современном литературном языке признаны равноправными вариантами форм с флексиями *-и* (*-ы*)[21]. В других же случаях формы на *-á* действительно вышли из употребления, хотя в 20-е годы они использовались и в литературной речи.

Ограничительные рекомендации оказались действенными в отношении многих форм на *-á*, означающих лиц. Уже из приве-

[20] С. П. Обнорский. Культура речи (1944). Культура русской речи (1948). — Избр. работы по русскому языку. М., 1960.

[21] Так, в словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение» (М., 1955) наряду с формами на *-и* (*-ы*) допускаются и формы на *-á* в таких словах, как *инспектор, крейсер, прожектор, сектор, цех;* в слове же *катер* указывается лишь форма *катерá*.

денных ранее примеров видно, что многие из них, употребительные в 20-е годы, позднее не допускаются в литературную речь (*офицера, библиотекаря, инструктора, редактора, автора, инженера* и проч.). Судя по имеющимся материалам, образование форм на *-á* со значением лица было значительно шире представлено в 20—30-е годы, чем в последующие. В материалах, относящихся к первым десятилетиям XX в., исследователи отмечают многочисленные формы типа *консула, лектора, оратора, служителя, офицера* и под.[22]

Источник форм на *-á,* как сказано, — профессиональная речь и просторечие. С профессиональной речью связаны в большинстве случаев названия предметов, вещей и, в меньшей степени, названия лиц; с просторечием — названия лиц. Ни одно из приведенных только что слов, называющих лица, нельзя считать профессионализмами. Они — результат натиска на литературную речь внелитературного городского просторечия. Этот натиск благодаря усилиям советской общественности был преодолен уже в 30—40-е годы. (В этой борьбе с просторечием сыграли свою роль и ограничительные рекомендации филологов.) Перестали употребляться в литературной речи и *офицера, автора, библиотекаря* и под. В новообразованиях последующих лет названия лиц не представлены.

148. Профессиональной речи тоже, видимо, в 20—30-х годах было свойственно более свободное употребление этих форм, чем в 50—60-х годах. В учебнике по морской практике 1934 г., по сравнению с учебником 1958 г., среди морских терминов можно отметить более свободное употребление форм на *-á.* Так, в судовой практике 30-х годов отмечаются формы *стрингера, бугеля, талрепа, стопора, нагеля, выстрела, шкентеля* и *шкентели* (при преобладании формы *шкентеля*), *горденя* и *гордени*[23]. В тех случаях, где в 30-е годы наблюдались колебания в употреблении форм (*шкентеля — шкентели, горденя — гордени*), в 50-е годы[24] употребляется форма *шкентели, гордени;* там же, где отмечалась форма на *-á,* появились колебания в выборе форм (*стопоры — стопорá, нагели — нагеля́, выстрелы — выстрелá*).

149. В современном литературном языке можно отметить случай дифференцированного подхода к употреблению форм на *-и* и *-á*: формы на *-á* имеют разговорную окрашенность, тогда как формы на *-и* лишены ее. Наблюдается, например, разграничение этих форм в авторской речи и в речи действующих лиц:

— Вот здесь, за нефтебаками, наши *сейнера,*— сказал Вольнов ...Они пошли вниз, к реке, от которой пахло мазутом, там от-

---

[22] В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, вып. 2. Пг., 1915, стр. 58—59; С. И. Ожегов. Очередные вопросы культуры речи. «Вопросы культуры речи», вып. I. М., 1955, стр. 26.

[23] М. В. Васильев. Морская судовая практика. 1934.

[24] «Морская практика». Учебник. Под общей ред. В. Г. Фадеева. 1958.

швартовывались возле гнилых свай *сейнеры* (В. Конецкий, Завтрашние заботы); *Слесари* прикрепляли к полу станки и моторы (Б. Полевой, Глубокий тыл);— Верно, три года мы с тобой проучились и вышли *слесаря-ремонтировщики* третьего разряда (Там же).

150. В языке поэзии двух последних десятилетий формы на *-á* представлены многочисленными словами терминологической лексики (для 20—30-х годов это менее характерно), причем они часто не мотивированы ни стилизацией, ни характерологическими целями. Например, в стихах И. Авраменко встречаются формы *баллера, каупера, транспорта, фреза, стапеля* («Дом на Мойке»), *скрепера* («Чахсы — Хоных»), *лоцмана* («Деревня лоцманов»), у Г. Поженяна — *вентиля* («Впередсмотрящий»), у И. Френкеля — *мессера* («Сторожа»), у А. Корнеева — *пульмана* («В незнакомом городе»), у В. Соколова — *скрепера* («Волнения»), у В. Шефнера — *стимера* («Легенда о мертвых моряках Британии»), у А. Прокофьева — *фреза* («Страна принимает бой»), у К. Лисовского — *шивера* («Штурман теплохода Земнухов»), у И. Молчанова — *карбаса* («Архангельск»), у И. Гончаренко — *оппеля* («Слово о гвардейской славе»), у С. Маркова — *лоцмана* («Заморский капитан»), то же у Л. Мартынова («Река Тишина»), Е. Вечтомовой («Таллин»); у И. Владимирова — *стапеля* («Стапеля») и др.

151. Полученные данные содержат противоречие: профессионально-технические тексты говорят об ограничении в 50—60-е годы употребительности форм на *-á*, а поэтическая речь показывает ее рост. В какой степени реально это противоречие?

Возможно такое объяснение. Деловой стиль (а к нему относятся такие речевые жанры, как учебник) в последние десятилетия становится более резко противопоставленным разговорному стилю, чем раньше. Это подтверждают, например, наблюдения над формами род. п. типа *сахара — сахару* (см. IV, § 134). Усиление контраста и отражено в полученных данных, причем поэтическая речь отражает разговорную стихию.

Очевидно, это толкование фактов в той или иной степени верно.

Но возможно и другое объяснение. Речевое своеволие в 20-е годы породило в последующие десятилетия противодействие: стремление восстановить нормативность литературного языка во всех ее правах. Авторитет редактора и, соответственно, категоричность его требований возросли. Это было результатом не только каких-то административно-официальных мер (расширение прав редактора, более строгий подбор редакторских кадров), но и отражением объективного языкового процесса. Антиномия нормы и употребления, в 20-е годы слишком круто решенная в пользу употребления, потребовала позднее прямо противоположного решения в пользу нормы.

В таком случае убывание форм на *-á* из прозаических текстов в 50—60-е годы, возможно,— свидетельство категоричности редакторских требований. Хотя эта категоричность, как сказано, имела объективные оправдания, но она могла быть и гипертрофированной, поэтому — искусственной, поэтому — в известной степени навязанной письменной речи.

Поэтическая же речь в нашем случае обладает бóльшей сопротивляемостью редакторскому диктату, хотя бы потому, что конкурентные формы различны по ударению (*кáтеры — катерá*). Замена одной формы на другую ломает ритм и, следовательно, требует переделки всего стиха, а если форма на *-á* была в рифме — то и всей строфы. Не всякий редактор станет настаивать на такой правке только потому, что слово, употребленное поэтом в форме с флексией *-á*, в справочниках указано с флексией *-и*. В прозе же правка легка: зачеркнуть одну букву и поставить другую.

Может быть, разнобой в показаниях прозаических и стихотворных источников показывает пределы власти редакторов и — одновременно — усиление их нормализаторской деятельности в прозаических жанрах? Косвенно на этот вопрос и на ряд других, не менее важных, отвечают данные вопросников.

152. Употребительность форм на *-á* была изучена с помощью вопросников (анкет) по морфологии. Рассмотрено употребление форм им.— вин. п. мн. ч. с флексиями *-á* и *-и* (*-ы*) имен *бухгалтер (бухгалтеры — бухгалтера), инженер (инженеры — инженера), инспектор (инспекторы — инспектора), катер (катеры — катера), кондуктор (кондукторы — кондуктора), крейсер (крейсеры — крейсера), лектор (лекторы — лектора), прожектор (прожекторы — прожектора), редактор (редакторы — редактора), сектор (секторы—сектора), слесарь (слесари—слесаря), токарь (токари — токаря), трактор (тракторы — трактора), шофер (шоферы — шофера)*.

Обработан материал 4000 вопросников, полученные данные представляют возможность поставить вопрос о зависимости употребительности рассматриваемых форм от социально-профессиональных и возрастных особенностей информантов.

Чтобы выяснить употребительность форм на *-á* в потоке связной речи, в вопроснике было дано такое задание: в текстах вставить пропущенные буквы, например: *Все отдел... и сектор... учреждения были реорганизованы; К причалу подходил... военные катер...*) и т. д.[25]

[25] Использованы различные приемы, уменьшающие влияние одного вопроса на другой и отвлекающие внимание информанта от грамматических сопоставлений. К таким приемам относится и замена точками таких окончаний, которые не являются вариантами (и не были предметом обследования), и такое расположение текстов, при котором грамматически одинаковые задания не стоят рядом или даже близко друг к другу — в вопроснике

Чтобы выяснить отношение говорящих к дублетным формам (и сопоставить объективные навыки употребления, проявившиеся при выполнении первого задания), были заданы такие вопросы: «Какое из приведенных словосочетаний Вам представляется наиболее правильным:... *в порту стояли крейсеры — в порту стояли крейсера? В мастерской собрались слесари — в мастерской собрались слесаря*?» В последнем случае (при ответе на прямой вопрос) значительно возрастает число лиц, колеблющихся в выборе форм, по сравнению с данными, представляющими употребление рассматриваемых форм в потоке речи.

Все изучаемые слова были разделены на две контрастные группы.

Таблицы 30 и 31 представляют употребительность данных форм в связной речи в зависимости от социально-профессиональной принадлежности информантов. В табл. 30 представлены имена, в которых средняя употребительность форм с флексией *-а́* выше 40% (*катер, трактор, инспектор, сектор, шофер*), в табл. 31 — имена со средней употребительностью данных форм ниже 40% (*кондуктор, редактор, крейсер, лектор, бухгалтер, инженер, прожектор, слесарь, токарь*).

Данные табл. 30 таковы[26]. По средней употребительности данных форм группы отвечающих распределяются следующим образом: рабочие — 62,0%, студенты-нефилологи — 61,8%, студенты, не указавшие специальности,— 58,1%, служащие — 57,7%, студенты-филологи — 51,7%, интеллигенты-нефилологи —51,9%, интеллигенты-филологи — 48,9%, писатели и журналисты — 44,3%.

При сопоставлении ответов рабочих и служащих обнаруживается, что, как правило, у последних употребительность рассматриваемых форм несколько ниже, исключение составляет форма *инспектора* (у служащих — 52,5%, у рабочих — 51,4%). Этот факт, видимо, может быть объяснен бóльшей употребительностью данного слова в среде служащих; по той же причине, вероятно, самый высокий процент употребительности форм с флексией *-а́* в слове *бухгалтер* также отмечается в среде служащих, форм *редактора* — в среде писателей и журналистов, *лектора* — у студентов-нефилологов. Частотность употребления данных форм представителями этих групп лишает их стилистической окрашенности, которая, как уже отмечалось, может являться известным препятствием к расширению их употребительности.

были задания на большое число грамматических тем. Применялись и многие другие приемы, увеличивающие достоверность ответов, т. е. их действительное соответствие речевой практике.

[26] В таблице указано (в %) число информантов, избравших у данного слова флексию *-а́* (*-я́*), и число информантов, указавших, что одинаковс приемлемы обе флексии. Дополнение до 100 суммы этих чисел показывает, сколько информантов избрали флексию *-и* (*-ы*).

Сравнение ответов разных групп студентов свидетельствует о бóльшей употребительности данных форм у нефилологов, чем у филологов. Ответы студентов, не указавших специальности, как правило, занимают промежуточное положение, что вполне естественно, так как, по всей вероятности, эту группу составляют и филологи и нефилологи.

Таблица 30

Социально-профессиональные группы	Варианты ответов											
	Средняя употребительность -*á*	*катер*		*инспектор*		*сектор*		*трактор*		*шофер*	
		-*á*	-*á*—-*ы*	-*á*	-*á*—-*ы*	-*á*	-*á*—-*ы*	-*á*	-*á*—-*ы*	-*á*	-*á*—-*ы*
Рабочие	62,0	91,8	—	51,4	0,2	51,0	0,4	61,6	0,4	53,5	0,4
Служащие	57,7	88,9	0,3	52,5	0,3	43,5	0,7	56,3	0,3	47,5	0,2
Интеллигенты-филологи	48,9	88,7	0,5	48,0	0,5	36,5	0,2	47,1	1,2	24,1	0,5
Интеллигенты-нефилологи	51,9	83,0	0,4	43,5	0,2	48,1	0,1	46,9	0,1	38,1	—
Писатели и журналисты	44,3	85,9	1,5	31,2	—	34,3	—	40,6	1,5	29,6	1,5
Студенты-филологи	51,7	87,0	0,2	46,9	—	32,2	0,4	58,4	0,2	34,4	0,1
Студенты-нефилологи	61,8	92,8	—	53,5	0,5	47,9	0,5	67,0	—	48,2	—
Студенты, не указавшие специальности	58,1	90,8	—	51,9	0,2	41,1	—	64,7	0,6	42,2	0,2
Среднее . .		88,3		48,7		41,8		55,3		39,9	

При сравнении ответов рабочих, служащих и студентов-нефилологов можно отметить, что они различаются лишь незначительно. Этим группам отвечающих свойственно в наибольшей степени употребление форм с флексией *-á*.

Рассмотрим данные табл. 31. Как уже указывалось, в этой таблице также представлена зависимость употребительности рассматриваемых дублетных форм от социально-профессиональных признаков отвечающих. Здесь приведены формы имен с флексией *-á*, имеющие среднюю употребительность ниже 40% (*кондуктор, редактор, крейсер, лектор, бухгалтер, инженер, прожектор, слесарь, токарь*). Данные материалы имеют много сходных черт с материалами табл. 30, но у них есть и ряд особенностей

По средней употребительности форм с флексией *-á* социально-профессиональные группы информантов распределяются следующим образом: рабочие — 28,9%, студенты-нефилологи — 24,8%, служащие — 23,9%, студенты, не указавшие специальности,—

Социально-профессиональные группы	Средняя употребительность -á	Варианты					
		кондуктор		*редактор*		*крейсер*	
		-á	-ы — -á	-á	-ы — -á	-á	-ы — -á
Рабочие	28,9	45,0	0,9	16,9	0,4	31,5	6,4
Служащие	23,9	38,4	0,3	15,0	0,2	24,6	9,7
Интеллигенты-филологи	16,9	32,5	0,2	14,2	0,8	19,8	9,7
Интеллигенты-нефилологи	19,9	32,7	0,3	18,4	—	21,7	11,0
Писатели и журналисты	19,6	32,8	1,5	25,0	1,5	32,8	14,0
Студенты-филологи	18,1	29,8	—	10,5	0,1	21,2	8,8
Студенты-нефилологи	24,8	40,0	—	15,2	—	32,1	5,4
Студенты, не указавшие специальности	22,8	38,2	—	9,5	—	28,6	8,5
Среднее	—	36,2	—	15,6	—	26,5	—

22,8%, интеллигенты-нефилологи — 19,9%, писатели и журналисты — 19,6%; последнее место занимают филологи (лица с высшим образованием и студенты) — 16,9 и 18,1%.

Значит, как и по данным табл. 30, последовательность такова: рабочие — студенты-нефилологи — служащие — интеллигенты-нефилологи — филологи и писатели; первые в этом ряду антиномию «норма — употребление» чаще решают в пользу употребления, чем последние. Различия между таблицами малосущественны.

Обобщая данные обеих таблиц, можно сделать такие выводы.

В наибольшей степени формы на *-á* свойственны рабочим и студентам-нефилологам. Это вполне естественно, так как именно на них наибольшее влияние может оказывать терминологическая лексика, где широко распространены формы с флексией *-á*. К этим двум группам примыкают служащие. Все эти группы информантов отличает бóльшая свобода в употреблении данных форм по сравнению с информантами других групп.

Вторую большую группу информантов составляют филологи, писатели и журналисты; к ним иногда примыкают лица с высшим нефилологическим образованием (табл. 30) [27]. Любопытная

[27] Употребительность форм с флексией *-á* может быть в живой речи несколько выше, чем в представленных материалах, так как в данном случае отрицательное влияние могла оказывать необходимость отвечать в письменной форме, тогда как формы с флексией *-á* в целом ряде случаев свойственны в большей мере устной речи, чем письменной. Но при большом числе обследованных материалов эти отступления, по всей вероятности, незначительны.

Таблица 31

ответов											
лектор		*бухгалтер*		*инженер*		*прожектор*		*слесарь*		*токарь*	
-á	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*
14,9	4,6	43,3	—	19,4	0,2	39,5	0,2	29,9	0,4	20,0	0,2
12,2	4,4	47,2	0,2	10,2	—	31,3	0,1	23,1	0,3	13,3	0,1
5,9	4,7	30,2	—	4,0	—	23,9	0,2	16,8	0,5	5,2	—
10,6	5,3	35,3	0,1	3,6	0,1	29,5	—	20,6	0,3	7,7	0,7
6,2	6,2	25,0	—	—	—	26,5	—	25,0	3,1	3,1	3,1
8,0	4,6	36,6	—	7,4	—	24,9	—	16,6	0,1	8,0	0,2
16,1	4,2	49,1	—	14,1	—	31,7	0,5	16,5	—	8,8	0,6
11,5	5,7	44,2	0,2	13,4	—	31,7	—	18,7	0,2	9,7	0,2
10,7	—	38,8	—	9,0	—	29,9	—	20,9	—	9,5	—

деталь: в употреблении форм *редактора* группа писателей и журналистов при всей своей консервативности представляет самый высокий процент, обгоняя все остальные группы (см. выше).

153. Выше говорилось, что в вопроснике было два типа заданий: во-первых, в тексте поставить буквы *-ы* (*-и*) или *-а* (*-я*), выбрав одно из вариантных окончаний (в табл. 32 ответы на это задание обозначены буквой А); во-вторых, указать, какую форму данного слова следует предпочесть из двух, предложенных в одинаковом контексте (в таблице такие ответы обозначены буквой Б). Некоторые слова *(тракторы — трактора, прожекторы — прожектора, слесари — слесаря, токари — токаря)* были предложены в обоих заданиях — и, конечно, одному и тому же составу отвечающих.

Сопоставление ответов показало, что в обоих случаях числовые данные для многих слов почти совпадают. Например, формы *токари — токаря* представлены такими числами (см. табл. 32).

Так же хорошо контролируют друг друга ответы двух типов и для других слов. Иерархия социальных групп, найденная на основании ответов на задания первого типа, оправдывается и ответами на задания другого типа.

Но заслуживают внимания такие закономерности. У некоторых слов «более сознательный» ответ (на второе задание: выбрать из двух данных форм более правильную) связан с более явным предпочтением формы на *á*, чем «менее сознательный» ответ (на первое задание: вставить буквы). Таковы данные для слов *токаря*, *слесаря*. Нарушает закономерность только группа

Задание	*токаря*			
	А		Б	
Варианты ответов				
Социально-профессиональные группы	*-á*	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*
Рабочие	20,0	0,2	25,2	6,8
Служащие	13,3	0,1	15,5	7,4
Интеллигенты-филологи	5,2	—	7,6	5,0
Интеллигенты-нефилологи	7,7	0,7	9,7	6,7
Писатели и журналисты	3,1	3,1	1,5	9,5
Студенты-филологи	8,0	0,2	9,3	5,3
Студенты-нефилологи	8,8	0,6	14,1	7,1
Студенты, не указавшие специальности	9,8	0,2	11,5	6,6

Таблица 33

Задание	*слесаря*			
Варианты ответов				
Социально-профессиональные группы	А		Б	
	-á	*-и — -á*	*-á*	*-и — -á*
Рабочие	29,9	0,4	37,3	10,8
Служащие	23,2	0,3	25,5	7,6
Интеллигенты-филологи	16,8	0,5	17,0	11,7
Интеллигенты-нефилологи	20,6	0,3	21,7	9,7
Писатели и журналисты	25,0	3,1	21,8	12,5
Студенты-филологи	16,6	0,1	19,0	8,6
Студенты-нефилологи	16,5	—	27,2	10,6
Студенты, не указавшие специальности	18,7	0,2	26,1	10,2

писателей и журналистов: они при сознательной оценке фактов языка избирают традиционную форму в большом числе случаев, чем при ее реальном использовании в речи (т. е. при выполнении первого задания). Приводим сопоставительные данные для слова *слесари — слесаря* (см. табл. 33).

Для других слов характерна иная закономерность: использо-

вание форм на *-á* в потоке речи гораздо выше у всех групп (конечно, и у писателей с журналистами), чем было бы, если бы реализовалась их сознательная оценка. Таковы данные для слов *трактора* и *прожектора* (см. табл. 34) [28].

Таблица 34

Задание	*трактора*				*прожектора*			
	Варианты ответов							
Социально-профессиональные группы	А		Б		А		Б	
	-á	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*
Рабочие	61,5	0,4	49,7	11,6	39,5	0,2	32,9	13,8
Служащие	56,3	0,3	38,3	14,1	31,3	0,1	23,9	13,6
Интеллигенты-филологи	47,1	1,1	27,5	20,1	23,8	0,3	15,8	17,9
Интеллигенты-нефилологи	46,9	0,1	26,3	15,8	29,5	—	17,9	15,3
Писатели и журналисты	40,6	1,5	25,0	15,6	26,5	—	18,7	20,3
Студенты-филологи . . .	58,5	0,3	36,9	13,9	24,9	—	16,6	11,5
Студенты-нефилологи . .	66,8	—	47,0	12,3	31,7	0,5	23,6	13,0
Студенты, не указавшие специальности	64,6	0,6	45,5	16,6	31,7	—	19,0	14,4

154. Факты показывают, что реальное использование языковых возможностей и их сознательная нормативная оценка далеко не всегда совпадают; причины этого несовпадения и закономерности отставания языкового сознания от фактов речи или, напротив, забегания вперед предстоит еще изучить.

Последовательно консервативна, как уже говорилось, группа писателей и журналистов: их сознательная оценка речи отстает от их же бессознательного употребления речевых форм. В этом есть положительная сторона: стабильность и устойчивость литературного языка — его важное достоинство, оно особенно важно в эпоху укрепления языковых норм. Редактирование (в том числе и саморедактирование), конечно, всегда означает сознательный, а не автоматический выбор языковых возможностей.

В анализированных данных содержится косвенный ответ на вопрос, заданный выше: не явилось ли торжество форм *-á* в последние десятилетия результатом сознательной редакторской «языковой политики»? Материалы вопросника увеличивают вероятность именно такого предположения. Журналисты входят в

[28] При сознательной оценке дублетных форм говорящими, естественно, значительно увеличивается число одновременного приятия обеих форм — примерно от 0,5% (в потоке связной речи) до 10—15% (при сознательной оценке).

группу лиц, упорно охраняющих языковую традицию, хотя бы она была поколеблена у других социально-лингвистических групп. Надо повторить, что эта «охранительная традиция» до известной степени хороша и отвечает объективному развитию русского языка в 30—60-е годы (дело вкуса редактора — сделать эту степень максимально хорошей).

155. Таблица 35 показывает употребительность форм с флексией *-á* у разных возрастных групп. Представлены слова со средней употребительностью выше 40%.

Таблица 35

Номер группы	Варианты ответов: Возрастная группа	Средняя употребительность *-á*	*катер*		*инспектор*		*сектор*		*трактор*		*шофер*	
			-á	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*
0	Родились до 1909 г.	51,3	75,6	0,5	55,9	0,5	53,5	0,2	38,4	0,2	33,4	0,5
1	1910—1919 гг. . . .	55,8	84,2	1,0	53,1	1,0	50,0	0,5	50,2	1,0	41,8	0,5
2	1920—1929 гг. . . .	54,7	86,9	0,6	47,4	0,6	39,9	0,4	55,2	0,4	44,1	0,4
3	1930—1939 гг. . . .	56,1	90,4	0,2	48,5	0,1	43,2	0,6	55,8	0,5	42,6	0,2
4	Родились в 1940 г. и позже	55,7	91,3	0,1	47,7	0,1	38,9	0,1	60,0	0,2	40,7	0,0

Средняя употребительность данных форм по разным возрастным группам такова: нулевая группа — 51,3%; первая — 55,8%; вторая — 54,7%; третья — 56,1%; четвертая — 55,7%. Очевидно, что употребительность форм на *-á* у слов этой группы постепенно увеличивается. Скачок был у поколения 1910—1919 гг. рождения, т. е. у тех, кто усваивал речь, тот ее пласт, который представлен

Номер группы	Варианты ответов: Возрастная группа	Средняя употребительность *-á*	*кондуктор*		*редактор*		*крейсер*	
			-á	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*
0	Родились до 1909 г.	25,6	45,1	0,8	21,5	0,5	30,8	13,4
1	1910—1919 гг. . .	24,0	38,0	—	19,7	—	29,0	11,1
2	1920—1929 гг. . .	22,2	35,5	0,2	18,3	0,2	25,6	12,4
3	1930—1939 гг. . .	21,6	35,8	0,4	16,0	0,3	20,9	8,6
4	Родились в 1940 г. и позже	20,9	33,8	0,1	10,8	0,1	25,6	7,8

книжной лексикой, уже в советскую эпоху, в 20—30-е годы, а далее рост употребительности явно сходит на нет.

Таблица 36 представляет такие же данные для форм со средней употребительностью ниже 40%.

Средняя употребительность таких форм по возрастным срезам может быть представлена следующим образом: нулевая группа — 25,6%; первая — 24,0%; вторая — 22,2%; третья — 21,6%; четвертая — 20%. Судя по приведенным данным, употребительность форм с флексией *-á* в этой группе имен проявляет общую тенденцию к понижению начиная со второй группы (лица 1920—1929 гг. рождения, т. е. те, у кого полное овладение речью (именно ее книжным пластом) падает на 30—40-е годы.

156. Итак, вероятно, борьба между флексиями *-ы*/*-á* протекает по-разному в разных группах слов. В тех словах, где употребительность флексии *-á* высока (больше 40%), она еще увеличивается; где низка (менее 40%),— там она еще больше уменьшается. Процесс направлен к тому, чтобы вытеснить у одних слов флексию *-á*, у других — флексию *-ы*.

Процесс стабилизации флексии *-á* идет под влиянием технической, терминологической речи — недаром, как говорилось, такое употребление поддерживают именно те социальные группы, которые связаны с технико-терминологической речевой сферой.

Но в целом распространение флексии *-á* идет медленно; мнение о ее «наглом натиске» (как писали пуристы в 20-х годах) очень преувеличено. Сдерживающее начало принадлежит группам филологов, писателей, журналистов.

157. В разделе о словообразовании говорилось о таких типах стилистических изменений:

1. Усиление синтаксической противопоставленности соотносительных единиц накладывается на процесс их синонимического выравнивания. Грамматическое тождество, которое постепенно формируется у этих единиц, обусловливает четкое их стилистиче-

Таблица 36

лектор		*бухгалтер*		*инженер*		*прожектор*		*слесарь*		*токарь*	
-á	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*	*-á*	*-ы — -á*
15,9	6,7	40,0	0,2	2,2	—	32,3	0,2	31,2	0,8	12,2	1,4
13,2	7,4	40,6	—	4,1	—	34,2	0,5	26,8	—	10,5	—
11,3	4,3	40,8	0,4	6,0	—	31,6	—	20,2	0,9	10,7	0,6
10,4	5,6	43,2	—	10,9	—	29,0	0,1	19,1	0,3	9,8	0,2
9,9	4,0	38,0	—	10,8	0,1	29,7	—	19,8	0,1	10,5	0,1

ское контрастирование. (Это было показано на изменениях наречий с суфф. *-о* и афф. *по-...-ому.*)

Такой же в принципе процесс представляют и динамические взаимоотношения форм *песка — песку, леса — лесу.*

2. В других случаях стилистическое контрастирование сопровождается процессом ослабления грамматической синонимичности соотносящихся форм. (В словообразовании это было показано на изменениях у синонимических членов с разными суффиксами.)

Такой же в принципе процесс представляют и динамические взаимоотношения форм *катеры — катера, слесари — слесаря.* Каждая из флексий укрепляется в своей группе слов, происходит, таким образом, их разграничение по употреблению, их лексическая специализация (ср. с процессом специализации у глагольных аффиксов). Процесс, видимо, направлен к тому, чтобы четко разграничить два склонения во мн. ч.: с флексией *-и* и с флексией *-á* в им. п. Стилистический контраст при этом неизбежно поблекнет.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Влияние лексики на морфологические процессы. *Лексический процесс развития качественных значений у слов разных морфологических типов; его грамматическое выявление. Рост категорий качественности у прилагательных. Переход некоторых групп относительных прилагательных в качественные. Роль социального фактора, способствующего интенсивному протеканию этого процесса. Приобретение такими прилагательными грамматических показателей качественности.*

Влияние семантических изменений, происходящих в именах прилагательных, на формирование нового грамматического класса аналитических прилагательных.

Роль аналитических прилагательных как слов некачественных (по преимуществу) в системе средств выражения значения относительности. Возможности использования их как специализированного средства для выражения значения относительности.

158. В предыдущих главах было показано, что усиление или ослабление морфологических процессов связано с пополнением различных лексических групп. Аналитизм получил поддержку от новых неизменяемых заимствованных слов и аббревиатур, от двувидовых глаголов, в большинстве своем принадлежащих к интернациональной лексике (IV, § 71). Разгрузка от «нестандартных» значений некоторых семантически переобремененных форм (мн. ч. существительных) была задержана включением в язык огромного количества новых наименований лиц (IV, § 110—116). Наплыв профессионализмов в современную литературную лексику повлиял на целый ряд морфологических изменений (IV, § 98—109, 143—157).

Однако во всех этих случаях вряд ли можно говорить, что лексическое развитие вызвало определенное морфологическое развитие. Как и в словообразовании (III, § 12), здесь процесс был сложнее: заимствованные слова типа *метро*, *радио*, конечно, усилили позиции аналитизма в русском склонении, но позволили этим словам остаться неизменяемыми именно существующие в морфологической системе аналитические тенденции. Эти слова в своей массе повлияли на морфологию, но лишь потому, что морфология позволила им повлиять.

Были, однако, и другие случаи, когда в лексике происходили изменения, подчиненные именно лексическим закономерностям, и они вызвали определенные морфологические явления — такие, которые самой морфологической системой не были вызваны и ею не стимулировались (подобные факты, как уже говорилось, были и в словообразовании, см. III, § 183—205).

Далее характеризуется один из случаев (вероятно, наиболее существенный в новейшей истории русского языка): чисто лексический процесс появления качественных оттенков в значении слов, ранее лишенных качественных оттенков, способствовал активизации грамматического процесса — усилению категории качественности у прилагательных. Многие относительные прилагательные получили качественные значения и стали в этих новых значениях широкоупотребительными в языке (получили признание de facto). Постепенно они приобретают и грамматические показатели своей качественности: у них появляются краткие формы, формы сравнительной степени и т. д. (т. е. они получали признание своей качественности уже de jure). Процесс «вживания» этих слов в грамматическую группу качественных прилагательных имеет свою последовательность, свои закономерности.

159. Расширение категорий качественности, т. е. появление качественных оттенков в значении многих слов,— характерная черта современного русского языка. Процесс этот охватывает не только прилагательные, но и существительные и в определенной степени глаголы. В. В. Виноградов отмечает, что «...в современном русском языке предметные и отчасти глагольные основы приобретают все более сложные качественные оттенки (ср. выражения такого рода: он более специалист, чем ты; самый опустившийся вид и т. д.)»[1].

Активному развитию категории качественности в разных морфологических группах слов в современном русском языке, несомненно, способствовала общая эмоциональная насыщенность речи, ее оценочность, характерная для послеоктябрьского периода, особенно же — периода революции. Ср. характеристику речи с этой стороны, данную в свое время А. М. Селищевым: «Эмоционально-экспрессивная функция речи,— отмечал А. М. Селищев,— имела огромное значение в революционные годы. Пафос революционера, высокие идеалы братства, равенства, свободы, угрозы врага, категорические приказы в обстановке решительной битвы — все это выражалось в соответствующих формах речи. В сильной степени эмоционально-насыщенные речи раздавались на митингах, на собраниях, в напряженные моменты общественно-политических и партийных заседаний[2].

---

[1] См.: В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М.— Л., 1947, стр. 261.

[2] А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928, стр. 121.

Изменения в содержании слов (развитие различных качественных оттенков) вызвали ряд изменений, относящихся к плану выражения, рост активности различных грамматических средств, выявляющих степень и меру качественного признака. Анализ предметных и глагольных основ с этой стороны может представить задачу специального исследования[3]. В данном разделе это взаимодействие лексических и грамматических изменений рассматривается на примере некоторых групп имен прилагательных.

160. Семантической основой имени прилагательного является, как известно, понятие качества. Структурным выражением его является аффикс *-ый* (*-ой, -ий*), *-ая* (*-яя*), *-ое* (*-ее*), значение которого, как это неоднократно отмечалось лингвистами, не исчерпывается формальной ролью — указанием на род, число и падеж[4].

Деление прилагательных на качественные и относительные поэтому в известном смысле условно. Оттенок качественности присущ в какой-то степени и относительным прилагательным; он всегда может быть вскрыт и подчеркнут в речи. Вот несколько разнородных (во временном и жанровом отношении) примеров, демонстрирующих такую возможность:

Речь идет о создании театров *глубоко пролетарских* (Из журналов, 1922); сегодняшний Брюсов даже в своих революционных произведениях *слишком вчерашен* (Из газет, 1923); Когда женщина плачет, в этом есть что-то *зверски феодальное* (В. Катаев, Квадратура круга, 1928); Парадно, киноварью покрашенный зал и все-таки *довольно сахалинский* вид пассажиров (И. Ильф, Записные книжки, 1935—1937); Ударной страницей журнала был *по-настоящему журналистский* и *по-настоящему телевизионный* ответ лжецам из американского журнала «Лайф» (Из газет, 1963); Дать определение, которое было бы *достаточно рабочим*; ...Определение не будет *рабочим по-настоящему* (Из устной речи, 1964); Конечно, успех звукового журнала [«Кругозор»] зависит прежде всего от мастерства его теоретических работников... Поэтому каждый ищет новые проблемы и формы для их *чисто «кругозорского»* решения (Из газет, 1965); В прошлом веке, уже

---

[3] Здесь можно было бы только упомянуть о таком распространенном сейчас явлении, как определение имен существительных (самых разных семантических групп) наречиями и частицами: *почти мальчик, почти школьник, чуть-чуть реалист, немножко формалист, якобы марксисты* и т. д. В словообразовании этим обусловлена активность некоторых моделей с приставками *сверх-, архи-, наи-, ультра-* и др., выражающими предельную степень качества (см. III, § 112—116).

[4] Ср. известный анализ структуры прилагательного, который дан А. М. Пешковским: «Если в *туманный* простая основа обозначает предмет (*туман-*), а суффикс — отношение к этому предмету (*-н-*), то, очевидно, значение качества может быть заключено только во флексии *-ый*, т. е. в том самом аффиксе, который именно и делает его прилагательным» (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938, стр. 102).

тому больше ста лет, а придумка — собрать башню из литья — *вполне сегодняшняя* (А. Солженицын, Захар-Калита, 1966).

На протяжении всего развития литературного языка круг таких «окачествленных» прилагательных непрерывно расширяется, будучи обусловлен в конечном итоге практическими потребностями общества — необходимостью более дифференцированного обозначения качественных градаций и различных оттенков качеств предметов (группа прилагательных, выражающих качество непосредственно своей лексической основой, очень невелика и не удовлетворяет полностью потребностей общения) [5].

Целый ряд новых фактов представляет и русский язык рассматриваемого периода. Семантические изменения в лексике, во многом обусловленные социально, широкое развитие эмоционально-экспрессивных оттенков в словах [6], соответствующее общей эмоциональной насыщенности речи, особенно в период революции,— все это налагало специфический отпечаток на процесс развития качественных значений прилагательных в рассматриваемую эпоху.

161. Когда речь идет о развитии качественных значений прилагательных, обычно употребляют слово «процесс», чем подчеркивается непрерывность и взаимосвязанность происходящих в языке в этом плане изменений. Однако по отношению к рассматриваемым явлениям слово это может быть применено лишь очень условно. Сам набор лексем, подвергающихся окачествлению, очень пестр и не образует единства. Тенденция окачествления действует, в сущности, очень избирательно и часто случайно. Окачествленные прилагательные трудно было бы объединить в какие-либо связанные между собой (по тому или иному признаку) группы. В числе их представлены прилагательные самой разной предметной соотнесенности. Ср., например, *ветхозаветный* ‘старинный, отживший’; *классический* ‘показательный, лучший в своем роде’; *игрушечный* ‘необычайно маленький’, *копеечный* ‘очень мелочный’, *кабацкий* ‘непристойный, грубый’; *конфетный* ‘приторный, слащавый’ и т. д. и т. п. Если в окачествлении прилагательных и видеть языковой процесс, то именно лексический, за последние два века несколько раз разгоравшийся и затухавший — с характерной именно для лексического процесса капризной избирательностью.

При известном отвлечении от всего многообразия представленных изменений можно было бы наметить — в самых общих чертах — некоторые группы, по которым располагаются слова,

---

[5] См.: А. И. Потемкина. Развитие качественных значений у относительных прилагательных в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1953, стр. 34.

[6] Качественной оценке принадлежит важная роль в формировании нового значения слова. См.: В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова.— ВЯ, 1963, № 5.

подвергающиеся окачествлению. Повторим, что развитие качественности в значительной степени основывается на оценочности, а общественные оценки касаются преимущественно слов, особенно актуальных в какой-то период [7].

162. Для рассматриваемого периода, особенно начала его (годы, предшествующие революции, и первые годы революционной эпохи) очень характерным было вовлечение в этот процесс слов общественно-политической тематики. Так, прилагательное *классовый* формирует новое значение ‘соответствующий идеологии, интересам того или иного класса’. Получают качественные оттенки значений и другие прилагательные: *идейный* с положительной оценочностью ‘проникнутый положительной идеей, руководящийся твердыми положительными принципами’ [8]; *агитационный* — не только ‘связанный с агитацией’, но и в качественном значении ‘проникнутый духом агитации’; *массовый* с одним из значений ‘такой, в котором участвуют широкие массы’; *социалистический* — не только ‘относящийся к социализму’, ‘основанный на принципах социализма’, но и ‘свойственный, присущий социализму’; *коммунистический* — не только ‘относящийся к коммунизму, являющийся осуществлением коммунизма’, но и ‘проникнутый идеями коммунизма’; *советский* — не только ‘относящийся к государственной власти Советов, относящийся к деятельности в Советах’, но и ‘идеологически выдержанный, преданный интересам и задачам социалистического строительства’; *партийный* — не только ‘относящийся к Коммунистической партии’, но и ‘проникнутый коммунистической идеологией, соответствующий духу Коммунистической партии, ее программе’.

В этот круг слов вовлекается и прилагательное *государственный*, развивающее подобное значение ‘проникнутый интересами государства’. Ср.:

Секретарь горкома ... постарается, чтобы его руководители проявили к нуждам строительства *вполне государственное* и пар-

---

[7] Показательно, например, что в прошлом, при всем многообразии изменений этого типа, значительное место в окачествлении занимала лексика, так или иначе связанная с церковью, религией, религиозно-мифическими представлениями: ср. само прилагательное *религиозный* со значением ‘относящийся к религии’ и ‘проникнутый религией’, прилагательное *ветхозаветный* ‘старинный, отживший’, *божественный* ‘необычайный, изумительный, прекрасный’, *адский* ‘сильный, невыносимый’; прилагательные, обозначающие отношение к лицам и существам и развивающие качественные оттенки в значении: *ангельский, дьявольский, сатанинский, демонский, иезуитский, фарисейский, монашеский, отшельнический* и т. д. Кроме того, это лексика, связанная с существовавшим социальным расслоением и оценкой (как бы со стороны) социального положения, ср. *царский, аристократический*, с другой стороны — *мещанский, купеческий, приказчицкий, мужицкий* (*мужицкие манеры*), с характеристикой социального строя: *феодальный* ‘жестокий, деспотичный’, *крепостнический* и т. п.

[8] См.: «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 302, § 494.

тийное отношение (В. Ажаев. Далеко от Москвы). Ср. также довольно частое использование соответствующих наречий *думать по-государственному,* как и *думать, поступать по-партийному, по-коммунистически, по-социалистически* (см. III, § 176).

Такому же качественному переосмыслению подвергается прилагательное *кустарный.* Слово получает, и это естественно в стране, которая в короткие сроки перешла от кустарного способа производства к индустриально-заводскому, кроме значения ‘относящийся к кустарям, принадлежащий им’ и другое — ‘примитивный, несовершенный, неорганизованный’:

Главная черта нашего движения, которая особенно бросается в глаза в последнее время, это его раздробленность, его *кустарный,* если можно так выразиться, характер... (В. И. Ленин, Проект заявления редакции «Искры» и «Зари», 1900); А между тем современная кинокритика ... *кустарна* и разрозненна (В. Пудовкин, Нам нужна исчерпывающая оценка фильмов, 1935).

163. Значительное место среди таких прилагательных занимают те, которые образованы от имен лиц. Известно, что подобные прилагательные наряду с основным значением — отношения к лицу, названному в основе, легко развивают качественные оттенки — значение типической свойственности данному роду лиц [9].

Круг слов, включающихся сюда, в результате изменений, относящихся к разным временным периодам, очень широк. Это прилагательные, образованные от имен, обозначающих родственные отношения *(отцовская заботливость, материнская нежность, братская любовь),* лиц по их возрасту *(младенческая доверчивость, старческий голос),* качественным оценкам *(плутовской, богатырский, идиотский),* занимаемым должностям, занятиям *(генеральский тон, диктаторские манеры, шутовской наряд, приказчичьи манеры, купеческий вкус),* принадлежности к различным группировкам — социальным, политическим, течениям в искусстве *(аристократический, мужицкий, интеллигентский; декадентский, импрессионистский)* и т. д.

В XX в., главным образом в советскую эпоху, эта группа слов активно пополняется прилагательными, образованными от существительных, которые характеризуют лиц по их принадлежности к партиям и политическим течениям, по их общественной роли *(большевистский, меньшевистский, ликвидаторский, анархистский, двурушнический, активистский* и т. д.). Эти прилагательные легко вовлекаются в процесс окачествления, поскольку называемые явления принадлежат к числу активно оцениваемых. Так, например, прилагательное *большевистский,* кроме значения ‘относящийся к большевикам’, приобретает и значение ‘такой, как должно, как подобает большевику’; *кадетский* ‘относящийся к партии кадетов’ и ‘свойственный ей’; *ликвидаторский* ‘относящий-

[9] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964.

ся к ликвидаторам' и 'свойственный им'; *меньшевистский* 'относящийся к меньшевикам' и 'свойственный меньшевикам' и т. д.

Ср. наречия *по-большевистски, меньшевистски* (и *по-меньшевистски*), *двурушнически, ликвидаторски* и под. со значением 'как свойственно большевику, большевикам, меньшевику, меньшевикам, ликвидаторам, двурушникам' и т. д.; образования с приставками *сверх-*, *ультра-*, *архи-* типа *архиликвидаторский* и под., подчеркивающие высокую степень качества.

Пополняются в этот период и многие другие группы прилагательных, образованных от наименований лиц; во многих ясно проступает качественный оттенок значения. В частности, это относится к прилагательным, образованным от собственных имен (и фамилий) лиц, а именно — от имен и фамилий широко известных в данный период политических и общественных деятелей [10]:

И только голос, полнозвучный, неутомимый, *луначарский* голос... (М. Кольцов, Внутренне счастливый, 1936); свой выдержанный, сильный *вильгельмовский* смысл (М. Кольцов, Николай, 1924).

Среди огромного числа подобных примеров, где качественность подчеркивается только окказионально, особое место занимает прилагательное *ленинский* 'связанный с личностью, жизнью, учением Ленина', в котором развивается устойчивое качественное значение 'совершаемый в духе учения Ленина'. Ср. наречие *по-ленински*.

164. Многие относительные прилагательные получают качественное значение в профессиональной лексике. При постоянном взаимодействии профессиональной лексики и лексики общелитературной такие окачествленные прилагательные легко проникают в общелитературный язык. С другой стороны, многие прилагательные, заимствованные из профессиональной речи, получают новое качественное значение уже при их общелитературном употреблении. Ср. прилагательное *микроскопический* с терминологическими значениями 'производимый при помощи микроскопа', 'видимый только в микроскоп' и общелитературным 'очень маленький, незначительный по размерам'; *астрономический* 'связанный с астрономией' (*астрономические наблюдения, астрономические инструменты*) и 'очень большой в числовом отношении';

---

[10] Известно, что имена собственные в этот период вообще легко подвергаются разного рода семантическим изменениям, в частности легко приобретают нарицательное значение. «Не существует,— отмечал А. Мазон,— имени более или менее выдающегося деятеля эпохи революции, которое не способно было бы превратиться в имя нарицательное. И если способность эта обща всем языкам, то специфичной для русского языка является особая легкость, с какой эти имена, применением к ним тех или иных аффиксов, приобретают потенцию давать начало сложным и объемистым группам производных от них слов (цит. по статье: Л. В. Успенский. Язык революции.— В кн.: «Пять искусств». Л., 1928, стр. 10).

гомеопатический ‘относящийся к гомеопатии’ и ‘ничтожный, малый’. Очевидно, что такому переосмыслению всегда подвергается лексика, особенно актуальная для данной эпохи.

В 20-х годах заимствуется термин военного обихода *ударный* ‘связанный с нанесением и получением удара’, ‘предназначенный для нанесения удара по врагу’, который получает значение ‘наиболее необходимый, безотлагательный’ [11]:

Наиболее *ударными* были вопросы восстановления промышленности (Из газет, 1926); Самая *ударная* задача страны — поднять промышленность (Из газет, 1926).

Ср. еще: *маневренный* ‘относящийся к маневру, маневрам’, ‘ведущийся без долговременных укреплений’ и ‘обладающий способностью маневрировать, быстро менять направление движения’:

Новое судно *очень маневренно* («Сов. Рос.», 16 марта 1957); Новые краны значительно удобнее в употреблении и *маневреннее* обычных («Изв.», 14 авг. 1953).

Прилагательное *космический* получило сейчас очень широкое распространение, поскольку актуальным становится обозначение самых разнообразных предметов и явлений по их отношению к космосу. В составе определенных сочетаний (*космические просторы, космические высоты, космические скорости*) у этого прилагательного формируется качественно-оценочное значение ‘огромный по своим масштабам’ [12]: *поистине космические задачи, космические планы, космический размах*.

В этом же ряду окачествленных прилагательных, первоначально принадлежавших профессиональной лексике, надо назвать и те, которые относятся к сценическому искусству (в широком смысле). Ср. прилагательное *сценический* ‘относящийся к сцене’ и *сценичный* ‘пригодный для сцены, театра, обладающий нужными для сцены, театра качествами’, прилагательное *постановочный*, развившее качественное значение ‘удобный для постановки, эффектный в постановке’ [13]; *театральный* с качественным значением ‘характеризующийся театральностью, внешне эффектный’. Об этих изменениях, очень давних, следует упомянуть только потому, что сейчас по этому пути идет в какой-то степени и семантическое развитие нового прилагательного *телевизионный* [14].

---

[11] По свидетельству А. М. Селищева, это был один из эмоциональных элементов в речи, представленных сначала в языке революционеров (А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 146).

[12] Сравнение с космосом, когда речь идет о величине, вообще становится очень актуальным. Ср.: Мелочь? «копеечное» внимание? Идеология начинается с коллектива, с мелочей, с внимания... Быть проще, не давить масштабами, «*космосом*», а стоять ближе к личности («Комс. пр.», 9 июня 1965).

[13] Ср.: Что касается приема Лодовико, то он вышел *постановочнее*, чем я ожидал (К. Станиславский, Письмо Л. М. Леонидову, 17—22 сент. 1929).

[14] Надо отметить, что эта группа лексики (связанная с театром и разного рода зрелищами) вообще весьма активно развивает качественное значение.

Подобно многим другим относительным прилагательным, это прилагательное развивает и качественные оттенки в значении, связанные с тем, что сейчас возрастает роль телевидения как нового средства художественного выражения, складывается новая область искусства — телеискусство.

Очевидно, что многие явления, имеющие отношение к телевидению как искусству, оказывается необходимым охарактеризовать и с иной стороны — по степени соответствия требованиям нового искусства, т. е. оценить их качественно.

Но кто же может сомневаться в том, что мы оглянуться не успеем, как вся мировая живопись и графика, скульптура и *подлинно телевизионная* мультипликация придут к нам в гости, как пришел Бетховен и Чайковский (Из газет, 1963); И вот мы смотрим *собственно телевизионный* спектакль — «Аэлита» (Вл. Сапак, Телевидение и мы, 1963); Оставляет желать лучшего *чисто телевизионное* решение передачи (Из газет, 1963).

В текстах отмечены образования *телевизионен, телевизионно, телевизионность* (см. далее) [15]. Подобные качественные оттенки значения приобрело и прилагательное *кинематографический* с той, однако, разницей, что здесь выражение качественного значения (условно оно может быть сформулировано так: 'принадлежащий к числу условных приемов кинематографии, соответствующий им') принимает на себя обычно прилагательное *кинематографичный,* легко допускающее образование и всех необходимых форм и соотносительных образований: *кинематографичность, кинематографично, кинематографичен.*

165. Вместе с семантическими изменениями окачествленное прилагательное изменяет и свою грамматическую характеристику: оно приобретает возможность образовывать формы степеней сравнения, краткие предикативные формы, соотносительные качественные наречия и имена на *-ость* с качественным значением, отсутствующие, как правило, у прилагательных относительных [16].

Ср., кроме названных, такие прилагательные, как *балаганный* 'шутовской, грубоватый, пошлый'; *марионеточный* 'слепо действующий по воле другого'; *опереточный* 'подобный тому, какой бывает в оперетте'; ср. и сами слова *театр, цирк,* часто вносящие качественную оценку каких-то явлений.

[15] Естественно, что на первых порах чувствуется еще некоторое стеснение в употреблении этих форм (они, как правило, «закавычены»), но безусловно через какое-то время они смогут приобрести полные права гражданства, если, конечно, наметившееся семантическое изменение прилагательного *телевизионный* будет развиваться.

[16] Известно, что граница и здесь между двумя этими группами прилагательных условна. Далеко не все качественные прилагательные характеризуются полным набором отмеченных признаков: большинство из них в том или ином отношении ущербно. Ведь «качественная основа,— отмечал А. М. Пешковский,— только способствует образованию степеней сравнения, но не обусловливает их категорически» (А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 101).

Появление отмеченных признаков упрочивает качественную характеристику прилагательного. Свободнее и легче всего окачествленные прилагательные допускают образование наречий и (может быть, несколько более затрудненно) имен на *-ость* [17]. Ср. такие примеры, как *азбучно, азбучность* при *азбучный* ‘общеизвестный’; *базарно* при *базарный* ‘беспорядочный’; *балаганно* при *балаганный* ‘грубый’; *игрушечно* при *игрушечный* ‘небольшой, ненастоящий, несерьезный’; *кабинетно, кабинетность* при *кабинетный* ‘теоретический, отвлеченный, далекий от практической жизни’; *каторжно, каторжность* при *каторжный* ‘невыносимо трудный, мучительный’; *марионеточно, марионеточность* при *марионеточный* ‘слепо действующий по воле другого’ и т. д.

Большинство подобных образований относится к числу не воспроизводимых, а легко и свободно производимых в речи. Препятствовать этому могут только морфонологические условия. Так, в кругу прилагательных на *-еский* такие образования производятся от другой основы: *академический — академичность, академично; демократический — демократичность, демократично; диалектический — диалектичность, диалектично; технический — техничность, технично* и т. д.

От прилагательных на *-ский* образования на *-ость* невозможны. Но наречия на *-ски* (с приставкой *по-* или без нее), производимые от таких прилагательных (*азиатски, по-азиатски, братски, по-братски, инквизиторски, по-инквизиторски, интеллигентски, по-интеллигентски, кабацки, по-кабацки, крепостнически*), следует, очевидно, рассматривать в том же ряду, что и качественные наречия на *-о*.

166. Почти так же свободно окачествленные прилагательные образуют и предикативные формы. Ср., например, последовательно отмечаемые современными словарями (*ветхозаветность, ветхозаветно* и *ветхозаветен* [18] при *ветхозаветный* ‘старинный, отживший’; *идеальность, идеально, идеален* при *идеальный* ‘возвышенный, неземной, совершенный, образцовый’; *интернациональность* и *интернационален* при *интернациональный* ‘совершаемый в духе интернационализма, основанный на интернационализме’; *литературность, литературно, литературен* при *литературный* ‘соответствующий требованиям литературы’; *материально, материальность, материален* при *материальный* ‘вещный, вещественный’; *религиозно, религиозность, религиозен* при *религиозный* ‘проникнутый духом религии’ и т. д. Тот факт, что у некоторых прилагательных такие формы не отмечены в текстах,

---

[17] Если не считать еще такой особенности, как возможность определения их наречиями типа *вполне, чисто, по-настоящему, сугубо, ужасно, почти* и др., которая, однако, сама по себе еще не характеризует ту или иную основу как качественную.

[18] Форма муж. р. взята в данном случае только как показатель того, что данному прилагательному присущи краткие предикативные формы.

хотя встречаются и наречия и имена на *-ость*, объясняется не грамматическими, а стилистическими причинами: многие из этих прилагательных употребительны в разговорной речи, а краткие предикативные формы более свойственны книжной речи.

Гораздо более редки у таких прилагательных формы сравнительной и превосходной степени, при этом наиболее затруднено образование синтетических форм. Сравнительно немногие прилагательные с устойчивым качественным значением образуют такие формы свободно. Ср., например, прилагательное *культурный* ‘находящийся на высоком уровне культуры, соответствующий ему’ с обычными формами *культурнее, культурнейший, самый культурный; современный* ‘стоящий на уровне своего века’ — *самый современный, современнее* и т. д. В большинстве случаев при образовании подобных форм чувствуется та самая стесненность, о которой говорил А. М. Пешковский, имея в виду прилагательные относительные [19]. Даже и там, где качественное значение очень устойчиво и употребление кратких предикативных форм, наречий и имен на *-ость* обычно, формы сравнительной и превосходной степени всегда воспринимаются как неологизмы, обращающие на себя внимание.

Например, прилагательные, образованные от существительных с вещественным значением, наряду с общим относительным значением ‘относящийся к тому, что обозначено производящей основой’ (*золотые запасы*), ‘сделанный из такого-то вещества’ (*железная решетка, золотое кольцо*) и др. часто развивают переносные качественные оттенки в значении: *каменный* ‘безжизненный, застывший’, ‘безжалостный, жестокий’, *деревянный* ‘неподвижный, маловыразительный’, *стеклянный* ‘невыразительный, безжизненный’, *железный* ‘сильный, крепкий, твердый, непреклонный’, *золотой* ‘цвета золота’ и т. д.

При большой устойчивости семантических изменений эти и подобные им прилагательные очень стеснены в образовании сравнительных степеней. Они свободно образуют наречия и имена на *-ость*:

[Марья Петровна] сухо и *деревянно* крестилась (В. Вересаев, Марья Петровна); [Клим] писал и чутко вслушивался в тишину. Но все вокруг *каменно* молчало (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); А утром болей не было и осталась только... *деревянность* тела и усталое равнодушие сменило собранное напряжение вчерашнего дня (А. Лебеденко, Тяжелый дивизион); Кариатидность, *каменность*, неизменная косность портила жизни (А. Белый, На рубеже двух столетий).

Значительно реже они допускают образование кратких предикативных форм и почти не образуют форм сравнительной и превосходной степени. Отдельные примеры таких образований,

[19] А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 101.

которые могут быть отмечены, принадлежат обычно поэтической речи:

Мне пока горевать еще рано, | Ну, а если есть грусть — не беда! | *Золотей* твоих кос по курганам | Молодая шумит лебеда (С. Есенин, Ты прохладой меня не мучай).

Следовательно, различные морфологические единицы, образованные от окачествленных прилагательных, составляют шкалу:

Наречия на *-о*
Существительные на *-ость*
Предикативные (краткие) формы
Формы степеней сравнения

Чем далее по этой шкале продвинулось прилагательное, тем более устойчиво у него качественное значение. Приведем несколько примеров на основе имеющегося материала [20]:

агитационный — агитационно, агитационность, агитационен, самый агитационный; идейный — идейно, идейность, идейнее; классный — классно, классность; классовый — классов; командирский — командирски, по-командирски; коммунистический — коммунистичен; космический — космичность, космичен; кустарный — кустарно, кустарность, кустарен, кустарнее; ленинский — по-ленински; массовый — массово, массовость, самый массовый, маневренный — маневренно, маневренность, маневреннее; масштабный — масштабно, масштабнее, более масштабный; партийный — партийно, партийность, партиен; социалистический — социалистичен, социалистичность, более социалистичный; спортивный — спортивно, спортивность, спортивен, спортивнее; телевизионный — телевизионно, телевизионен; ударный — ударно, ударность, самый ударный, наиболее ударный.

Приведенный материал (при известной его неполноте) с очевидностью показывает, что сравнительно немногие из рассмотренных прилагательных, получая качественное значение, реализуют и все грамматические возможности, свойственные данному прилагательному как прилагательному качественному. Большинство прилагательных, претерпев семантические изменения, грамматически остается как бы на грани такого перерождения.

Определенную роль играет в этом социальный фактор. Известно, например, что именно с общей высокой эмоциональной насыщенностью речи А. М. Селищев связывал особо активное образование форм превосходной степени прилагательных в языке революционной эпохи [21]. Эти наблюдения могут быть распространены и на целый ряд других относящихся сюда явлений.

Очевидно, что по отношению ко многим общественно актуальным явлениям важно было не только указание на наличие како-

[20] Имеется в виду публицистическая и художественная литература 20—60-х годов. Использован материал Ленинградской словарной картотеки Института языкознания АН СССР.

[21] См.: А. М. Селищев. Указ. соч.

го-то признака, но и подчеркивание качественной его стороны. Ведь окачествление относительных прилагательных — это приобретение ими способности давать оценку. Эпоха напряженной борьбы классов, партий, идей неизбежно должна была способствовать развитию качественности в языке, в первую очередь — у прилагательных как у группы слов, грамматически приспособленной именно для передачи категории качества. Однако стабильность грамматической системы, особенно ее морфологического яруса, не без известного сопротивления позволяет относительным прилагательным превращаться в качественные. Только у немногих из них качественность признается de jure, т. е. грамматически: только немногие прилагательные смогли преодолеть всю шкалу грамматикализации. Как сказано, наиболее стабилен морфологический ярус; вероятно, именно поэтому первые ступени этой шкалы — словообразовательные (образование наречий на *-о* и существительных на *-ость*); последние ступени — собственно морфологические, они-то и наиболее трудны для прилагательных, приобретающих грамматическую качественность. Они преодолеваются последними.

167. Все сказанное выше о развитии качественности прилагательных позволяет, как кажется, несколько по-иному оценить и сам факт образования в русском языке класса аналитических прилагательных.

До сих пор все время подчеркивалась социальная сторона этого явления: указывалось на социальные условия, которые обусловили появление этой группы слов в русском языке и способствовали ее упрочению.

Можно предполагать, однако, что здесь так же, как и в развитии многих других языковых явлений, свойственных исключительно или преимущественно языку послереволюционной эпохи, влияние факторов социальных соединялось с воздействием причин собственно языковых; что распространение аналитических прилагательных, обусловленное социально, было поддержано и внутренними процессами, происходящими в самом классе имен прилагательных,— процессами, связанными с развитием категории качественности.

Как показывают исследования, русские прилагательные все более совершенствуют свою способность выражать качественные значения; оборотная сторона этого процесса — некоторое сокращение у обычных прилагательных возможностей выражать относительные значения [22].

Межу тем, основная масса новых наименований, включающих определительный (адъективный) компонент, предполагает необ-

[22] См.: «Очерки по исторической грамматике русского языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964; Е. А. Земская. Об основных процессах словообразования прилагательных в русском литературном языке XIX в.— ВЯ, 1962, № 2.

ходимость обозначения широкого недифференцированного отношения к тому или иному предмету, явлению, действию, т. е. требует выражения именно чистой относительности.

Понятно, что необходимость в этом особенно ощутима прежде всего в терминологии, где как раз важно исключение всякой семантической неопределенности [23].

Известное «напряжение», возникающее в связи с этим при необходимости выразить значение чистого отношения, ликвидируется за счет активизации некоторых словообразовательных моделей прилагательных, менее приспособленных для выражения качественных значений и удобных поэтому для выражения относительности (например, словообразовательной модели с *-ов*) или же за счет употребления в этих случаях различного рода именных определительных сочетаний [24]. Однако этим существующая напряженность снимается лишь отчасти. Словообразовательная модель на *-ов* в известной степени ограничена в своем функционировании (это образование возможно не от всех основ). Что же касается именных сочетаний, то они, безусловно удовлетворяя требованию четкости и точности в выражении относительных значений, неудобны из-за своей громоздкости, почему им часто предпочитаются все-таки сочетания с относительными прилагательными [25]. Сочетания же с прилагательными не всегда, как сказа-

---

[23] Ср. известное наблюдение А. А. Потебни, отмечавшего, что нынешний язык, сохраняя выражения *часовой мастер, рыбный, винный торговец,* т. е. представляя постоянным свойством субъекта его отношение к объекту, избегает в этих случаях прилагательных относительных, получивших качественное значение (необычно было бы: *железный кузнец, деревянный мастер*). См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, стр. 509). Показателен ряд подобных соображений, выявляющих определенное языковое чутье разных лиц (нефилологов) в их письмах в Институт русского языка. Среди них, например, предложение заменить название *Трикотажное ателье* названием *Ателье трикотажа,* квалификация определения *листья табака* как «более правильного» сравнительно с *табачные листья* и мн. др. Ср. наметившуюся тенденцию к разграничению прилагательных *жилой* и *жилищный.* Именно качественное значение прилагательного *жилой* (антоним — *нежилой*) создает некоторые неудобства в современном использовании его в сочетании *жилой фонд* и обусловливает замену его в этом случае прилагательным *жилищный.*

[24] См.: Е. А. Земская. О некоторых факторах развития словообразовательной системы современного русского языка.— В кн.: «Проблемы современной филологии. Сб. статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова». М., 1965.

[25] На это указывал в свое время Г. О. Винокур. Отмечая частую в терминологии замену конструкций с управлением (*вал колеса*) конструкциями с согласованием (*колесный вал*), Г. О. Винокур объяснял это компактностью и удобством последних конструкций в синтаксическом отношении. «Синтаксически одночленное название,— писал он,— при прочих равных условиях, т. е. если не страдает точный нюанс значения, всегда удобнее двучленного для терминологических надобностей». См.: Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии.— «Труды МИФЛИ», т. V. М., 1939, стр. 46.

но, приемлемы, поскольку они часто не сохраняют значения чистой относительности.

Таков замкнутый круг, выходом из которого было бы наличие в языке специальных средств для выражения относительных значений. Можно предполагать, что аналитические прилагательные, кроме того, что они удобны своей компактностью и лаконичностью, получают распространение еще и по этой последней причине. Не имея аффиксов, с которыми связывается в прилагательном значение качественности, они не развивают качественных оттенков в своем значении и, вследствие невозможности «качественного перерождения», остаются «идеальными выразителями» относительного значения в его чистом виде, выразителями идеи чистой атрибутивности [26].

168. Сказанное, как это очевидно, не может быть отнесено к каждому конкретному случаю, к каждому прилагательному, развивающему качественное значение. (Известно, что многие аналитические прилагательные существуют параллельно с прилагательными, не развивающими качественных значений.)

Высказанное предположение понимается в более общем виде: как наличие незанятого места (существование «пустой клетки») в системе выражения разного рода атрибутивных отношений, которое при определенном стечении обстоятельств занимается [27].

Необходимость в подобном разграничении обычного прилагательного и прилагательного аналитического можно наблюдать на примере прилагательного *культ,* вносящего значение 'культурно-просветительный, относящийся к культурно-просветительной работе' (*культработа, культпоход, культобслуживание, культ-*

---

[26] Отмеченные факты представляют известную параллель тому, что наблюдается в германских языках, в частности в немецком. Известно, что одной из особенностей немецкого языка нового периода является большой рост терминов со сложными основами. Употребление их оказывается особенно типичным в тех случаях, когда признак того или иного предмета требуется выразить через указание на отношение данного предмета к другому (*Arbeiterfamilie* 'рабочая семья', *Arbeiterpartei* 'рабочая партия', *Arbeitsplan* 'рабочий план'). Последнее обстоятельство объясняется исследователями (как одна из причин) как раз сравнительной бедностью немецкого языка относительными прилагательными, тем, что особенности немецких прилагательных, среди которых преобладают слова с качественными значениями, иногда не дают возможности выразить те же понятия иным способом. См.: К. А. Левковская. Именное словообразование в современной немецкой общественно-политической терминологии. М., 1960, стр. 30.— Единицы типа *Arbeiterfamilie, Arbeiterpartei,* которые многие исследователи рассматривают как сложные слова, на самом деле — словосочетания: «аналитическое прилагательное + существительное». Их следует отличать от подлинных сложных слов типа *Kantenholz* и т. д.

[27] О существовании потребности в таком разграничении, которая в определенных случаях реализуется, свидетельствует наличие многочисленных пар прилагательных, одно из которых приспособлено для выражения качественных значений, другое — для выражения значений относительных (с тенденцией и здесь, в свою очередь, к более четкой дифференциации значений). Ряд новых примеров такого разграничения представляет и язык советской эпохи.

работник) и *культурный,* имеющего кроме указанного значения и качественное значение 'находящийся на высоком уровне культуры, соответствующий ему' (ср. *культурная работа, культурный поход, культурное обслуживание, культурный работник*); на примере прилагательных *агит, рев, парт, соц, ком* сравнительно с прилагательными *агитационный, революционный, партийный, социалистический, коммунистический,* развивающими, как показано (см. IV, § 166), качественное значение и потому не всегда удобными в некоторых номинациях, где нужно строго терминологически выразить отношение.

Аналитические прилагательные бывают необходимы и в окказиональных сочетаниях. Ср., например, такие легко возникающие соединения, как *культаврал, культбедствие* (обычно с иронической оценкой) и невозможные в той же ситуации *культурный аврал* и *культурное бедствие* (хотя известны *культурная революция* и *культурный фронт*); *агитполет, агитоблет* и менее вероятные *агитационный полет, агитационный облет,* известное *комчванство* и невозможное *коммунистическое чванство* и т. д.

Аналитическое прилагательное содержит как раз тот «легчайший намек» на отношение к какому-то явлению, предмету, который во многих случаях только и нужен, в то время как обычное прилагательное вносит в обозначаемые отношения ненужную определенность и перегруженность значениями.

Подобное значение развивают и многие другие прилагательные — *государственный, астрономический, космический,*— поэтому возникает необходимость (в составе определенных наименований) и в кратких прилагательных *гос, астро, космо.* Именно по этому принципу — отсутствию качественных оттенков в значении — они хорошо разграничиваются с обычными прилагательными.

Развитие устойчивого качественного значения в прилагательном *телевизионный,* безусловно, сделает и его менее удобным для выражения значений чистого отношения. Последнее, однако, весьма важно, если иметь в виду существование целой большой технической области с соответствующей весьма разветвленной терминологией [28]. Очевидно, что необходимое разграничение здесь как раз и могло бы быть осуществлено с помощью аналитического прилагательного *теле,* которое бы взяло на себя функцию обозначения чистой относительности.

169. Понятно, что полная реализация наметившихся разграничений (как *теле* и *телевизионный, космо* и *космический* и под.) — дело будущего, тем более, что и сами возможности такой

[28] Показательно, что при подобном семантическом развитии прилагательных *фотографический* и *кинематографический* наблюдается тенденция использовать для выражения качественных значений иное (качественное) прилагательное: *фотографичный, кинематографичный,* от которых легко образуются и все необходимые грамматические формы.

реализации ограничены действием определенных факторов и в первую очередь моментом социальным. «Социальный заказ» является здесь основной причиной, определяющей в итоге и степень интенсивности развития качественности, и круг сочетаний, включающих прилагательные с тем и другим значением, а это, в конечном счете, укрепляет позиции прилагательного либо в той, либо в иной роли, делая наметившееся разграничение либо существенным, либо неважным.

Необходимо учитывать и тот факт, что и в кругу самих прилагательных выработан достаточно большой арсенал средств для этой борьбы: образование прилагательных с разными словообразовательными аффиксами (*-ическ-, -ичн-, -н-, -ск-* типа *технический — техничный, интеллигентный — интеллигентский*), использование прилагательных вторичного образования (*яркостный — яркий, грязевой — грязный* и т. д.) [29]. Аналитические прилагательные остаются только на положении своеобразного резерва: способствуют только частному разрешению неудобства, вызванного семантической перегрузкой обычного прилагательного.

Показательно, однако, что намечающееся размежевание этих разных групп прилагательных (аналитических и обычных) не ограничивается только тем типом общеупотребительных слов, о которых до сих пор шла речь, а представлено в языке более широко.

В первую очередь здесь могли бы быть названы довольно многочисленные примеры такого размежевания, связанные с созданием определенной торговой номенклатуры, отграничивающей свои специализированные прилагательные от общелитературных — на том же основании: здесь необходимы, как и в других специальных сферах, четкость и недвусмысленность. Ср. обычные в торговой номенклатуре *виноград стандарт, яблоки стандарт* и общелитературное *стандартный* ‘удовлетворяющий, соответствующий стандарту’ и переносно ‘лишенный оригинальности, своеобразия, шаблонный, трафаретный’; *эластик* (*чулки, носки эластик*) и *эластичный,* указывающее на качественность, ‘гибкий, упругий’ [30].

Подобные случаи разграничения специализированных прилагательных как точных определителей сортов, марок, разновидностей каких-то предметов, и прилагательных общелитературных относятся к самым разным специальным языковым сферам. Ср. театральное *гротеск* (*гротеск-наездница*) и *гротескный* с качественным значением (*гротескные образы, гротескные черты*); му-

---

[29] Е. А. Земская. Указ. соч., стр. 143—144.

[30] Ср. примеры типа *товар импорт* и прилагательное *импортный, пальто демисезон* и *демисезонное, белье трико* и *трикотажное,* где употребление аналитических прилагательных не обусловлено названными причинами, но подчиняется требованию унификации обозначений, характерному для терминологии.

зыкальное *мажор, минор* (*гамма до мажор, гамма ля минор*) и *мажорный* с переносным значением ‘бодрый, приподнятый, веселый’; *минорный* ‘грустный, меланхолически настроенный’; *максимум, минимум* (*программа-максимум, программа-минимум*) и *максимальный, минимальный; миниатюр,* указывающее нейтрально только на то, что данный предмет представлен в уменьшенном размере (*миниатюр-полигон*) и *миниатюрный* с качественным оттенком в этом значении ‘маленький и изящный’.

Очевидно, изложенными обстоятельствами может быть объяснен и тот факт более общего характера, что большинство заимствований, предназначенных для обозначения того или иного рода признаков в определенных специальных языковых сферах, остается в неизменяемой форме и не переводится в класс обычных прилагательных (даже если морфонологические условия этому не препятствуют). Ср. хотя бы такие широко известные факты, как *вес брутто, вес нетто, пальто маренго, рубашка апаш, юбка клеш, рукав реглан, партия микст* и т. д.

Если же такой перевод и совершается, то обычно только за пределами данной специальной сферы. Ср. *бордо* и более свойственное разговорной речи *бордовый,* то же *-беж* и *бежевый, ажур* и *ажурный, пике* и *пикейный, модерн* и шутливо-разговорное *модерный.*

Здесь названы были пока только некоторые факты, но, безусловно, с этой точки зрения по-иному может быть оценен и целый ряд других, принадлежащих собственно терминологической лексике.

170. Лексический процесс окачествления, охватывающий слова разных грамматических типов, но в первую очередь — относительные прилагательные, определенным образом повлиял на складывающийся грамматический класс аналитических прилагательных: эта группа слов стала формироваться как группа с некачественными (по преимуществу) значениями. Эта черта как присущая грамматическому классу слов начинает выступать в качестве одной из грамматических характеристик аналитических прилагательных. Лексический процесс, повлияв на морфологию, вызвал такие следствия, которые не были стимулированы собственно морфологическими тенденциями развития (такими, как усиление аналитизма, разгрузка семантически усложненных единиц от нетипичных значений и т. д.).

СИНТАКСИС

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вступление. *Влияние синтаксиса устно-разговорной речи на синтаксис письменного языка. Продуктивность свободных (слабоуправляемых) синтаксических форм. Расширение синтаксических функций этих форм. Продуктивность парцеллированных конструкций и конструкций с именительным темы как разновидностей предложений с расчлененным составом. Активизация приемов выражения предикативности без помощи глаголов. Сокращенность синтаксического кода в разговорной речи; связанное с этим вовлечение конситуации в коммуникативный акт. Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса.*

1. Синтаксис, как и морфология, малопроницаем для непосредственных социальных воздействий. Его проницаемость значительно меньше, чем в лексико-семантической области и в области фонетики. Социальные факторы влияют на синтаксис преимущественно путем активизации разговорных, устно-речевых синтаксических построений. В результате демократизации русского языка сильное влияние разговорной стихии испытали все другие функциональные разновидности литературного языка; это касается не только синтаксиса, но и лексики, и словообразования, и фонетики (в меньшей степени — морфологии).

Устно-разговорные конструкции повлияли на продуктивность многих синтаксических единиц в письменной речи самых различных жанров. Вместе с тем их проникновение в письменную речь, обычно в преобразованном виде, способствовало более определенному размежеванию основных стилевых сфер литературного языка, росту их нормативных качеств.

В современном русском литературном языке во всех ярусах важнейшую стилистическую разновидность представляет нейтральный стиль. Нейтральные стилистические единицы являются немаркированными, они могут употребляться в любых условиях общения, во всех стилистических контекстах. Как и положено немаркированным единицам, они способны заменять стилистически окрашенные единицы (но обратная замена далеко не всегда возможна). Нейтральному стилю противостоит торжественный (или «возвышенный») стиль, с одной стороны, и разговорный — с другой.

Устная и письменная речь имеют каждая свое особое распределение синтаксических единиц по стилям; многие единицы, нейтральные в книжной речи, являются торжественными, книжно-«возвышенными» в устной.

2. Синтаксических единиц торжественного стиля сравнительно немного. Напротив, разговорный стиль имеет очень большое число синтаксических показателей. Количество переходит в качество: постепенно на протяжении XIX—XX вв. разговорный стиль устной речи превращается в самостоятельную форму общения. Пока в каком-нибудь тексте основной состав единиц — немаркированные, в данном случае единицы нейтрального стиля, а разговорные единицы включаются в текст только для его «окраски»,— налицо, несомненно, лишь взаимодействие стилей, соотношение и сочетание единиц стилевой парадигмы. Но если большинство синтаксических построений в тексте (имеются в виду устные тексты) специфически разговорны, если они образуют сплошную ткань разговорности, причем замена разговорных элементов нейтральными требует достаточно последовательного синтаксического «перевода» текста, то очевидно, что разговорный стиль получил автономность, перестал быть дополнением к нейтральному стилю (окрашенные стилистические единицы всегда бывают лишь дополнением к нейтральным) [1]. Разговорный стиль в его устной разновидности перерос в особую, самостоятельную форму речевого общения. Именно такое перерастание и идет в русском языке XIX—XX вв.

Разговорные конструкции известны в русском языке давно. Многие из широко распространенных ныне разговорных конструкций, бесспорно, были обычны уже в русском языке XVIII в. Однако можно предполагать, что насыщенность речи (в определенных условиях общения) специфически разговорными, невозможными в письменной речи синтаксическими конструкциями постепенно возрастает (это видно хотя бы из сравнения речи разных поколений). Может быть, не будет преувеличением считать, что к нашему времени уже сложился особый «язык», особая форма русского языкового общения — разговорный язык, резко отличный от письменной и от других разновидностей устной речи (ораторская речь, официальная, деловая — любая устная речь не в обстановке дружеской непринужденности, не при бытовом простоговорении). По крайней мере, в области синтаксиса и фонетики такая автономность разговорной речи достигнута.

Надо подчеркнуть, что эта разговорная речь имеет свои строгие законы, она литературна — в том смысле, что ею пользуются люди, безупречно владеющие письменной литературной речью. Но употреблять конструкции разговорной речи на письме возможно далеко не всегда; обычно это оказывается вне норм, вне

[1] Подробно об этом см. дальше.

привычек русского литературного языка. Вот почему из большого числа специфически разговорных моделей в художественную литературу, например, в неизменном виде способны попасть лишь весьма и весьма немногие (преимущественно те, которые связаны с особенностями словорасположения и употребления союзов и союзных слов), еще некоторое их количество получает в литературно-художественном тексте специальное «письменное» оформление, а основная их масса связана с письменно-литературными лишь посредством общей тенденции.

3. Разговорная речевая стихия оказывает сильнейшее влияние на все остальные разновидности русской литературной речи. Многие синтаксические конструкции перестраиваются под влиянием разговорной стихии; другие приобретают особую продуктивность.

Разговорный синтаксис характеризует одна бросающаяся в глаза черта: фрагментарность, расчлененность речевой цепи. Неверно было бы говорить, что паратаксис господствует над гипотаксисом; но несомненно, что относительная самостоятельность, сопоположенность отдельных частей в составе предложения здесь гораздо бóльшая, чем в письменной речи (или в устной неразговорной).

Эта особенность оказала очень большое влияние на письменный синтаксис. Скорее всего под влиянием синтаксической расчлененности, свойственной разговорной речи, резко увеличивают продуктивность в письменных жанрах «свободные», примыкающие конструкции, в частности — слабоуправляемые члены предложения (слабое управление фактически является разновидностью примыкания). Примыкающие конструкции вытесняют в составе предложения сильноуправляемые, постепенно снимаются разного рода ограничения, ранее сужавшие возможности употребления этих конструкций; они получают, в конце концов, возможность функционировать в неограниченно большем кругу типических контекстов, в том числе — и в нулевом контексте, т. е. употребляться отдельно — как заголовки, отдельные предложения и т. д. (V, § 10).

Активизация таких — несогласуемых и неуправляемых — синтаксических форм заключается также и в том, что расширяются синтаксические функции этих форм. Ярким проявлением этого процесса служит возрастание употребительности именительного падежа в функции несогласованного определения (V, § 20—30). Другим следствием активизации свободных синтаксических форм имени существительного является вовлечение некоторых из них в число средств организации предложения: они служат базой для образования «вторичных» предлогов и союзов. В свою очередь, участие этих лексикализованных средств в оформлении предложения (простого и сложного) способствует уточнению семантических оттенков, выражаемых данными синтаксическими

конструкциями (V, § 31—39). Активизация свободных синтаксических форм в известной мере нарушает устойчивость и других, давно стабилизовавшихся в языке синтаксических форм (V, § 15—19).

Под влиянием устно-разговорной стихии становятся широко употребительными в письменной речи парцеллированные конструкции (V, § 40—56), конструкции с именительным темы (V, § 57—70), другие типы синтаксических «отъединений».

4. Расчлененность речевой цепи, характерная для разговорной речевой стихии, стимулирует многопредикативность предложений. Члены предложения, при «неразговорном» его построении играющие роль обычных второстепенных определителей и уточнителей, приобретают в разговорном синтаксисе выделенность и отчлененность того или иного типа; вместе с тем они часто обретают полупредикативность или даже подлинную самостоятельную предикативность. А это в свою очередь стимулирует вообще приемы выражения предикативности без помощи глагола. Здесь следует упомянуть прежде всего номинативные предложения, употребительность которых заметно возросла в наше время. Несомненна связь продуктивности номинативных предложений и продуктивности конструкций с именительным темы, а также (в меньшей степени) парцеллированных конструкций. Из свободных синтаксических форм в современном русском языке часто строятся конструкции, в которых выражается императивность без использования глагола (V, § 10).

5. Вытеснение «свободными», не управляемыми и не согласуемыми конструкциями связанных конструкций разного типа можно понять как сокращение синтаксического кода: вместо разнообразно оформленных (в морфологическом отношении) единиц в данной синтаксической функции начинает употребляться одна, не связанная синтаксически с данным конкретным контекстом (с данным глаголом, с данным безличным наречием и т. д.). Но вызывает ли подобное сокращение кода увеличение текстовых отрезков, в которых полностью уточняется синтаксическая роль свободных сочетаний (заместивших несвободные)? Этот вопрос требует особого изучения, более того — выработки особой методики изучения.

Необходимо сказать одно: разговорная речь оперирует более ограниченным набором синтаксических конструкций. Разговорная речь предельно автоматизирована, и даже для лиц, часто использующих разговорный синтаксис, эта область предстает как новая и неведомая, когда они впервые сознательно обратят свое внимание на ее законы. Человек, впервые оценивающий особенности разговорной речи, поражается ее неограниченной свободой. Это впечатление ошибочно, оно вызвано тем, что разговорные конструкции сравниваются с литературно-письменными и осознается их «ненормативность» (т. е. не та нормативность, которая свой-

ственна письменной речи). Возникает впечатление, что разговорный синтаксис — область незаконного, область хаоса, с бесчисленными, никак не ограниченными типами синтаксических конструкций.

В действительности именно автоматизм разговорной речи ограничивает в каждом данном случае выбор синтаксических построений; «кодовые» возможности разговорного синтаксиса значительно меньше, чем письменного (или устного неразговорного). Устно-разговорный синтаксис по набору единиц (конструкций) беднее письменного синтаксиса. Как же объяснить лаконичность разговорной речи? Ведь при сокращении кода ожидалось бы, напротив, удлинение текстов...

Во-первых, удлинение текстов при сокращении синтаксического кода вовсе не обязательно требует увеличения словарного состава текстов. Сокращение синтаксического кода вызывает такое следствие: каждая конструкция (единица синтаксического кода) сознается на большем пространстве текста — сам же текст при этом далеко не всегда должен делаться многословнее.

Однако, во-вторых, краткость разговорного синтаксического кода часто действительно вызывает возрастание текста: в речь вовлекается ситуация, ее коммуникативные возможности. За счет этих ситуативных дополнений (жестов, мимики, элементов обстановки и т. д.) и возрастают тексты.

Ясно, что письменный язык, усваивая некоторые типы разговорных синтаксических конструкций, не может усвоить преимущества разговорной речи: возможности коммуникативно использовать ситуацию. Поэтому лаконизм конструкций, усвоенных письменной речью из разговорной, часто иллюзорен: они используются не для лаконичности, не для сжатости изложения, а для экспрессивности языкового выражения. Так перерождаются по своей функции устно-разговорные синтаксические конструкции, усваиваясь письменной речью.

6. Как известно, вопрос о влиянии синтаксиса устно-разговорной речи на синтаксис письменно-литературного языка во всей своей полноте и конкретности не изучен — хотя самый факт этого влияния не вызывает сомнений и постоянно отмечается в синтаксических исследованиях. К сожалению, уже упущена возможность собственно исторического подхода к синтаксису устно-разговорной речи — из-за отсутствия систематически пополняемого материала записей устной речи.

В седьмой главе синтаксического раздела сделана осторожная попытка подвести устно-разговорный синтаксический «фундамент» под некоторые, рассматриваемые в их развитии, структуры письменной речи. Следует подчеркнуть, что такой подход преднамеренно исключил задачу полного описания устно-разговорного синтаксиса, его представления как некоей системы. Здесь выделены лишь отдельные — впрочем, весьма показательные и остро

специфические явления разговорного синтаксиса — такие, как 1) «экспансия» именительного падежа, проявляющаяся в широком распространении конструкций с именительным темы и в употреблении этой синтаксически независимой формы в функции зависимых падежных форм; 2) особенности парцеллирования высказываний, 3) способы организации сложного предложения. Этот материал представлен исключительно записями устной речи, проводившимися в 1963—1966 гг. (V, § 88—103).

Очевидно, что и при такой конкретизации данной проблемы, когда письменно-литературные конструкции соотносятся с их устно-разговорными эквивалентами, самый процесс освоения письменным литературным языком разговорных структур остается нераскрытым. Поэтому, естественно, письменно-литературные — устно-разговорные параллели, которые могут быть построены путем сопоставления соответствующих, представленных в нашей работе, типов синтаксических конструкций, могут пока что носить только предварительно-гипотетический характер. Дело в том, что основной импульс воздействия устно-разговорных стилей на письменные заключается не столько в прямом заимствовании этими последними каких-то определенных структур из устно-разговорной речи, сколько в усвоении, все более широком и органическом, основного принципа построения высказывания, характерного для произносимой речи. Такой принцип, становясь достоянием письменных стилей речи, способен в их пределах вызывать к жизни конструкции, которые никогда не были свойственны устной речи и которые тем не менее близки ей по своей природе. Общность основного принципа организации высказывания, даже при наличии разных списков соотносимых конструкций в письменной и устной речи, обеспечивает их единство в пределах данного литературного языка, не ослабевающее и в условиях все более углубляющейся стилевой дифференциации.

7. Интенсивное развитие синтаксических конструкций, специальное назначение которых — не просто передать адресату ту или иную информацию, а задержать его внимание на ней, максимально акцентировать ее и тем усилить ее действенность,— заметная черта языкового развития нашей эпохи.

Экспрессивные конструкции представляют собой типизированные преобразования стилистически нейтральных структур — т. е. структур, входящих в синтаксическую систему литературного языка и имеющих закрепленное, обязательное для каждой из них грамматическое значение. Экспрессивные конструкции имеют то же самое грамматическое значение, что и их нейтральные эквиваленты, но отличаются от последних соответственно определенной экспрессивной направленностью. Таковы рассматриваемые в третьей и четвертой главах парцеллированные конструкции и конструкции с именительным темы (сегментированные). Иное положение в ряду конструкций экспрессивного синтаксиса зани-

мают номинативные предложения (рассматриваемые в шестой главе). Они — давно освоенные русским языком самостоятельные построения (т. е. не являющиеся преобразованными вариантами других построений), имеющие свое собственное, обязательное грамматическое значение. Но эти конструкции легко принимают на себя экспрессивно-изобразительные функции. Именно в этих своих функциях, как будет показано ниже, номинативные предложения активизировались в русском литературном языке советской эпохи. Строение экспрессивных конструкций «подчинено» коммуникативному заданию, которое они призваны выполнять: общим структурным качеством всех рассматриваемых здесь экспрессивных конструкций является их расчлененность (так, конструкции с именительным темы строятся по принципу отчетливой двучленности).

Свидетельством активизации экспрессивных конструкций в современном письменно-литературном языке служит их тесное структурно-функциональное взаимодействие (V, § 87). В процессе функционирования развивающихся в наше время синтаксических образований — стилистически нейтральных и экспрессивных — происходит их постепенная структурная стабилизация. В результате намеченных здесь, а также других, более частных процессов увеличивается синонимическая вариативность синтаксических построений, они как бы «обрастают» функционально структурными эквивалентами; увеличивается, соответственно, их структурная гибкость и семантическая емкость.

8. В синтаксическом разделе монографии представлены результаты изучения — в социологическом аспекте — развития лишь отдельных участков синтаксической системы и лишь некоторых явлений экспрессивного синтаксиса; описание соответствующего материала носит по необходимости фрагментарный и предварительный характер.

Примечательно, однако, что уже и при таком неполном проникновении в область «социологического» синтаксиса обнаруживается, что развитие р а з н ы х синтаксических явлений протекает в нескольких о б щ и х направлениях. Среди таких общих процессов развития синтаксиса русского языка в советскую эпоху можно назвать: развитие расчлененности высказывания; увеличение самостоятельности «зависимых» синтаксических единиц; семантизацию синтаксических конструкций; их локанизацию, «облегчение» их структуры; рост экспрессивности синтаксических построений. Эти изменения во многом определяются усилившимся в наше время воздействием на синтаксис письменно-литературного языка синтаксиса устно-разговорной речи. Наряду с этим процессом, осложняя его, шел другой, обратный (несомненно, также социально обусловленный) процесс расширения влияния письменной речи на устно-разговорную.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Развитие синтаксических форм слова. *Разновидности синтаксических форм имени существительного. Неравномерность их развития. Активизация свободных синтаксических форм, их новые конструктивно-смысловые возможности. Развитие конструктивно-закрепленных форм. Устойчивость связанных форм и признаки ослабления этой устойчивости. Расширение синтаксических функций именительного падежа. Одиночный именительный и кратный именительный в функции несогласованного определения.*

9. Чтобы уловить тенденции изменений, происходящих в системе простого предложения, надо прежде всего найти объект наблюдения, который вместе с тем был бы реальной синтаксически значимой единицей структуры предложения.

Таким объектом оказывается синтаксическая форма слова.

Синтаксические формы слова, нераспространенные и распространенные, являются строительным материалом для предложения, элементами, из которых предложение создается [1].

От словоформ морфологических, соотносящихся между собой как равноправные, рядоположные члены парадигмы, синтаксические формы слова отличаются и своим составом (например, предлог является компонентом синтаксической формы имени), и различиями в синтаксических функциях и возможностях. Так, среди синтаксических форм имени существительного выделяются три разновидности: связанные, свободные и конструктивно-закрепленные формы.

1) Связанные, управляемые синтаксические формы функционируют только как зависимые элементы словосочетаний, заданные господствующим словом словосочетания. Вне словосочетания их значение не выявляется (*ждать вечера, заниматься музыкой, строить дом, решение задачи, вершина горы, тосковать по дому, помогать матери, сомневаться в товарище* и пр.); в предложении они служат для распространения других синтаксических форм.

---

[1] См.: Г. А. Золотова. О структуре простого предложения в русском языке.— ВЯ, 1967, № 6.

2) Свободные, неуправляемые падежные и предложно-падежные формы имени существительного являются самостоятельными семантико-синтаксическими единицами, которые могут вступать в словосочетания, но могут употребляться и вне рамок словосочетания, например, в качестве заголовка (*За рекой; По столице; Над книгой; На съезде; На кубок; Без энтузиазма; У шахтеров; Дорогами войны; Друзьям; О детях; Для школьников* и т. п.).

3) Конструктивно-закрепленные формы — тоже неуправляемые, но, в отличие от свободных, не имеют самостоятельного номинативного значения. Как и у связанных форм, значение их выявляется только в синтаксическом контексте, но если для связанных форм таким контекстом служит словосочетание, то конструктивно-закрепленные формы реализуют свое значение в определенной структуре предложения, с определенным типовым значением, выступая а) в качестве одного из двух взаимнообусловленных организующих центров предложения, либо б) в качестве структурного элемента второй ступени, усложняющего предикативную основу и типовое значение предложения. Ср.: а) *У шахтеров праздник; У него два сына; У бабушки ревматизм; Между братьями ссора; С работой не ладится; С сердцем плохо; С планом порядок; Денег ни гроша; Забот полон рот; Народу тьма-тьмущая; Молока хоть залейся; Залог успеха — в организации; В единении — сила. б) Для него ваш приезд — большая радость; По виду она артистка; С точки зрения рентабельности цех вышел на первое место.*

Для каждой из разновидностей синтаксических форм имеется сумма грамматических и семантических условий, соблюдение которых необходимо для ее функционирования в предложении.

Материалы, описанные в «Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX века», и наблюдения над русским языком XX в. позволяют думать, что основной процесс, который происходит в синтаксисе простого предложения на протяжении XIX—XX вв., заключается в дифференциации разных типов синтаксических форм, в становлении все более четкого их значения и условий их употребления.

При этом можно заметить неравномерную активность разных типов синтаксических форм; вероятно, эта неравномерность подлежит социологическому объяснению.

10. Активнее других проявляют себя свободные, неуправляемые синтаксические формы имени: растет их количество вследствие появления новых производных предлогов, разнообразятся и усложняются их конструктивно-смысловые возможности.

Выполняя свою основную роль — факультативных распространителей слова и предложения — свободные формы все шире используются в более или менее новых для них функциях.

а) В функции заголовка на протяжении XIX в. (в газетах вплоть до 1917 г.) встречаются преимущественно синтаксические формы именительного падежа и предложного с предлогом *о*. С конца XIX в. и особенно в газетах послереволюционного времени широко распространяются заголовки, представляющие собой различные свободные синтаксические формы, чаще предложные, с самостоятельным значением времени, места, направления, цели, назначения, адресата и т. п.

В языке газет в связи с задачей воздействия на массового читателя в заголовках среди других средств выражения призыва-побуждения употребляются синтаксические формы с активным значением направления, цели, назначения, способа действия: *За работу! Под красный стяг Первомая! На трактор!*

На помощь голодающим (Из газет, 1921); *К дружной работе с сельской интеллигенцией* (Из газет, 1925); *За электрификацию сельского хозяйства* («Женск. журн.», 1929); *Под знамена революционной помощи* (Там же, 1928); *За труддисциплину!* (Из газет, 1929); *До зернышка!* (Из газет, 1963); *В шеренгу сильнейших* (Из газет, 1963); *В поход за химический всеобуч* (Из газет, 1964); *Ленинским курсом — к победе коммунизма* (Из газет, 1961).

Таким образом, из свободных синтаксических форм строятся новые лаконичные формулы лозунга-призыва, с помощью которых, без называния действия глаголом, читатель мобилизуется на действие.

Свободные синтаксические формы приобретают способность соединяться между собой в заголовках более сложного типа, не образующих тем не менее ни предложения, ни словосочетания. Вот примеры из газет 1963—1965 гг.:

В воскресенье на выборах; В гостях у журналистов; С русской песней по планете; На переговоры в Аккру; В Париж через спутник; Четыре часа за бортом; В трех шагах от финиша и т. п.

б) В языке художественной литературы XX в. под влиянием стиля драматургических ремарок и киносценария распространилось употребление свободных предложно-падежных форм с обстоятельственным значением в роли своеобразных номинативных предложений, составляющих экспозицию повествования:

Через длинную цепь неуловимых промежуточных звеньев в воображении слагалась одна и та же картина доброй русской зимы.— *За городом*, четыре часа дня. К деревьям вернулась их прошлогодняя гибкость. Ветер... (Л. Леонов, Дорога на океан); *На рейде Стамбула.* Мог ли я думать об этом. Ночь. Огни и раскрытая дверь каюты. Гудит вентилятор (И. Ильф, Записные книжки); *На Каменноостровском.* Панели стоят на ходулях. Смотрят с тумб и киосков (Б. Пастернак, 1905); *У царя.* Слово берет от имени бояр Борис Годунов (К. Станиславский, Трагедия народов. Киносценарий); *На земле.* Члены Ученого совета следят

за эволюциями дирижабля... *На дирижабле.* Далекий голос Елисеева ...*В кабинете Мурашко.* Закинув голову, говорит Мурашко, опираясь ладонями о край стола (И. Бабель, Старая площадь); *В вагоне.* Темно от вещей и людей. Валя, Люська, еще чьи-то маленькие дети, двое, на верхней полке. Там же чьи-то узлы. Внизу толчея голов (В. Панова, Валя); *За полдень.* Жарко. Термометр в нашей палатке показывает тридцать градусов (И. Орлов, Жарким летом) [2].

в) Развивается сочетаемость в структуре предложения свободных синтаксических форм с именами существительными [3]. Относясь в предложении к существительному, свободные синтаксические формы (так же, как и наречия), не создают с существительным словосочетания, располагающего системой форм, и поэтому легко меняют свою ориентацию в предложении — с имени на глагол. Ср.:

Сидела *на скамье под яблоней* (М. Горький, Жизнь Матвея Кожемякина); Арсений Романович скрылся *за калиткой во двор* (К. Федин, Необыкновенное лето); Вдруг *из горницы за спиной* бабушки полилась далекая нежная музыка (А. Фадеев, Молодая гвардия); *Сотруднику за столом* надоело наблюдать за ними (В. Ажаев, Далеко от Москвы).

Все это говорит в пользу того, что реальной, развивающейся единицей структуры предложения являются именно свободные синтаксические формы существительного, а не словосочетания с так называемым слабым управлением.

11. О развитии, дифференциации и специализации свободных синтаксических форм свидетельствует характерный для XIX — XX вв. процесс пополнения их состава конструкциями с производными предлогами.

Синтаксическая сторона этого процесса заключается в том, что развиваются синтаксические формы, представляющие собой средства структурно-смыслового усложнения и вместе с тем «уплотнения» предложения, средства организации полипредикативного предложения. Ведь большинство синтаксических форм с производными предлогами образуются отглагольными существительными, а в таком случае «предлог означает отношение одного действия к другому» [4].

С точки зрения движения необходимо отметить и то обстоятельство, что свойственные преимущественно книжной, деловой

---

[2] Ср. аналогичные материалы в статье: Б. И. Фоминых. Синтаксическая структура заглавий. «Уч. зап. МГПИ им. Ленина», т. 148, 1960. См. также: А. С. Попов. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие. — В кн.: «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966.

[3] См. об этом, например, в «Грамматике русского языка», т. II, ч. I. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 13, 64, 94, 245.

[4] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., 1941, стр. 553.

речи конструкции с производными предлогами, уплотняющие структуру простого предложения, в силу возросшего в наше время влияния деловых и газетно-публицистических стилей получают распространение в разговорной речи. Состав производных предлогов непрерывно пополняется синтаксическими формами имени существительного, находящимися на разных ступенях «опредложивания», перехода от существительного к предлогу, от знаменательного слова к служебному[5]. Не становясь предлогами, многие синтаксические формы отвлеченных существительных, лексически замкнутые, приближаются к роли предлогов, организуя в свою очередь синтаксические формы, распространяющие предложение (*в честь годовщины, в память погибших, в условиях секретности, в атмосфере доверия, в ходе выполнения, под знаком усиления, во избежание неприятностей, с учетом перегрузки, в свете новых задач, под предлогом разукрупнения* и т. п.).

Синтаксически интересен не только факт массового развития в языке конструкций с производными предлогами, но и сам процесс их развития. В нем особенно наглядно обнаруживается названная выше тенденция к становлению синтаксических форм как структурных единиц предложения, к упорядочению и дифференциации условий их участия в предложении.

12. Среди синтаксических условий построения предложения, а следовательно, и становления тех или иных синтаксических форм важными являются условие единства субъектной оси (отнесенности главного и второстепенного действия, состояния к одному субъекту), координация значений действия — состояния — качества между предикативной основой и распространяющей ее синтаксической формой и др.

Так, например, условию единства субъектной оси на протяжении XIX в. подчиняются в предложении синтаксические формы деепричастия (деепричастный оборот как распространенная форма деепричастия), синтаксическая форма «*из* + род. п.» в значении внутреннего стимула к действию (выходят из употребления сочетания *ссориться из пустяков, работать из платы* и под., не отвечающие условию единства субъектной оси, и некот. др.).

На протяжении XIX в. за причинной конструкцией «*от* + род. п.» закрепляется значение состояния как источника другого состояния и, следовательно, способность распространять предложения, глагольные и безглагольные, в том числе безличные, сообщающие о состоянии, изменении состояния и под. За конструкцией же «*из* + род. п.» закрепляется значение состояния, свойства как активного стимула к действию и, следовательно, способность включаться в предложения глагольные, но не в безличные и не в именные (за исключением случаев, где эта конструкция находится во вторичной, приименной позиции, например: *Содержание дела — убийство из ревности*).

---

[5] См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол. Наречие. Предлоги. Союзы». М., 1964, стр. 237 и сл.; «Очерки... Изменения в системе словосочетания». М., 1964, стр. 17 и далее. См. также: Е. Т. Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.

Синтаксические формы с отыменными предлогами, переживающие процесс становления в XX в., развивают на протяжении последних десятилетий новые синтаксические возможности. Так, например, предлог *по линии,* сложившийся к 20-м годам XX в., первоначально образовывал синтаксическую форму со значением направления и способа действия, включавшуюся в глагольные предложения. Параллельно развивается синтаксическая форма «*по линии*+род. п.» со значением композиционно-тематическим (или деливерабельно-тематическим), которая может относиться к предложению любой структуры.

Случаи нарушения определившихся синтаксических условий употребления той или иной синтаксической формы свидетельствуют либо о том, что эти условия для данной конструкции не окончательно стабилизовались в языке, либо о том, что данная синтаксическая форма, сама по себе устоявшаяся, вовлечена во взаимодействие с другой формой, находящейся в процессе становления. И то и другое — «явления роста». Так, например, синтаксическим условием употребления конструкции с предлогом *в целях* является то, что она образуется из отглагольного существительного («отношение действия к действию»), причем оба действия принадлежат одному субъекту. На протяжении пока еще недолгой истории этой синтаксической формы (с 90-х годов XIX в.) встречаются случаи нарушения этого условия:

Бросалось в глаза соблюдение некоторого равенства... исключительно *в целях выгод и удобства* (Ф. Кони, Л. Н. Толстой, 1900); Мы должны... обращаться к беспартийным рабочим и крестьянам, не с целью сразу привлечь их на свою сторону... а в *целях пробудить* в них сознание, что для спасения страны нужна их помощь (В. И. Ленин, Доклад на VII Всероссийском съезде Советов, 1919) [6]; И вот, в целях ознакомления нашей молодежи... и *в целях познакомить* всех трудящихся Союза с недавним прошлым... затеяна работа по изданию «Истории гражданской войны» (М. Горький, 1931); Ср. также: *В целях улучшения* обслуживания населения в этом году войдут в строй две новые фабрики-прачечные (Радиопередача, 24 апр. 1958) (нарушение синтаксического условия единства субъектной оси).

13. Взаимодействие, контаминации, столкновения предложных конструкций на определенных семантических направлениях могут рассматриваться как свидетельство общественной актуальности этих семантических направлений. В поисках способов выражения ставших общественно необходимыми значений язык мобилизует, испытывает, отбирает соответствующие средства. Для изучаемого периода характерной представляется активизация значений цели, направления движения, с одной сто-

---

[6] Примеры из указанной выше работы Е. Т. Черкасовой.

роны, и источника, средства, способа действия — с другой[7]. В 20—30-е годы и позднее можно наблюдать размежевание, а следовательно, и недифференцированное употребление конструкций с отыменными предлогами: синтаксические формы, образованные отглагольными именами с предлогами *в области, по линии, в деле, в смысле,* а также *путем, по пути, на пути, в сторону, в направлении, по направлению к,* сталкиваются между собой и с конструкциями с предлогами *с целью, в целях, для* в целевом, ориентационном значении[8].

Мы перестраиваем наши профсоюзы *по линии обеспечения* наиболее дифференцированного и наиболее детального руководства работой (Из газет, 1931); Мы должны проявить максимум энергии и воли именно *в смысле увеличения* производительности труда (Из газет, 1924); С первого номера нового курса журнал перестраивается *в сторону всемерного приближения* к запросам ударников, призванных в литературу («Лит. учеба», 1931); Все мы должны предпринять безотлагательные меры *в области развития* сельскохозяйственной химии (Из газет, 1963); ср.: *в области с.-х. химии* и *для развития, с целью развития с.-х. химии*[9].

Целевое значение укрепляется и в конструкции, образованной отвлеченными именами с предлогом *в порядке (опубликовано в порядке обсуждения, проектировал в порядке эксперимента, посеяли в порядке проверки* и т. п.). В процессе становления этой формы наблюдаются случаи смешения в письменной и устной речи предлога *в порядке* с предлогами *в качестве* и *в виде,* которым не свойственно участвовать в выражении целевых значений:

В качестве заработка... они должны были учить детей. А *в качестве* как бы *развлечения* должны были беседовать со взрослыми на исторические и политические темы (Г. Лопатин, Авто-

---

[7] «Ср.: «Главное состоит в том, чтобы довести до сознания каждого советского человека неразрывность наших целей с практическими задачами нынешнего дня. Конечно, легко и просто оперировать цифрами, которыми обозначены экономические высоты 1980 года, но для нас особенно важно знать; как, каким путем, какими средствами эти высоты будут взяты» («Политическое самообразование», 1962, № 10).

[8] При этом для выражения одних и тех же значений используются в конкурирующем взаимодействии как формы с устоявшимся свободным значением, так и формы с недостаточно индивидуализированным, лишь в контексте проявляющимся значением. Естественно, что свободные формы с определенным самостоятельным значением занимают в этом «соревновании» более сильные позиции.

[9] Акад. В. В. Виноградов аналогичные процессы характеризует следующим образом: «В современном языке намечаются новые, более отвлеченные способы применения предлогов, наблюдаются многочисленные случаи синонимической замены предлогов, переноса одних предлогов на место других, возникают новые предложно-синтаксические конструкции» (В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М.— Л., 1947, стр. 702—703).

биография, 1922): ср. *в порядке, для, ради заработка, в порядке развлечения;...* Им засчитывается 25 очков *в качестве поощрения* (Из газет, 1962): ср. *в порядке, для поощрения; В качестве оправдания* хочу свалить вину на редакцию, заставившую меня высказаться на эту тему («Неделя», 1962, № 40): ср. *в порядке оправдания;* Брошюра пойдет в печать *в качестве обсуждения* (Из устной речи, 1965); В настоящее время электроплиты установлены *в виде опыта* в некоторых кварталах новой застройки в Москве (Г. Волпян, Электричество в доме, 1964): ср. *в порядке опыта*; Остановлюсь *в виде иллюстрации* на двух фактах (Из устной речи, 1963): ср. *в порядке иллюстрации.*

Эти и им подобные факты ошибок, контаминаций, недифференцированного употребления синтаксических форм с производными предлогами, в большом количестве встречающиеся в письменной и устной речи изучаемого периода, свидетельствуют, с одной стороны, об усилении потребности в языковом выражении тех или иных значений в отвлеченно-деловой сфере речи, с другой стороны — с точки зрения стилистического взаимодействия книжной и разговорной речи — о процессе освоения говорящими и пишущими этих книжных по своему характеру синтаксических форм.

14. В целом активизация свободных форм имени существительного как форм, располагающих номинативным значением, может быть рассматриваема как процесс, отвечающий той же потребности языка нашего времени, что и интенсивное образование новых слов, аббревиатур, терминов, составных наименований и прочих лексических средств номинации.

15. На протяжении XIX—XX вв. наблюдается также процесс становления конструктивно-закрепленных синтаксических форм имени, выступающих в роли одного из организующих центров предложений определенной структуры.

Синтаксическая форма «*в* + предл. п.» во второй половине XIX в. закрепляется в позиции второго предикативно-организующего центра двусоставных именных предложений со значением выявления содержания понятия. В изучаемое время растет употребительность этого типа, особенно в его *перспективно-побудительной разновидности* [10].

Главное теперь — *в реализации этих великих планов* («Полит. самообразование», 1962, № 8), Ключ к изобилию — *в культурном ведении хозяйства* («Коммунист», 1962, № 2).

Синтаксическая форма родительного квантитативного закрепляется в позиции предикативно-организующего элемента структуры предложения со значением 'предмет и его количество':

Молока — залейся (А. Твардовский, Родина и чужбина); У нас *девчат хороших* — табунами ходят (Ю. Бондарев, Тишина).

Развитие новых структурно-смысловых возможностей конструктивно-закрепленных форм влечет за собой выкристаллизовывание и активизацию

[10] См.: Г. А. Золотова. Развитие некоторых типов именных двусоставных предложений.— В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 275—302.

соответствующих структур предложений. Эти предложения характеризуются двучленной организацией на четкой структурно-логической основе, с закреплением определенных синтаксических форм в позиции взаимообусловленных структурно-смысловых компонентов, при отсутствии грамматического согласования между этими двумя компонентами. В структурах этих можно видеть результат усилившегося влияния разговорных диалогических структур на монологические.

16. Из конструктивно-закрепленных форм имени особенно продуктивна в наше время синтаксическая форма «*с*+тв. п.». В современной разговорно-деловой речи чрезвычайно распространены предложения, содержащие оценку положения, названного именем в форме «*с*+тв. п.», которая и составляет один из двух взаимообусловленных центров этих предложений (*С ремонтом благополучно; С семенами все в порядке; С дисциплиной неважно; С билетами неудача; С отпуском не везет* и под.) [11].

Вследствие вовлечения все новых слоев оценочной лексики в конструкции с формой «*с*+тв. п.» идет непрерывный количественный рост этих конструкций. Вместе с тем происходят качественные изменения в характере отношений между элементами этих конструкций. Как в предикативно-организующей функции, так и во вторичной — в приименной и приглагольной позиции — форма «*с*+тв. п.» развивает более отвлеченные, более автономные значения: от выражения объекта и косвенного субъекта к выражению темы, повода.

Только в последние десятилетия наполнителем формы «*с*+тв. п.» становятся отглагольные существительные, стилистически связанные с книжной речью. Сравнение конструкций *С планом все в порядке* и *С выполнением плана все в порядке, С овощами неблагополучно* и *С обеспечением овощами неблагополучно* — говорит о внедрении предложений этого типа, разговорных по природе, и в книжно-деловую речь.

Развивается семантически обусловленное употребление формы «*с*+тв. п.» в приглагольной и в приименной позициях, если имена и глаголы связаны с обозначением или оценкой положения, состояния.

Вступая в синонимическое взаимодействие с глагольными словосочетаниями, конструкции с формой «*с*+тв. п.» конкурируют даже с сильноуправляемыми формами и создают синонимичные варианты, отличающиеся разговорно-деловой стилистической окраской и большей структурной гибкостью.

Ср.: *тянуть, затягивать, задерживать, откладывать отъезд, подождать ответа* и т. п.— и *тянуть, затягивать, задерживать, откладывать с отъездом, подождать с ответом* и т. п. Ср. *помочь*,

---

[11] Подробнее об этом см.: Г. А. Золотова. К развитию предложно-падежных конструкций (сочетания с существительным в творительном падеже с предлогом *с*).— В кн.: «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966, стр. 147—173.

посодействовать, пособить, отставать с уборкой картошки и *с картошкой* — и *помочь, посодействовать, пособить, отставать в уборке картошки,* при невозможности... *в картошке.*

В сочетания с формой «*с*+тв. п.» втягиваются существительные, связанные с подобными глаголами не только прямо словообразовательно, но и семантически (ср. *задержка, оттяжка, отставание с подачей энергии* — и *заминка, волынка, проволочка, перерывы с подачей энергии*). Это подтверждает тенденцию, в силу которой роль смысловых связей между словами усиливается за счет связей собственно грамматических.

В конструкциях с формой «*с* + тв. п.» находит свое отражение и тенденция к выработке языком средств экспрессивной субъективно-выразительной оценочности. В последние десятилетия особенно активно, главным образом в языке газетно-публицистическом, развиваются сочетания с формой «*с*+тв. п.» существительных с ярко экспрессивным, неодобрительным оценочным значением, например: *безобразие с документами, махинации с жильем, вакханалия с транспортом, авантюра с письмом, комедия с расследованием, чехарда с разукрупнением* и т. п.

Таким образом, конструктивно-закрепленные синтаксические формы имени представляют собой развивающуюся категорию современного русского синтаксиса.

17. Связанные, управляемые формы, служащие для распространения слова в составе словосочетания, оказываются наиболее устойчивым элементом синтаксиса. Зависимость их позиции, обусловленность их формы присутствием другого слова делает понятной бóльшую прочность связи в этом звене речевой цепи.

Словосочетания, включающие в качестве зависимого элемента связанные синтаксические формы, составляют устойчивый фонд синтаксических средств, сохраняющий историческую преемственность русского синтаксиса.

Однако развитие свободных и конструктивно-закрепленных синтаксических форм оказывает некоторое воздействие и на связанные.

18. Ряд изменений в области словосочетаний определяется взаимодействием книжной и разговорной речи.

Во-первых, при наличии синонимических вариантов словосочетаний (*извиняться, обвинять, упрекать в чем* || *за что*; *сомневаться в чем* || *о чем; указать на что* || *о чем* и т. п.) вторые варианты встречаются преимущественно в разговорной речи, и объясняется это тяготением ее к обобщенным и семантически оправданным синтаксическим связям, а не к индивидуальным, лексически обусловленным.

Во-вторых, поскольку разговорной речи свойственна бóльшая свобода выбора возможных форм, то в разговорной речи могут реализоваться параллельно книжным, строго нормированным,

менее строгие варианты форм связи, возникающие в результате контаминаций, действия аналогии и под. Ср.:

Отличать что от чего
Различать что и что > *Различать что от чего*

Заменить что чем
Менять что на что > *Заменить что на что*

Уделить внимание чему
Обратить внимание на что > *Уделить внимание на что*

Пожертвовать чем чему
Тратить, расходовать что на что > *Пожертвовать что на что*

Ограничиться чем
Кончить на чем > *Ограничиться на чем*

и т. п. Например:

Он еще *корову от лошади не различает* (Из устной речи, 1965); *На этом* я и *ограничу* свое выступление (Из устной речи, 1965); Я же не могу просто *на этом ограничиться* (Из устной речи, 1965); Часть отпуска опять *пожертвую на Ленинку* (Из частного письма, 1965); Я всегда *уделяла много времени на нее* (Из устной речи, 1965); Особое внимание *уделяется на создание* кабинетов (Из устной речи, 1965); [и] *заменяется на* [ы] (М. Панов, А все-таки она хорошая...).

Менее строгие, разговорные варианты словосочетаний из разговорной речи проникают в книжную, письменную; их ненормативность говорящими и пишущими осознается в разной степени или не осознается совсем; с течением времени их отношение к норме может изменяться. «Все изменения языка, которые потом проявляются и в монологической речи, куются и накопляются в кузнице разговорной речи»,— писал акад. Л. В. Щерба [12].

В разговорно-деловой речи активно протекает процесс, проявления которого названы разными исследователями упрощением, стяжением, включением [13] и т. п.

Сущность этого процесса определяется взаимодействием книжно-делового и разговорно-делового синтаксиса.

В книжно-деловом типе речи стремление к логически четким, последовательно грамматически развернутым соединениям слов приводит к росту многочленных, иерархически громоздких словосочетаний. Для разговорно-деловой речи характерно стремление преодолеть сложность книжного синтаксиса. В результате появляются «опрощенные», экономные, лаконичные сочетания.

---

[12] Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык.— В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 116.

[13] См., например: Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966; Д. Н. Шмелев. О семантических изменениях в современном русском языке.— В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.

Ср.: дело по обвинению Иванова в подлоге > дело с Ивановым, дело с подлогом; Заявление с просьбой о предоставлении ребенку места в детском саду > заявление на детсад; Испытания с целью определения сопротивления грунтов сдвигу > испытания на сдвиг; Установка для испытания грунтов на сдвиг > установка на сдвиг; Пробы для определения влажности > пробы на влажность; Разведочные работы с целью обнаружения руд, содержащих вольфрам > разведочные работы на вольфрам; Помочь в решении задачи > помочь с задачей; Посодействовать в получении разрешения на установку телефона > посодействовать с телефоном; Перебои в снабжении кирпичом, в подвозке кирпича > перебои с кирпичом; Простаивать из-за перебоев в снабжении кирпичом, из-за недостатка кирпича > простаивать по кирпичу; План строительства, ввода, сдачи жилья > план по жилью; Играть в соревнованиях на первенство > играть на первенстве; Идти смотреть передачу по телевизору > идти на телевизор и т. д.

— Люсенька, принесите, пожалуйста, проект *приказа на Самохина* (В. Войнович, Хочу быть честным); Может быть, сочиняет в уме *заявление на расчет* (Там же); *Поставили* в исполком *на улучшение* жилищных условий (Из устной речи); К нам *обращаются* граждане *на конкретную площадь* (Там же); Снова придется *идти* к соседям по квартире *на телевизор* («Юность», 1962); Только *на первенстве* района *играют* 36 команд (Из газет, 1962); А между тем в России как будто нет *руд на металлический аллюминий* (В. Вернадский, Об использовании химических элементов в России); Было бы интересно *испробовать на таллий* морские конкреции марганцевых, железных и бариевых соединений (В. Вернадский, Заметки о распространении химических элементов); *Разведочные работы на вольфрам, на молибден* (Ф. Чухров, Минералогия и зональность Восточного Коунрада); Испытания с целью определения сопротивления грунтов сдвигу... установка для *испытания на сдвиг... установка на сдвиг* (А. Коган. Влияние условий изменения глинистых грунтов); Вечером он заявил, что *подал на развод* (Из газет, 1964); Вам я тоже кое в чем сумел *помочь с диссертацией* (Д. Гранин, Искатели); Вот, в частности, как решается *вопрос с крымским виноградом* («Огонек», 1963); Есть неотложные дела — *план по жилью* трещит (А. Рекемчук, Молодо-зелено); Я знаю, что бригада *«стояла по кирпичу»,* норму едва выполнили («Юность», 1963); Разрешите дать отбой работам станций наблюдения и сопровождения, всем *службам по «Чайке»* (Из газет, 1963); Отец уезжает, и мама будет *свободна по дому* («Москва», 1962); Ведь все основные *заявки по кабелю* давно выполнены (Из газет, 1964).

Информативные качества «опрощенных» сочетаний остаются достаточными благодаря разговорной ситуации и привычно-

сти тех или иных сочетаний для данной профессиональной или бытовой среды.

Показательно то, что остающиеся после «опрощения» синтаксические формы, замещающие собой многочленное распространение слова,— это формы либо свободные, либо конструктивно-закрепленные, т. е. формы с самостоятельной или с обусловленной семантикой. Занимая позиции определителя другого слова, они не создают с ним собственно словосочетания, это скорее аналоги словосочетаний, имитация словосочетаний, поскольку между составляющими такое сочетание словами отсутствует внутренне необходимая связь, в большей или меньшей мере ощущается эллиптичность, нарушенность последовательно развивающейся цепи подчинения.

Нельзя, конечно, видеть между развернутыми и «опрощенными» сочетаниями прямую генетическую связь. Они могут существовать параллельно, принадлежа к разным стилям или типам речи.

Сочетания «опрощенного» типа могут возникать и самостоятельно, независимо от наличия развернутого словосочетания, в силу самостоятельности и активности свободных и конструктивно-закрепленных форм.

В некоторых случаях можно наблюдать также вытеснение управляемых форм в словосочетании формами конструктивно-закрепленными, транспонированными в словосочетание (ср. выше, V, § 16).

откладывать отъезд > *откладывать с отъездом*
закончить уборку > *закончить с уборкой*
оттягивать ответ > *оттягивать с ответом*
задерживать ремонт > *задерживать с ремонтом*
обождать оплаты > *обождать с оплатой*
разобраться в финансах > *разобраться с финансами*
помочь в поливке > *помочь с поливкой* и т. д.

В приведенных парах, сосуществующих в современном русском языке, второй вариант является более поздним образованием, развивающимся и стилистически связанным с разговорно-деловой речью.

В книжно-деловом и разговорно-деловом типе речи наблюдается употребление на месте связанных, управляемых форм — форм свободных, с самостоятельной семантикой или же с обобщенно-недифференцированной функцией определения, ограничения, уточнения:

Опять же *в смысле чертежей учили* рабочих (Из газет, 1932); ср. *учить чему*; Он... *не беспокоится по поводу состояния* бельгийской промышленности и еще меньше *в отношении ее перспектив* (Из газет, 1961); ср. *беспокоиться о чем, за кого*; Сверх плана было оборудовано 2 лаборатории в школе для производствен-

ного *обучения* школьников *по биологии* (Из газет, 1961); ср. *обучение чему*; С каждым днем все больше накапливается *опыт по созданию* биотелеизмерительной аппаратуры (Из газет, 1961); ср. *опыт создания;* вклад в выполнение исторических *решений* XXII съезда КПСС *по созданию* материально-технической базы коммунизма (Из газет, 1961); ср. *решение о чем*; Евгения Ивановна в тот период зачитывалась главным *образом объявлениями по найму* рабочей силы (Л. Леонов, Evgenia Ivanovna); ср. *объявление о чем*; Минчане намечают *сроки по устранению* брака (Из газет, 1964); ср. *сроки чего*; Перевыполнен *план по производству* большинства важнейших изделий (Из газет, 1964); ср. *план чего*; Я собирался *говорить* только *по этой кандидатуре* (Из устной речи, 1962); ср. *говорить о чем*; Действительно, *перспективы по развитию* химико-фармацевтической промышленности неплохие («Неделя» , 1961); ср. *перспективы чего*; Слесарь Петров выполняет *заказы по ремонту* санитарно-технического оборудования квартир («Неделя», 1962); ср. *заказы на что*; В течение следующих месяцев у него нет *заявок по ремонту* (Из газет, 1963); ср. *заявки на что*[14].

Подобные факты позволяют заключить, что в области словосочетания намечается движение в сторону ослабления «связанности», управляемые формы обнаруживают склонность уступать место формам с более отдаленной связью, неуправляемым, не обусловленным присутствием другого слова.

19. Таким образом, в изучаемый период продолжается характерный для XIX—XX вв. процесс дифференциации синтаксических форм существительного по их функциям, с преимущественным развитием свободных форм (распространяющих предложение непосредственно и через словосочетание) и конструктивно-закрепленных (организующих предложение и — вторично — входящих в словосочетание), в отличие от связанных, управляемых форм (распространяющих слово в составе словосочетания).

В послереволюционную эпоху процесс этот интенсифицируется в связи с социально обусловленной активизацией взаимо-

---

[14] Экспансия предлога *по*, становящегося в наше время универсальным средством выражения атрибутивно-лимитативных отношений, неоднократно подвергалась неодобрительным оценкам наблюдателей. Например, цитату из «Торгово-промышленной газеты» «намеченная программа по удобрениям» редакция газеты «Красоты штиля» (1929, № 7) сопровождает саркастическим примечанием: «Конечно,— *по!* ведь так трудно написать «программа выпуска удобрений».

«Предлог *по* в газетах часто употребляется вместо других предлогов (примеры: «ответы по двум письмам» вместо «на два письма», «вопросы, поднятые в докладе... по дальнейшему подъему колхозного производства»)» (К. И. Былинский. Заметки о языке газеты. «Вестник МГУ», 1960, № 3);

«На улице Заморенова я читал красиво оформленное объявление «Прачечная по приемке белья находится...» Надо же так сказать: *прачечная по приемке!*» («Изв.», 30 авг. 1962, учитель Баринский).

действия книжной и разговорной речи и усилением роли разговорно-деловой сферы в общественно-речевой практике.

20. Среди свободных синтаксических форм имени существительного, активизировавшихся в современном русском языке (см. выше, V, § 9—10), особое внимание привлекает форма именительного падежа, заметно расширяющая свое употребление в роли несогласованного определения. Именительный падеж имени существительного в функции несогласованного определения выступает в двух своих разновидностях: 1) в виде одиночного именительного атрибутивного и 2) в виде кратного именительного атрибутивного. Ср.:

Первый и Второй космонавты отправились в космический путь, взяв пищу, хранившуюся в специальных тубах. Стол *космонавтов Три* и *Четыре* был более разнообразен (Из газет, 1962); Как пройдет первая *телепередача Луна — Земля?* (Из газет, 1966).

21. Наиболее распространенный и давно узаконенный случай употребления одиночного именительного падежа несогласуемого имени (обычно существительного, реже субстантивированного прилагательного) в качестве несогласованного определения — это выполнение им «назывательной» функции, когда именительный падеж является названием газеты, журнала, кинотеатра, парохода, организации и т. п., например: в журнале «Нева», на пароходе «Слава», перед кафе «Молодежное».

Синтаксическая функция наименования в некоторых случаях может стимулировать морфологическую тенденцию к несклоняемости:

Процесс получения *волокна анид... волокна энант;* образование *смолы капрон;* производство *волокна лавсан*; формирование *волокна капрон* (А. Конкин, Г. Биргер, Чудесные волокна).

Функцию названия выполняет также именительный падеж имени собственного или наименования, примыкающий к словам *имя, отчество, фамилия, название:*

У рабочего *по фамилии Мышечкин* рано умерла жена («Работница», 1926, № 12) [15].

Реже наблюдается примыкание в этих случаях нарицательного существительного, но именно в использовании нарицательных существительных намечается определенная активизация:

Чтобы у тебя не было заблуждений, напишу тебе кое-что о науке *под названием бой.* Как говорит устав,— это искусство (Из газет, 1964); Но есть ли книги для работы с подростками? Книги, в которых было бы подробно рассказано, что же происходит с человеком *по имени подросток,* что он любит, чего не любит, к чему стремится, в чем состоят его сложности? (Из газет,

---

[15] Ср.: к одному петербургскому чиновнику *по фамилии Орлову* (А. Чехов, Рассказ неизвестного человека).

1965); Ершей в наших водах много: обыкновенные, донские, тихоокеанские. Есть черноморские, *называемые скорпена.* На вид это какое-то колючее страшилище (Из газет, 1965).

В 40—60-е годы заметно усилилась тенденция оформлять в качестве примыкающего приложения в именительном падеже многие географические и астрономические имена собственные, например:

Дело в том, что есть *в селе Пархомовка* свой школьный музей изобразительных искусств («Юность», 1964); в районном *поселке Диканька* (Из газет, 1965).

В XIX в., а также в начале XX в. такой именительный падеж использовался еще крайне ограниченно, преимущественно при словах типа *разъезд, станция,* например:

Передаточные пассажирские поезда между *станциями Прага Тереспольская* и *Варшава Петербургская* (Вестн. мин. путей сообщения, 1896, № 41); *от ст. «Эрастовка»... до станции «Пришиб»* (Водные пути и шоссейные дороги, 1913, № 1).

Ср., однако: ...Были устроены мощеные пути и к железнодорожным *станциям Валуйкам, Палатовой, Принцевке* и пр. (Там же).

22. Особый случай употребления одиночного атрибутивного именительного представляет собой использование существительного *номер,* сопровождаемого в свою очередь либо несогласованным числительным, либо согласованным порядковым прилагательным, например:

— Смотри, Анатолий,— сказал спокойно Кренкель,— у тебя грамота *номер один.* Значит, ты Герой Союза *номер первый!* Поздравляю! («Юность», 1964).

В конце XIX и начале XX в. более распространенным, обычным было использование согласуемого порядкового прилагательного не только в препозиции, но и в постпозиции, например:

На основании приказа за *номером сто двадцатым* предложено вам танцевать! (А. Чехов, Ворона); На другой день — опять дама *нумер второй* и лакей у нее еще страшнее (В. Немирович-Данченко, Майор Бобков и его сироты); ...Затем в «Русской мысли» появилась «Палата № 6-й» — произведение поразительное по захватывающей силе и глубине (В. Короленко, Антон Павлович Чехов); Тесьмы шерстяной узкой надо бы купить... Мало и ниток черных *номер пятидесятый* (М. Горький, Трое); Это рапсодия Листа *номер второй* (А. Чехов, Забыл!!),

Количественное числительное при слове *номер* тоже встречалось, но реже.

В 20-е годы широко употребляются как согласованное порядковое прилагательное, так и примыкающее числительное:

...Кончали в буровой *номер первый* двухсотпятидесятую сажень, готовили буровую *номер второй* (Из газет, 1927); Комната *№ 5-й* (Э. Триоле, Земляничка); Мы сели в трамвай *номер*

четвертый (В. Инбер, Место под солнцем); В окнах дома *номер шесть* они увидели свет ламп (С. Сергеев-Ценский, Преображение России); В комнате у порога — товарищ с широким мандатом.— Это комната *номер четыре?* (А. Неверов, Веселые ребята).

В наши дни почти полностью победил в постпозиции именительный падеж числительного:

В доме *номер четырнадцать* было множество подъездов (А. Чаковский, Свет далекой звезды); в квартире *номер три,* находящейся в доме *номер восемь* по Лимонному переулку (И. Ильф и Е. Петров, Золотой теленок); госпиталь *номер три* (В. Ардаматский, «Сатурн» почти не виден); Камера *номер три...* в камере *номер шестьдесят четыре* (И. Мызгин, Со взведенным курком); В моей летной книжке он был записан в графу «Типы летательных аппаратов» под *номером сто двадцать четыре* (М. Галлай, Испытано в небе); Пост *номер шесть* на месте (И. Фрейлихман, Щупальца спрута); уголовное дело *номер два* (Из газет, 1965).

Такая конструкция используется и тогда, когда нумерации подвергаются более отвлеченные предметы или даже лица:

По поводу *диспута номер три* (Из газет, 1965); ужас *номер семь* (Е. Шатько, Зной); *опус номер семь* (Там же); Ким — *счастливчик номер один,* Векшин — *номер два.* Теперь — *номер три* — Батенин (М. Слонимский, Семь лет спустя).

Встречается, однако, использование порядкового прилагательного при слове *номер* и в наши дни (в терминологическом употреблении, как индивидуально-авторская черта, в целях стилизации и т. п.):

Лучшие наиболее распространенные сорта ранней белокочанной капусты — *«номер первый»* и «валватьевская» (С. Щукин, Опыты с овощами и полевыми культурами); Но тут мы подходим с читателем к тайне *номер первый* на не исследованной и не исхоженной учеными дороге судьбы великого чешского музыканта (М. Шагинян, Воскресение из мертвых); В бывшем Глинищевском переулке — сегодня улице Немировича-Данченко — под *номером шестым...* сохранилось старинное двухэтажное здание (А. Гессен, Все волновало нежный ум...); В одном из таких номеров, *в номере пятом,* останавливался в 1911 году знаменитый писатель Леонид Андреев (И. Ильф, Е. Петров, Золотой теленок).

23. Слово *номер* может опускаться, и тогда числительное в именительном падеже примыкает непосредственно к существительному, обычно предметного, но возможно и более отвлеченного значения, например:

Вам не успели написать. |Сегодня письма есть| в квартиру номер двадцать пять|и номер двадцать шесть!| — Мы из *квартиры двадцать шесть,* |письмо отдайте нам! (С. Маршак, Почта

военная); Но в одном месте дороги, у разъезда *шестьдесят семь*, глаза у пассажиров оживлялись (О. Шестинский, Озарения); Статья *девяносто* Уголовного кодекса (Из газет, 1965); ...Тотчас поступило несколько ответов: «*Пост три* — все в порядке», «*Пост пять* — ждем», «*Пост четыре* — на месте» (В. Ардаматский, «Сатурн» почти не виден); Уволили [Наседкина] по приказу *пункт сорок семь* «г», без права занимать материально ответственные должности (В. Мятежников, У нас в магазине).

В последние десятилетия в целом ряде случаев числительные используются как непосредственно определяющие существительные (без предварительной стадии со словом *номер*), ср.:

Мне напомнил об этом Илья Павлович Мазурук, когда двадцать один год спустя мы летели зимой на тот же Диксон и оттуда на «*Северный полюс-7*» («Наука и жизнь», 1966); С помощью «*Молнии-1*» уже осуществлена первая передача телевизионной программы с Дальнего Востока в европейскую часть СССР (Из газет, 1965); — Пойдешь в цех *мотор-один*. Там, правда, сейчас нужны опытные рабочие. Но я поручился, что скоро освоишь профессию (Из газет, 1964); Я смотрю на школьников, на суворовцев, на молоденьких летчиков. Где-то среди них — *Космонавт-сто*. Но где? Этого никто не знает, даже он сам (Из газет, 1962).

Не во всех, однако, случаях постпозитивное порядковое прилагательное уступает место числительному в именительном падеже. Например, в профессиональной речи летчиков, особенно при опущении нарицательного слова (*самолет, бомбардировщик, лайнер, корабль* и т. п.) используются порядковые прилагательные:

с многострадальным, дрожащим *ЛА-пятым* (М. Галлай, Испытано в небе); история на *МИГ-девятом* (Там же); испытания того же *И-шестнадцатого* (Там же); Ну как их догнать? | Можно было б на «*ИЛ-восемнадцатом*» | в Норильск полететь, | с лебедями опять повстречаться там (Е. Долматовский, Первая охота).

Ср., однако:

Мы противники тусклого. | Мы приучены к шири — | самоварами тульскими | или «*ТУ-104*» (А. Вознесенский, Репортаж с открытия ГЭС).

Что способствовало вытеснению порядкового прилагательного в рассмотренных случаях количественным числительным?

Это прежде всего практика передачи на письме слова *номер* знаком №, а не буквами. После же знака № ставятся, естественно, цифры, а не слова. А цифра неизбежно приводит к чтению ее как числительного в исходной форме именительного падежа. Особенно этому благоприятствовали случаи, когда числительное обозначало большой или дробный номер, например: *Паспорт № 550010, дом № 14/3.*

В подобных случаях образование порядкового слова или затруднительно или просто невозможно.

Имеет большое значение и высокая частотность цифровых обозначений, с которыми нам постоянно приходится иметь дело: номера домов, квартир, почтовых отделений, которые систематически воспроизводятся на конвертах и других почтовых отправлениях; номера поездов, вагонов, мест и билетов на различных видах транспорта; размеры обуви, костюмов и других видов одежды и т. п.

Возникает даже особый способ прочтения больших или по каким-либо другим причинам неудобных цифр: разбиение чисел на несколько отдельных, не более чем двузначных, например: «Бронепозде 14-69». Сюда же относится произношение телефонных номеров в больших городах: АД 1-64-25 — *А-дэ-один-шестьдесят четыре-двадцать пять* или *А-дэ-один-шесть-четыре-два-пять*.

К прочтению по отдельным цифрам приходится прибегать и тогда, когда цифровой знак начинается с нуля:

— Как она [машина] называлась раньше? — Никак. Имела шифр, как все остальные машины: МДК 3078 — машина для координации, серии три, номер *ноль семьдесят восемь* («Искатель», 1965);

— Да, это я,— сказала она.— В номере *семнадцать ноль шесть*. Жду (И. Фрейлихман, Щупальца спрута).

24. Кратный именительный падеж существительного (или числительного) в функции несогласованного определения получает в современном литературном языке все более широкое распространение. Вот характерные примеры:

Кроме того, он [Кошурников] наметил *дорогу Синарская — Челябинск* и третий железнодорожный переход через Уральские горы: *направление Янаул — Шадринск* (Б. Чивилихин, Серебряные рельсы); Недавно в Риге состоялся *матч Нонна Гаприндашвили — Алла Кушнир* (Из газет, 1965); Однако два матча ленинградцы проиграли сборной провинции Альберта *со счетом 4 : 5* и сборной провинции Британская Колумбия *с результатом 2 : 3* (Из газет, 1960).

Синтаксическая связь между членами такого кратного определения не является ни сочинительной, ни подчинительной, хотя в отдельных случаях и усматривается сближение ее то с сочинением, то с подчинением. Это — связь соположения [16].

---

[16] См.: Н. А. Янко-Триницкая. Кратный именительный в функции определения.— В кн.: «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966; Н. Ю. Шведова. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе (наблюдения над языком газеты).— ВЯ, 1964, № 2; Она же. Активные процессы в современном русском синтаксисе (Словосочетание). М., 1966; Она же. Об аналитических конструкциях в системе словосочетаний. «Вопросы культуры речи», вып. 7. М., 1966.

Конструкция «существительное любого числа в любой падежной форме + два (или больше) соположенных существительных (или числительных) единственного (реже множественного) числа в именительном падеже» — может выражать различные отношения.

Два основных типа отношений, выражаемых данными конструкциями, при незамкнутом круге определяемых можно охарактеризовать как отношения пространственные и отношения социативные (взаимодействия). Особый тип отношений при замкнутом круге определяемых представляют отношения количественные.

Значение того или иного вида отношений в данной конструкции находится в зависимости от семантики определяемого и определяющих, которые в свою очередь взаимно обусловлены, т. е. определенный лексико-семантический круг значений определяемого допускает связь только с определенным кругом определяющих и наоборот. Так, например, слово *магистраль* допускает в качестве определяющих только названия географических пунктов или их эквиваленты. А соположенные имена собственные могут примыкать только к существительным со значением взаимодействия типа *партия, встреча, матч* и т. п.

25. Конструкция с кратным именительным, имеющая пространственное значение, возникла в период начавшегося в дореволюционной России интенсивного развития железнодорожных и водных путей сообщения, когда появилась настоятельная потребность обозначать границы различных отрезков этих путей. Базой для появления этой конструкции послужили всевозможные графические обозначения в таблицах и циркулярах, например:

Главнейшие изменения в сети жел. дор. в 1906 и 1907 годы:
Уч. Знаменка — Елисаветград (48 вер.)
Уч. Сарны — Ровно (82 вер.)
Уч. Андреевцы — Седлец (176 вер.)
Уч. Инокентьевская — Иркутск (6 вер.) и т. д.
(Вестник Екатерининской жел. дороги, 1907, № 6).

Однако как синтаксическая конструкция кратный именительный пространственного значения в конце XIX в. еще только зарождается. Даже в специальной литературе при потребности указать на определенные отрезки пути используются преимущественно предложно-падежные конструкции и сложные прилагательные, например:

От город*а* Либав*ы* до город*а* Газентоп*а*; прямое сообщение Варшав*ы* с Москв*ой; Риго-Орловская* железная дорога; *Ярославско-Рыбинская* линия и т. п.

И только изредка начинает использоваться новая конструкция с кратным именительным. Прежде всего, при слове *участок* и реже при некоторых других словах, например:

Об открытии движения на *ветвях: Купянск — Лисичанск — Рузаевка — Пенза* и *на линии Балашево — Харьков* (Вестн. мин. путей сообщения, 1896, № 1).

С начала XX в. значительно расширяется круг возможных определяемых слов. Так, кроме слов *участок, линия, ветвь, путь,* можно встретить и такие, как *маршрут, канал, перегон, соединение* и др.:

Возьмем для примера проект гастрольной поездки в Сибирь, с *маршрутом С.-Петербург — Вологда — Вятка — Томск — Барнаул* (Изв. Всероссийского шахматного общества, 1914, № 1); Шлюзованное водное *соединение Ангара — Лена* (Водные пути и шоссейные дороги, 1913, № 3).

В это время среди определяемых слов встречаются не только названия отрезков пути, но и названия процессов, совершаемых на данных отрезках пути: *движение, пробег, рейс, перелет,* (водное, железнодорожное) *сообщение* и т. п., например:

Совершены перелеты на большие расстояния, из которых самый длинный — *перелет Лондон — Манчестер* (Летание, 1910, № 2).

В этот период среди определяемых слов начинают попадаться слова со значением пространства и предмета, имеющего отношение к железнодорожному и водному транспорту, например:

...Я поселился бы в Таганроге года на два, на три и занялся бы *районом Таганрог — Краматоровка — Бахмут — Зверево.* Это фантастический край (А. Чехов, Письмо П. Ф. Иорданову от 25 июня 1898); Возможный *фрахт Барнаул — Петербург...* составит не более 28 коп. с пуда (Водные пути и шоссейные дороги, 1913, № 6); Лоцманская карта р. Волги *плеса Рыбинск — Нижний Новгород* (Заглавие издания, Казань, 1913).

26. В послереволюционное время круг возможных определяемых для выражения пространственных отношений делается необычайно широким и непрестанно продолжает расширяться:

а) На первом месте по распространенности стоят существительные, обозначающие предметы, линейно протяженные в пространстве: *дорога, железная дорога, автодорога, линия, авиалиния, путь, маршрут, магистраль, трасса, космотрасса, тракт, ветка, ветвь, перегон, автострада, отрезок, тоннель, канал, участок, дистанция, переправа, шоссе,* (воздушный) *мост, рубеж, перевал, направление* и т. п.; *провод, путепровод, нефтепровод, газопровод, трубопровод* и т. п.

Похохатывая, он [Кошурников] рассказал о работе молодых инженеров *на дороге Тайшет — Братск — Лена, на трассе Янаул — Шадринск* (В. Чивилихин, Серебряные рельсы); Хор ездил *по линии Мурманки — Колчаново — Токари — Петрозаводск* («Музыка и быт», 1927).

Очень широко в качестве определяемых выступают существительные, обозначающие пространство, ограниченное известными

пунктами, например: *район, треугольник, трапеция,* (жилой) *массив, зона, земля, круг* и т. п.:

— Я действовал *в треугольнике Львов — Станислав — Дрогобыч* (В. Ардаматский. «Сатурн» почти не виден); *В районе Чигирин — Черкассы,* в знаменских лесах (Ф. Фомин, Записки старого чекиста); Не случайно недавнее высказывание премьер-министра *земли Северный Рейн — Вестфалия* Мейерса (Из газет, 1960).

в) В качестве определяемых выступают существительные, обозначающие движение, причем определяющие указывают на конечные или промежуточные пункты этого движения. Здесь возможны такие определяемые: *сообщение, полет, перелет, пробег, велопробег, мотопробег, переход, рейс, гонки, экспедиция, рейд* и т. п.:

Беспересадочное пассажирское *сообщение Пенза — Калуга — Москва* (Из газет, 1922); *Велопробег Колбовка — Сталинград — Москва* («Женск. журн.», 1928); Находясь в море в *рейсе Вентспилс — Гавана...* (Из газет, 1960).

Возрастает и количество выступающих в качестве определяемых существительных, указывающих на различные предметы, связанные с движением по определенному маршруту: *поезд, трамвай, автобус, каюта, билет* и т. п.:

Когда голос из ящика объявил посадку на *поезд Батуми — Москва,* женщина, крепко сжав руку девочки, другой подняла чемодан (Н. Дубов, Сирота); Шел *скорый Приморск — Москва* (И. Фрейлихман, Щупальца спрута); *Телефон Нижний — Вятка* (Из газет, 1929); У каждого есть своя навязчивая идея. Например, увидеть *столб Европа — Азия* («Юность», 1966).

Определяющие слова представляют неограниченный ряд, состоящий прежде всего из географических названий. Но этот ряд расширяется за счет наименований и нарицательных существительных, указывающих на конечные или промежуточные пункты, например:

...Традиционная ежегодная гонка лыжных городских команд на *дистанции: Зимогорск — Рудник — Аэропорт* (Л. Кассиль, Ход белой королевы); ...станете участниками телевизионного *рейда «завод — вагон — поле»* (Телепередача, Москва, 1965).

На базе конструкций с пространственными отношениями возникает переносное употребление этих конструкций, когда в качестве определяемого выступают слова типа *круг, ось, угол, цепочка, треугольник* и под., а в качестве определяющих выступают слова, указывающие на связь между определенными предметами, но не пространственного, а временно́го или общественного характера:

Закулисный сговор Западной Германии с франкистской Испанией невольно воскрешает в памяти пресловутую *ось «Берлин — Мадрид»,* военный союз Гитлера с Франко (Из газет,

1960); Существует *треугольник: производитель, продавец, покупатель* (Из газет, 1965); *В цепочке подросток — семья — завод* не должно быть пропущенных звеньев (Из газет, 1964); Видимо в их [германских милитаристов] представлении история может идти только по одному и тому же *кругу: война — поражение — собирание сил — новая война* (Из газет, 1965); В эту ночь *радиоцепочка Бабакин — Марков — товарищ Алексей* работала с полной нагрузкой (В. Ардаматский, «Сатурн» почти не виден).

27. Использование конструкций с кратным именительным в социативном значении возникает несколько позже, но их возникновение тоже связано с графическими записями — записями шахматных партий и состязаний. Так, в конце XIX в. в специальных шахматных журналах можно встретить такие записи сыгранных партий:

Партия 2-ая (22 дек.): *Стейниц — Чигорин*... Признана ничьей на 32-м ходу (Шахматное обозрение, 1892, № 7).

Однако значительно чаще, даже в лаконических записях партий, используются предложно-падежные конструкции трех типов: «матч по телеграфу *между* М. Чигорин*ым* и В. Стейниц*ем*», «в партиях Гельсингфорс*а* с Дерпт*ом*», «партию Д. Н. Павлов*а* *против* Р. А. Фалька».

В начале XX в. кратный именительный с социативным значением распространяется в шахматной литературе уже как особая синтаксическая конструкция, чему весьма способствовало отсутствие единого способа для обозначения участников партии или матча:

О том же говорят и телеграфные состязания между различными городами, которые возродились в *матчах Томск — Омск — Семипалатинск* (Международный шахматный конгресс в память М. И. Чигорина, 1910); Внимание жюри остановилось на *партии Изюбинский — Боголюбов* и *партии Изюбинский — Лоран* (Шахматное обозрение, 1910, № 93—95); В одной из партий *матча М. Н. Шебаршин — М. Т. Воробьев* (Шахматный вестник, 1916, № 19—20) и т. п.

Однако и в эти годы в шахматной литературе еще преобладают предложно-падежные конструкции, например:

Окончание партий по телеграфу *между* Париж*ем* и Вен*ой* (Шахматное обозрение, 1903, № 60—61); Матч В. Ф. Острогск*ого* *с* М. Ю. Шольц*ем* (Шахматное обозрение, 1904, № 67).

Круг определяемых еще ограничен двумя-тремя словами: *партия, матч, матч-турнир.*

В настоящее время круг определяемых существительных в конструкциях социативного значения заметно расширяется. В него включаются все новые и новые слова с общим значением взаимодействия и объединения: *партия, матч, матч-реванш, полуфинал, встреча* (не только спортивная), *альянс, дуэт, пакт, союз, соревнование, поединок, сочетание, переписка, сообщество, ни-*

чья, торг, коллизия, комбинация, отношение; пара, дело, история и т. п.

В *матче* по радио *СССР — США* (1945) *партия Ботвинник — Денкер* после 12-го хода пришла к позиции на диагр. 427 (Г. Левенфиш, Книга начинающего шахматиста); товарищеский *матч* по гимнастике *СССР — Япония* (Из газет, 1965); *Встреча Петросян — Глигорич* после трех ходов закончилась победой Петросяна (Из газет, 1954); к созданию прямого военного *союза Вашингтон — Бонн* (Из газет, 1960); Атомный *торг Бонн — Вашингтон* (Из газет, 1965); интересную психологическую *коллизию Смолин — Кривозуб* (В. Кетлинская, Испытание души); ...Я бы на их месте вот в подобной *комбинации Лагунов — Андрианов* поступал по-другому (А. Первенцев, Честь смолоду); Радио передает *дуэт*: *Гагарин — экипаж корабля* (Из газет, 1965); Позволю себе остановиться на *инциденте Долгоруков — Одоевский* (П. Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина); От прежних трогательных *отношений «учитель — ученик»* не остается и следа (Из газет, 1966); Все, как в *истории Печорин — Грушницкий*, началось с забавы (Из газет, 1966).

В функции определяющих в этой конструкции выступают прежде всего имена собственные, обычно фамилии людей, а также наименования команд и названия представляемых ими городов и государств.

Возможность использования в конструкции с социативным значением географических названий приводит к тому, что значения социативные сближаются со значением процессуально-пространственным настолько, что их трудно бывает порой разграничить, например:

И вот *телефонный разговор Прага — Краснодар* состоялся (Из газет, 1964); Космическая *телепередача Владивосток — Москва* (Из газет, 1965); *Телефонная связь Одесса — Киев — Москва — Одесса* не размыкалась (Из газет, 1965).

28. Новой ступенью развития конструкций с кратным именительным социативного значения являются конструкции, в которых устанавливаются отношения или связи между различными предметами и понятиями. При этом в качестве определяемых выступают преимущественно слова неконкретного значения, указывающие на самые разнообразные связи или отношения предметов: *проблема, зависимость, соотношение, структура, схема, комплекс, комбинация, противопоставление, система, связь, класс, бином, контраст, координаты, оппозиция, параллель, симбиоз* и т. п.

В качестве определяющих членов выступают нарицательные существительные самого широкого семантического круга — от названий конкретных предметов (в том числе и одушевленных) до названий отвлеченных понятий:

Проблема «Солнце — Земля» стала одной из важнейших в

современной астрономии и геофизике (Из газет, 1963); Существует как бы две пары *связей: писатель — читатель* и обратная: *читатель — писатель* (К. Ваншенкин, «Поэта неведомый круг» [заглавие в кавычках]); ...Изучение *системы «вирус — клетка»* на молекулярном уровне оказалось чрезвычайно плодотворным («Наука и жизнь», 1965).

Изредка в функции определяемого встречаются существительные конкретного предметного значения, например:

Заметное оживление возле *аппарата «искусственное сердце—легкие»* («Наука и жизнь», 1965).

Конструкция с кратным именительным социативного значения настолько распространяется, что все новые и новые существительные втягиваются в нее, все новые и новые оттенки отношений она может выражать:

И комсомольский комитет решил провести собрание о любви, на котором рассмотреть *вопрос «Валентин — Марийка»* (В. Цонев, Девушка из нейлона, пер. с болг. Н. Лабаковского); Его приятели по заводу Яцков и Казаков свершают следом за ним точно такой же *ритуал «стакан — огурец»* (Из газет, 1965).

29. Полной самостоятельности кратный именительный достигает, когда определяемого слова нет и оно не может быть вставлено. Так, кратный именительный самостоятельно может выступать в качестве подлежащего, когда он выражен именами собственными и их эквивалентами (наименованиями и географическими названиями). В этих случаях отсутствием союза выражается взаимодействие, а характер взаимодействия передается глаголом-сказуемым или наличием второстепенных членов, указывающих на подразумеваемое сказуемое:

После спокойной маневренной борьбы *согласились* на ничью *Крогиус — Гургенидзе* и *Багиров — Авербах* (Из газет, 1960); В полуфинале у мужчин *встречались ЦСКА — СКИФ* и *«Динамо» — «Крылья Советов»* (Спутник любителя футбола, 1963); *Впереди Белоусова — Протопопов* (Из газет, 1966).

Эмансипируясь от определяемого существительного, кратный именительный может примыкать к наречию и использоваться как уточняющее обстоятельство:

Выполнение торговых заказов, так сказать, напрямую: *«магазин — предприятие»* ставит производство под придирчивый контроль покупателей (Из газет, 1965); Схема была определена так: *работа — урожай — эмоции — наблюдения — мировоззрение* (Из газет, 1965).

Конструкции с кратным именительным, представленным числительными, распространились в русском языке позже, чем конструкции с кратными существительными.

В математическом языке подобные отношения между числами передаются в устной речи предложно-падежной конструкцией с предлогом *к*, например:

Отношение семидесяти двух к тридцати.

Теперь находим *отношение* $\frac{\textit{числа благоприятных случаев}}{\textit{к числу возможных случаев}} = \frac{1}{2}$

(Я. Перельман, Живая математика).

Конструкции с кратным числительным при словах *отношение, соотношение* встречаются в различных областях науки и техники, однако, как правило, эта конструкция выражается на письме только цифрами:

У берез и сосен самая большая ширина кроны делит длину их кроны *в отношении 1 : 2*. Эта странная закономерность наблюдается не только у деревьев. *Отношение 1 : 2* мы обнаружим в целом ряде физических и физиологических процессов, протекающих волнообразно («Техн.— мол.», 1965).

Конструкция с кратным числительным господствует в области спорта. Правда, она очень ограничена в отношении лексического наполнения: в качестве определяемого здесь встречаются, в сущности, всего два синонимических слова: *счет* и *результат*. Эти слова, используемые при определяющих числительных, теоретически могут быть в любой падежной форме, как и все определяемые рассматриваемых конструкций, но практически встречаются преимущественно в формах именительного и творительного с предлогом *с*. Это еще более ограничивает данную разновидность конструкции, превращая ее в своеобразный синтаксический фразеологизм, применяемый в узкой сфере подведения итогов спортивных состязаний. Компоненты определения указывают на количество очков соревнующихся сторон, например:

«Беларусь» выиграла третью встречу: *с результатом 1 : 0* она победила в Вильнюсе местную команду «Спартак». *Со счетом 3 : 1* команда киевского «Динамо» выиграла на своем поле у московского «Локомотива» (Из газет, 1960).

Однако возможность употребить в данном случае конструкцию с предлогом *на* не исключена и в наше время:

Первая половина игры кончилась *со счетом «один на ноль»* в пользу германской команды (Ю. Олеша, Зависть); *Счет* здесь пока *полтора на пол-очка* (Комментарий к шахматному матчу, телепередача, 1965).

В непринужденной устной речи возможно опущение определяемых слов *результат, счет*, например:

— *Один — ноль* в пользу незнакомого молодого человека,— проговорил лысеющий мужчина («Юность», 1965); — Вот это логика! *Два ноль* в твою пользу! — хохочет папа (Из газет, 1965).

30. Рост употребительности и расширение функций в современном языке конструкций с несогласованным определением в форме именительного падежа — одно из проявлений наметившейся еще в XIX в. тенденции к «свободному» функционированию синтаксических форм. Несогласуемый именительный атри-

бутивный в значительном числе случаев вытесняет согласуемые атрибутивные формы. Активизация этих форм объясняется, помимо действия таких внеязыковых факторов, как развитие техники, транспорта, спорта, средств массовой коммуникации и т. п., также собственно синтаксическими свойствами этих конструкций: их структурной гибкостью и семантической «вместимостью».

Обе рассмотренные здесь разновидности конструкций с несогласованным именительным падежом в функции определения в наше время уже утратили ту стилистическую ограниченность, которая характеризовала их первоначальное употребление.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вовлечение свободных синтаксических форм в число средств организации сложноподчиненного предложения. *Формализация союзных сочетаний, включающих лексически знаменательные слова. Активизация этих союзных сочетаний в сложноподчиненных предложениях с причинными отношениями. Синтаксическая специализация подчинительных конструкций, оформленных такими союзными сочетаниями. Развитие новой семантики в конструкциях с союзными сочетаниями. Расширение стилистических возможностей этих конструкций.*

31. Активность процесса «свободного» функционирования синтаксических форм не ограничивается сферой простого предложения. Свободные синтаксические формы имени существительного, как было показано выше, в определенных случаях специализируются на выполнении функций предлогов. Развитие возникших таким путем производных предлогов порождало новые синтаксические формы, которые становились средствами распространения и осложнения предложения.

Синтаксическое функционирование производных предлогов шло двумя путями:

1) вместе с именами существительными в косвенном падеже они создавали синтаксическую форму для распространения простого предложения (см. об этом выше, V, § 11); 2) вместе с указательным местоимением они создавали базу для образования нового подчинительного союза, при посредстве которого предложение распространялось придаточным предложением.

Параллелизм и связь этих двух способов распространения наглядно иллюстрируются примерами, где эти конструкции находятся в положении однородных членов:

И в настоящем году правительство *в связи с неурожаем, в связи с тем, что* у нас оставался неудовлетворен ряд других вопиющих потребностей, не могло прибавить значительной суммы к этому бюджету (М. В. Фрунзе, Очередные вопросы военного дела); И действительно, *в силу нашей работы, в силу того, что* объект нашей работы непосредственно жизнь человека — ошибки наши ужасны по своим результатам (Из газет, 1965).

Для развития сложного предложения в XIX—XX вв. характерен процесс образования конструкций со сложными союзами и союзными сочетаниями, формирующимися на базе наречных, отыменных и отглагольных предлогов и предложных сочетаний. В XIX в. этот процесс затрагивал в основном конструкции временно́го значения с союзом *как*. Вместе с тем в XIX в. начинается, а в XX в. продолжается процесс образования на базе союзов *что, чтобы* союзных сочетаний с участием лексически знаменательных слов.

Образование союзных сочетаний происходит двумя способами: 1) посредством распространения нового вторичного предлога субстантивированным местоимением *то* и союзом *что* (*ср.: за счет → за счет того, что*) и 2) посредством «окружения» лексически знаменательного слова, выполняющего функцию предлога: слева — несубстантивированным местоимением *то*, справа — союзом: *с целью → с той целью, чтобы*. Кроме союзов, образованных на основе вторичных предлогов, в качестве союзных средств выступают сочетания, образованные на основе лексически знаменательных слов, никогда не выполнявших функцию предлога.

32. Процесс пополнения союзных средств за счет сочетаний со знаменательными словами активно проходил в XIX в. В это время функционировали конструкции со следующими союзными сочетаниями, образованными по первой модели: уступительные — *несмотря на то, что, невзирая на то, что* (конец XVIII — начало XIX в.); *независимо от того, что* (с середины XIX в.); усилительно-выделительные и выделительно-ограничительные — *кроме того, что, мало того, что* (с начала XIX в.), *за исключением того, что, помимо того, что* (конец XIX в.); причинные — *судя по тому, что, благодаря тому, что, в силу того, что, на основании того, что, ввиду того, что, вследствие того, что* (с середины XIX в.); целевые — *ради того, чтобы* (с середины XIX в.); со значением выражения объектных отношений — *насчет того, что, по поводу того, что* (с середины XIX в.) и со следующими сочетаниями, образованными по второй модели: причинные — *по той причине, что* (с начала XIX в.); *на том основании что, под тем предлогом, что* (конец XIX в.); целевые — *с той целью, чтобы* (с середины XIX в.); *в тех целях, чтобы* (конец XIX в.); выражающие объектные отношения — *в том отношении, что* (с начала XIX в.); *в том смысле, что* (конец XIX в.); выражающие различие — *с той разницей, что, с тем различием, что* (с начала XIX в.). В XX в. этот процесс продолжается, и в число союзных средств вовлекаются сочетания с новыми знаменательными словами. Появляются конструкции со следующими союзными сочетаниями, образованными по первой и второй модели: причинные — *в связи с тем, что, в результате того, что;* целевые — *во имя того, чтобы*; уступительные — *при всем том, что вопреки тому, что;* выражающие объективные отношения — *относительно того, что, в том духе, что, в том плане, что, в свете того, что.*

33. Процесс формализации союзных средств более активно протекает в конструкциях с сочетаниями, образованными по первой модели (типа *в связи с тем, что*). В конструкциях с союзными сочетаниями, образованными по второй модели, несубстантивированное местоимение *тот*, выступающее в качестве определения, притягивает к себе определения, различного рода частицы, вводные слова, наличие которых, естественно, препятствует полной формализации союзных сочетаний этого типа. Ср., например:

Я начал с «Вестника пароходства», в котором рассказ понравился, но где напечатать его отказались *на том, и совершенно резонном основании,* что никакого отношения к речному пароходству он не имеет (М. Булгаков, Театральный роман); Наблюдались те же явления *с той лишь маленькой разницей, что* кон-

центрация возбуждения в ориентировочном центре продолжалась и после прекращения постороннего раздражения (Павловские среды, 1933).

34. Вовлечение в число средств связи сложноподчиненного предложения новых союзных сочетаний двух выделенных выше типов не было процессом простого пополнения репертуара этих средств, оно оказало определенное влияние на структуру сложного предложения. Чем больше формализовалось союзное сочетание, тем отчетливее сказывались свойства сложноподчиненного предложения. Наиболее ярко структурные изменения обнаруживаются в конструкциях с союзными сочетаниями, сформировавшимися еще в XIX в.: эти конструкции начинают функционировать не только в исходном для них одночленном, но также и в двучленном варианте[1]. Становится более свободным место придаточного предложения по отношению к главному. Таковы, например, образованные с помощью союзных сочетаний причинные, целевые конструкции, для которых первоначально характерна была постпозиция придаточного предложения: первая часть союзного сочетания вначале была еще тесно связана с глаголом-сказуемым главного предложения. Это были одночленные конструкции сложного предложения. Позднее — ближе к началу XIX в.— связь глагола-сказуемого главного предложения с первой частью союзного сочетания ослабляется и среди конструкций с сочетаниями типа *ввиду того, что* возрастает число предложений с препозицией и интерпозицией придаточного, т. е. сложноподчиненных предложений двучленной структуры.

В предложениях же с сочетаниями типа *по той причине, что* положение придаточного по отношению к главному более постоянно, придаточное обычно постпозитивно, что обусловлено характером союзного сочетания. Тем не менее и в этих конструкциях происходит ослабление связи глагола-сказуемого главного предложения с первой, знаменательной, частью союзного сочетания: его компоненты сливаются в более тесное единство. Происходит не только количественное возрастание двучленных конструкций с постпозицией придаточного, но появляются двучленные конструкции и с препозицией придаточного (например, предложения с союзными сочетаниями *под тем предлогом, что, на том основании, что*). К началу XX в., таким образом, уже свободно функционируют одночленные и двучленные конструкции с союзными сочетаниями обоих выделенных выше типов.

---

[1] Под сложноподчиненными предложениями одночленной структуры здесь понимаются предложения, «придаточная часть которых развертывает тот или иной член главной части», а под предложениями двучленной структуры — предложения, «выражающие то или иное функциональное соотношение между придаточной и главной частью». См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX в.» М., 1964, стр. 7—8.

Примечательно, что конструкции с новыми союзными сочетаниями, сформировавшиеся уже в XIX в., в своем функционировании не проходят этапа преобладающей одночленности: они употребляются в двух своих разновидностях — как одночленные и как двучленные. Таковы, например, оформившиеся в XX в. причинные конструкции с сочетаниями *в результате того, что, в связи с тем, что*; целевые конструкции с сочетанием *во имя того, чтобы.*

35. Очевидно, что самый процесс вовлечения лексически знаменательных слов в число средств синтаксической организации сложного предложения, протекавший в XIX в. и активизировавшийся в языке нашего времени, был вызван потребностью в более точном и специализированном выражении связей и отношений между разными явлениями и фактами общественной жизни. Эту потребность уже не удовлетворяли «простые» — первичные — подчинительные союзы, слишком абстрагированные и многозначные. Особенно «беден» был состав первичных причинных союзов. Не случаен поэтому факт интенсивного пополнения новыми — семантизированными — союзами именно причинных конструкций.

К началу XX в. в языке функционировали причинные конструкции, передававшие разнообразные оттенки причинных отношений,— благодаря участию в этих конструкциях союзных сочетаний, включающих знаменательное слово: *ввиду того, что* — со значением логической связанности причины и следствия; *благодаря тому, что* — со значением причины, способствующей, благоприятствующей реализации действия главного предложения; *вследствие того, что* — со значением логической неизбежности следствия при наличии указанной причины; *в силу того, что* — со значением акцентуации данной именно причины [2]; *судя по тому, что* — со значением причины как результата определенных размышлений, наблюдений; *на основании того, что* — со значением обоснования действия главного предложения; *по той причине, что* — со значением указания на определенную причину; *под тем предлогом, что* — со значением мнимой или вымышленной причины; *на том основании, что* — со значением обоснования.

Этот ряд союзных сочетаний с общим значением причины позднее, в XX в., пополняется сочетаниями *в связи с тем, что* и *в результате того, что.*

В одних союзных сочетаниях причинные отношения выражаются более обобщенно (*ввиду того, что, в силу того, что, вследствие того, что, по той причине, что*), в других — более конкретно, индивидуализированно (*под тем предлогом, что, на том осно-*

[2] Ср. в «Первоначальном варианте предложения ЦК РСДРП Второй социалистической конференции», пункт 11: «Именно на почве *данной* войны, в силу того, что она является империалистической со стороны *обеих* групп воюющих «великих» держав, должно было вырасти и выросло то явление...» (В. И. Ленин, Первоначальный вариант предложения ЦК РСДРП, 1916; выделено В. И. Лениным). В окончательном варианте эта фраза выглядит так: Но на почве данной войны, именно потому, что она является империалистской... (В. И. Ленин, Предложение ЦК РСДРП, 1916).

вании, что, в результате того, что, судя по тому, что, благодаря тому, что, в связи с тем, что). Вместе с тем бóльшая семантизация причинных отношений в конструкциях с союзными сочетаниями — по сравнению с более «старыми» разновидностями причинных конструкций — связана еще и с тем, что знаменательное слово союзного сочетания часто находится в определенных семантико-синтаксических отношениях со сказуемым главного, а также придаточного предложения. Так, в конструкциях с союзным сочетанием *судя по тому, что*, в которых причина появления, совершения действия главного предстает как результат определенных наблюдений, размышлений, сказуемое главного предложения выражается обычно глаголами *решить, предположить*, или в предложение включаются вводные слова со значением предположения: *вероятно, очевидно, по-видимому* и т. п., например:

Пароход приближался, но людей на нем не было видно, однако, *судя по тому, что* он направлялся прямо к льдине, рыбаки решили, что их заметили (А. Беляев, Продавец воздуха); *Судя по тому, что* актерам читался отрывок из Антуана, речь шла, по-видимому, о движении молодого театра вперед в смысле лишь эволюции форм, найденных Художественным театром (В. Мейерхольд, О театре); Очевидно, у него очень болит нога, *судя по тому, что* он ни разу не выходит на стоянках (М. Алигер, Чилийское лето); Это были так называемые «покаянные таблички», которые вывешивались в храмах и как бы доводили до всеобщего сведения о тех прегрешениях, которые совершили подносившие их. *Судя по тому, что* в большинстве случаев назывались женские имена, вероятно, грешницами являлись гиеродулы — жрицы южноарабских храмов (Ю. Крачковский, Над арабскими рукописями).

В конструкциях с сочетаниями *насчет того, что, относительно того, что, по поводу того, что* наблюдается еще бóльшая семантическая дифференциация, которая достигается тем, что данное союзное сочетание «сопутствует» сказуемому с определенным лексическим значением. Так, с глаголами или существительными со значением чувства в главном предложении употребляется преимущественно сочетание *по поводу того, что*. В роли сказуемого выступают глаголы *возмущаться, сокрушаться, иронизировать, сетовать, беспокоиться, умиляться, вздыхать*, а также сочетания с глаголом *выражать*: *выражать сожаление* (*удовольствие, разочарование, удивление* и т. п.):

Да и почему должны беспокоиться представители тех или других воззрений *по поводу того, что* могут существовать воззрения, с ними несогласные? (Собрание речей депутатов Гос. Думы I и II созыва); С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство «чистой утопией» и зубоскались *по поводу того, что* социалисты обещают каждому право

получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. (В. И. Ленин, Государство и революция, 1917); Вероятно, вы не умиляетесь *по поводу того, что* администратор гостиницы ледяным голосом отвечает вам, приезжему:— Гражданин, мест нет и не предвидится (Из газет, 1965); Николай Евгеньевич выразил удивление *по поводу того, что* ни в одном учебнике об этом методе не сказано ни слова (Ю. Герман, Повесть о о докторе Николае Евгеньевиче); В Бонне выразили разочарование *по поводу того, что* разногласия в НАТО не позволили увидеть свет так называемому «совместному заявлению западных держав по Германии» («За рубежом», 1965); Вспоминаю, что во время разговоров за столом Бредли несколько раз выражал сожаление *по поводу того, что* среди собравшихся нет генерала Патона (И. Конев, Сорок пятый год).

В конструкциях с сочетанием *относительно того, что* сказуемое главного предложения имеет значение мысли, мыслительной деятельности, в конструкциях с сочетанием *насчет того, что* — значение речи, речевой деятельности, ср.:

Советское правительство разделяет выраженные в меморандуме соображения *относительно того, что* посредством Организации Объединенных Наций можно с успехом принять меры к прекращению так называемой холодной войны и способствовать укреплению мира (Из газет); В обкоме словом не обмолвились *насчет того, что* райцентр расположится под боком у совхоза (Н. Вирта, Возвращенная земля).

36. Семантическая дифференциация придаточных предложений в зависимости от лексического значения слов, выступающих в функции сказуемого главного предложения, наблюдается также в конструкциях с сочетанием *в том смысле, что*. Когда в главном предложении в качестве сказуемого или его именной части выступают качественные прилагательные и наречия, придаточное предложение имеет пояснительное значение: оно раскрывает и конкретизирует значение сказуемого главного предложения:

Вообще говоря, все понятия «личны» *в том смысле, что* мышление реально существует только как развивающееся мышление бесчисленных индивидов прошлого, настоящего и будущего (С. Кацнельсон, Содержание слова, значение и обозначение).

В других случаях сочетание *в том смысле, что* распространяет глаголы речи, мысли, мыслительной деятельности — такие, как *толковать, истолковать, понимать, разъяснять, выразиться, высказаться, отвечать* и т. п.:

Вопрос о наследовании разрешен *в том смысле, что* налоги с наследства взимаются тем государством, к которому исполнитель принадлежал (Г. В. Чичерин, Доклад о русско-германских договорах на заседании ВЦИК, 1918); Он сказал журналистам, что в Средиземном море все остается без перемен. Это можно

было понять *в том смысле, что* французский флот не выступит против Англии и вместе с тем Франция сохранит свое положение в Средиземном море после победы над Англией (В. Сухомлин, Гитлеровцы в Париже); Летчик, который постоянно вел эту машину, с полной определенностью высказался *в том смысле, что,* случись с мотором то же самое в любом очередном испытательном полете, он сам — ведущий летчик — никак не взялся гарантировать, что сумел бы благополучно добраться домой (М. Галлай, В полетах и после полетов).

37. Союзные сочетания, образованные на базе знаменательных слов, не только способствуют структурно-семантической специализации подчинительных конструкций одного какого-либо функционального типа с их участием образуются конструкции с новой семантикой — такой, которая не получала прежде специального, грамматикализованного выражения. Таковы, например, конструкции с сочетаниями *за счет того, что, в свете того, что.*

Конструкции с сочетанием *за счет того, что* появились после закрепления в литературном языке предложного сочетания *за счет.* Подчинительные конструкции с союзным сочетанием *за счет того, что* имеют значение действия или факта, ставшего источником, резервом для другого действия. Сказуемое главного предложения выражается обычно глаголами с количественным значением, или в главном предложении имеются слова, указывающие на количественные изменения. Например:

Пусть запасы нервной системы как бы остаются прежние, а между тем работоспособность коры понизилась, понизилась, очевидно, *за счет того, что* внешняя энергия не превращается в нервной ткани в соответствующий продукт (Павловские среды, 1934); Расчеты обещают, что эта система повысит производительность завода на 15—20 процентов. Такой эффект достигается *за счет того, что,* когда производство планирует машина, она держит в памяти абсолютно все и все решения принимает вовремя (Из газет. 1965).

Распространение конструкций с сочетанием *в свете того, что* связано с довольно широким рапространением предложного сочетания *в свете,* возникшего в языке публицистики в XX в. (ср.: *увидеть, представить, показать — в свете*). Подчинительные конструкции с сочетанием *в свете того, что* имеют общее значение соответствия, соотношения. Например:

В этом доме было все не так, как два года тому назад. Но *в свете того, что* происходило на фронте — тут все было правильно, на месте (Н. Емельянова, Четыре весны); Экономические данные дома-комплекса особенно показательны *в свете того, что* домашнее хозяйство в нашей стране ежегодно поглощает не менее 100 миллиардов человеко-часов (Из газет, 1964).

38. Подчинительные конструкции, организованные союзными сочетаниями, включающими лексически знаменательные слова,

претерпевают в своем функционировании не только структурные и семантические изменения, но также и изменения стилистического характера. Их стилистический диапазон расширяется. Многие из этих конструкций употреблялись первоначально в деловой речи. Позднее они проникают в другие стили — научный, научно-публицистический, в авторскую речь писателей.

С деловым стилем связано появление, например, конструкций с сочетаниями *ввиду того, что, на том основании, что, с той целью, чтобы, по той причине, что, в связи с тем, что, вследствие того, что, в силу того, что.*

В публицистическом стиле с середины XIX в. начали употребляться конструкции с союзными сочетаниями *благодаря тому, что, в том отношении, что, с той разницей, что, тот факт, что, то обстоятельство, что, ради того, чтобы, во имя того, чтобы, относительно того, что, по поводу того, что, кроме того, что.* Позднее, в конце XIX — начале XX в., конструкции с этими сочетаниями распространяются в других стилях: научном, научно-публицистическом, а также в авторской речи произведений художественной литературы. Примечательно, например, что, по-видимому, А. Чехов воспринимал обороты с сочетанием *тот факт, что* как книжные. Он писал, например: «Сегодня я получил Ваше письмо и немедленно отвечаю. Прежде всего констатирую *тот факт* (как говорят ученые...), *что* я нездоров» (Письмо Н. А. Лейкину, 26 янв. 1887).

Вот несколько иллюстраций употребления конструкций с сочетаниями *тот факт, что, то обстоятельство, что* в авторской речи современных писателей:

Только то обстоятельство, что у Теплова одна рука была на перевязи и он еще считался на положении раненого, спасло его от пощечины (А. Толстой, Восемнадцатый год); Лазарев совсем повеселел. Видимо, догадывался, что Локотков, поверив ему, успел и проверить. Этому порукой был *тот факт, что* его трофейный автомат остался у него (Ю. Герман, Операция «С Новым годом»); Огорченный, измученный ожиданием и несбывшимися надеждами, Петряков отмахнулся *от того факта, что* дивизия существовала пока лишь на бумаге (О. Кожухова, Ранний снег.); Оказывается, виноваты были не одна только метель, не одно только *то обстоятельство, что* я из Владимира вышел, не поев как следует, и потому быстро обессилел (В. Солоухин, Каравай заварного хлеба).

Свидетельством утраты этими конструкциями их первоначальной стилистической замкнутости служит проникновение их в разговорную речь. Ср. в речи персонажей художественных произведений:

Наш корабль является вершиной современной техники, но он далеко не совершенен. Возьмите, например, *тот факт, что* мы не можем ни на один час задержаться на Марсе (Г. Мартынов,

Звездоплаватели);— *То обстоятельство, что* больница отсюда шестьдесят пять верст, еще не дает права держать больных таким... таким... безобразным способом (А. Караваева, Лесозавод).

Еще свободнее расширяют сферу своего функционирования конструкции с такими союзными сочетаниями, в состав которых входят слова экспрессивно окрашенные: *ради того, чтобы, во имя того, чтобы, благодаря тому, что, мало того, что:*

Потом было наступление, и была высотка, откуда Варя наблюдала битву, и была клятва, если понадобится, умереть ради человеческого счастья, *ради того, чтобы* на земле больше не повторялся ужас войны и смерти (И. Петров, Будьте красивыми); *Благодаря тому, что* температура поднималась так же равномерно, как и опускалась, я избег обмораживания (А. Беляев, Продавец воздуха); Люди в кабине так и не знают, что подвезли случайного попутчика, и *мало того, что* подвезли, вероятно, спасли от замерзания (В. Солоухин, Каравай заварного хлеба); Кто дал право человеку калечить и безобразить землю *ради того, чтобы* какой-то Трощенко слюнявил по ночам ассигнации (К. Паустовский, Повесть о лесах); И это правильно, что я толстый обрубок! *Мало того, что* обрубок, еще и дурак (Ю. Герман, Дело, которому ты служишь); Воздух бы у меня менялся в комнате, *благодаря тому, что* я топила бы печку (Пример из канд. дисс. А. А. Никольского «Очерки по синтаксису русской разговорной речи», Л., 1966); Счет стал уже 2 : 2 *благодаря тому, что* наши защитники стали чаще и больше бросать по воротам (Репортаж по телевидению о хоккее, 1966).

Но и конструкции с союзными сочетаниями более книжного характера утрачивают постепенно эту свою специфичность, о чем свидетельствует их употребление в устных высказываниях — в разных речевых ситуациях:

Что получилось *в результате того, что* не прислушались к голосу сотрудников? (Из выступления на собрании, 1965); Внешние отношения могут усиливаться *за счет того, что* возникает это изображение (Из выступления на научном заседании, 1965); Она [статья] занимает особое место в сборнике, *в том смысле, что* здесь поставлен ряд других проблем (Из выступления на научном заседании, 1965).

Ср. также в речи персонажей художественных произведений, в записях устных высказываний, в контекстах, имитирующих разговорную речь:

— Не отбыл!— шепнул Артур.— Почему?— *По той причине, что* четвертого утром на петроградском аэродроме приземлился частный американский самолет личного пользования капиталиста Джека Кресслинга (М. Шагинян, Месс-Менд); Н. П. Павлов: Летний перерыв ему [псу] пособил? М. К. Петрова: *В том смысле, что* прежнего тяжелого состояния не было (Павловские среды, 1934); Но вот уже чего мы не боялись — это что собрание

пойдет «не туда». Почему? Да, наверное, *по той самой причине, что* дети у нас «непуганые» (Из газет, 1964).

39. Таким образом, активное функционирование в языке нашего времени свободных синтаксических форм оказывает заметное воздействие на организацию и семантику сложноподчиненного предложения. С постепенной формализацией, все большей степенью «осоюзивания» сочетаний, включающих лексически знаменательные слова, связаны возникновение и рост употребительности наряду с одночленными — двучленных, синтаксически и семантически расчлененных, сложноподчиненных предложений. Участие в составе «новых» союзов лексически знаменательных слов (вступающих обычно в семантическое взаимодействие со сказуемыми данного сложного предложения) — одно из проявлений тенденции к семантизации грамматических средств связи. Конструкции, организованные такими союзами, более специализированно, чем конструкции с соответствующими простыми союзами, выражают разнообразные семантические оттенки; создаются, кроме того, подчинительные конструкции с новыми значениями, ранее не имевшими грамматикализованного выражения. Вместе с тем показателем активного усвоения этих конструкций литературным языком служит постепенное преодоление ими их прежней стилистической замкнутости узкими рамками делового стиля.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции. *Парцелляция структурно-облегченная и структурно-затрудненная. Развитие парцеллированных конструкций. Структурно-синтаксические и стилевые показатели этого развития.*

40. Под парцелляцией здесь имеется в виду синтаксическое явление, которое принято называть присоединением (см. дальше более точное определение).

Парцеллированные конструкции широко распространены в разных стилях современного русского литературного языка. Вот лишь немногие примеры:

Встреча с солнцем — это чудо из чудес. И она настолько прекрасна, что ее ничто не должно омрачать. Лишь бы солнце от меня не закрывали. *Потому, что оно дает мне жизнь, пищу, красоту.* Я хочу любоваться солнцем и всем тем, что оно рождает, и, любуясь, творить, ибо человек и рожден для творчества.

Человек встречается с солнцем для того, чтобы творить, прежде всего творить свою жизнь. *Не просто жить, а творить светлую жизнь.* Человек и возник из вечной тьмы, чтобы творить себя, творить мир и благо. *Для себя и для всех* (А. Шахов, Встреча с солнцем); Реклама. *Броская, лаконичная, остроумная, запоминающаяся. На дорогах, на крышах, на стенах* (В. Некрасов, Первое знакомство); Слово у Платонова стенографирует первое, самое первое впечатление человека о мире. Впечатление синтетическое. *Нерасчлененное. Еще не тронутое анализом* (В. Турбин, Мистерия Андрея Платонова); Все, что написано драматургами, написано для театра. А телевидение? Почему же не позаботиться и о нем! *Не создать нового типа пьесы. Монологи. Речи. Беседы. Скетчи. С учетом специфики телевидения. С ощущением, что действие происходит не за «четвертой стеной», как в театре, а в комнате, но для миллионов «немногих» зрителей* (Из газет, 1966); Самое главное — помочь нашим юношам и девушкам выковать в себе те внутренние качества, которые навеки исторически связаны с понятием «пролетарий», «большевик», «ленинец».

Научить духовной цельности. Прямоте. Скромности. Отвращению ко всякого рода стяжательству. Готовности общественное поставить выше личного. Принципиальности и непримиримости (Из газет, 1966); В этом спектакле он как бы вернулся к тому, с чего начинал (кстати в пьесе того же Розова). *К человеку.* Открылось, что в глубине души — это дитя МХАТ, это Художественный театр. *Потому что нет и не может быть в искусстве прекраснее того, что когда-то утвердил К. С. Станиславский,*— «жизни человеческого духа» (Из газет, 1966).

Выделенные курсивом синтаксически несамостоятельные отрезки текста, благодаря их интонационному отвлечению от синтаксически господствующей части данного высказывания, приобретают несомненную смысловую и эмоциональную выразительность. В этом легко убедиться, если в тех же конструкциях «выровнять» интонацию, устранить разделительную паузу (и, соответственно, заменить точку «внутренним» знаком — запятою или тире).

Одинаковые или близкие по структуре построения, отличающиеся друг от друга наличием или отсутствием парцелляции, взаимно противопоставляются, соответственно, как конструкции с экспрессивным расчленением и конструкции без такого расчленения. Ср. следующие пары примеров:

Светла ночь, на все небо — одна звезда, *розовая, моргающая в вышине* (А. Рекемчук, Берега);

Люди должны отстаивать свои убеждения прямодушно — *и не по углам, а в честном и открытом споре* («Юность», 1965);

Хотя это и Париж, сегодня его слушают русские — *те, кто когда-то вольно или невольно расстался с родиной, их сыновья, дочери и внуки, никогда не ступавшие на родную землю.* (Из газет, 1966).

И вот наступил последний предстартовый день. *Ясный, солнечный, тихий* (Из газет, 1964);

Сам Иштван два года работал в Дубне, в Объединенном институте ядерных исследований. *И не один, а с женой, которая получила у нас специальность дозиметристки* (Из газет, 1964);

Ничего не прорисовано, никаких деталей, какие-то общие массы — а вот перед тобой живой Париж. *Тот самый, который ты видел вчера, позавчера, а может, увидишь завтра* (В. Некрасов, Месяц во Франции).

Парцеллированные конструкции детализируют сообщение и в то же время делают его более обозримым, в результате чего усиливается его действенность и — в целом — возрастает информативность. Особое воздействующее значение имеет при этом достигаемый парцелляцией эффект непринужденности — благо-

даря имитации непринужденности разговорной речи, свойственной ей синтаксической и ритмической организации [1].

41. В начале главы было сказано, что под парцелляцией здесь понимается то же синтаксическое явление, которое обычно называют присоединением. Это, однако, не совсем так. Из накопившейся, особенно в последнее время, обширной литературы о присоединении очевидно, что термин «присоединение» перестал быть однозначным. Многие исследователи под присоединением понимают особый тип синтаксической связи, противопоставляемый сочинению и подчинению. Другие распределяют случаи присоединения между рубриками сочинения и подчинения [2]. Степень интонационной обособленности «присоединенной» части не всегда принимается во внимание: присоединением считают — безразлично — случаи отделения «присоединенной» части от основной части высказывания точкой, запятой, тире.

Перегруженностью и неопределенностью термина «присоединение» объясняется, почему этому термину мы предпочли термин «парцелляция» (от французского parceller 'делить на мелкие части').

В понятие парцелляции мы вкладываем более узкое содержание, чем то, которое может иметься в виду, когда говорят о присоединении. Под парцелляцией — в самом общем виде — мы будем понимать такой прием экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, существо которого состоит в расчленении синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки. Именно точка в

---

[1] Экспрессивная значимость парцелляции рельефно обнаруживается при сопоставлении текста, содержащего парцелляцию, с переводом его на другой язык: переводчик может не сохранить рассеченности, парцеллированности текста оригинала, и в этом случае текст перевода — если, конечно, не иметь в виду случаев искажения — заметно теряет в экспрессии: в нем отсутствует подчеркнутость, выделенность определенных частей, акцентированных в тексте оригинала. Приведем два отрывка из французского текста романа Л. Арагона «Коммунисты» и сопоставим их с русским переводом:

Marie Victoire était jalouse de Georgette parce qu'elle se savait en seconde position dans son coeur. *Par rapport à Cécile* (L. Aragon, Les communistes);

Нет, она ревнует Жоржетту, хорошо зная, что занимает в ее сердце второе место, *а на первом месте — Сесиль* (Л. Арагон, Коммунисты);

Marie-Adèle, gentiment, posa sa main dégantée sur la lourde patte du dogue. *Juste un instant. Celle qui portait le bracelet* tonkinois... (Там же).

Мари-Адель ласково положила руку без перчатки на увесистую лапу дога. *Руку с тонкинским браслетом.. На один только миг* (Там же).

В первом случае перевод устранил парцелляцию, во втором — сохранил (изменен только порядок парцеллированных отрезков).

[2] Или, например, Ю. С. Степанов термином «присоединение» обозначает разного рода вводные, вставные конструкции французского языка: «*Peut-être*, voudrait-il mieux...» и т. п. (см.: Ю. С. Степанов. Французская стилистика М., 1965, стр. 132—134 и др.).

принятом здесь понимании парцелляции служит сигналом экспрессивного расчленения текста (парцелляция может иметь место и при наличии не точки, а восклицательного или вопросительного знака — см. примеры ниже).

В основе парцелляции лежит подражание естественному развертыванию разговорной речи, когда речь формируется по мере течения мысли, а не является заранее обдуманной и вмещенной в готовые, законченные формулы. Но парцелляция — это прием письменного литературного языка, самым «чистым» проявлением которого является авторская речь. Естественно поэтому, что характеристика развития в языке советской эпохи приема парцелляции должна опираться на материал авторской письменной речи. Имеется в виду, следовательно, «собственное» повествование, описание, рассуждение автора художественного произведения (ограничимся при этом прозой), письменная речь авторов публицистических, научных, научно-популярных произведений, авторов мемуаров, литературно-критических исследований и т. п.

Само собой разумеется, что речь персонажей художественного произведения — в том числе и употребляемые ими парцеллированные конструкции — создание его автора. Но парцелляция в речи персонажей, не отличаясь как синтаксическое явление в принципе от парцелляции в авторской речи, имеет свою специфику — заключающуюся хотя бы в том, что парцелляцией может быть разбита конструкция, принадлежащая разным участникам диалога. Кроме того, парцелляция в речи персонажей в силу своего цитатного характера, когда автор стремится воспроизвести подлинную разговорную речь, не может уже рассматриваться как стилистический прием.

В последующем описании будут в основном использованы по возможности случаи «объективной» авторской речи писателей.

42. Парцеллированная конструкция делится на базовую структуру и парцеллят, всегда постпозитивный (парцеллятов может быть два и больше). Текст, включающий парцеллированную конструкцию, характеризуется особым — прерывистым — ритмом. У парцеллированной конструкции есть своя специфическая интонация, отличающаяся от интонации непарцеллированных конструкций [3].

Отрезком текста, в пределах которого осуществляется парцелляция, далеко не всегда является предложение — простое или сложное: «действие» парцелляции может выходить за пределы

[3] Интонация синтаксических единиц вообще, в том числе и парцеллированных (присоединительных) конструкций, как известно, очень мало изучена. Ограничимся поэтому следующей цитатой из статьи В. Ф. Мильк «Интонация присоединения в современном русском языке»: «В целом интонация присоединения прежде всего характеризуется особой экспрессивностью. При этом более яркая интонация присоединенной части по сравнению с первой частью является как бы тем заключительным аккордом присоединительной конструкции, который выделяет эту конструкцию в составе речи как законченную коммуникативную единицу» («Уч. зап. I МГПИИЯ», т. 18, 1960, стр. 244).

собственно предложения. Так, например, в первом из приведенных ниже примеров после устранения парцелляции «восстанавливается» простое предложение, а во втором — сложноподчиненное:

...Дальше есть материал для новой ноты Чемберлена. *О вмешательстве коммунистической партии в государственный аппарат* (М. Кольцов, Воронежские пинкертоны); Не пытаясь делать обобщений, расскажу об одной передаче «заморского» департамента Би-Би-Си, которая не вышла в эфир из-за того, что вышеуказанный принцип был нарушен. *И о том, как это произошло* (Из газет, 1964).

Особую синтаксическую самостоятельность приобретает парцелляция при вынесении парцеллируемой части в новый абзац:

Буду писать книги о совсем немолодом человеке, о паровозах, идущих в гору, тянущих поезда.

О ребристых крыльях, о моторах, рождающих ветер для себя (В. Шкловский, Дневник).

Для обозначения синтаксической единицы, в пределах которой осуществляется парцелляция, воспользуемся термином «высказывание» — без какой-либо специальной теоретической интерпретации этого понятия, а лишь опираясь на известное положение А. А. Потебни о том, что подлинно независимым отрезком речи является текст, внутри которого растворяется предложение [4].

43. Возможности парцелляции высказывания не безграничны. Они обусловлены спецификой синтаксического строя данного языка. Ю. С. Степанов, сопоставляя два типа речевой цепи — русский и французский,— приходит к выводу, что русская речевая цепь по сравнению с французской дискретна, свободна, открыта, тогда как французская речевая цепь недискретна, закрыта: «в ней мало узлов, в которых она может быть остановлена; относительно самостоятельные ее части сцепляются в единое целое формальными грамматическими средствами; грамматическое сочинение преобладает над бессоюзием; грамматическое подчинение преобладает над сочинением» [5]. Легко напрашивается вывод (которого Ю. С. Степанов прямо не делает), что в русском языке возможности парцелляции, расчленения речевой цепи шире и многообразнее, чем, например, во французском. Очевидно, что своей бо́льшей дискретностью русский язык отличается и от некоторых других языков. Не случаен, по-видимому, факт довольно большого числа случаев «несоблюдения» парцелляции русского текста в переводах на немецкий, чешский,

---

[4] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.— Л., 1941, стр. 96.

[5] Ю. С. Степанов. Структура французского языка. М., 1965, стр. 167; Он же. Французская стилистика, стр. 53—59, 180—183.

словацкий языки. Ср., например, два отрывка из «Виринеи» Л. Сейфуллиной с немецким и словацким переводами [6]:

Стекался народ к избе Магары. *Со всей деревни накатной, разноцветной, веселой для глазу волной.*	Das Volk strömte zur Hütte Magaras. Aus dem ganzen Dorfe flutete es als bunte, das Auge erfreuende Welle hin.	Národ sa zbiehal k Magarovmu domu. Valil sa z celej dediny ako prudký a pestrý, na pohľad veselý príboj.
Поржавели листья у деревьев, стала стынуть земля. Солнце ласково тужилось, давало тепло, но уж чуялось, не то оно, как летом. *Смирное, без жаркости. И в воздухе печаль.*	Das Laub an den Bäumen war rostbraun geworden, und die Erde begann zu erkalten. Die Sonne schien noch freundlich, sie spendete wohl noch Wärme, aber man fühlte bereits, daß sie nicht mehr dieselbe war wie im Sommer. Sie schien sanft, ohne innige Wärme, und Trauer lag in der Luft.	Zhrdzavelo listie na stromoch, zem sa ochladzovala. Slnce sa usilovalo ako najlepšie vedelo, hrialo ešte, ale bolo už cítiť že je zubatejšie ako v lete. Krotké bolo, nemalo v sebe ohňa. Aj v povetrí akási clivota [7].

Но и в отношении синтаксиса русского языка — при его несомненной дискретности — не приходится говорить о возможности применения приема парцелляции в любом месте связного текста: очевидно, что условия для парцелляции благоприятнее там, где имеет место сочинительная связь; при подчинительной же связи — там, где связь членов синтаксического ряда является факультативной, необязательной и, наоборот, парцелляция невозможна в случаях «сильной», обязательной связи, когда какой-либо член ряда требует своего распространения другим членом в определенной форме.

Это последнее положение — о разной степени допустимости парцелляции — проиллюстрируем двумя примерами.

В фельетоне, напечатанном в журнале «Будильник» (1914, № 19) под названием «Дамские знаки препинания», так пародируется «дамское» употребление точки:

[6] Русский текст — по изданию: Л. Сейфуллина. Виринея. М., 1925; немецкий — по изданию: Lydia Sejfullina. Wirinea. Berlin, 1925 (перев. Hanz Ruoff); словацкий — по изданию: Lidia Sejfullinová. Virinea. Slovenské vydavatel'stvo krásnej literatury, 1962 (перев. Magda Takáčová).

[7] Ср. также переводы на чешский язык повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда» и повести В. Пановой «Сережа»: V. Někrasov. V stalingradských zákopech. Praha, 1963. Přeložil Pavel Machonin. Věra Panová. Serjoža. Praha, 1957. Přeložila Korolina Dušková.

«Заказала себе пять новых. Шляпок. На лето уезжаем за границу. За мной ухаживает один инженер. И генерал. Слегка флиртую. С обоими».

С точки зрения допустимости парцелляции этот текст, как видим, не так нелеп и неграмотен: невозможно расчленение лишь сочетания *пять новых шляпок*, представляющего собой синтаксическое единство.

Другой пример. Известному очеркисту В. Дорошевичу свойственно было смелое парцеллирование — путем выделения парцеллята в особый абзац. Любопытно, что Дорошевич использует разную пунктуацию при отчленении «необходимо» зависимых и «просто» зависимых членов: в первом случае перед парцеллятом стоит двоеточие, во втором — точка; ср.:

Две русские дамы в купе познакомились и говорили:

О судьбе (Декадент);

Это был целиком:

— *Человек театра* (Уголок старой Москвы);

Она должна была свидетельствовать суду:

— *О душевном состоянии, в котором находится артистка после успеха на сцене* (Там же);

К спектаклю имел какое-то отношение нотариус Н., известный в тогдашней Москве, как:

— *Большой ходок по дамской части* (Там же);

Мы захотели пригласить режиссировать:

— *Самого Бурлака* (Там же);

Самое дешевое место стоило:

— *Пять копеек* (А. П. Ленский).

В антракте, когда он стоит,— на своем верхнем месте, на своей вышке, опираясь на барьер,— он кажется капитаном парохода.

Зорко следящим за «курсом» (М. Н. Ермолова);

И молодая девушка застрелилась на паперти храма Христа Спасителя.

Написав в большом письме свою жалобу (Уголок старой Москвы);

И в лавке, пока ей завертывают сосиски и мещерский сыр, она смотрит на меня.

Свысока (Там же);

Да, есть моменты, когда хочется плакать.

Потому что красота и гармония заставляют слезы подступать к горлу (Вилли Ферреро);

Сикстинская мадонна вся полна боязни.

От которой сладко сжимается сердце (Там же).

Ср. также использование двоеточия и запятой:

Владимир Немирович-Данченко пишет пьесы, которые все критики должны признать:

— *Литературными,*

То есть мало годными для сцены (М. Н. Ермолова).

44. В принятое нами определение парцелляции необходимо внести еще одно уточнение. Парцелляция — это способ расчленения речи, который, однако, неправильно было бы считать простым разрубанием синтаксически связанного текста на части или механическим отсечением последней его части. Многие случаи парцелляции могут быть объяснены именно таким образом, т. е. как результат разрубания или отсечения, когда после устранения точек восстанавливается подвергшаяся парцелляции структура — как может быть прицеплен к паровозу вагон или вагоны, чтобы составился поезд. Например:

А потом Чагатаев уезжает. *В пустыню* (В. Турбин. Мистерия Андрея Платонова); В своем дневнике почти тридцать лет назад А. А. Дейнека записал: «Художник обязан глубоко видеть и по-

нимать, чем живет его Родина. *Знать, что хотят видеть»* (Из газет, 1964); Он пишет отчет и глух ко всему на свете. *Как тетерев на току* (И. Грекова, За проходной).

Но возможны случаи парцелляции, в которых воссоединение расчлененной структуры — если иметь в виду, разумеется, нормативную структуру — возможно лишь после той или иной перестройки текста. Препятствием к непосредственному восстановлению «первоначальной» структуры может быть, например, наличие в тексте разных по форме слов, занимающих позицию однородных членов, дистантное расположение парцеллята по отношению к базовой структуре — ср.:

Хотелось яркого света, толпы, шума улиц. *Услышать изысканную речь* (Л. Сейфуллина, Четыре главы).

Интонация вопроса или восклицания, отделяющая парцеллят от базовой структуры, также препятствует воссоединению первоначальной структуры:

Вьюга рвется в окна. Как-то им?... *Тем, что затаились в тайге* (Л. Сейфуллина, Четыре главы); Какие стволы у осин! *Цвéта кошачьих глаз* (Ю. Казаков, Двое в декабре); Как обстоит дело с производством той очаровательной одежды, которую демонстрирует Общесоюзный дом моделей? *Женской, мужской, детской?* Ведь этот дом славится своими художниками (Из газет, 1966).

Сложность явления парцелляции заключается, следовательно, еще и в противоречивом его характере: синтаксически зависимая часть [8] приобретает функционально-коммуникативную самостоятельность: зависимые отрезки высказывания как бы высвобождаются из тисков структуры, в которой они возникли.

В явлении парцелляции слиты также противоположные друг другу позиции говорящего и слушающего (воспринимающего речь): говорящий расчленяет единое целое на части, слушающий, понимающий — соединяет их, восстанавливает разбитое единство.

45. Благодаря парцелляции создается дополнительная — помимо обычных синтаксических средств — возможность значительного и в то же время «легкого», не громоздкого распространения членов предложения или отдельных предложений; парцелляция используется иногда и как способ организации и уточнения синтаксических связей слов.

В следующих, например, случаях посредством парцелляции однородных членов и однородных придаточных предложений не только акцентируется каждая из этих синтаксических единиц, но и одновременно облегчается, как бы упрощается синтаксическая конструкция:

Но об одном трудно умолчать — о нынешнем Киеве, от которого Драч и его сверстники неотделимы, неотторжимы, неотрыв-

---

[8] Понятие синтаксической зависимости при парцелляции будет уточнено ниже — см. V, § 46.

ны. *О некоторых чертах и черточках быта матери городов русских. О диковинном переплетении в этом быту архивного и чего-то извечного* (В. Турбин, А вот солнца! Солнца! Кому солнца!); Я за то, чтобы писатели, серьезно и критически изучающие литературу прошлого, изучающие ее, в частности, со стороны словесного мастерства, не зачислялись в «архаисты». *Чтобы понятие литературного «консерватизма» не отождествлялось с интересом к далевской группе писателей или к самому Далю. Чтобы борьба с фальшивым словообразованием не клеймилась сомнительной кличкой «пуризма»* (К. Федин, К дискуссии о языке).

Благодаря парцелляции синтаксическое распространение члена предложения или целого предложения может быть перенесено в новый абзац:

Он знал себя, он рассчитывал на силу воли, на упорство свое, на всепреодолевающий труд. Он верил в дружбу, верил в Малый театр!

И остался актером (И. Андроников, Горло Шаляпина);

Мы подняли рюмки и чокнулись с официантом за то, чтобы с нами этого никогда больше не случилось.

Чтобы мирно колосились поля, наши и ваши. Чтобы впредь и вечно мы приезжали друг к другу только знакомиться и глядеть — что у вас хорошего? а что у вас? — да толковать о таких материях, как книги, кино, телевидение... Чтобы для жизни, а не для смерти рожали детей ваши и наши Марии... (В. Панова, Из письма).

Парцелляция части высказывания, не непосредственно следующей за словами базовой структуры, с которыми она связана синтаксически,— способствует точному, недвусмысленному пониманию синтаксических связей:

Одновременно с Валле приплыл в Москву на бумажных плотах Александр Сидорович Берман. Тоже из Кареллеса. *Заведующий экономическо-плановым отделом* (М. Кольцов, В большой московской гостиной); Утром, когда мы прощались, оказалось, что у хозяина доверчивая, милая, совсем детская улыбка. К тому же выяснилось, что он коллекционер бабочек. *С такими ручищами.* Бывает же такое... (В. Некрасов, Месяц во Франции); Рядом с ним, оказывается, сидит девушка и наблюдает от нечего делать, как он драит пуговицы. *Смуглая, с темными, очень густыми даже на вид волосами* (А. Рекемчук, Все впереди).

В следующем примере парцелляция наречия служит указанием на то, что оно характеризует все вместе названные действия, а не одно лишь последнее:

Колонисты сараи строили, ямы копали, доски возили, камни таскали, кирками камень долбили. *Упорно* (Л. Сейфуллина, Правонарушители).

Но несмотря на эти чисто синтаксические свойства и возможности, основной функцией парцелляции является функция

экспрессивного выделения той или иной части высказывания. Примечательно, что парцелляция свободно взаимодействует с другими средствами экспрессивного синтаксиса. С ее участием, например, осуществляются инверсии: требуемая коммуникативным заданием акцентуация той или иной части высказывания достигается одновременно инверсией и парцелляцией:

Тут Галлаю явно мешает «пилотская выдержка». *Испытательская* (Из газет, 1966); Она явно гордилась своим начальником и радовалась за него. Действительно, очень интересная командировка выпала ему. *И продолжительная* (Из газет, 1966).

Приемом парцелляции, когда парцеллят распространяет главный член номинативного предложения, поддерживается одно из основных экспрессивных качеств номинатива — его лаконизм. Ср.:

...Фронтовые окопы. *В болотном плывуне, в морозной кольчуге, в трещинах побледневшей от зноя земли* (Из газет, 1964); Литейный цех завода «Станколит». *Шумный и жаркий, как южный город* (Из газет, 1966).

46. В чем же существо развития в современном русском языке приема парцелляции? Ведь «присоединительные» («открытые», «сдвинутые» — по терминологии В. В. Виноградова [9]) конструкции находим еще в прозе Карамзина и Пушкина (подчеркнем еще раз, что имеется в виду исключительно авторская речь), а также более ранних писателей, не говоря уже обо всей последующей художественной прозе XIX в. — начала XX в. Но самый факт интенсивного распространения в языке нашего времени парцеллированных конструкций очевиден. Для понимания характера этого стилистико-синтаксического процесса очень важно рассматривать явление парцелляции не в статической совокупности его разновидностей, как это чаще всего делается, а в отчетливой противопоставленности двух основных групп парцеллированных конструкций: 1) конструкций, парцелляция которых структурно облегчена, и 2) конструкций, парцелляция которых структурно затруднена. Основными условиями, облегчающими парцелляцию, являются следующие: а) наличие в самом начале парцеллята специального слова — сигнала парцелляции, б) относительная грамматическая независимость парцеллята. Соответственно, условиями, затрудняющими парцелляцию, будут: а) отсутствие сигнала парцелляции, б) «сильнозависимая» форма главного члена парцеллята. И вот как раз бóльшей исторической перспективностью — в силу бóльшей их экспрессивно-информативной насыщенности — характеризуются парцеллированные конструкции второй группы — такие, парцелляция которых структурно затруд-

---

[9] См.: В. В. Виноградов. Стиль «Пиковой дамы».— В кн.: «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии». М.—Л., 1936, стр. 140—143; Он же. Стиль Пушкина. М., 1941, стр. 546.

нена. В этом смысле можно говорить о парадоксальности развития парцелляции — как всякого, впрочем, экспрессивно-стилистического средства: экспрессия в языке часто осуществляется ценой создания особого варианта общеязыковой — стилистически нейтральной — нормы (с «нарушениями» синтаксической нормы связаны инверсия, сегментация и т. п.): степень грамматической облегченности построений с парцелляцией обратно пропорциональна степени их экспрессивного и информативного воздействия. Крайние случаи парцелляции — первой и второй группы — иллюстрируются, следовательно, примерами типа:

Смотрите, сколько хороших спектаклей выпустили в последнее время наши театры. *Причем я беру примеры бесспорные, удачи, всеми признанные* (Из газет, 1966).

Через тридцать два года службы вместе он, умирая от разлуки со своим Театром, получил:— *Телеграмму!* (В. Дорошевич, А. П. Ленский) [10].

В анализе случаев парцелляции с точки зрения степени ее структурной облегченности — затрудненности должна быть учтена также роль парцеллята в синтаксической организации данной конструкции: 1) парцеллят может быть новым по отношению к базовой структуре членом (в том числе и новым предложением) и 2) парцеллят может быть словесно представлен — в виде того или иного члена предложения — в базовой структуре. Очевидно, что в конструкциях с парцеллятом — новым членом парцелляция в целом оказывается более затрудненной, чем в конструкциях с «представленным» в базовой структуре парцеллятом. Именно к конструкциям с парцелляцией н о в о г о члена применимы оба выделенных выше критерия облегченности — затрудненности парцелляции: а) наличие или отсутствие сигнала парцелляции и б) степень грамматической зависимости главного члена парцеллята; в случаях «представленного» парцеллята действие второго критерия амортизируется заданностью грамматической формы главного члена парцеллята.

Обратимся к краткому последовательному обзору парцеллированных конструкций в намеченном здесь аспекте. Первыми рассмотрим конструкции с парцеллятом — новым членом.

К о н с т р у к ц и и с о с т р у к т у р н о - о б л е г ч е н н о й п а р ц е л л я ц и е й.

1) Этот ряд парцеллированных построений открывается конструкциями, в которых парцеллят представляет собой синтаксически самостоятельное предложение, подключаемое к пред-

[10] Примеры рассечения обязательной синтаксической связи у В. Дорошевича приведены также выше (см. V, § 43). Заметим, что такого рода случаи парцелляции относятся скорее к области стилистико-синтаксического эксперимента: это своего рода окказионализмы в синтаксисе.

шествующему предложению словами и сочетаниями: *причем, притом* (и) *при этом, кроме того, более того, мало того, тем более, тем более что, впрочем ну а, ну и, и еще, да еще* и т. п., т. е. словами союзного типа с общим значением дополнения, добавления, а также специальным присоединительным союзом *да и:*

Моряку нужно острое зрение и способность по цвету берега, затянутого дымкой, определить расстояние от него до парохода. *Кроме того, нужна крепкая память* (К. Паустовский, Черное море); Подружки из техникума в первый же год после выпуска, как по команде, повыходили замуж. А Клава пишет в анкете очень странное слово — «холостая». *Мало того, даже какой-нибудь несчастной любви не произошло в ее жизни* (А. Рекемчук, Берега); Если твоя фамилия Малявкин и товарищи зовут тебя Малявкой, это еще можно пережить. *Тем более, что зовут тебя так не со зла, а просто фамилия у тебя неудачная* (Ю. Яковлев, Собирающий облака); Не всегда к советам старого коммерсанта прислушивались. *Да и не всегда была возможность их выполнять* (Из газет, 1966).

2) Парцеллят — синтаксически самостоятельное предложение, подключаемое к предшествующему предложению сочинительными союзами *и, но, а.*

А вот дорога от Васильковки на Мало-Михайловку, которая бы сразу улучшила положение около десятка деревень, сооружается нестерпимо медленно. *И ничего не делается для улучшения проселков, ведущих от центра колхоза к бригадам* (Из газет, 1966); У жизни нет пощады мечтам. *Но справедлива жестокость ее* (Л. Сейфуллина, Четыре главы); Повествование мое подходит к концу. *А о многом еще не рассказано* (В. Некрасов, Первое знакомство).

3) Парцеллят — придаточное предложение. Чаще других «паузой точки» могут отделяться от своего «главного» предложения придаточные с союзами *ибо, потому что, хотя, так что, чтобы, как, точно, как будто, если, когда* и др.[11]

Но несмотря на все зверства, становится все более очевидной полная бесперспективность для США войны в Южном Вьетнаме. *Ибо против интервентов поднялся весь народ этой страны, объединенный фронтом национального освобождения* (Из газет, 1964); Очень хочется, чтобы понял Борис Иванович правильно: это пишется в его защиту. *Потому что в цехе у него много друзей* (Из газет, 1966); Среди героев фильма виноватых по делу о предательстве не оказалось. *Хотя оказались виноватые по делу жизни* (А. Володин, Предисловие к кн. «И. Ольшанский, Н. Руднева, Киносценарии»). Из напечатавшихся в книжке я, к

[11] Л. А. Булаховский установил степень употребительности разных подчинительных союзов в присоединительной функции. См.: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Изд. 5. Киев, 1952, стр. 350.

сожалению, не знал никого. *Так что ни у кого не мог и справиться о Рудольфи* (М. Булгаков, Театральный роман).

4) Парцеллят — зависимый (в порядке факультативного распространения) член предложения, подключаемый к базовому предложению словами типа *причем, притом, при этом,* выделенными частицами, сочинительными союзами [12], а также сравнительными союзами.

Если прикинуть за год, то набежит дополнительный месячный отпуск. *Причем, заметьте, за счет государства* (Из газет, 1966); А в конце своего заявления добавляет: «Прошу к уголовной ответственности меня не привлекать». И его не привлекли. *Между прочим, напрасно* (Из газет, 1966); Очевидно, жизнь на ветряной мельнице, пропахшей мукой и старыми травами, была удивительно хороша. *Особенно на нашей воронежской мельнице, а не на мельнице Альфонса Доде* (К. Паустовский, Ильинский омут); А черные глаза тоскуют и смотрят широко. *Будто спрашивают* (Л. Сейфуллина, Четыре главы); Свинцовая и слегка матовая, она повторяет в себе арки каменных мостов, и в этой сдвоенности изображения — тоже свое обаяние Сены. *Так же, как в вязах над самой водой* (В. Некрасов, Месяц во Франции).

47. Конструкции со структурно-затрудненной парцелляцией.

1) Парцеллят — зависимый член предложения, факультативно распространяющий какое-либо слово или всю предикативную основу базовой структуры (в последнем случае парцеллятами являются свободные синтаксические формы). Это может быть определение (согласованное или несогласованное), беспредложная или предложная форма косвенного падежа имени существительного — с объектным или обстоятельственным значением, обстоятельство, выраженное наречием или деепричастием.

В полдень разбудил Анну стук в дверь. *Негромкий, но настойчивый* (Л. Сейфуллина, Четыре главы); Как-то на завод приехал студент-анархист. *Долговязый, крикливый* (Из газет, 1964); Ударная стройка. *Большой важности* (Из газет, 1965); Просматриваю записи и вижу между формулами стихи. *Несомненно, самого Вадима* (Из газет, 1966); Слово уже было найдено! *Всему тому, чему трудно было найти выражение* (Из газет, 1966); И вдруг — я не верю своим ушам — кто-то выругался по-русски. *По всем правилам. Здесь, в десяти шагах от Палаццо Дожей* (В. Некрасов, Первое знакомство); В. И. Ленин

---

[12] Эти способы подключения парцеллята к базовому предложению действительны и в отношении парцеллированных придаточных предложений, т. е. предложений с подчинительными союзами. Ср.: Думается, что большие возможности имеет финансирование строительства за счет отчисления от прибылей торговых, туристских и других организаций. *Особенно, если часть будущих доходов от деятельности туристских баз будет поступать в местный бюджет* (Из газет, 1964).

называл бюрократа самым худшим внутренним врагом. А с врагом нужно бороться. *До победы* (Из газет, 1965); Совесть меня зовет не лезть в подвал, а ехать в Россию, и хоть гвоздик свой собственный, но вколотить в истрепанный бурями русский корабль. *По примеру Петра* (А. Толстой, Открытое письмо Н. Чайковскому, 1922); Ничто не в силах заслонить ясность наших горизонтов, ясность нашей цели. Ясный день утверждаем мы на земле. *Для себя. Для будущего. Для новых поколений людей, которые будут продолжать наше дело* (Из газет, 1966); Сколько женщин в Союзе? Сто с лишним миллионов?! Значит, нам нужно двести миллионов сумок! *По одной хозяйственной и хотя бы по одной не для ношения тяжестей и продуктов* (Из газет, 1966); И отправился он строить социализм. *Куда-то на целину* (В. Турбин, Мистерия Андрея Платонова); Значит, большинство молодых людей начнет сразу же трудиться. Подготовлена ли к этому молодежь, оканчивающая школы? Материалы, добытые социологами, говорят: нет, пока не подготовлена! *Ни психологически, ни профессионально* (Из газет, 1966); В дверь стучали. *Властно и повторно* (М. Булгаков, Театральный роман); В пути, в товарном эшелоне на станции Луговая, война и отняла у нее все. *Оставив взамен одного лишь человека, которого она лишь вчера узнала для того, чтобы сегодня расстаться, как видно, навсегда* (А. Володин, Предисловие к кн. «И. Ольшанский, Н. Руднева, Киносценарии»).

2) Парцеллят — зависимый член предложения, находящийся в обязательной синтаксической связи со словом базового предложения. Парцелляты этого типа крайне редки:

После ночной отсидки опять в наробраз. *Партию в пятнадцать человек* (Л. Сейфуллина, Правонарушители).

Ср. в прямой речи:

[Шеметова] Знаешь, я думаю, мне удастся из Москвы привезти. *Стекла.* Без стекол Нюше никак нельзя, конечно (В. Панова, Сколько лет, сколько зим).

Но эти случаи — потенциальная граница парцелляции как явления синтаксиса русского письменного литературного языка.

Лишь в случаях абсолютивного употребления «сильноуправляющих» слов парцелляция зависимых членов — обычное явление, ср.:

Памятник ночью дает интервью. | *Звездам. Притихшему городу. Мне* (С. Островой, Памятник дает интервью).

Таким образом, основными типами парцеллированных конструкций данной группы являются конструкции с парцеллятом — новым, факультативно зависимым по отношению к базовому предложению членом, вводимым в конструкцию без союзов или других средств связи. Именно эти разновидности парцеллированных конструкций являются в русском письменном литературном

языке (в авторской речи) более поздними и более перспективными, развивающимися [13]. Их активизация—наряду с развитием других средств экспрессивного синтаксиса — связана с ростом в наше время адресованности письменной речи к массовому читателю и слушателю. Как легко убедиться, сопоставив случаи структурно затрудненной парцелляции со случаями облегченной, «обозначенной» парцелляции, при затрудненной парцелляции, когда зависимый член выделяется только «паузой точки», достигается бóльшая доходчивость и бóльшая эмоциональная насыщенность сообщаемой информации. С точки зрения структурно-синтаксической, активизация употребления зависимых отрезков речи в позиции самостоятельного предложения — одно из проявлений общей для нашего языка тенденции к самостоятельному функционированию отрезков высказывания, как бы вырванных из грамматического контекста. Процесс этот, естественно, связан с высокой степенью оформленности и организованности грамматической системы современного русского языка.

48. В парцеллированных конструкциях второй группы парцеллят имеет своего представителя в базовой структуре и является по отношению к нему однородным членом предложения или уточняющим, конкретизирующим членом. Эти способы парцелляции с точки зрения структурной не так «свежи» в письменном литературном языке, как структурно-затрудненная парцелляция нового члена. Однако и среди парцеллированных конструкций данной разновидности, как будет показано ниже, также есть конструкции, характеризующиеся большей или меньшей степенью синтаксической самостоятельности парцеллята.

49. Парцелят — однородный по отношению к слову базовой конструкции член предложения.

1) Первое место по степени синтаксической самостоятельности принадлежит конструкциям с парцеллятом — однородным глагольным сказуемым (одиночным или с распространяющими его словами). Большей степенью оформленности в качестве парцеллята характеризуются однородные глагольные сказуемые, вводимые сочинительными союзами, в первую очередь — союзом *и*.

В широко открытые двери теплушки вольный ветер степной, духовитый, врывался. *И буйную радость с собой приносил* (Л. Сейфуллина, Правонарушители); Не без колебания товарищ Слетова уступает мне свое место. *И оставляет за собой всю полноту контроля* (М. Кольцов, В загсе); За зиму

---

[13] Примечательно, например, что в исследовании Л. Г. Хатиашвили, где намечена некоторая историческая перспектива в развитии присоединения и где приводится материал и фольклора, и древнерусского языка, и языка XVIII, XIX и XX вв., в примерах присоединительных конструкций, соответствующих второму типу парцелляции нашей группировки, XIX в. представлен преимущественно прямой речью персонажей художественных произведений, и лишь XX в. (т. е. в основном советское время) — частично авторской речью писателей (М. Горького, Ю. Тынянова, Ф. Панферова и др.). См.: Л. Г. Хатиашвили. Присоединительные связи в русском языке. Тбилиси, 1963, стр. 170—178, 197—203 и др.

я растерял свои немногие знакомства, обносился очень, заболел ревматизмом и немного одичал. *Но брился ежедневно* (М. Булгаков, Театральный роман).

Относительная синтаксическая самостоятельность парцеллятов — глагольных сказуемых объясняется, естественно, их предикативностью. Эта разновидность занимает первое место в ряду парцеллятов — однородных членов и по степени их употребительности в современном языке. Но они же — один из «старых» способов парцелляции [14].

Парцеллят — однородное глагольное сказуемое без союза:

Скитался бы человек с торжища на торжище. *Экспонировал бы дива* (В. Турбин, А вот солнца! Солнца! Кому солнца!); У каждого из нас, наверно, свой Шекспир. По-своему питает он фантазию разных режиссеров, актеров, художников. *По-разному воплощается на сцене* (Ю. Завадский, Целая вселенная, 1964).

Однородные инфинитивы, входящие в состав сказуемого:

Надо было расцветить весь город. Надо было украсить въезд. *Соорудить триумфальные арки. Возвести помосты, расставить почетные караулы, выкинуть штандарты и заслуженные знамена* (К. Федин, Города и годы).

Именные формы сказуемого:

Это моя личная точка зрения. *Моя манера работать* (Д. Шостакович, Как рождается музыка); Богат наш русский язык. *Сочен* (М. Кольцов, В самоварном чаду); Кадр, действительно, редкий. *И снятый удачно* (Из газет, 1965).

Меньшей степенью синтаксической самостоятельности характеризуются, естественно, парцелляты — однородные сказуемые в форме полного прилагательного или причастия.

Специально следует подчеркнуть, что в письменной речи парцелляция сказуемого возможна только тогда, когда это сказуемое является «вторым» по отношению к сказуемому базовой структуры. Фактически, следовательно, парцелляции сказуемого как такового, т. е. отчленения его от подлежащего и разрыва, таким образом, предикативной связи в письменной речи, как правило, не происходит (если, разумеется, не иметь в виду раритетов и окказионализмов). Парцелляция единственного сказуемого возможна в устной разговорной речи, но и там она встречается редко, ср.: Машины с песком!.. *Преградили!* (Ю. Бондарев, Двое) [15].

Соответственно и парцелляция подлежащего возможна лишь в случаях «представленности» его в базовой структуре.

2) Парцеллят — однородное подлежащее, включаемое посредством союза или без союза.

Тишина стояла до самых вершин гор и еще выше — до бледного от снегов высокого неба. Только ветер, хлопавший створ-

[14] Ср., например, в «Пиковой даме» Пушкина: Она села за письменный столик, взяла перо, бумагу, *и з а д у м а л а с ь*. Несколько раз начинала она свое письмо, *и р в а л а е г о* (этот пример в ряду других случаев присоединения в «Пиковой даме» приведен в работе В. В. Виноградова «Стиль «Пиковой дамы»», стр. 142; курсив и разрядка В. В. Виноградова).

[15] Пример из работы: Ю. В. Ванников. Явление парцелляции в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1965, стр. 433.

ками жалюзи в окнах гостиницы, и сонный рокот Дора нарушали эту тишину. *Да еще голоса детей* (К. Паустовский, Итальянские записи); Двенадцать телогреек мирно отдыхают до утра в железных шкафчиках. *И двенадцать зюйдвесток в верхних отделениях. И двенадцать пар сапог, усталых-усталых* («Юность», 1965); И так год от года — труд, единение в труде, праздник. Вот естество нашего движения. Но нужно и направление. *Глаз. Цель* (Из газет, 1966).

3) Парцеллят — однородный зависимый член предложения (определение, беспредложная или предложная форма косвенного падежа существительного с объектным или обстоятельственным значением, неизменяемое слово в обстоятельственной функции), включаемый посредством союза или бессоюзно.

Раскрываешь газету — подвигами труда встречают мои сограждане съезд партии. Это неизменно вызывает мое восхищение. *И, не скрою,— зависть* (Из газет, 1966); Подходило рождество. Люди вспоминали былые годы, свой любимый праздник, диккенсовский уют, шпигованных индюшек. *Щебетанье счастливых Мэри или Кэт у камина* (И. Эренбург, Трест Д. Е.); Пишите телерассказы. *Телероманы. Телебеседы. Телепьесы* (И. Андроников, Относится к нам!); В жизни каждого человека бывают большие дни. Дни с большой буквы. *И в жизни каждого коллектива* (И. Грекова, За проходной); Профессор Б. Кренцель рассказал о недавно появившихся, не подвергающихся «старению» пластических массах, о пленках, клеях, смолах... *И даже о синтетических красках, реагирующих на звуки человеческой речи* (Из газет, 1964); Однако после нового комедийного фильма, снятого Э. Рязановым, после взрывов хохота из зрительного зала выходишь, тихонько утирая слезы. *И сострадая всем сердцем тем милым людям, с которыми только что познакомили тебя* (Из газет, 1966).

50. Парцеллят — уточняющий по отношению к слову базовой структуры член предложения.

Заметим, что граница между однородностью и уточнением подчас бывает очень зыбка. В целом функции уточняющих членов сводятся: к другому, иногда синонимическому, обозначению названного в базовой конструкции предмета, признака, действия; к более конкретному обозначению чего-то более общего; к раскрытию содержания названного в базовой структуре понятия.

Уточняющими парцеллятами могут быть, как и в случаях однородных парцеллятов, все члены предложения. Однако уточняющие парцеллированные сказуемые, сохраняя свое структурное качество — относительную синтаксическую самостоятельность, уступают однородным парцеллированным сказуемым в степени употребительности: уточнительному распространению чаще подвергаются именные члены предложения. Здесь, как и в рассмотренных ранее случаях парцелляции, сохраняет свое

значение противопоставленность оформленной специальными словами и «неоформленной» парцелляции.

1) Парцеллят вводится специальными словами, сигнализирующими уточнение.

Учитель все это время рассказывал ему разные чудные истории. *В частности, про то, как искали «Дневник Пушкина», главную часть которого так и не нашли* (И. Зверев, Дима); В Олеше было что-то бетховенское, грозовое, мощное. *Даже в его голосе* (К. Паустовский, Золотая роза); Ну что ж, обратимся к существу дела. *Скажем, к важному... для статьи А. Бочарова вопросу о том, думает ли писатель о своем герое заранее* (Из газет, 1964); С чего все началось? С трудностей. *Точнее, с суждений о методах преодоления встретившихся трудностей* (Из газет, 1965); Диспут уперся в стену, идеалист — тоже. И тогда Аксенов столкнул действие в область условного спора. Проще говоря, на тот свет. *Или, как теперь говорят, в область «Н-ского измерения», на другую Галактику* (Л. Аннинский, Идеи и люди).

2) Специальные сигналы уточнительной парцелляции отсутствуют. Для парцеллята в уточнительной функции характерно отсутствие союзов, и это может служить критерием отличия уточняющего парцеллята от парцеллята — однородного члена.

Он не искал популярности. *Не старался располагать к себе людей широкой улыбкой, похлопыванием по плечу* (Из газет, 1964); Интересно, до чего же все-таки живуча память. *Неистребима* (И. Грекова, Летом в городе); Лицо у ней, как на старой иконе. *Строгое* (Л. Сейфуллина, Правонарушители); Помните, удачный вечер во многом зависит и от вас. *От вашего внимания к другим людям, такта* (Из газет, 1965); Высокая [Анюта], а стала как девочка. Смотрит по-детски. *Просительно* (Л. Сейфуллина, Четыре главы).

К числу структурных и семантических возможностей уточняющей парцелляции относится, например, возможность одновременной конкретизации, уточнения, раскрытия нескольких (чаще — двух) членов базовой части высказывания, ср.:

Правда, мы сведены с неба на землю. *С астрономических заоблачных высей миллиардов, триллионов и квадриллионов рублей — к простым серебряным десяти копейкам* (М. Кольцов, 145 строк лирики); Как это точно все было передано! *Все то, что и я знал. И как раз так, как я сам видел,— покрытые минной копотью склоны* (Из газет, 1966).

51. «Удобство» передачи пояснительно-уточнительных отношений посредством парцелляции способствует активизации функционирования соответствующих конструкций. Некоторые из них приобретают «дополнительную» структурную оформленность. Так, определенные типы уточнительных парцеллированных конструкций создаются при структурном участии местоимений.

Это, например, построения, где парцеллят — местоименно-соотносительная конструкция типа *...тот, который..., ...о тех, кто...*, распространяющая имя (несущее функцию подлежащего, объекта, обстоятельства) базовой структуры:

Но ведь есть эгоизм и куда посерьезнее. *Тот, который проявляется не в семейных отношениях, — в общественных* (Из газет, 1966); Это к тому, что на литературный всеобуч творится нажим и с другой стороны. От «На посту» и им подобных фарисейских группировок, определяющих революционность писателя по внешним признакам. *По тому, сколько раз он поклялся классом* (Л. Сейфуллина, Лоскутки мыслей о литературе); Начать, правда, придется издалека. *С того, что недовольный 12-летним правлением консерваторов английский народ все чаще и настойчивее выражает желание избавиться от скомпрометировавших себя «тори»* (Из газет, 1964).

В других случаях парцеллят конкретизирует значение местоимения базовой структуры:

Ведь сцена-то совсем пуста. Нет на ней ничего. *Даже покатого помоста, ярких тканей и шутливых масок знаменитой вахтанговской «Принцессы Турандот»* (Из газет, 1964); Как ни странно, коллекционирует Попов нечто, к бутылкам никакого отношения не имеющее. *Марки* (Из газет, 1966).

Между местоимением базовой структуры и парцеллятом (или цепью парцеллятов) возникает отношение чего-то общего к частным его проявлениям, т. е. такое отношение, которое устанавливается между обобщающим словом и конкретизирующими его однородными членами:

И как приятно было увидеть, что здесь у каждого свое лицо. *И у певицы Людмилы Сафроновой, обладательницы красивого голоса, с большим тактом и вкусом исполняющей старинные романсы. И особенно у Тамары Политовой, певицы темпераментной, тонко чувствующей душу русской народной песни* (Из газет, 1964); У нее можно было спрашивать обо всем и обо всем ей, как матери, рассказывать. *О жизни дома, о своем заводе, о книжке, которую только что прочел* (Из газет, 1964); Да, конечно, многое еще тормозит развитие телевидения. *Техника. Подготовка кадров. Проблема оплаты работников. Проблема тиража* (И. Андроников, Относится к нам!).

52. Среди разновидностей парцеллированных конструкций с «представленным» парцеллятом выделяются и противопоставляются друг другу конструкции, в которых парцелляция является менее затрудненной — и более затрудненной или более слабой — и более сильной. К первым относятся конструкции с парцелляцией однородных глагольных сказуемых, вводимых союзом *и*, а также конструкции с парцеллированными уточнительными членами, вводимыми специальными уточнительно-выделительными словами. Ко вторым — конструкции с од-

нородным или уточняющим зависимым членом, вводимым без посредства союза или специального слова (см., однако, оговорку об отличии — в смысле данного противопоставления — этих конструкций от конструкций с парцеллятом — новым членом: V, § 46).

53. Во всех рассмотренных выше разновидностях парцеллированных конструкций парцеллят может быть перенесен в новый абзац. Этим более резким, чем просто «паузой точки», отчленением части цельного высказывания усиливается, соответственно, его коммуникативная выразительность. Вот несколько характерных примеров:

И, как всегда, Райкин предстает перед нами именно главным волшебником сцены, кого бы он ни изображал.

Не только потому, что снова с непостижимой внезапностью и блистательной достоверностью перевоплощается буквально на наших глазах из одного сатирического образа в другой (Л. Кассиль, Добрый волшебник); О другом, быть может, и забыли бы. А вот о Борисе помнят — и его шутки, и любимые словечки, и находчивость, и страсть ко всем видам спорта, потому что все в его характере крупно и обаятельно.

И совсем не иконописно (Из газет, 1964).

Ср. также случаи, когда парцеллят — однородное сказуемое — отделен от базовой структуры словами прямой речи:

А когда человек кубарем падал на землю, он радостно выкрикивал:

— Ага!...

И смеялся от радости (Ф. Гладков, Зеленя);

Вера посмотрела на него, сказала печально и медленно:

— А ну вас всех!...

И склонилась над ложкой (С. Антонов, Рассказ без героя).

54. Приведенный выше материал, иллюстрирующий разные способы парцелляции, представляет, как видно из примеров, почти исключительно русский письменный литературный язык послереволюционной эпохи и в особенности язык нашего времени — 50 — 60-х годов. Этот материал показывает, что в современном языке употребляются разные типы парцеллированных конструкций — и те, которые выделены нами как конструкции со структурно-облегченной парцелляцией, и те, которые определены как конструкции со структурно-затрудненной парцелляцией, т. е., если упростить вопрос, и более «старые», и более «новые» парцеллированные конструкции. Этот факт сам по себе свидетельствует о действующей в нашем языке тенденции к расчлененной подаче высказывания. Вместе с тем, мобилизация новых, более эффективных — в силу их структурной затрудненности и необычности — способов парцелляции — яркий показатель активизации и перспективности в нашем языке этой тенденции. В общей массе парцеллированных конструкций, употребляющихся в современ-

ной письменной речи, «новым» конструкциям, в которых парцеллят является зависимым членом (отсутствующим в базовой структуре или «представленным» в ней) и не содержит внешнего, словесного сигнала парцелляции, принадлежит сравнительно небольшое место. Но для явления парцелляции как развивающегося в современном литературном языке процесса примечательно принятие этих разговорных по своему происхождению синтаксических построений литературным письменным языком, их использование вместе с другими, более старыми парцеллированными конструкциями в авторской речи современных писателей, публицистов, ученых. Признаком их узаконения литературным языком служит уже частично наметившаяся их постепенная стилистическая нейтрализация и шаблонизация.

Однако, как уже отмечалось, употребление или, наоборот, неупотребление парцеллированных конструкций является в принципе чертой индивидуального стиля, «почерка» того или иного автора. Поэтому и развитие, продвижение этого приема в литературном языке оказывается неровным, зигзагообразным.

Говоря о развитии в советскую эпоху приема парцелляции, естественно иметь в виду парцеллированные конструкции, условно названные нами выше «новыми», так как «старые» типы парцелляции — отчленение синтаксически самостоятельных отрезков высказывания со словесными сигналами парцелляции — были освоены литературным языком значительно раньше.

И вот, если учитывать только авторскую речь произведений художественной литературы (включая сюда мемуары, очерки, а также отчасти литературную публицистику) и употребление в ней «новых» парцеллированных конструкций, то можно — очень схематично — выделить два периода «наплыва», интенсификации этих конструкций: 20—30-е годы и 50—60-е.

В «рубленом стиле» 20-х, отчасти 30-х годов непосредственно проявилось стремление писателей передать динамизм нового — послереволюционного — времени. Этим стремлением вызваны были, например, эксперименты А. Веселого в динамической ритмизации прозы, что выражалось, в частности, в дроблении высказывания, сопровождаемом ломкой строки:

Половцев
падая
зацепился шпорой и опрокинул повозку,

но упасть в тесноте ему не дали — подняли на кулаки и понесли (Россия, кровью умытая, 1920—1936);

Взмах
и удар
брань
и стон (Гуляй Волга, 1933);

Дорога полем
дорога лесом

ухаб
раскат
овраг
болота (Там же).

Отрабатывалась, достигая подчас большого совершенства, «правильно» построенная, но предельно лаконичная проза:

Шли часы. Потом заверещали продавцы вечерних газет. В газетах сообщалось еще об одном сенсационном убийстве. Жара спала. В окнах подняли жалюзи. Рабочие шли по домам. Наконец, вспыхнул зеленый огонек маленького кинематографа (И. Эренбург, Любовь Жанны Ней, 1923); Конная армия атаковала Ровно. Город был взят. Мы пробыли в нем двое суток. На следующую ночь поляки оттеснили нас (И. Бабель, Конармия, 1926).

И рядом с этим — опыты «резкой» парцелляции авторского текста:

На прииске узнала настоящего Георгия. Под спокойной, холодной внешностью таил постоянный азарт. *Жажду выигрыша. Власти золота* (Л. Сейфуллина, Четыре главы, 1922); В мокрой шахте всегда по пояс стояла вода. *Студеная, подземная* (Там же); Мы хотели стрелять. *Бить стекла* (В. Шкловский, Сентиментальное путешествие, 1924); Поехал в Саратов. *С подложным документом* (Там же); Нужно писать халтуру. *Рекламную фильму для мотоциклеток.* (В. Шкловский, Zoo или письма не о любви, 1924); Но я вижу себя со стороны. Я боюсь своей судьбы.

Литературной судьбы. Я попадаю в книгу (Там же);

Пушкин в это время сам часто изображал себя смирившимся и осторожным.

Обезоруженным (В. Шкловский, Заметки о прозе Пушкина, 1937).

Затем — после известного перерыва, характеризовавшегося в основном господством «спокойной», «гладкой», «правильной» прозы — в 50—60-е годы заметно усилилось употребление в авторской речи писателей, журналистов парцеллированных конструкций «нового» типа.

Но это — лишь общая схема. В нее не вместятся индивидуальные писательские «почерки» и стилистические склонности. Можно сказать, например, что парцеллирование текста является ведущей особенностью прозы таких наших писателей, как Ю. Олеша, В. Панова, В. Некрасов, И. Грекова, И. Андроников, А. Рекемчук, литературный критик В. Турбин. Другим писателям «резкое» парцеллирование не свойственно (например, Ф. Гладкову, А. Малышкину, Э. Казакевичу, Ф. Панферову, А. Караваевой, А. Платонову, В. Гроссману, В. Лидину, В. Каверину, Л. Леонову, Ю. Нагибину, К. Симонову, С. Антонову, Ю. Казакову). Есть, наконец, писатели, которые изредка, умеренно используют этот прием (например, М. Булгаков, М. Шагинян, К. Паустовский,

К. Федин, В. Солоухин, Ю. Яковлев, В. Субботин; такое же не нарочитое парцеллирование было свойственно писательской манере М. Кольцова) [16].

«Индивидуальность» приема парцелляции сказывается и в особом иногда пристрастии пишущего лишь к определенному характеру парцеллирования. Например, литературному критику В. Турбину свойственно преимущественно парцеллирование уточнительно-синонимического типа, ср.:

Следовательно, вымысел обратим. *Послушен воле художника. Покорен ему* (Товарищ время и товарищ искусство);... Во всех своих причудах и поэтических эксцентричностях он более прочно, более праведно и твердо держится исконной народной основы. В его стихах она более осязаема. *Более заметна* (А вот солнца! Солнца! Кому солнца!); И тогда снова возникает вопрос о специфике национального мировосприятия. *О национальной логике* (Там же); Любая выставка, будь она ВДНХ или магазинной витриной, организована определенной темой, идеей. В то же время ее экспонаты должны быть многообразны. Каждый из них должен быть в своем роде уникумом. *Диковиной.* Он призван изумлять. *Удивлять посетителей...* (Там же); Ибо еще один предшественник есть у Назара Чагатаева. *Светоносец. Провозвестник красоты и могущества человека* (Мистерия Андрея Платонова).

Можно, вместе с тем, наблюдать различия в парцеллировании высказываний не только между отдельными авторами, но и у одного и того же автора — при разной манере повествования или в разные периоды его творчества. Известно, что парцеллирование в принципе больше соответствует «субъективной» манере повествования (речи от первого лица, несобственно-прямой речи) в силу ее большей непосредственности, интимности. Вероятно поэтому, например, у В. Некрасова в его повести «В окопах Сталинграда» или в описаниях его заграничных впечатлений («Первое знакомство», «Месяц во Франции») парцелляций больше, чем в его же рассказах, написанных в «объективной» манере, от третьего лица. То же различие — между автобиографическими и «собственно» художественными произведениями К. Паустовского, между «Дневником» В. Шкловского и его литературно-критическими работами и т. п. Примером постепенного «изживания» парцеллирования может служить творчество Л. Сейфуллиной: в ее писательской манере произошла заметная эволюция от

[16] Ср. отражение в известных пародиях А. Архангельского, с одной стороны, склонности к парцелляции у Е. Габриловича и, с другой стороны, пристрастия к усложненным и закругленным синтаксическим построениям у А. Фадеева: Я приближался. К месту моего назначения. Это было в конце декабря. Позапрошлого года. В девять утра по московскому времени (Е. Габрилович); С тем смешанным чувством грусти и любопытства, которое бывает у людей, покидающих знакомое прошлое и едущих в неизвестное будущее, я приближался к месту моего назначения (А. Фадеев). См.: А. Архангельский. Пародии. М., 1939, стр. 6, 10.

резко парцеллированной речи к более ровному и плавному повествованию.

55. «Наплыв» парцеллированных построений характеризует не только современную художественную прозу, но и публицистику. Эти построения, лишь спорадически встречавшиеся в газетах и журналах 20-х, 30-х, 40-х годов и отражавшие индивидуальную авторскую манеру того или иного публициста, становятся устойчивой чертой таких публицистических жанров, как фельетон, репортаж, корреспонденция, «зарисовка», очерк, рецензия (на книгу, спектакль, кинофильм и т. п.), рассуждение (на бытовые, морально-этические и другие темы). Вот примеры из газет 1964—1966 гг.:

И представим, что на вас свалилось несчастье. *Свалилось самым форменным образом. В виде обыкновенной ржавой водосточной трубы.* Оно могло также подкараулить вас коварной волчьей ямой посреди аккуратно чернеющего асфальта. *Или двинуть по лбу на неосвещенной лестничной клетке*; Гражданин шел домой. *По знакомой улице, знакомым тротуаром.* А вот и дом. *Родной. Каменный. И новенькая дощечка с названием улицы на стене блестит;* До того мне, фельетонисту, стало тоскливо и безработно, что я даже плюнул. *На пол.*

И вот наступил последний предстартовый день. *Ясный, солнечный, тихий;* В Заволжье вырос еще один город. *Светлый, как юность;* Почему бы не дать молодежи, комсомольской организации больше прав? Чтобы они могли полным голосом сказать свое мнение о том или ином важном деле. *При распределении, например, жилья, при составлении норм, при утверждении мастеров;* В Краскове тоже есть магазин «Березка». *Конечно, не такой роскошный, как на улице Горького.*

Говорилось только, что он солдат, какой-то еще совсем молодой парень. До войны учился то ли в школе, то ли в вузе, писал плохие стихи. *Такие, как все.* Стихи, пришедшие от литературы, от книг. Но началась война, и попал этот парень на фронт, был контужен, ранен, лежал в госпитале. Он-то и написал первые стихи о войне... *Настоящие, солдатские.*

С горящим факелом в руке идет он на зов короля. Это уже открытая дуэль. *И не только с Клавдием. С веком;* И вот мы увидели фильм. *Широкоформатный, двухсерийный, цветной, со стереофоническим звуком;* В фильме мы видим подлинную Венгрию. *Сегодняшнюю. Рабочую, трудовую, социалистическую.*

Ощущение счастья или несчастья складывается в душевном мире каждого человека не только в зависимости от того, как идут дела, каковы материальные условия и успехи, но в значительной степени от поведения окружающих его людей, людей, которых человек встречает, видит, слышит. *В зависимости от той человеческой атмосферы, в которой он живет;* А ведь в Москву нужно и можно привозить спектакли, которые вызывают споры. *Но не о том,*

стоило ли их привозить. Здесь споров быть не должно; И говоря доверительно с каждым, не забываешь, что надо говорить так, чтобы понятно было всем и всем интересно. *Школьнику и учителю. Ученому и студенту. Колхознику и горожанину. Человеку, оторвавшемуся от множества дел, чтобы взглянуть на тебя, и пенсионеру, свободному в этот момент от всяких забот. Хорошо знающему русский язык и мыслящему на другом языке;* Сколько времени писал он свою картину «За власть Советов»? *Или «Мать партизана»*. Месяц, год? *Всю жизнь, что до того прожил.*

56. Очевидно, что процесс расширения сферы стилистического использования парцелляции еще продолжается: коммуникативная действенность этого приема, благодаря его структурной гибкости и вариативности, не теряет своей остроты.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сегментация высказывания. *Конструкции с именительным темы как разновидность сегментированных конструкций. Их строение. Отграничение их от сходных конструкций. Эквиваленты именительного темы. Развитие конструкций с именительным темы.*

57. Сегментация высказывания, в широком понимании этого термина,— это выделение (синтаксическое, интонационное) части высказывания — сегмента. В этом смысле к сегментированным конструкциям могут быть отнесены, например, конструкции с обособлением (слов, сочетаний слов). Сегментация в более узком и специальном понимании — это прием экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, в наиболее отработанном виде воплощенный в конструкциях с именительным темы [1]. Построения с именительным темы, так же как и парцеллированные конструкции, заметно активизируются в русском литературном языке советской эпохи, что выражается в общем росте их употребительности, в расширении стилистической сферы их распространения, в развитии их структурной вариативности. (Поскольку в дальнейшем речь будет идти в основном о конструкциях с именительным темы и его эквивалентами, именно эти конструкции — за исключением специально оговариваемых случаев — мы будем понимать под «сегментированными»). Вот несколько типичных примеров конструкций с именительным темы:

Пулемет, закопанный под скирдой, тачанка, отведенная в крестьянскую клуню,— они перестают быть боевыми единицами (И. Бабель, Конармия); *Запах российского жесткого вагона;*— мы с вами знаем *его* наизусть (М. Кольцов, В путь); *Вода.* Для туркмен *она* издавна являлась символом жизни и ценилась пуще всех сокровищ мира (Из газет, 1966); *Неоновые огни реклам, яркие световые вывески...* Без *них* невозможно представить себе облик современной Москвы (Из газет, 1966); *Великий писатель Жюль Лебо,* где же *он* был в эту минуту? (И. Эренбург, Любовь Жанны Ней); *Школа* — какой *она* должна быть? (Из газет, 1966).

---

[1] См.: А. С. Попов. Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке— В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 256—274.

Конструкции с именительным темы характеризуются следующими признаками:

1. Эти конструкции отчетливо двучленны. Они — независимо от их объема, от степени распространенности — состоят из двух частей: 1) сегмента и 2) основной, базовой части конструкции.

2. Сегмент и базовая часть конструкции отделены друг от друга специфической паузой.

3. Между частями конструкции устанавливается отношение, которое вслед за Ш. Балли называют обычно отношением темы (A) и повода (Z) [2]. В логическом плане и в самом общем виде — это отношение между субъектом и предикатом: «тема имеет характер субъекта, а повод — предиката» [3]. Важно подчеркнуть, что, в отличие об обычных, «связанных» конструкций, взаимная обусловленность частей конструкции с именительным темы выявляется — если опять воспользоваться формулировкой Ш. Балли — в «совокупности A по отношению к совокупности Z» [4].

4. Часть, обозначающая тему, занимает синтаксически независимую позицию: в «чистом виде» — это имя существительное в им. п. или сочетание слов во главе с этой формой. В соответствующем связанном предложении этой форме может соответствовать имя существительное как в именительном, так и в косвенном падеже — ср. преобразование приведенных выше примеров: *«Вода. Для туркмен она...»*—«Для туркмен *вода...»*; *«Торговля.* Через ее разветвленные каналы...». —«Через разветвленные каналы *торговли...*» и т. п. Очевидно, что часть, обозначающая тему, не является ни членом предложения, ни предложением.

5. Часть, обозначающая тему, имеет своего «представителя» в части, обозначающей повод — в виде коррелята (местоименного или неместоименного — см. ниже V, § 60).

58. Если сопоставить прием сегментации с приемом парцелляции, то обнаружим следующие структурно-синтаксические и функционально-экспрессивные различия между этими приемами.

Парцелляция — это расчленение высказывания в принципе на сколько угодно частей, при котором между этими частями сохраняются те же отношения и те же формы связи, что и между частями соответствующей непарцеллированной конструкции Сегментация — это расчленение высказывания на две отчетливо противостоящие друг другу и взаимосвязанные части, между которыми устанавливаются отношения темы и повода (независимо от того, каковы отношения между теми же частями соответствующей связанной, несегментированной конструкции) — с обязатель-

---

[2] Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Перев. с франц. М., 1955, стр. 70.

[3] Там же, стр. 76.

[4] Там же, стр. 77.

ным выделением части, обозначающей тему, в синтаксически независимую позицию.

Функционально-экспрессивная направленность парцелляции — в выделении, акцентуации «отсекаемого» члена высказывания — парцеллята, а при наличии нескольких парцеллятов — «равноправное» выделение каждого из них. Функция сегментации — в выделении, одинаково сильном, но экспрессивно и логически неравноправном, двух членов конструкции — темы: исходного, данного, базы сообщения и — повода: нового, предиката, ремы. Подчеркивая тему, именительный темы подготавливает слушателя к восприятию ремы, т. е. наиболее важного элемента высказывания: «тема создает атмосферу напряженности; она требует выражения повода, который приобретает все свое значение благодаря такой подготовке»[5].

Членение предложения на данное и новое, тему и рему, обнаруживаемое специальными языковыми средствами, принято называть актуальным членением предложения. Основное, принципиальное назначение именительного темы — обозначать именно тему дальнейшего высказывания. Однако в ряде случаев именительный темы не находится в строгом соответствии с темой высказывания (в аспекте логическом, в аспекте актуального членения предложения). Это объясняется столкновением консервативной синтаксической модели с явлением актуального членения, как раз и предназначенного для преодоления этой консервативности, для приспособления абстрактной модели к конкретным условиям коммуникации. Поэтому, принимая термин «именительный темы», мы сознаем, что именительный темы может выделять не только тему последующего высказывания (в строгом смысле слова); он обозначает элемент высказывания, на который говорящий хочет обратить внимание, чтобы, опираясь на него, построить все сообщение целиком.

Вместе с тем, общность и сходство парцелляции и сегментации заключается в экспрессивном подчеркивании вычленяемых частей высказывания, в облегчении, упрощении синтаксической организации высказывания и в то же время — в увеличении его синтаксической гибкости и подвижности. Общей является и языковая природа обоих приемов — их связь с соответствующими построениями устной разговорной речи (см. V, § 41).

Некоторые особенности конструкций с именительным темы нуждаются в более подробном рассмотрении.

59. Определить интонацию, с которой произносится именительный темы, можно было бы по конечным знакам препинания, но они разнообразны. Чаще всего это многоточие:

Солидарность трудящихся... Она укрепляет надежды сторонников прогресса, мира, демократии (Из газет, 1966).

Это может быть восклицательный знак:

Первомай! Огромный смысл заложен *в этом слове* (Из газет, 1966).

Точка:

---

[5] Ш. Балли. Указ. соч., стр. 80.

Инструктор. Очень ответственная это должность. Велики требования, которые *она* предъявляет (Из газет, 1965).

Тире:

Путешествия — они обладают волшебным свойством, *они* удивительно удлиняют жизнь (М. Алигер, Чилийское лето).

Запятая:

Бедные люди, как *они* умеют отравлять жизнь друг другу и самим себе (Там же).

Иногда встречаются комбинации разных знаков препинания:

Победа!.. У *нее* множество граней, и любая — предмет исследований и размышлений (Из газет, 1965); *Пушкино, Кунцево, Сокольники, Петровско-Разумовское... — в этих местах* жил или часто бывал Маяковский («Москва», 1965).

Своеобразный тембр, характеризующий произнесение именительного темы, А. М. Пешковский назвал «задумчивым»[6].

Важно подчеркнуть, что именительному темы свойственна самостоятельная фразовая интонация. Степень ее экспрессивной напряженности зависит от коммуникативных функций данной конструкции (ср., с одной стороны, спокойное размышление над чем-либо и, с другой стороны,— торжественность, взволнованность).

Этой интонационной самостоятельностью именительный темы отличается от других типов сегментов — ср.:

Пионер, и тот знает, что есть общегосударственный подход (И. Эренбург, Оттепель); *Марксизм-ленинизм — это* тот источник, из которого мы черпаем такие силы, которые помогают нам решать все более сложные задачи (Из газет, 1966).

60. Именительный темы, как отмечалось выше, представлен в следующем за ним предложении в виде коррелята, обозначающего то же самое понятие, которое названо именительным темы. Все корреляты в конструкциях с именительным темы делятся на две основные группы:

1) местоименные:

Сергей Есенин! Кого мне поставить в один ряд *с ним* — таким высокоодаренным, самобытным певцом России? (Из газет, 1965); *Керамика! это* теперь модно (Из газет, 1966); *65 процентов — такого роста* производительности труда достигли строители Комсомольска-на-Амуре с начала семилетки (Из газет, 1964); *Семь дней счастья, четыре года разлуки — так* сложилась ее жизнь (И. Эренбург, Трест Д. Е.);

2) неместоименные:

Опера!.. Пожалуй, нет другого *вида музыкального искусства,* который привлекал бы к себе такое же внимание, вокруг которого возникало бы так много споров (Из газет 1966).

---

[6] А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика. Изд. 2. М., 1918, стр. 115, 97.

В некоторых случаях в предложении, следующем за именительным темы, нет прямого коррелята, а дается лишь общее описание явления, с которым связан именительный темы. Например: *Новая пятилетка!* Каждая строка Директив XXIII съезда партии — это поступь народа-созидателя (Из газет, 1966); «*Вепхис ткаосани*»... «*Витязь в тигровой шкуре*»... Празднование 800-летия со дня рождения Шота Руставели состоится в сентябре 1966 года (Из газет, 1965); *Химия!* Каждый день приносит новые добрые вести о делах ученых, строителей химических предприятий, работников заводов (Из, газет, 1964).

61. Именительный темы надо отличать от риторических обращений. При этом следует учитывать: 1) типические интонации, характерные, с одной стороны, для обращения и, с другой стороны, для именительного темы; 2) характер местоимений в предложении, следующем за этими конструкциями; 3) лексико-семантическую сторону разграничиваемых конструкций.

Обращение произносится с так называемой звательной интонацией, но, как это отмечал А. М. Пешковский [7], звательную интонацию часто трудно отличить от интонаций другого типа. Кроме того, восстановление интонации по письменной речи порою весьма проблематично.

Именительный темы обычно соотносится с личными местоимениями 3-го лица в следующем предложении. Обращение не может вступать в такую связь. Оно, естественно, соотносится с местоимениями 2-го лица. Ср. два примера из стихотворений А. Прокофьева (в первом — обращение, во втором — именительный темы):

Москва, Москва, священная держава,
Благославляя, веря и любя,
Мы *за тебя* — по долгу, и по праву,
И по любви — мы бьемся *за тебя!*

Ленинград, Ленинград, наисмелый из смелых,
Величавый суровый,— кто не знает *его!*

62. Конструкции с именительным темы сближаются с конструкциями, организованными на основе параллельной связи. Параллельная связь — это такая связь членов предложения, когда один из них семантически и интонационно (а иногда и союзами) связан с другим и называет ту же самую реалию, но в то же время по своей морфологической форме не зависит от другого. Члены предложения, объединенные параллельной связью, образуют простейшее сочетание особого типа, которое, вслед за А. М. Пешковским, можно назвать группой [8]. Один из членов группы, обнаруживающий смысловую зависимость от другого члена,— это приложение. Приложение и другой член группы обычно находятся в отношениях формального соответствия (прежде всего в падежной форме). Простейший случай сегментации — обособление приложения, особенно если обособление сопровождается такими явлениями, как сдвиг в словопорядке, сочетаемость с местоимением. Приложения могут ставиться перед определяемым словом. Приложения в подобных конструкциях могут быть не только единичными, но и объединяться в синтаксические ряды (ряды однородных членов, связанных сочинительной связью):

Замечательная представительница советской вокально-исполнительской школы, Зара Александровна входит в число лучших камерных певиц мира (Из газет, 1966); *Талантливейший музыковед, театровед, литературовед, ис-*

---

[7] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938, стр. 370.

[8] Там же, стр. 376.

торик и теоретик балетного искусства, лингвист, свободно владевший двумя десятками языков, человек широко эрудированный в сфере искусств изобразительных, в области общественнных наук, истории, философии, эстетики, великолепный оратор и публицист, блистательный полемист и собеседник, Соллертинский обладал познаниями поистине энциклопедическими (И. Андроников, Слово о Соллертинском).

Особенно выразительны группы, включающие в качестве одного из членов личные местоимения. Эти группы могут строиться по двум принципам:

1) по принципу репризы (местоимение — после существительного), например:

Приезжая в Ленинград, всегда испытываешь волнение. *Город великих революционных и культурных традиций, город строгой и благородной красоты, он* бесконечно близок каждому (Из газет, 1966); *Дочь неграмотного якута-таежника, она* была в числе первых организаторов якутской сцены (Из газет, 1966);

2) по принципу антиципации (местоимение — перед существительным), например:

Это *они — наши славные воины* — первыми оказали помощь пострадавшим от землетрясения ташкентцам (Из газет, 1966); Кто же *они, герои нашего времени?* (Из газет, 1966); Вот *она — предпраздничная Варшава!* (Из газет, 1966).

Выделение приложения-существительного становится особенно ярким, когда оно располагается не прямо после местоимения, а после ряда слов, связанных с местоимением. Например:

Он был облеплен воробьями, *этот куст...* (М. Алигер, Чилийское лето).

Во всех этих случаях сегмент-приложение находится в формальном соответствии с определяемым членом и должен рассматриваться как член предложения. Он может выступать не только в им. п., но и в других падежах:

Для них все нелегко, *для этих славных молодых людей* (М. Алигер, Чилийское лето); *О них* эта песня — *о сибиряках* (Из газет, 1966).

Приложение-сегмент обычно заключает в себе оценку, определение предмета. Приложение-сегмент, соотносящееся с местоимением, как правило, получает обстоятельственное значение и развивает добавочную — полупредикативную — связь со сказуемым.

Возможны случаи, когда сегментированная конструкция включает два сегмента: один — именительный темы, другой — приложение, например:

Ленин... Имя бесконечно великое, оно будет сиять звездой в тысячелетиях (Из газет, 1960); *Алексей Гастев... Член партии* едва ли не с самого ее основания, *он*, как поэт, был рожден революцией («Юность», 1965).

Именительный темы, в отличие от сегмента-приложения, не является членом предложения и обычно не выражает значения оценки, характеристики. Однако в современном русском языке широко употребительны конструкции с именительным темы особого типа: именительный темы в них включает оценочные слова и сочетания слов, которые характерны для сказуемого или приложения. В качестве коррелята в подобных конструкциях выступают местоимения *такой, таков:*

Чародей слова, проникновенный поэт природы, тонкий психолог — таким вошел в сердце русского читателя автор «Семейной хроники» и «Детских годов Багрова-внука» (С. Машинский, Сергей Тимофеевич Аксаков); *Стихийный, неудержимый разлив чувства — таково* первое и, пожалуй, преобладающее впечатление, которое оставляют концерты Фурера (Из газет, 1966).

Сегментацию можно усмотреть и в такой разновидности синтаксической группы, которая представляет собой сочетание ряда однородных членов и обобщающего члена, например:

Равенство, братство, справедливость, верность, дружба, честь — все эта высокие, большие понятия спектакль утверждает не декларативно (Из газет, 1966).

При отсутствии формального соответствия обобщения и членов ряда, последние, находясь в положении перед обобщением, должны рассматриваться как именительный темы:

Массовые митинги с десятками выступающих, тысячные демонстрации с революционными лозунгами — этого никогда не видел дореволюционный Йемен (Из газет, 1965).

Отделению однородных членов от обобщения и превращению их в именительный темы способствует наличие вопросительных или восклицательных местоимений перед обобщением, например:

Хозяйская заинтересованность, инициатива, творчество... Откуда все это появилось в ранее отставшем хозяйстве? (Из газет, 1966); *Жилые дома, виллы, выставочные павильоны, капеллы — как* мало *это* для архитектора с его талантом, знаниями, темпераментом! (Из газет, 1960).

63. Именительный темы не является предложением. Но по своей форме он совпадает с номинативным предложением, которое, при всей своей неразвернутости, обладает минимумом самостоятельности, необходимым для предложения, может заменяться типичными предложениями, может выступать изолированно, без всяких соседних предложений, не теряя при этом своей специфики. Например:

Вечер. Семья собралась вокруг домашнего стола (Из газет, 1965).

Предложение «Вечер» можно употребить отдельно или заменить предложением «Наступил вечер».

Такие преобразования невозможны с именительным темы. Употребляясь отдельно, без последующего высказывания, он утрачивает свою специфику, свое функциональное назначение. И напротив: предложение с яркими структурными признаками, употребляясь в позиции именительного темы, подвергается своеобразной коммуникативной транспозиции — меняет свою коммуникативную направленность, оно как бы извлекается из своей естественной среды, делается предметом специального рассмотрения, отодвигаясь на определенную дистанцию от адресата речи; его самостоятельная коммуникативность ослабляется (см. ниже, V, § 66).

В некоторых случаях, однако, различия между именительным темы и номинативными предложениями почти исчезают. Дело в том, что анафорические местоимения могут следовать и за номинативными предложениями. Особенно характерной группой этих предложений являются предложения, обозначающие место и время. Но такое же значение может быть присуще и именительному темы. В подобных случаях номинативные предложения и именительный темы перестают различаться, их противопоставление нейтрализуется. Лишь иногда при обращении к широкому контексту удается выявить определенный замысел пишущего. Ср.:

Майданпек... На карте Югославии *этот рудник* появился совсем недавно — четыре года назад. Славится он добротной медью... (Из газет, 1966); *Серый дощатый дом.* Время пригнуло *его* к земле, скрыло в тени старых деревьев (Из газет, 1966); *Весна!* Каждый чувствует извечные приметы *этого чудесного времени года.* Все дальше на север отодвигаются границы снежного покрова (Из газет, 1959); *Февраль... В эту пору* в Гвинее знойно и сыро. Кончается период дождей («Работница», 1966); *Площадь. Она* называется еще Страстной. Памятник поэту стоит на старом месте, в начале Тверского бульвара. По бульвару идут три молодых человека («Москва», 1965); *Париж. Кафе «Режанс».* На земле, пожалуй, не было ни одного крупного шахматиста, который не посетил бы *этого кафе* («В мире книг», 1965).

Таким образом, именительный темы, образуя синтаксическое предикативное единство лишь в сочетании с последующим предложением, находится в сложных отношениях с такими синтаксическими единицами, как приложение, обращение, номинативное предложение.

64. Именительный темы по своему «вещественному» значению может быть предметным или словесным. Предметный именительный привлекает внимание к предмету или понятию, словесный именительный — к слову как таковому. Словесный именительный выступает как своеобразная цитата, поэтому в его позиции

свободно употребляются не только формы им. п. существительных, но и самые разнообразные речевые отрезки, приравниваемые к существительному. Однако именительный падеж существительного следует считать основной, базисной формой именительного темы: это специфическая называная форма, это чистое наименование.

Примеры предметного именительного темы:

Дети... Ленин беспрестанно думает *о них* (Из газет, 1966); *Акстафа, Гянджа, Евлах — на каждой станции* перестрелка, суматоха, тарарам (А. Веселый, Россия, кровью умытая); *Новые товары.* Как мы радуемся, если находим *их* в магазинах добротными, и как огорчаемся, если *они* неказисты на вид (Из газет, 1965).

Примеры словесного именительного темы:

«Красные», «белые», «зеленые», — Жанна слышала *эти слова* (И. Эренбург, Любовь Жанны Ней); *Травертон...*Не правда ли, какое звучное музыкальное *слово*! Что же оно означает? («Москва», 1966); *Гектары-богатыри. Так* называют земли, по которым пролегают артерии осушительных систем (Из газет, 1966); *«Увеличить выплавку кислородно-конверторной стали в 5—6 раз». Эта строка* Директив переносит нас в другой край металлургической державы (Из газет, 1966).

Один и тот же сегмент может выступать и как предметный и как словесный именительный темы:

Пустыня. Как долго устрашала *она* человека своим безграничным молчанием, своим унылым однообразием. *Само это слово* казалось синонимом безжизненности (Из газет, 1966); *Вьетнам!* Нет сейчас на нашей планете такого места, где не знали бы *этого слова*. Нет такого народа, который не принимал бы близко к сердцу судьбу *этой страны* (Из газет, 1966).

65. Выделяются три основных структурных разновидности именительного темы.

1. Одиночные имена существительные в им. п.:

Луна... Я знаю, Земля не успокоится, пока не обовьет *ее* трассами и не откроет *ее* большие и малые *тайны* (Из газет, 1966); *Вода...* Нет, наверное, для городского жителя ничего естественней и проще — подошел к водопроводному крану, повернул, и... хлынула прозрачная, чистая, вкусная вода («Работница», 1965); *Однополчане...* Те, кто был в бою на Волге, форсировал Днепр и штурмовал Берлин, знают высокую цену *этого слова* (Из газет, 1965).

2. Непредикативные словосочетания во главе с именем существительным в им. п. (иногда во главе с количественным числительным). Примеры из газет 1963—1965 гг.:

Ткань, убивающая бактерии! — создать *ее* ученые пытались давно; *1300 метров — такова* длина переходов, построенных за пять лет под улицами нашего города; *Несколько граммов золота*

на алом шелке столичного знамени... Все сокровища мира не сравнятся в цене *с этим* граненым *кусочком* яркого металла, олицетворяющим подвиг народа; *Страна новостроек! Так* говорят и пишут о нашей Советской Родине, прокладывающей путь к коммунизму; *Партизанский край... Такое название* не встретишь на географической карте.

3. Синтаксические ряды, организованные на основе сочинительной связи:

Рабочий и крестьянин! Их, непосредственных производителей материальных благ, с первых же шагов Советской власти в нашей стране связывают братские узы нерушимого союза (Из газет, 1965); *Литературная полукультура, стилевое мещанство, языковой натурализм...* Академик В. В. Виноградов говорит *о них* в своей статье не как о частных просчетах отдельных литераторов (Из газет, 1965).

Иногда такие ряды расчленяются на отдельные формы. Образуются комплексы фраз на месте именительного темы. Например:

Двадцать семь тысяч деревьев! Шестьдесят две тысячи кустов!.. Эти цифры, вписанные не так уж много лет назад в обязательства рабочими Себряковского цементного завода, обернулись теперь чудесным тенистым парком (Из газет, 1966); *Диалог. Встреча за круглым столом... Форум.* Незаметно, но прочно вошли *эти понятия* в наш обиход (Из газет, 1966).

66. В современном русском языке широко представлены эквиваленты именительного темы, т. е. различные отрезки речи в его позиции. Как уже отмечалось, собственные синтаксические свойства этих речевых отрезков в значительной мере ослабляются. Даже типичные предложения, будучи эквивалентами именительного темы, изменяют свою коммуникативную направленность. Эквиваленты именительного темы уподобляются прежде всего словесному именительному. Наблюдается явная близость между такими явлениями, как именительный темы, заглавия, конструкции с прямой речью. Не случайно в качестве именительного темы часто употребляются различные по структуре заглавия, названия, цитаты. Ср. следующие примеры:

«Красота» — так называется поэтический сборник, только что вышедший в Ашхабаде (Из газет, 1965); *«Как закалялась сталь»! Эти слова* стали в наше время символом беззаветности, революционности, верности идее (Из газет, 1966); *«Фильм, которого не увидят»— так* еще совсем недавно называли здесь картину «Военная игра» (Из газет, 1966); *«Что нужно и что не нужно геологу»— так* можно было назвать выставку, которую с интересом осматривали участники совещания (Из газет, 1966); *«Идеи Ленина живут и побеждают»— под таким девизом* открылся вчера в Ленинграде и Ленинградской области необычный кинофестиваль (Из газет, 1966).

Эквиваленты именительного темы могут иметь различную синтаксическую природу и различное строение. В роли именительного темы, в его позиции могут употребляться:

а) Отдельные слова и формы слов (помимо существительных в им. п.):

Вечная и нерушимая! Вот два слова, которые определяют глубину и прочность дружбы между странами великого социалистического лагеря (Из газет, 1961); *Пора!* Я *этим словом* начал | Мою дорожную тетрадь (А. Твардовский, За далью — даль).

б) Сочетания слов, фрагменты сложных предложений:

На ленинской вахте... Все чаще появляются на страницах наших газет и звучат по радио *эти слова* (Из газет, 1960); *Когда кончится война... От этой отправной формулы* исходили сейчас все мечты людей (С. Никитин, Падучая звезда).

в) Предложения различных типов:

Убит Кеннеди! Мы узнали *об этом* перед отлетом из Индонезии (В. Песков, Белые сны); *Закон есть закон. Это выражение* можно часто услышать на Британских островах (Из газет, 1966); *Медведь в редакции.* Не часто на долю журналистов выпадает *такая встреча* (Из газет, 1966).

В позиции именительного темы часто выступают вопросительные предложения. Вопрос обостряет фиксацию внимания на теме дальнейшего сообщения. Вопросительные предложения, употребляясь на правах именительного темы как его эквиваленты, утрачивают свою прямую функцию, переходят в новую коммуникативную ситуацию. Вот характерные примеры:

Ну, а как чувствуют себя остальные команды? Это вопрос далеко не праздный (Из газет, 1964); *Какие планы у коллектива нового лесопарка? Об этом* нашему корреспонденту рассказал его директор, известный московский лесовод В. И. Вакуленко (Из газет, 1964); *Недостатки?* Быть может *они* и есть (Из газет, 1966).

Специально следует выделить конструкции, которые представляют собой отдельные инфинитивные формы или целые инфинитивные предложения:

Летать! Это и сейчас самая большая его мечта, самое страстное желание (Из газет, 1962); *Умереть в двадцать один год и успеть создать такую теорию решения алгебраических уравнений, на которую опираются поколения математиков!* Разве ж *это* не счастье? (Из газет, 1963); *Вставать утром, слышать, как иволга приветствует тебя грудным свистом, по росе идти на поиски притаившейся в оврагах, в опушках, в поросших ивняком речных берегах той нетленной красоты, которая станет радовать людей, размягчать их сердца.* Что может быть чище *такой* покойной *жизни!* (В. Тендряков, Свидание с Нефертити).

В позиции именительного темы могут употребляться и номинативные предложения. Одиночные имена существительные

в им. п. в положении перед анафорическим местоимением в большинстве случаев осмысляются как непредикативные единицы, как типичные представители именительного темы. Но когда таких существительных (или сочетаний во главе с ними) оказывается несколько, когда при их изоляции из контекста они свободно воспринимаются как номинативные предложения, появляются серьезные основания говорить об употреблении номинативных предложений в позиции именительного темы. Вот примеры из газет 1965—1966 гг.:

Поля и перелески, хлеба, вставшие в рост человека, голубой разлив цветущего льна... Кто из людей, окинув взором *эту* чудесную *картину,* не воспримет ее с радостью и торжеством, не проникнется чувством уважения и благодарности к ее творцам-земледельцам; *Окостеневший пень некогда могучего древесного патриарха, подернутые тусклой пленкой отравленные воды реки, чахлая, истощенная пашня...* Кого могут оставить равнодушным *подобные картины*!; *Сплошная пелена снега. Ветер. Вершины гор, укутанные в пледы облаков. Так* встретила погода участников большой лыжной программы в горах Клавиере; *...Горы, снег, солнце... Густые леса по склонам, множество ручьев, не замерзающих даже в лютые морозы, и чистый, напоенный сосновым ароматом воздух. Таково* наше Закарпатье...; *Беркли. Калифорния. Синее небо, бархат зеленых холмов, свежий ветерок с залива. Коттеджи с газонами и палисадниками. Тихие улочки. Таким* я увидел Беркли субботним утром.

Ср. также: *Прозрачных пальцев нервное сплетенье,* | *Крутой излом бровей, усталость век,* | *И голос — тихий, как сердцебиенье,* | *— Такой* ты мне запомнилась навек (Ю. Друнина, Памяти Вероники Тушновой).

г) Целые отрезки текста, состоящие из конструкций, оформленных как предложения. Примеры из газет 1964—1966 гг.:

— Я много слышал и знал по рассказам о гостеприимстве советских людей, но то, что сам увидел и почувствовал, превзошло все мои ожидания! — Эти слова принадлежат механику, ударнику рыбной промышленности Кубы Гумерсиндо Фернандесу Переда; *«Долой самодержавие! Да здравствует революция!» — эти возгласы и песни* неслись изо всех камер; *«Земля колеблется под ногами», «почва уходит из-под ног», «живут как на вулкане» — эти* обиходные образные *выражения* приобрели для ташкентцев в день землетрясения буквальный смысл; *Подстрекателями к государственному перевороту в Гане были Англия и Соединенные Штаты. К такому выводу* приходит египетская газета «Аль-Маса» в статье, опубликованной на первой полосе.

Очевидно, что сегментированные построения с именительным темы и его разнообразными эквивалентами становятся сти-

левой приметой нашей публицистики, разных ее жанров — см. приведенные выше примеры; ср. также:

Криворожье... Огромная кладовая рудных богатств, «житница» черной металлургии Юга, из которой каждодневно нескончаемым потоком движутся составы с железной рудой. Как полнее и лучше использовать ценнейшие сокровища *бассейна,* уменьшить их потери, снизить себестоимость? *Эти вопросы* волнуют горняков, побуждают их изыскивать новые методы работы, совершенствовать технику и технологию добычи руды (Из газет, 1966).

Нередко эквиваленты именительного темы — развернутые предложения, группы предложений, цитаты — занимают целый абзац, коррелят же помещается в следующем абзаце. Примеры из газет 1966 г.:

Советский Союз полностью поддерживает заявление Германской Демократической Республики о приеме ее в ООН. Советское правительство считает необходимым, чтобы Совет Безопасности должным образом рассмотрел его заявление с тем, чтобы на очередной, XXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН ГДР стала полноправным членом ООН.

Об этом говорится в письме, направленном вчера постоянным представителем СССР при ООН председателю Совета Безопасности;

Слава коллективам и ударникам, борющимся за коммунистическое отношение к труду! Слава всем передовикам и новаторам производства!

Этот первомайский Призыв партии звучит ныне с особенной силой;

«Море чудесное, синее и нежное, как волосы невинной девушки. На берегу его можно жить 1000 лет и не соскучиться...»

Эти строки были написаны А. П. Чеховым в Крыму, после купанья в Феодосийском заливе;

Бернард Шоу однажды заметил, что традиции — не что иное, как наши дурные привычки, которые мы стремимся во что бы то ни стало узаконить. Конечно, это парадокс. Но бывает, что иные «традиции» и в самом деле дают повод для подобного толкования.

На такой грустный *вывод* наталкивают размышления о практике организации гастролей в Москве местных театров;

— Москва, я — «Мирный»! Москва, я — «Мирный»! Как слышите меня?... Прием...

Так началась вчера радио-пресс-конференция участников одиннадцатой советской Антарктической экспедиции с советскими и иностранными журналистами.

Очень часто сегментированные построения начинают собой газетную статью, заметку, корреспонденцию. Такое начало сразу фиксирует внимание читателя на главном.

В виде особых приемов построения сложного синтаксического целого в современном литературом языке отрабатываются конструкции с обратным, по сравнению с конструкциями с именительным темы, следованием частей: они организованы по принципу антиципации. Их первая часть содержит указательное местоимение (или местоименное наречие) в «интригующей», «обещающей» функции. В первой части говорится о каком-то пока не раскрытом читателю событии, факте, его внешних обстоятельствах; во второй части конкретизируется это событие, факт. Подобные построения также характерны для начала того или иного текста. Например:

Это бывает не часто, но с годами все чаще и чаще. Я просыпаюсь на рассвете и иду бродить по пустым московским улицам (Н. Евдокимов, Степка, мой сын); *Это* было вчера. Самолет рейса «Варшава — Москва» плавно приземлился на аэродромном поле и подкатил к Шереметьевскому порту. Подъехал трап, и... из широко открытой дверцы лайнера вынесли шесть аккуратно упакованных ящиков. Это был бы совсем обычный в аэродромной практике случай, если бы эти громоздкие посылки не «излучали» чудесный аромат цветов (Из газет, 1966); *На этот экспонат*, хранящийся в отделе керамики Государственного Исторического музея, обращают внимание все посетители. Блюдо расписано удивительно яркими, праздничными красками. Герб Советского Союза вплетается в затейливый орнамент (Из газет, 1966); Раньше всех *сюда* приходит почтальон. По адресу: улица Карла Маркса, 21/4 в эти дни поступает большое количество писем. На конверте можно прочесть: «Москва, Институт химического машиностроения, приемная комиссия» (Из газет, 1964).

Ср. также газетные заголовки, построенные по этому принципу, т. е. содержащие «интригующее» местоимение (конкретизация содержания местоимения происходит в самом — озаглавленном — тексте). Вот примеры из газет 1964—1966 гг.:

Они представляют Крайний Север...; *Они* стали бойцами; *Они* жили в 30-х...; *Они* ковали победу; *Его* именем названа улица; *Ее* большой дом; *Эти* цифры радуют; *Это* обсуждала общественность; *Это* сделано за 4 года; *Это* произойдет 25 марта.

67. Основной процесс в истории конструкций с именительным темы — увеличение употребительности этих конструкций и некоторое расширение их стилистического диапазона. Конструкции с именительным темы характерны для книжной речи. Часто они используются для создания высокой тональности, для выражения чувства торжественности, приподнятости. Но в то же время конструкции с выдвижением на первое место «темы» высказывания и последующим замещением этой части коррелятом широко распространены в устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка[9]. Диалектологи уже давно засвидетельствовали подобные конструкции в народных говорах[10].

Не без влияния «естественной» речи сегментированные конст-

---

[9] См. об этом: О. А. Лаптева. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка.— ВЯ, 1966, № 2; см. также ниже, § 90.

[10] В. И. Чернышев. Сведения о Мещовском говоре.— В кн.: «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. 5. СПб., 1898, стр. 249; В. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии.— ИОРЯС, т. XVII, кн. 2. СПб., 1912, стр. 129; А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1952, стр. 199—202.

рукции с именительным темы и его эквивалентами постепенно закрепляются в книжно-письменном языке.

В поэзии XIX в. конструкции с именительным темы можно найти нечасто. Но у поэтов XIX в. встречаем близкие к этим конструкциям конструкции с риторическими обращениями. Можно думать, что эти последние в определенной мере способствовали утверждению интересующей нас конструкции в русском письменном литературном языке.

В XIX — начале XX в. конструкции с именительным темы употребляются сравнительно редко. Единичные случаи мы обнаружили в журналах «Современный мир» и «Русское богатство» за 1907—1913 гг. Например:

Моя мать — это было кроткое, нежное и чистое существо («Совр. мир», 1907); *Стихи, стихи, стихи...* Не слишком ли много *стихов?* (Там же); *Идеальный университет... Идеальные профессора... Идеальные студенты...* Но идеал остается идеалом (Там же); *Лев Николаевич Толстой или Анастасия Алексеевна Вербицкая?* Кому *из них* володеть мыслью и княжить в сердце современного русского читателя? («Совр. мир», 1910); *«Движения»— так* названа повесть (Там же); *Дело Бейлиса... Так* оно называется официально; *под таким же заголовком* печатаются отчеты о нем в газетах; *то же название* сохраняю и я («Русское богатство», 1913).

В отличие от наших дней, конструкции с именительным темы были редки в статьях научно-популярного, общественно-политического, критико-библиографического содержания.

В газетной речи предреволюционных лет конструкции с именительным темы представлены шире. Вот характерные примеры:

Тропинин!.. Его художественные произведения в течение более полувека расходятся ежегодно в сотнях тысячах экземпляров по всей России («Русское слово», 17 июня 1907); *Дожди...* Вообразите, что господствующим впечатлением, сохранившимся от Костромы, было у меня впечатление идущего дождя (Там же, 26 июня 1907); *Виды на ярмарку...* Пока *они* неопределенны (Там же, 17 июля 1907); *Дружины школьной молодежи!* Какой *это* могучий факт внутреннего роста России («Биржевые ведомости», 4 окт. 1916); *О, старая и вечно новая, чисто русская сказка о великости, обилии и отсутствии порядка!* Нигде, может быть, не вспоминается *она* так часто, как на кавказских минеральных водах («Русское слово», 31 июля 1907); *Ах, эта проклятая «гуща жизни», от которой никак не отбояришься, никакими крестами не открестишься!* Власть *ее* неодолима («Копейка», утренняя газета, 28 июня 1909).

Ср. также случаи осложнения конструкции с именительным темы:

«Черный город», «кромешный ад», «дьявольский город» — эти эпитеты уже скользят около Баку, еще не укрепившись прочно

за ним («Русское слово», 26 июня 1907); *О, милый чеховский уголок! Грустная и светлая память о мечтательной благородной душе, о великом сочувствии страдающему!* Берегите *эти* маленькие *оазисы* чистой любви и чистого творчества среди пустынных равнин борьбы и злобы,— бодрящее напоминание о неугасшей и неугасимой человечности! («Биржевые ведомости», 2 апр. 1916); *Всероссийское торжище!.. Всероссийское торжество капитала и широкой русской натуры, сжатой в тиски общественного, домашнего и правительственного гнета!..* Как недавно еще было верно *такое определение* («Русское слово», 17 июля 1907).

Таким образом, в газетной речи предреволюционного времени представлены разнообразные типы конструкций с именительным темы. Однако частотность их употребления значительно ниже, чем в современном языке.

68. Наблюдения над языком газет «Правда» и «Известия» за 1936—1938 гг. показывают, что каких-либо заметных сдвигов в употреблении именительного темы не произошло. Конструкции с именительным темы служат в это время в основном высокому стилю, придают речи торжественность. Например:

Родина! Ей я обязан всем своим существованием, *она* меня вырастила и воспитала; *Москва! Сердце нашей великой родины!* С какой радостью и волнением ехали мы *сюда,* чтобы показать образцы украинского искусства, украинскую народную песню, украинский народный танец!; *Советская женщина... Вот* тема, которая доминировала в речах участников сессии на вчерашнем утреннем заседании; *Чудовищные контрасты капиталистического мира! Они* распространяются не только на вещи, но и на человеческие организмы; *«Право на труд!»— эти страстные слова* впервые прозвучали, как призывные удары набата, более ста лет назад; *«Неистовый Виссарион» — под этим именем* Белинский был известен в кругу своих друзей, *с этим именем* Белинский вошел в историю; *Советский Восток! Над ним* ярко и неугасимо рдеет солнечное сияние кремлевских рубиновых звезд.

69. В последующие годы сегментированные конструкции с именительным темы начинают употребляться все чаще и чаще. Этот рост становится особенно заметным в 50—60-е годы. Конструкции с именительным темы широко распространены как в авторской речи произведений художественной литературы, так и в различных жанрах публицистики, включая научно-популярную литературу. Они несвойственны лишь строго научному и деловому стилям речи.

Говоря о росте в целом употребительности в современном русском литературном языке конструкций с именительным темы, необходимо учитывать, что в обращении к этим специфическим конструкциям, так же как и к конструкциям с парцелляцией, проявляется индивидуальная склонность того или иного

автора. В особенности это относится к авторам художественных произведений — писателям и поэтам. Для некоторых из них это — излюбленная конструкция. Многочисленные примеры с именительным темы можно найти в произведениях К. Паустовского, В. Некрасова, В. Тендрякова и др. Например:

К. Паустовский: *Слово! Язык! Об этом* нужно писать не короткие статьи, а страстные воззвания к писателям, обширные монографии, тончайшие исследования (Поэзия прозы); *Долина роз! Самые эти слова* меня волновали (Далекие годы); *Ах, дед Максим Григорьевич! Ему* я отчасти обязан чрезмерной впечатлительностью и романтизмом (Там же); *Свобода!* Я тогда еще смутно представлял себе, *что это такое* (Там же); *Восстание! Это слово* звучало необычно в тогдашней, как будто патриархальной России (Там же); *Лефортовские ночи! Ночи войны, страданий и размышлений о путях человека по извилистой и трудной жизни. Это* были ночи моей возмужалости (Беспокойная юность); *Севастополь!* Я был *в нем* в детстве, потом во время первой мировой войны и вот сейчас, в пору голода и опустошения (Время больших ожиданий); *Ах, этот крейсер «Аверов»!* Сколько в те годы я видел в Одессе *его* роскошных изображений! (Бросок на юг); *Испания...* Он видел *ее берега* в кремнистых далях, отрезанные от неба, как мечом, полосой густейшей морской синевы (Там же).

В. Некрасов: *Париж...* Думаю, что нет на земле человека, которому бы не нравился *этот город* (Месяц во Франции); *Французский язык...* Говорят, *у него* очень трудная грамматика и какие-то сложности с неправильными глаголами (Там же); *Величие Франции! О нем* много говорит Шарль де Голль, президент республики (Там же); *Проблемы жилья, транспорта, водоснабжения, свежего воздуха, воскресного отдыха* — как *их* разрешить? (Там же).

В. Тендряков: *Прославленный Дон-батюшка, он* казался не таким уж широким (Свидание с Нефертити); *Штрафная рота* — да разве *она* страшна? (Там же); *Стыдливые зори над пасмурными лесами, слежавшиеся туманы под блеклой луной — счастливые откровения на холсте красками, знакомые губы Нефертити... Всего этого* может не быть (Там же); *Дома в пригородных дачных поселках — по ним* можно угадывать не только характер теперешних жильцов, но и историю многих поколений (Там же); *Война в Корее... «Холодная война»... Безумие... Ядерное вооружение... Опасность радиоактивности... Опасность для человечества... Взаимная опасность... Опасность! Опасность! Опасность!.. Слова* как чугунные ядра метались в тесном дворе, сталкивались, отскакивали, гнали друг друга, а их застенчиво переплетал горестный звук скрипки (Там же).

Иногда в одном номере газеты или даже в одной статье можно найти несколько конструкций с именительным темы.

Например, в информационной заметке о строительстве в Москве, напечатанной в газете «Правда», — три конструкции с именительным темы:

Москва, 1966-й... Какой *она* будет, наша столица, ровно через год, как изменится ее облик?; *Служба быта.* Сколько еще раздается в *ее адрес* нареканий!; *Артерии города...* Какое требуется огромное транспортное хозяйство, чтобы связать *их* между собой! (24 дек. 1965).

В статье Ю. Захарова «Меридиан дружбы»:

Пулковский меридиан. Невидимой нитью проходит *он* с севера на юг через множество городов и сел нашей Родины. *Социалистическая новь... Ее* приметы видны и в Жлобине — небольшом белорусском городке — и в окрестных селах. *А люди Белоцерковщины?* О скольких трудовых подвигах можно здесь рассказать!... («Пр.», 31 янв. 1966).

Интересное и новое явление — построение заглавий в газетах по модели конструкций с именительным темы. Такие заглавия появляются в последние годы и свидетельствуют о широте распространения именительного темы. Вот примеры из газет 1965—1966 гг.:

Футбол 1965-го... Каким *он* будет?; *Луна...* Что мы знаем о *ней* сегодня?; *Нравственное иждивенчество* — откуда *оно?; «Золотая середина».* К чему *она* ведет?; *Уроки,* чему *они* учат?; *Эгоизм...* Откуда *он* берется?; Новый устав сельхозартели. Каким *он* должен быть?; *Современник!..* А что *в нем* от будущего?; *«Гигант».* Как *его* вырастить?; *Производство второго сорта...* Так ли *это?; Михаил Кольцов,* каким *он* был.; *Сельская школа. Ее* заботы и перспективы.

К числу подобных заглавий относятся заглавия, в которых за именительным темы следует только вопросительное слово без коррелятивного местоимения. Например:

Нефтяная угроза — откуда? (Из газет, 1964); *Два пола. Зачем и почему?* (Из газет, 1964).

Иногда заглавие газетной статьи выполняет функцию именительного темы по отношению к первому, начальному предложению статьи. Примеры из газет 1964—1966 г.:

Товарищи ильичевцы (заглавие). *С этих слов* у них начинаются партийные собрания; *Тетя Дуся* (заглавие). *Так* ласково зовут Евдокию Федоровну Еськову дети; *Четыре премьеры* (заглавие). *Они* прозвучали в очередном концерте «Ленинградской музыкальной весны»; *Сапер и физик* (заглавие). *Это* две профессии одного и того же человека; *Музыкальная весна мира* (заглавие). *Так* назвала международный конкурс имени Чайковского известная французская пианистка Маргарита Лонг; *Всё о насекомых* (заглавие). *Так* можно было бы назвать пятитомный «Определитель насекомых Европейской части СССР»; *Последний рейс* (заглавие). *Так* называлась заметка в нашей газете.

«*В. И. Ленин и Татария*» (заглавие). *Так* называется недавно выпущенный Татарским книжным издательством сборник.

Конструкции с именительным темы получили в 50—60-е годы широкое распространение в литературно-художественных, общественно-политических и научно-популярных журналах, причем, в отличие от дореволюционных журналов, эти конструкции активно используются в разделе критики и библиографии. Вот несколько иллюстраций.

«Новый мир»: *Комсомол в гражданской войне... Этой теме* посвящены десятки и сотни книг и брошюр (1964, № 5); *Лирик и портретист* — заключено ли *здесь* действительное противоречие? (1964, № 3); *Тяжелые оборонительные сражения 1941 года... Защита городов-героев... Контрнаступление советских войск под Москвой... Битва на Волге... Блокада Ленинграда и ее прорыв... Сражение под Курском... Форсирование Днепра... Наступательные операции Советской Армии в 1944—1945 годах... Война с империалистической Японией.* Книга рассказывает о том, какими методами велась партийно-политическая работа *на всех этих этапах,* как политически обеспечивались важнейшие боевые операции (1964, № 2); *«Охотничий домик»* — *так* назвал покойный Михаил Аркадьевич Светлов свою новую книгу стихов (1965, № 7); *«Мир народов», «Освобождение мира», «Свобода народов», «Знамя свободы», «Свободное слово»... Эти* гордые *названия* принадлежали газетам красноармейцев-интернационалистов (1964, № 12).

«Вопросы литературы»: *Социалистическое братство!* Многое стоит *за этими двумя словами* (1965, № 12); *Историзм...* В последние годы не случайно *это требование* — требование исторически правдивого изображения прошлого и современности — встает с новой остротой (1965, № 11); *Образ Ленина в искусстве... Тема эта* безмерно широка, даже если ограничиться лишь искусством и литературой 60-х годов (1965, № 2); *Учебник для вузов по новейшей зарубежной литературе...* Хорошее, добротное пособие, живое и образное изложение процесса историко-литературного развития, основанное на четком понимании идеологического существа явлений литературы и искусства... Словом, учебник, написанный на уровне лучших достижений современной литературоведческой науки.

Такой книги еще ждут не только студенты и их наставники, но и учителя, и старшеклассники, и самые широкие круги читателей (1965, № 11).

«В мире книг»: *Космос и Человек! Необъятность миров и затерявшееся на одной из планет живое существо!...* Стихи поэта — *об этом* (1965, № 1); *Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Блок, Маяковский! Эти имена* хорошо знает советская молодежь (1965, № 1); *Человек наедине с собой... Это* приобретает новое и особенное значение в литературно-художественной идейной борь-

бе современности (1965, № 1); *Улица Р. Люксембург, 22. Этот адрес* знают не только жители подмосковной станции Ухтомская (1965, № 2); *Каучук... Это слово,* пришедшее из далеких жарких тропиков, стало сейчас символом молодой, бурно растущей отрасли химической промышленности, оснащенной новейшей техникой (1965, № 10).

Конструкции с именительным темы обычны в таких, например, журналах, как «Москва», «Октябрь», «Звезда», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Работница», «Крестьянка», «Коммунист», «Молодой коммунист», «Политическое самообразование», «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Природа», «Техника — молодежи», «Нева».

Конструкции с именительным темы проникают в научно-популярную литературу. Ср., например, в книге А. Кондратова «Звуки и знаки» (1966):

Язык деревьев... Язык трав... Язык облаков и леса, язык гор и воды... Сколько раз писали *об этом* поэты! *Знаки, сигналы...* В обычной речи мы зачастую не отличаем *их* друг от друга; *Язык животных и человеческий язык, язык свиста и язык сигналов...* Какие только *средства связи,* какие только *системы знаков* не изучает семиотика!; *Этнолингвистика — так* называется новая научная дисциплина, родившаяся на стыке языкознания, этнографии, истории, культуры; *Философия, наука, искусство...* С *их* помощью мы познаем, «моделируем» мир.

70. Итак, в русском литературном языке нашего времени наблюдается несомненная активизация сегментированных конструкций с именительным темы. Она проявляется прежде всего в общем росте в языке послереволюционной эпохи употребительности этих конструкций, заметно усилившемся в 50—60-е годы. Раздвинулись и стилистические рамки распространения этих конструкций: конструкции с именительным темы стали обычными не только в художественных стилях, но и в разнообразных жанрах газетно-публицистического стиля. Эти конструкции, однако, почти не встречаются в строго научном и деловом стилях.

Сегментированные конструкции с именительным темы и его эквивалентами служат прежде всего для подчеркивания, выделения наиболее важной части высказывания, для подготовки читателя или слушателя к восприятию основного сообщения. Помимо этой экспрессивной функции, конструкции с именительным темы часто имеют яркую эмоционально-стилистическую окраску торжественности, возвышенности.

Экспрессивные и эмоционально-стилистические функции, выполняемые конструкциями с именительным темы, отвечают естественно возросшей в советскую эпоху потребности в максимально выразительной и в то же время легко воспринимаемой, понятной речи. Вместе с тем сегментированные построения с именительным темы и его разнообразными эквивалентами, так

же как и парцеллированные конструкции, благодаря таким их собственно структурным качествам, как вариативность, гибкость, подвижность, проявляющаяся, например, в возможности отсечения или выноса в препозицию почти любого члена высказывания, свободно осваиваются синтаксическим строем нашего языка. Их интенсивное проникновение в современный русский литературный язык способствует его экспрессивно-стилистическому и собственно структурному обогащению.

Несомненно также, что рост употребительности сегментированных конструкций (как и конструкций с парцелляцией) тесно связан с общей для синтаксиса современных литературных языков тенденцией к дроблению высказывания на отдельные части в целях более быстрого их восприятия. Расчленение высказывания — это вместе с тем его упрощение, «облегчение» его структуры. Расчлененное, разбитое на части высказывание, подаваемое как бы отдельными «порциями», лучше обслуживает потребности массовой коммуникации, чем громоздкие построения.

Активизировавшиеся в русском письменном литературном языке сегментированные конструкции с именительным темы легко возводятся — как к своему субстрату — к построениям устной разговорной речи, в которых часть высказывания, называющая тему, предмет дальнейшего сообщения, выдвигается в независимую, абсолютивную позицию.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Развитие номинативных предложений. *Отграничение их от сходных конструкций. Экспрессивно-синтаксические функции номинативных предложений. Структурно-синтаксические и стилевые показатели их развития.*

Взаимодействие конструкций экспрессивного синтаксиса: парцеллированных конструкций, конструкций с именительным темы, номинативных предложений.

71. Среди средств экспрессивного синтаксиса современного русского письменного литературного языка номинативным предложениям принадлежит особое место. Номинативные предложения (или номинативы) — это конструкции русского литературного языка с определенной и однозначной грамматической характеристикой. В отличие от парцеллированных и сегментированных построений, выполняющих в русском языке только экспрессивные функции, номинативные предложения имеют свое собственное, свойственное их структуре, коммуникативное значение: они называют какой-либо предмет (явление, состояние и т. п.), утверждая его наличие, бытие.

В отличие от двусоставных предложений, предикативное отношение в номинативных предложениях носит имплицитный, неразвернутый характер.

Номинативные предложения обладают самостоятельностью («законченностью»), присущей любому предложению. Они могут употребляться изолированно, как минимальное проявление речи. Они могут заменяться эквивалентными им двусоставными предложениями, в которых свойства предложения обнаруживаются с наибольшей отчетливостью. Однако, будучи лишены такого важного структурного элемента предложения, как глагол-сказуемое, номинативные предложения обычно нуждаются в опоре на соседние предложения, обладают своеобразной коммуникативной перспективой: они обычно предполагают наличие рядом других предложений, образующих повествовательную цепь, в которую они включаются в качестве одного из слагаемых.

Номинативные предложения находятся в сложных отношениях с конструкциями, которые имеют тождественный или близкий формальный состав. Так, в следующем отрывке нет номинативных предложений:

Столица Карелии в праздничном наряде. Повсюду алые стяги, приветственные лозунги и яркие цветы. Первые весенние цветы Севера! Их особенно много у памятника В. И. Ленину (Из газет, 1966).

Здесь первое предложение — двусоставное, со сказуемым, имеющим нулевую связку; второе предложение — двусоставное неполное, без сказуемого. Далее следует именительный темы, не являющийся предложением, поскольку

он не имеет коммуникативной значимости без последующего предложения, содержащего его коррелят, обычно местоименный (см. выше, V, § 63).

Похожи на номинативные предложения двусоставные неполные предложения, состоящие только из именной части сказуемого (и соответствующих второстепенных членов), например:

В Кирове играют «Бориса Годунова» А. С. Пушкина. Дерзость, вызывающая уважение (Из газет, 1966).

В отличие от подобных именных неполных предложений без подлежащего номинативные предложения не содержат предикативной характеристики, оценки, определения того, о чем говорилось ранее. Однако в силу формального тождества или сходства наблюдается взаимодействие номинативных предложений и сходных конструкций, отражающееся на развитии как тех, так и других [1].

Следует обратить также внимание на соотношения номинативных предложений с предложениями сходного строения—выражающими в одних случаях значение ненастоящего времени, в других случаях — значение отрицания. Так, номинативные предложения при определенном лексическом составе соотносятся с двусоставными предложениями, включающими полнозначный глагол *быть* в прошедшем или будущем времени. Например:

Была весна. Было солнце, почки и разудалое чириканье. Было 9 часов утра (Из газет, 1966).

С другой стороны, номинативные предложения, которые в большинстве случаев являются утвердительными, соотносятся с отрицательными неполными безличными предложениями без сказуемого. Например:

Ночь. Редкая тихая ночь. Замерли берега Нары. *Ни выстрела, ни взрыва.* Замерло небо, угрюмое, низкое, темное. *Ни гула самолета, ни луча прожектора* (С. Баруздин, Ее зовут Елкой) (о соотношении распространенных номинативных предложений с некоторыми разновидностями двусоставных предложений см. V, § 85).

Различаются три основные функциональные разновидности повествовательных номинативных предложений (со значением реальной модальности): 1) описательные предложения (примеры см. выше); 2) предложения-сообщения (— *Лисица, лисица!* закричали оба инженера...— В. Шишков. Угрюм-река); 3) указательные предложения (— *Вот скамейка,* сядем здесь,— коротко и тихо сказал незнакомый голос.— М. Козаков. Крушение империи). Ниже речь будет идти об основных направлениях и особенностях развития первой группы номинативных предложений — описательных, поскольку именно эта разновидность номинативных предложений активизировалась в авторской речи послереволюционного времени в качестве одного из средств экспрессивного синтаксиса.

72. Номинативные предложения имеют специфические особенности, которые влияют на их употребление и развитие. Сравним два отрывка.

1. И вот я снова в крымских степях. Дорогая сердцу хлебороба весна безраздельно властвовала над всем, что охватывал взор. Залитые ярким солнцем, нежно зеленели окаймленные красавцами тополями пашни, цвели бесконечные сады, возбужденно гудели над ульями и яблонями пчелы, источали пряный

[1] См.: А. С. Попов. Номинативные предложения и сходные с ними по форме синтаксические конструкции в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. М., 1960.

запах кусты сирени, и голубизна неба была такой манящей родниковой чистоты, что немыслимо было представить его пасмурным и холодным еще совсем недавно (Из газет, 1966).

2. Весна... Первые туманы над полноводными реками, первые грозы над принаряженным лесом, первые букеты цветов и первые соловьиные трели. Здравствуй, краса родной стороны! (Из газет, 1966).

В первом отрывке нет номинативных предложений. Отдельные предметы и явления описываются в их взаимных связях, во всем многообразии их признаков. Второй отрывок, состоящий в основном из номинативных предложений, фиксирует отдельные предметы и явления без их детализации — кратко, сжато, несколько отвлеченно. В то же время создается впечатление показа фрагментов «живой» картины. Воображение объединяет их в целое, восполняя пропущенное. С номинативными предложениями органически связана специфическая образность. За ними угадывается подтекст.

Лаконизм (и тем самым известная отвлеченность) и в то же время изобразительность, картинность (и тем самым образная конкретность) — вот специфические особенности, присущие номинативным предложениям в функционально-стилистическом аспекте.

Номинативные предложения — это такая синтаксическая конструкция, без которой совершенно свободно можно обходиться в авторской описательной или повествовательной речи. Их нельзя отнести к числу стилистически нейтральных конструкций. Они характерны для определенных стилей литературного языка, прежде всего таких, как художественный и газетно-публицистический. Но в других случаях своего употребления номинативы — это «техническое» средство, применяющееся для того, чтобы кратко, без лишних деталей зафиксировать определенные мысли, наблюдения или просто предметы, факты. Номинативы типичны, например, для записных книжек, дневников, писем, т. е. для таких жанров литературного языка, которым свойственна непосредственность изложения мыслей, быстрота фиксации основных, главных деталей. Номинативные конструкции издавна связаны с ремарками в пьесах, с заглавиями книг, частей книг, статей, с различными планами, программами, оглавлениями, т. е. построениями, не являющимися предложениями.

Между номинативными предложениями в «технической» функции и употреблением номинативных отрезков для обозначения чего-либо, в качестве надписей-ярлыков, наблюдается тесная связь. Заглавия книг, частей книг, газетных статей не образуют предложений. Но они легко могут быть трансформированы в предложения, оказавшись в новых коммуникативных условиях. Вот примеры, в которых заглавия выступают в качестве предложений:

В 10 часов утра газетчики... понеслись по улицам с криками: «Роспуск Думы!», «Новые выборы!» («Русское слово», 5 июня 1907); А знаменитый «Пате-журнал», который «все видит, все знает». Париж и живые парижане. Натуральный пожар с жертвами. Наводнение в Голландии. Работа слонов в Индии. Охота на китов. Карнавал в Венеции. Живой настоящий царь Николай Второй, маленький, щупленький, в настоящем Питере. Фабричный труд в Англии. Страхование рабочих в Германии... (Е. Пермяк, Горбатый медведь).

С помощью номинативов строятся различные программы, схематичные обзоры, делаются краткие записи. Например:

Обзор содержания трилогии «Хождение по мукам». Широкая картина революции и гражданской войны в эпопее. Судьбы интеллигенции в революции (Из программы по литературе для средней школы); *Глава I. Петербург. Великосветский вечер у фрейлины Анны Павловны Шерер. Хозяйка и чиновный князь Василий Курагин. Разговор о Наполеоне. Проект Анны Павловны женить сына князя Василия — Анатоля на богатой княжне Марье Болконской* (Из обзора содержания по главам «Войны и мира» Л. Толстого).

«Техническая» функция номинативных предложений ярко обнаруживается в дневниках, в ремарках пьес, в киносценариях:

Вечер. Кресло в большой парикмахерской. Обычный шум: стрекотание ножниц, щелканье машинок. У кресла Люся (К. Финн, Сестры-разбойницы); Гремят оркестры. *Открытое пространство большого аэродрома, залитого солнцем. Грандиозная перспектива самолетов, выстроенных к параду. Оживленные группы военных летчиков.* Чкалов неторопливым шагом идет вдоль линии самолетов (Г. Байдуков, Д. Тарасов, Б. Чирсков, «Валерий Чкалов»).

Но в этих жанрах литературного языка мы сталкиваемся с перерастанием технической функции номинативов в художественную, что особенно рельефно проявляется в жанре очерка.

Заметим, что употребление или неупотребление номинативов, а также бóльшая или меньшая степень насыщенности ими текста — одно из характерных проявлений авторской манеры того или иного писателя, журналиста (см. ниже, V, § 76), и в этом номинативы сближаются с экспрессивно-стилистическими приемами парцелляции и сегментации (см. выше, V, § 54 и 69).

Таким образом, номинативные предложения в своем употреблении противоречивы: это конструкция и техническая, и художественная; связанная и с литературным языком в целом, и преимущественно с его отдельными жанрами; употребляющаяся широко, разными авторами, и характерная в особой степени лишь для некоторых авторов. Эти противоречия накладывают отпечаток на процесс развития номинативных предложений и, быть может, обусловливают этот процесс.

73. В развитии номинативных предложений в русском литературном языке советской эпохи наблюдаются три основных процесса: 1) количественный рост номинативных предложений в определенных стилях и жанрах языка; 2) расширение возможностей синтаксического включения номинативных предложений в контекст; усиление их взаимодействия с другими синтаксическими конструкциями; 3) активизация некоторых способов распространения главного члена номинативных предложений.

Номинативные предложения, по данным исследований историков русского литературного языка, получают широкое употребление в «собственно» художественной литературе лишь со второй половины XIX в., причем сначала в поэзии, а затем в прозе (хотя номинативы обычны уже, например, в путевых заметках и черновиках А. Грибоедова). В начале XX в. номинативные предложения становятся распространенной конструкцией письменного литературного языка. Они встречаются в художественной прозе и поэзии, в различных газетных жанрах, причем наряду с одиночными номинативами употребляются цепочки номинативов, сложные описания, построенные с помощью номинативных предложений.

Примеры из литературно-художественных журналов:

Ленивый, хриплый лай невидимых псов; шустрый казачок, кубарем скатившийся по скрипучим, широким ступеням крытых сенец; вопрос: «Дома ли Иван Алексеевич Салин?» *и быстрым говором — ответ, с явным напоминанием титула:* «Их превосходительство принимают-с!»; *высокая передняя с ореховым сундуком у окна и зеркалом в бронзовой раме у вешалки; медленно отворяющиеся белые двери,* и в них — сущий старый мопс с румяной кожей отвислых щек («Современный мир», 1907, № 5); Школка была маленькая, совсем убогая. *Низенькое крылечко, темные сенцы, скрипучие половицы, нависшие потолки с трещинами и потеки по давно небелёным стенам.* Передней не было, дверь из сеней прямо открывалась в класс («Русское богатство», 1913, № 8).

Примеры из газет:

Суббота, 2-го июня, 2 часа дня. Открытое заседание. Места депутатов густо заполнены («Русское слово», 6 июня 1907); *Освещенный электричеством зал заседаний московской судебной палаты в Н.-Новгороде. Суд над объединенным комитетом с-д. партии.* Всё по шаблону (Там же, 10 февр. 1907). *Тишина. Молчание. Отсутствие толпы, отсутствие молодежи.* Нет речей, нет смеха, улыбок (Там же, 30 янв. 1907); *Пыль, жара, барышни, гимназисты, мост и строящийся затон. А вот и наш «Самолет» и пароход «Князь Юрий Суздальский»* (Там же, 17 июля 1907); *Гермсдорф. Маленькая станция, застрявшая в отрогах Судетских гор, на прусско-богемской границе. Свежевыкрашенный и чистенький вокзал, словно только что отстроенный. На платфор-*

ме толкотня, шум и говор («Волгарь», 1 июля 1910); *Большой двухэтажный дом у моста через реку Великую.* Это — сердце, толкающее кровь по артериям учреждений северного фронта всероссийского земского союза. *Несколько просторных зал с расписными кое-где потолками* («Биржевые ведомости», 31 марта 1916); *Девятый день боя. Ясный солнечный день.* Заботы совершенно изгладили из памяти и вчерашний мокрый снег, и ветер, и ночной мороз (Там же, 27 марта 1916).

74. В предреволюционные годы русский литературный язык располагал многообразными приемами употребления номинативных предложений. Издавна номинативные предложения употреблялись в дневниках, кратких записях, в ремарках пьес. Затем они утверждаются — с иной стилистической тональностью — в стихотворной речи, позже — в художественной прозе, главным образом в очерках. Расширение сферы применения номинативных предложений лишает их ореола изысканности, утонченности речи, как это наблюдалось в некоторых стихотворениях А. Фета, но они не становятся нейтральной синтаксической конструкцией.

75. В послереволюционную эпоху продолжается процесс активизации номинативных предложений, возрастает их частотность в текстах, их употребительность. Большое распространение получает новый жанр, с которым тесно связано употребление номинативных предложений,— киносценарии. Этот литературный жанр тесно связан со сценической ремаркой и на первых порах представляет собой собрание указаний для режиссера и актеров. Сценарии предельно лаконичны, разгружены от деталей, подробностей. Их задача — создать зрительно-осязаемую картину. Этим объясняется большое количество номинативов в киносценариях. Например:

Лес. Узкая заснеженная дорога. Брошенные обозы рыцарей. Сани, нагруженные веревками для вязки пленных. Василиса догоняет Анания... (П. Павленко, С. Эйзенштейн, «Александр Невский», 1938); *1930 год. Март. Сумерки. Дорога в грязном весеннем поле. Неяркие русские просторы. Хмурые деревни, запавшие в овраги. В тумане волнующее карканье первых грачей* (К. Виноградская, Член правительства, 1940); *Ласковый итальянский пейзаж. Утреннее солнце. Широкие прозрачные дали.* В глубине, на фоне гор, видны очертания старинной твердыни (Г. Гребнер, «Суворов», 1941).

Выступая прежде всего в своей «технической» функции как удобное средство для регистрации отдельных называемых предметов, явлений, номинативные предложения в сценариях приобретают художественную функцию. Они употребляются и в современных сценариях, хотя некоторые авторы явно пытаются избегать этой конструкции, очевидно, в силу ее «техничности», сухости. Вот примеры из новых сценариев:

Море. Памятники. Памятник погибшим морякам в Севастополе. Памятник Неизвестному матросу (В. Горохов, К. Славин, М. Юдин, Корабли не умирают, 1965); *Сумерки. Туман.* Тимофей и два солдата тащат тяжелые ящики; *Склон сопки. Поляна недалеко от аэродрома* (мы видим аэродром вдали). Гонтарь, Тимофей и еще двое мотористов собирают полярные грибы — ольхоушки. *Склон сопки, голубой от ягод.* Люди медленно бродят по поляне (Г. Свирский, Г. Щукин, Дикая земля, 1966); *Дневные и вечерние костюмы, фраки и смокинги, домашние халаты и визитки.* Лица манекенов в витрине равнодушно глядели на прохожих. Из магазина вышел Алексей. Он был одет точно так же, как джентльмен на рекламе Бюро путешествий. Брюки до колен, клетчатые гетры, кургузый пиджачок и узкополая тирольская шляпа с пером (В. Валуцкий, В. Викторов, Начальник Чукотки, 1965).

Язык сценариев оказывает несомненное влияние на язык художественной прозы, в том числе и в сфере употребления номинативов. В. Панова, писательница, много работающая для кино, замечает: «Современная проза и современная кинодраматургия очень тесно сплетены. Думаю, что их сродство и взаимное обогащение будут еще усиливаться»[2].

76. В послереволюционное время заметно возрастает количество номинативных предложений в очерках, которые по своему характеру связаны с дневником, записной книжкой и в то же время с киносценарием. Очерк фактографичен, он стремится наглядно представить те или иные предметы, явления. Поэтому очеркисты часто обращаются к номинативным предложениям. Вот характерные примеры:

Утро в нашем областном городе,— только что политый асфальт набережной, и нависшие низко корявые ветви старых лип, полные круглых листьев, и черная, классического рисунка чугунная решетка, за которой блестит широкая, покойная, медленно вспухающая река. С реки едва тянет влажным холодком (Е. Дорош, Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник, 1959); *Пятьдесят тысяч километров туда и обратно. Двадцать дней дороги по свету и тридцать антарктических дней.* Сейчас мне все это кажется сном. *Сахарный снег Гималаев. Пальмы. Экватор. Острова потухших вулканов. Красные земли Австралии. Молнии тропических гроз. Новая Зеландия. Рукопожатия с американцами. А потом месяц жизни на льду... Свет маяка над столовой. Свет папиросы в ночное дежурство у мигающих огоньками приборов. Струны антенн. След трактора и саней длиною в тысячу километров. Черная трещина. Березовый веник в бане. Тысяча слов в газету. Пингвины, застывшие около айсбергов. Черные*

[2] В. Панова. Трое мальчишек у ворот и другие рассказы и повести. Л., 1964, стр. 19.

очки и нос, облупившийся, как молодая картошка. Буря на острове Ричардсона. Обед в самолете на старой антарктической карте. На новой карте — отметки новых следов. *Кинофильм, который крутят в двадцать девятый раз. Дрожащие руки с письмом из дома. Подводная синева айсбергов. Таблицы толщины и крепости льда. Магнитные и снежные бури. Восьмерка зимовщиков Молодежной. Книги о самых первых, увидевших снежную землю. Прозрачный ручеек с потолка в доме. Авралы. Дорога Андрея к «белым пятнам» антарктической карты. Пламя красного флага.* Один этот флаг способен отогреть сердце после бесконечной белой дороги... (В. Песков, Белые сны, 1965).

Такие протяженные описания, насыщенные номинативами, характерны не только для очерков. Подобные описания можно встретить в различных жанрах художественной прозы. Например:

Теснясь с приятелями в широких дверях, нарочно давя пискуш-девчонок, Шурка бежит в класс.

Класс... Два ряда черно-рыжих парт. Выбитая добела, желобом, от порога к партам и в проходе, между ними, дорожка на крашеном полу — будто кинутая сторожихой после мытья чистая дерюжка... Высокий блестяще-черный, как лакированное голенище сапога, стол учителя, за которым так приятно посидеть, подурачиться: негромко покашлять, помолчать, глядя в окно, постучать карандашом и ласково, известным добрым, с хрипотцой, баском сказать протяжно, как сам Григорий Евгеньевич: «Нуте-с, ребятки...» *Дырявый глобус на шкафу, и сам он, разлюбезный миленочек, ободранный, с приоткрытой, незапирающейся дверцей, туго набитый прочитанными и еще не читанными, толстущими, неведомыми, а потому наверняка страсть интересными книжищами... Расколотая, на двух ногах, мутная доска с вечно пропадающей куда-то мокрой тряпкой и съеденным потихоньку любителями мелом...* И самое дорогое, разлюбимое тепленькое местечко — последняя к стене старенькая парта, где сидит Шурка с баловником Пашкой Тараканом и Андрейкой Сибиряком, изрезанная ножом, поцарапанная, с фиолетовыми нечаянными морями и озерами и все равно самая лучшая из всех других парт — твоя парта!.. *Два больших светлых окна на Волгу... Твой класс!* (В. Смирнов, Открытие мира, 1965); *Ижора, Река Нева. Семнадцатый год. Школа прапорщиков инженерных войск. Понтонный мост.* Как сейчас помню жару, свежий воздух, песчаный берег реки. *Муравейник свежепризванных молодых людей, двигающихся размеренными дорожками, разученными движениями и слаженными действиями выстраивающих безостановочно растущий мост, жадно пересекающий реку.* Где-то среди муравейника двигаюсь я сам (С. Эйзенштейн, «Сергей Эйзенштейн», 1944).

В художественной прозе советской эпохи номинативные предложения стали употребляться значительно чаще, чем раньше.

Однако, если для одних писателей эта конструкция является излюбленной (В. Шишков, В. Тендряков и др.), то другие почти не прибегают к ней (Л. Леонов, К. Федин, А. Фадеев и др.).

Такой же характер авторской избирательности носит употребление номинативов в публицистике, в мемуарах. Так, номинативные предложения широко представлены в мемуарах И. Эренбурга («Люди, годы, жизнь», 1961—1966), М. Шагинян («Зарубежные письма», 1964), А. Цветаевой («Из прошлого», 1966).

В стихотворной речи, где номинативные предложения известны с давних пор, также возрастает их употребительность, причем у некоторых поэтов находим не только одиночные номинативы, но и длинные цепи номинативных конструкций. Например:

Ночь. Июнь. Немые горы.| А кругом на сотни верст| Птичьи гнезда, лисьи норы.| Свет воды и дальних звезд. (А. Алдан-Семенов, Становлюсь геологом, 1959); *Послевоенный, первый, странный год.| Талоны. Ордена. Мечты. Пророчества...|* Едва лишь оперившееся отрочество, | Отрекшись от себя, рвалось вперед (Д. Голубков, Послевоенный, первый странный год, 1966); *Ветер. Стужа. Дождь. Град.* | Не угреться даже в доме (В. Боков, Камский соловей, 1965); *Секунда радости. Беспечности мгновенье.| Вдруг выпавший просвет.* Все лишь на миг! Пока. |Достаточно рывка, одно лишь дуновенье| — И тотчас же сомкнутся облака. *Миг безмятежности. Момент. Прорыв куда-то.* |В безмерность. В синеву. *Головоломный взлет.| Все будни без конца — вдруг праздничная дата!* (Е. Винокуров, Миг, 1964); *Велосипедные прогулки! Шмели и пекло на проселке. И солнце, яркое на втулке,* Подслеповатое — на елке. *И свист, и скрип, и скрежетанье| Из всех кустов, со всех травинок,| Колес приятное мельканье| И блеск от крылышек и спинок* (А. Кушнер, Велосипедные прогулки, 1962); *Владения камня. Бесплодная тяжба гранита| С корнями деревьев. Завидная близость зенита.| Молчание скал. Неожиданный грохот потока. Обвала оскал| И орел* (В. Соколов, Камень, 1960).

Некоторые поэты питают особую склонность к номинативным предложениям. Например, в стихах Б. Пастернака часто встречаются описания, составленные из номинативов:

Извозчичий двор и встающий из вод | В уступах — преступный и пасмурный Тауэр,| И звонкость подков, и простуженный звон| Вестминстера — глыбы,| закутанной в траур.| И тесные улицы; стены, как хмель,| Копящие сырость в разросшихся бревнах,| Угрюмых, как копоть, и бражных, как эль,| Как Лондон, холодных, как поступь, неровных (Шекспир, 1919); *Немолчный блеск солей.| Скалистое ущелье.| Стволы густых елей.|Садовый стол под елью* (Путевые записки, 1936). *Плетемся по грибы.| Шоссе. Леса. Канавы. Дорожные столбы| Налево и направо* (По грибы, 1956); *Осень. Сказочный чертог.| Всем открытый для обзора.| Просеки лесных дорог,| Заглядевшихся в озера.| Как*

на выставке картин:| Залы, залы, залы, залы| Вязов, ясеней, осин| В позолоте небывалой.| Липы обруч золотой,| Как венец на новобрачной.| Лик березы под фатой| Подвенечной и прозрачной. |Погребенная земля| Под листвой в канавах, ямах.| В желтых кленах флигеля,| Словно в золоченых рамах... (Золотая осень, 1958); *Корыта и ушаты,| Нескладица с утра,| Дождливые закаты,| Сырые вечера,| Проглоченные слезы| Во вздохах темноты,| И зовы паровоза| С шестнадцатой версты. И ранние потемки| В саду и на дворе,| И мелкие поломки,| И все как в сентябре* (Ложная тревога, 1941).

Номинативными предложениями насыщены поэмы В. Луговского, объединенные в книгу «Середина века».

Широко представлены разнообразные случаи употребления номинативных предложений в жанрах газетной речи: в статьях, очерках, коротких корреспонденциях, репортажах, фельетонах, в письмах читателей. Например:

Курские степи. Над рекой на крутых холмах — город Рыльск. Поднимешься, и отсюда, как со сторожевого поста, далеко видны поля, послушно раздвинувшие горизонт. Рыльск — районный центр. *Малоэтажные, затишливые улицы, сонные, еще не пробудившиеся к весне сады* («Сов. Рос.», 22 апр. 1966); *XV съезд комсомола. Кремль. Дворец съездов.* Это красиво, это великолепно, когда много людей, тысячи, тысячи, и они радостно одушевлены («Лит. газ.», 19 мая, 1966); Но впервые столкнувшись с работой Пахмутовой, я сразу подумал, что это явление незаурядное и оригинальное. *Высокая композиторская техника, профессиональная хватка, точное понимание творческой задачи и талант. Да, да, талант* («Лит. Рос.», 20 мая 1966); *Небо Северного Вьетнама. Новейший самолет. Новейшее вооружение. Самоуверенный летчик.* Он оттягивает на себя рычаг, и бомбы, бомбы падают на мирные деревни... *Дым. Пламя. Кровь* («Пр.», 1 мая 1966); Мы въезжаем на шумные, полные людей центральные улицы Каракаса, одного из самых необычных городов мира. *Широкие, сверхсовременные автострады, не пересекающиеся благодаря виадукам и эстакадам. Бесчисленные, сверкающие лаком автомобили последних марок. Отличной архитектуры дома, почти небоскребы.* А рядом со всем этим великолепием отвратительные трущобы («Изв.», 10 марта 1965).

77. Таким образом, в русском литературном языке советской эпохи, в определенных книжных стилях и жанрах — в киносценариях, в очерках, в художественной прозе и поэзии, в газетной речи — наблюдается значительная частотность употребления номинативных предложений. Номинативы почти не встречаются в строгом научном и деловом стилях, редко используются в разговорной речи. Несмотря на заметное расширение употребительности номинативов, на их явную «демократизацию», они продолжают сохранять стилистическую окраску книжности.

Количественный рост номинативных предложений — одно из проявлений общей тенденции к сжатости речи, к ее коммуникативной ясности, простоте, к устранению из речи избыточных элементов. Номинативные предложения — важное средство экономного описания. Однако в сфере художественной прозы и поэзии, где ярко обнаруживаются индивидуально-авторские склонности, где нетерпимы штампы, порою обнаруживаются и противоположные тенденции: некоторые писатели и поэты избегают номинативных конструкций.

78. В русском литературном языке советской эпохи наблюдается не только количественный рост номинативных предложений. Происходят сдвиги в синтагматическом объединении этих предложений, в принципах включения их в контекст и сочетания их с соседними предложениями, а также активизируется их взаимодействие с другими синтаксическими построениями. Можно отметить такие характерные явления, как: 1) значительное увеличение описаний, состоящих из ряда номинативов, описаний-цепочек; 2) взаимодействие номинативных предложений с приемами парцелляции и сегментации; 3) употребление номинативных предложений в необычных для них модально-временных контекстах.

79. В связи с общей активизацией в языке советской эпохи номинативных предложений в их экспрессивной функции, как уже отмечалось, значительно увеличивается употребление сложных описаний, представляющих собой многочленные цепочки номинативов. Такие описания-цепочки могут занимать различное положение в тексте. Наиболее обычны следующие их позиции:

а) Положение в начале текста (в начале всего произведения или его части, абзаца):

Чудесный голубой день, чистое небо, зеркальный воздух, глубокая прозрачная тишина! Наконец-то и в этой холодной стране наступила настоящая весна, близится короткое полярное лето (И. Соколов-Микитов. На родине птиц); *Разгромленная комната, пустые книжные полки, пятна невыгоревших обоев, обшитые мешковинами тюки, рваные газеты на полу, она, неподвижно застывшая у окна.* И все-таки я не могу верить, что конец (В. Тендряков, За бегущим днем); *Берлинские пригороды. Аккуратные домики и газончики. Асфальтированные дорожки и дорожки, посыпанные желтым песком. Гаражи на одну-две машины и собачники на одну-две персоны. Фонтанчики с рыбками и без рыбок, с плавучими растениями и без них. Пивнушки и магазинчики с ровно расставленными кружками, бутылками и товарами в поименованных упаковках. Теннисные корты и автобусные остановки, похожие на рекламные. Бензоколонки на манер американских, садики на манер французских, цветники на манер голландских...* И все сияет, зеленеет, желтеет, краснеет — пугает своей педантичной аккуратностью (С. Баруздин, Повторение прой-

денного); *Угловая комната в здании бывшего Народного дома на Гибернской улице. Непокрытый деревянный стол, восемнадцать стульев, простенький шкаф и тумбочка, на которой стоит бюст Карла Маркса.* В преддверии этой комнаты застыла по стойке «смирно» группа мальчиков и девочек (Из газет, 1966).

б) Положение после предложений, содержащих обозначение предмета или явления, который характеризуется, конкретизируется с помощью номинативных предложений:

Представьте себе торговый и деловой центр столицы маленького капиталистического государства, огромные здания банков, отелей, всевозможных концернов и акционерных обществ, авиационных компаний, несчетных магазинов с несчетными витринами. *Ультрасовременная архитектура, ее каменные кубы и цилиндры и легкие многоэтажные и многооконные здания, похожие больше всего на стеллажи... Поток машин всех на свете марок и фирм. Толпа служащих, идущих в этот час с работы* (М. Алигер, Чилийское лето); Страшный, невеселый путь! Вот он проложен в веках — от Нарвского сражения до Нарвской заставы. *Дымная кровь, капающая с неуклюжих штыков и с гибких шпицрутенов. Гордые клочья боевых знамен над в клочья иссеченными солдатскими спинами. Дворцовые караулы, охраняющие императоров и, по мере надобности, придавливающие их в углу опочивален, как крыс, освобождая этим трон для императриц. Царицыны награды за это: титулы, ордена, поместья — офицерам, двадцатипятилетний срок службы — рядовым. Зимние вахтпарады перед Зимним дворцом, снеговые переходы через Альпы, Балканы, Кавказ; застывшие трупы, валяющиеся в одних узких солдатских мундирах на снегу торцов и на снегу гор. Ослабленные винты штуцеров и подпиленные штыки, чтоб одновременный бряк при взлете на караул радовал царево сердце — и чтоб пули не попадали в турок и французов. Молчаливые атаки сомкнутым строем, с оркестром, с развернутыми знаменами под картечным огнем. Трагический разгром в 1805 году под Аустерлицем, но! — через сто лет — блестящая победа под Пресней...* (Л. Соболев, Капитальный ремонт); На топчане сидела тоненькая девушка в длинном, слишком широком для нее, расшитом блестками платье.

Маленькое, бледное личико, темные, чуть вьющиеся короткие волосы, еще не успевшие отрасти после лагеря. Опухший большой рот, впавшие глаза, высокая, тонкая шея. Руки на запястьях забинтованы (В. Кожевников, Щит и меч).

Такие описания — в форме цепочек номинативов — могут регистрировать предметы и явления, наблюдаемые во время движения (динамические описания), могут содержать портретную характеристику лица (портретные описания).

80. Употребление номинативных предложений в современном русском языке тесно связано с явлением парцелляции (см. V,

§ 45). Номинативное предложение может представлять собой подлежащее предыдущего предложения, но выделенное, вынесенное в синтаксически независимую позицию. В письменной речи такие номинативы отделяются от предшествующего предложения конечным знаком препинания. При этом наблюдаются два случая.

а) В исходном предложении нет обобщающего слова:

Здесь был вечный сумрак. *Чад. Пеленки. Дети. Гудение керосинки «Грец»* (В. Катаев, Зимний вечер); На месте, где разорвалась атомная бомба,— колонна; неподалеку большой памятник жертвам бомбардировки.

Атомный музей. Цветники. Оставленные как воспоминания развалины католической церкви с полурасщепленным Христом. Город живет обычной жизнью большого японского города (И. Эренбург, Японские заметки).

б) В исходном предложении имеется обобщающее слово:

Вот и сейчас *все* было необыкновенным. *И небо, и воздух, и мокрая от росы трава, и одинокая паутина в синеве* (К. Паустовский, Повесть о лесах); Есть *животные,* вызывающие отвращение почти у каждого. *Пауки. Многоножки. Гюрза с ее мордой курносой смерти. Стервятники. Гиены* (В. Сафонов, Книга странствий); Я присутствовал на таком матче впервые, причем сидел у самого ринга. Но *все,* что происходило вокруг, было так знакомо по слышанному, читанному, виденному на экране. *Залитый ярким светом квадрат ринга среди оглушительного рева темного моря зрителей. Сосредоточенные лица обнаженных до пояса бойцов... Молодость и сила, быстрота и техника одного, и ожесточенная сознанием собственной обреченности отчаянная решимость другого* (Из газет, 1966).

Другой активно распространяющийся в современном языке способ взаимодействия номинативов с приемом парцелляции — выделение в парцеллят зависящих от главного слова номинативного предложения второстепенных членов (обычно — определений), ср.:

Светлые комнаты, стенды и книги, книги, книги. Разные, интересные, самые новые. Из Москвы, Ленинграда, Вильнюса и других городов («Книжное обозрение», 1966); *Море. Холодное, густое, ни конца, ни края.* Баренцово море. За бортом бежали волны, темные, ленивые («Искусство кино», 1966, № 2); *Первая пещера. Небольшая, с комнату средней величины.* Очень гладкий пол, вдоль стен — скамьи, высеченные прямо в камне (В. Загорский, Пещерные города).

Взаимодействие номинативов с явлением парцелляции — явление новое, почти полностью отсутствовавшее в русском литературном языке дореволюционного времени. Оно связано с живой в нашем языке тенденцией к экспрессивно значимому расчленению высказывания.

81. Употребление номинативов-цепочек часто сопровождается сегментацией данного высказывания — выделением в нем конструкции с именительным темы. Номинативные предложения, объединенные в цепочку и тем самым усилившие свою самостоятельность как предложения, выступая в позиции именительного темы, «представлены» в следующем за ними предложении своим заместителем — местоименным коррелятом. Не утрачивая свойств предложения, номинативы переводятся при этом в иную коммуникативную плоскость, как бы исключаются из непосредственного повествования, становятся объектом специального рассмотрения. Коммуникативность их в известной мере ослабляется. Чаще всего употребление номинативных предложений в позиции именительного темы имеет место в синтаксических построениях с однородными членами перед обобщающим словом: однородные члены, отделенные от обобщения паузой, могут приобрести свойства номинативных предложений, а в силу своей синтаксической связи с обобщением,— свойства именительного темы. Например:

Вокруг нас очень мало предметов. *Солнечные закаты, дым костров, складная кровать, деревянные бочки, кривые ветки — они* не заполняют пространства (М. Лоскутов, Путешествие к Сорока Буграм); Дорог не было. *Овраги, грязь, волнистость почвы — груды камней, вместо прямого пути извилины, сделанные природой, заросли,— вот по какому пути* двигались люди (Ю. Олеша, Ни дня без строчки); *Тихий, невысокий городок. Удобные, в зелени коттеджи, современный отель, центральная площадь, где разместились по кругу местные организации и магазины. Таков* Тахов (Из газет, 1966); *Сугробы, сугробы, сугробы, узкие, протоптанные пешеходами тропинки, пустые, темные витрины магазинов, кое-где украшенные плакатами РОСТА...— так* выглядят Петровка, Кузнецкий мост, Тверская, недавно еще самые нарядные и оживленные улицы Москвы (Н. Луначарская-Розенель, Память сердца); *Мглистое, туманное утро. Мальчишки, задремавшие у затухающего костра.* Только один не спит, сторожит табун лошадей. *Все* очень гармонично и цельно в этой картине, названной автором «Рассвет» (Из газет, 1965); *Деревни, тонущие в джунглях. Стройные кокосовые пальмы и заросли бананов с большими гроздьями плодов. Множество скалистых островов в сказочном заливе Ха Лонг. Скользящие по зеленой воде джонки и сампаны. Мальчишки на буйволах среди рисовых полей... Все это* Вьетнам («Огонек», 1965).

Использование номинативных предложений в позиции именительного темы — явление новое и прогрессирующее в современном письменном литературном языке.

82. Номинативные предложения не имеют самостоятельных временны́х показателей, но обычно взаимодействуют с предложениями, содержащими глагольные формы (включая сюда и нулевую связку) в настоящем времени. Например:

Шагает взвод. Плечо к плечу. Под сапогами *вьется* снежная пыль. *Мороз.* А песня, с ветром споря, *взлетает* над строем... (Из газет, 1966).

Если перевести этот отрывок в план прошедшего времени, то на месте номинативного предложения будет естественно увидеть двусоставное предложение с глаголом *быть*. Однако в современном русском языке все чаще встречаются такие случаи, когда номинативные предложения оказываются возможными на фоне прошедшего времени (реже — будущего), а также на фоне «нереальной» модальности. Ср.:

Было раннее утро. *Снег, темень. Скорее ночь, чем утро.* Колонна призывников *шла* по дороге (А. Битов, Такое долгое детство); Завод *строился* неподалеку от города — *бесчисленные стрелы кранов, холмы песка и щебня, громадное скопление стройматериалов и техники, времянок, котлованов и почти законченных зданий.* Наряду с производственными корпусами *воздвигались* жилые дома (В. Панова, Четыре страницы одной молодой жизни); Весна *шла* бесконечная, затяжная. *То дождь, то опять мокрый снег.* Тяжкие тучи *чуть не задевали* за верхушки деревьев (Н. Чуковский, Цвела земляника); Да и *произошло* все в пору третьих петухов. *Могучий гул, шум обрушивающейся штукатурки, треск балок, истошные крики животных,* — конечно, велик *был* и испуг. Но несчастье *не разобщило* людей (Из газет, 1966); Пока я *писал* «Бурю», меня *выручала* работа. А потом *пришлось* прибегнуть к старому лекарству: *поезда с их ночными пронзительными вскриками, ухабы дорог, случайные ночевки, исповеди на полустанках, незаконченные беседы, пропадающие в тумане лица, калейдоскоп.* Где я только *не побывал* за полтора года! (И. Эренбург, Люди, годы, жизнь); Это *будет* здорово. *Зима, горы, пустые палубы!* (К. Паустовский, Дым отечества); Я, когда езжу поездом, на каждую будку путевого объездчика смотрю с завистью. *Соскочил бы* с поезда, *поселился б* где-нибудь у черта на куличках! *Лес, ружье, огород, пенсия!* Живи, береги свое здоровье (Г. Николаева, Битва в пути).

Включение номинативных предложений в необычный, не свойственный их природе, временной и модальный контекст — явление, характерное для современного русского языка, свидетельствующее об активности и больших потенциальных возможностях этих конструкций.

83. Номинативные предложения, как можно убедиться из приведенных примеров, обладают большими выразительными возможностями. Они лаконичны, изобразительны. Они позволяют создавать картину из отдельных разрозненных деталей, элементов. Такие картины воспринимаются быстрее, чем созданные средствами обычного, развернутого описания. Вместе с тем номинативные предложения имеют определенные структурные границы, могут вместить лишь определенную информацию. В связи с

ростом употребительности номинативных предложений увеличивается их роль в коммуникации и возникает потребность повысить их информативную нагрузку. Перед языком как бы встает задача: сохранить специфические особенности номинативных предложений, но вместить в них большее содержание. Это приводит к развитию приемов синтаксического распространения главного члена номинативных предложений. Возможность же распространения номинативов обусловлена, естественно, сочетательными свойствами имени существительного.

В русском языке советской эпохи получают особую употребительность и развитие некоторые способы распространения номинативных предложений: придаточными предложениями (чаще — определительными), распространенными обособленными определениями, а также членами предложения определительно-обстоятельственного значения. (Эти способы распространения номинативов в дореволюционное время утверждаются в ремарках пьес, где номинативные предложения — естественно необходимая конструкция.) Вот пример, иллюстрирующий разные способы распространения номинативов:

В деревушке Бетково я навсегда преисполнился благоговением и благодарностью к русским художникам, открывшим для меня поэзию родной природы. *Озеро с его застывшей, непомерно густой тяжелой водой, как голубая смальта древних мозаик с брызгами золотого слепящего солнца; зеленые стены лесов, вплотную подходящие к воде, отраженные жарким июньским полднем; нежные острова тростника, застывшие под бело-синим небом,* и... тишина. *Тишина, которая значительнее музыки, тишина, в которой зазвучал восторг человека — первоисток искусства* (И. Глазунов, Дорога к тебе).

84. Номинативные предложения распространяются с помощью придаточных предложений, которые, не имея прямой коммуникативной направленности и выступая как эквиваленты членов предложения, не нарушают безглагольности этих «именных» конструкций. Номинативы чаще всего распространяются определительными придаточными предложениями, которых может быть два и больше. Вот несколько иллюстраций:

Вещи обступают посетителя маленького павильона на берегу Сены. По ним познаешь провинциальный быт и уединенную жизнь писателя. *Чернильница в виде лягушки, в рот которой обмакивал гусиные перья Флобер; маленькие трубочки, которые он постоянно курил;* афиша с объявлением о первом представлении «Саламбо»; *волосы Флобера, которые сберег Анри де Ренье;* чучело попугая, служившее Флоберу моделью для «Простого сердца», *и синие листки писем, на которых уже выцвели чернила* (В. Лидин, Люди и встречи); Густой, заросший сад, липовая аллея, площадка крокета, гамак. Поляны яблонь, груш, слив, ягодник; *веранда, где вечно кипел на столе самовар, жужжали*

над вазочками с вареньем и медом осы; сладкие пироги, ватрушки и особенно любимые ржаные сдобные лепешки, которые пекла на сметане пожилая ласковая Катя, многолетняя помощница Елены Александровны (А. Цветаева, Из прошлого); Подъезжаем к бывшей линии фронта. *Тишина, тишина необозримого малохолмистого поля, на котором все осталось так, как было покинуто исторгнутым силой нашего огня противником и нашими войсками, устремившимися вслед* (А. Твардовский, Родина и чужбина); Внизу — типография. *Ручной набор, небольшие печатные машины, с которых, когда мы там находились, сходили первые полосы общепартийной газеты* (Из газет, 1966).

Номинативы распространяются с помощью обособленных определений. Например:

Большая и не очень опрятная квартира, брошенная бежавшими буржуями и ставшая трофеем поэтов. Здесь происходили ежевечерние литературные бдения (Л. Славин, Портреты и записки); *Слепящее солнце и тяжелая городская жара, насыщенная пылью, бензином, асфальтовыми испарениями, людскими дыханиями, всеми благоуханиями огромного города* (М. Алигер, Чилийское лето); Владивосток. На каждого приезжающего этот город, полный экзотики, производил особое впечатление. *Море и горы. Разноязычная толпа, суетящаяся на улицах: китайцы с коромыслами на плечах, цепочка корейцев в белых балахонах, индусы с черными бородами, подвязанными сеткой, важно охраняющие входы в общественные здания* (С. Пашковский, Воспоминания учителя); *Каштаны, еще не облетевшие. Важное спокойствие стройных улиц, то выровненных по линейке, то вдруг описывающих циркульные дуги или прихотливо ниспадающих* (В. Сафонов, Укрощение Великого Хапи).

85. Распространенные номинативные предложения, расширившие свою употребительность в современном письменном языке, по некоторым своим формальным признакам оказываются близкими к двусоставным предложениям — отличаясь, однако, от последних своей структурной организацией. В результате происходит столкновение этих сходных конструкций. Можно наметить несколько типов внешне сближающихся между собой конструкций.

а) Существительное в косвенном падеже может выступать и как приименный второстепенный член — определительный или обстоятельственно-определительный — и как именная часть сказуемого или обстоятельство при опущенном сказуемом. Следовательно, соответствующий отрезок речи может состоять из одной части или из двух частей, образующих разноименные главные члены предложения. Разграничению этих сходных конструкций способствует характер их интонационного расчленения, а также возможность или невозможность замещения данной «спорной» конструкции типичным номинативом. Так, в следующих случаях перед нами — двусоставные предложения:

В июне подмосковный лес до макушек наполнен звуками и запахами. Он как бы весь поет. Чуткое ухо уловит в нем десятки мелодий и ни одной печальной, ибо для леса это пора расцвета любви. *Полянки в бело-голубой кипени ромашек и колокольчиков.* Зреет на вырубках земляника (Б. Иванов, Снег на зеленой ветке); *Заслюденевшие, слепящие сугробы под деревьями еще в крупных рябинах от капели,* но ветви и стволы уже свободны от снега (Г. Николаева, Наш сад).

В следующих случаях находим номинативные предложения:

Масленица! *Склон зимы, весеннее зарево в удлинившихся днях, в поздних закатах, в сосульках, увесивших особняки и старые московские домики. Охотный ряд с блеском рыб, с чернотой икры, рыже-розовой семгой* (А. Цветаева, Из прошлого); *Глухие зимние дни, поля в ночных снегах, в оловянной мути, скрежет смерзшихся дубовых листьев за окном — и он один, один в этих ночах без сна, без вдохновенья* (К. Паустовский, Книга скитаний); *Большой аэродром Орли с современной архитектурой, теплая погода вроде нашей хорошей осени с матовым мягким солнцем, большие самолеты международных линий* (Ю. Пименов. Необыкновенность обыкновенного).

б) Прилагательное, стоящее позади существительного, может быть обособленным определением к этому существительному или именной частью сказуемого. Знаки препинания не всегда помогают разграничить эти сходные конструкции. Ср.:

Главная улица Васюринской — шумная и пыльная, нескончаемо несутся по ней грузовики (Из газет, 1966) и: *Чудесный день — зимний и уже не зимний, мартовский, со щедрым солнцем и подтаивающим снежком на московских улицах.* Дворники скребли тротуары (С. Баруздин, Повторение пройденного).

В первом отрывке мы находим двусоставное предложение, во втором — номинативное.

Примеры с номинативными предложениями:

Длинный коридор, пустой, сумрачный, гулкий, с одним-единственным широким окном в самом конце на солнечную улицу. В голых стенах с высокими дверями — чопорная суровость, вызывающая у Федора робость (В. Тендряков, Свидание с Нефертити); *Хмуроватый осенний рассвет, неторопливый, прохладный.* Внуковский аэродром, который давно уже стал для многих из нас так же знаком, как прихожая собственной квартиры (Б. Полевой, Американские дневники); *Русский Север, суровый и прекрасный.* Глянешь округ — без конца и без края пепельно-синие дали (Из газет, 1965).

в) Существительное в им. п. может выступать как приложение к главному члену номинативного предложения или как именная часть сказуемого, причем знаки препинания могут быть одинаковыми в этих случаях.

Примеры с приложением к главному члену номинативного предложения:

Долина Аму-Дарьи. *Чарджоуский суперфосфатный завод им. В. И. Ленина — передовое и мощное предприятие по производству минеральных удобрений.* Детище семилетки. Над аккуратными квадратами зданий медленно поднимается солнце (Из газет, 1964); *Госпитальная палата на базе дивизиона — бывшая каюта третьего класса теплохода.* Кремовые эмалированные стены, такая же деревянная мебель (Б. Лавренев, За тех, кто в море); *Глухой час — захолустье суток, ненужные фонари, незрячие окна* (В. Тендряков, Свидание с Нефертити); Теперь можно вернуться к стягам. *Старые выцветшие комсомольские знамена — реликвии героических лет, безмолвные свидетельства минувших свершений и подвигов.* Их склоненные полотнища — в Гербовом зале Дворца (Из газет, 1966).

Примеры с именной частью сказуемого (из газет 1966 г.):

Пакистан — страна удивительной по великолепию природы, богатой истории. Уходящие в поднебесье горы, благодатные долины, обжигающие пустыни и сплетенные в одну стену джунгли; *Фабрика имени Свердлова — старейшее предприятие города.* Ей более полутора веков. Но с каждым годом она молодеет и хорошеет; *Таежный север Тюменской области — край нефти и газа.* Из разных районов страны приехали сюда нефтяники.

Ср. отрывок, в котором приложение выделено в особую фразу:

«Азовсталь». *Прославленная марка, одно из крупнейших металлургических предприятий страны.* Его коллектив живет сейчас ударной трудовой вахтой в честь выборов в Верховный Совет СССР.

г) Сравнительный оборот может быть именной частью сказуемого, но может употребляться и в качестве несогласованного определения. Соответственно предложение с таким оборотом может осмысляться как двусоставное или как односоставное номинативное.

Примеры с именной частью сказуемого:

А каждый читатель как тайна,| Как в землю закопанный клад (А. Ахматова, Тайны ремесла); *Нефть, как черная кровь земли* (С. Есенин, Баллада о двадцати шести).

Примеры с номинативными предложениями:

Липы обруч золотой,| Как венец на новобрачной.| Лик березы под фатой| Подвенечной и прозрачной (Б. Пастернак, Золотая осень); *Озеро с его застывшей непомерно густой тяжелой водой, как голубая смальта древних мозаик с брызгами золотого слепящего солнца;* зеленые стены лесов (И. Глазунов, Дорога к тебе);

д) Главный член номинативных предложений очень часто распространяется при помощи определительно-обстоятельственного члена, который в некоторых случаях воспринимается как обстоятельство при пропущенном сказуемом. В письменной речи эти сходные конструкции порою не разграничиваются, их различия нейтрализуются. Ср., например, в киносценариях:

Телега в полях. Меркнет, отодвигается даль деревни (К. Виноградская, Член правительства); *Изба изнутри.* За дверью — шаги, внезапный лай собаки (Там же); *Александра на крылечке.* По деревне слышны песни, гармонь (Там же); *Снежная гора у самой деревни.* Сверху на салазках скатываются мохнатые клубки ребят (Там же); *Лес у берега замерзшего озера.* Два долбленых челна вмерзли в лед (П. Павленко, С. Эйзенштейн «Александр Невский»); *Высокий берег на месте слияния Москвы и Яузы.* Полуразрушенные водяные мельницы (В. Шкловский, Минин и Пожарский); *Мешки в углу.* Ящики, батареи консервов, пачки и кули — на полках. Внавалку — топоры и свертки с гвоздями (В. Валуцкий, В. Викторов, Начальник Чукотки).

В большинстве из этих примеров мы находим номинативные предложения.

Вот примеры, в которых можно усмотреть двусоставные предложения:

Тихо. *Дети — в школе, женщины — в кухнях, в огородах, мужчины — на службе, на работе* (М. Горький, Орел); *Моя койка у окна.* Окно выходило не во двор, а на противоположную сторону... (С. Баруздин, Повторение пройденного); Утро. *Голиков в кабинете.* Высокие светлые окна. Служебный стол («Театр», 1965); *Герои космоса на уральской земле.* На Пермский аэродром их доставил вертолет «МИ-6» (Из газет, 1965).

Таким образом, процесс распространения номинативных предложений второстепенными членами приводит к столкновению сходных конструкций и порою к их неразграничению. Подобные номинативные предложения, иногда с неотчетливой синтаксической типологией, широко используются в современном русском языке. Например:

Степь без конца и края. Древние курганы в голубой дымке. Черный орел в небе. Мягкий шелест стелющейся под ветром травы (М. Шолохов, Поднятая целина); *Маленький городок на холмах, поросших березами, на левом берегу Оки.* Яблочные и ягодные сады (А. Цветаева, Из прошлого).

86. Итак, в функционировании номинативных предложений в русском литературном письменном языке советской эпохи протекают определенные стилистико-синтаксические процессы, свидетельствующие об активизации этих конструкций по сравнению с их употреблением в языке XIX в. Широкое распространение в послереволюционную эпоху номинативных предложений связано в первую очередь с такими их качествами, как лаконичность и изобразительность; оно, несомненно, вызвано становлением нового литературного жанра — кинодраматургии, а также возросшей в наше время ролью жанра очерка. Номинативные предложения все более прочно утверждаются в газетной речи. Происходит явная демократизация номинативных предложений, утрата ими ореола изысканности, стилистической

манерности. Вместе с тем они остаются конструкциями книжными. Активизация номинативных предложений в советскую эпоху, широкое использование их в газете объясняются общими потребностями массовой коммуникации, стремлением к устранению избыточных элементов речи, стремлением к быстроте воздействия речи на читателя-слушателя, к ее доходчивости и в то же время экспрессивной выразительности.

Стилистической активизации номинативов сопутствует усиление их синтаксической мобильности: происходит реализация потенциально заложенных в этих конструкциях структурных свойств и возможностей. Так, помимо одиночных номинативов, широко используются сложные и емкие описания-цепочки, состоящие из больших групп номинативных предложений. Проявлением возросшей активности номинативов служит расширение их модально-временно́го диапазона — их употребление в контекстах со значением прошедшего, будущего времени или «нереального» наклонения. Развиваются способы синтаксического распространения имени существительного в им. п. как главного члена номинативных предложений, в результате чего увеличиваются возможности номинативных предложений в передаче информации при сохранении основного качества этих конструкций — их лаконизма. Утверждение в языке разных типов распространенных номинативных предложений приводит к столкновению и порою неразличению сходных конструкций, что, в частности, свидетельствует об усложнении взаимоотношений между единицами синтаксической системы нашего языка.

87. Развитие в русском языке советской эпохи рассмотренных выше трех групп конструкций экспрессивного синтаксиса — парцеллированных, сегментированных конструкций и номинативных предложений — характеризуется многими общими чертами.

Эти конструкции сближаются между собой прежде всего общностью своих функций. Назначение этих конструкций — передать адресату (читателю, слушателю) ту или иную информацию в ее основной сущности и в то же время в наглядной непосредственности, и так, чтобы эта информация была легко и быстро воспринята. Такая функциональная направленность речевых — в данном случае синтаксических — средств усиливается в наше время новыми условиями проявления социальной жизни.

Функциональная близость рассмотренных конструкций обусловливает и общность их основных структурных признаков — таких, как расчленение и лаконизация высказывания. Отсюда — тесное взаимодействие этих конструкций, их скрещивание, совмещение в одном и том же контексте: номинатив может быть представлен в виде сегмента — в позиции именительного темы; члены, распространяющие номинатив или именительный темы, могут быть выделены в парцеллят. Несколько примеров:

Магазины. Магазины. Им не хватает места под крышами (В. Песков, Белые сны); *Мытная, Люсиновская, Новослободская, Бутырская, Сущевский вал.* Мы проехали *по этим и другим магистралям* (Из газет, 1966); *Утро. Свежее, несмотря на морось* (Из газет, 1966); *Ника! Стремительная, как белоснежное облако! Со складками одежд, волнуемых ветром, как прибой пенистых волн Адриатики!* Нет, пожалуй, в мировом искусстве *образа* более ликующего, более воплотившего в себе героическое дерзание, одухотворенность человеческого подвига (И. Глазунов, Дорога к тебе); *Орден Ленина! Высшая награда в нашей стране, свидетельство больших заслуг перед народом.* Тридцать пять лет назад — 6 апреля 1930 года — постановлением Президиума ЦИК СССР была учреждена *эта награда* (Из газет, 1965); *Каир... Огромный, величавый город, раскинувшийся на берегах Нила. Город, окутанный романтикой древности.* Впервые мы увидели *его* с высоты птичьего полета (Из газет, 1966) (см. также примеры, приведенные в § 45, 81).

Экспрессивные конструкции всех трех групп носят индивидуально-авторский характер — если иметь в виду авторскую речь писателей: эти конструкции могут быть свойственны одним писателям и не свойственны другим. И здесь также проявляется функционально-структурная общность этих конструкций: они характеризуют манеру того или иного автора в их совокупности (т. е. если у данного писателя широко представлены парцеллированные конструкции, то у него же находим свободно употребляемые номинативы и конструкции с именительным темы).

Вместе с тем наблюдается общая направленность в функционировании рассмотренных конструкций: к 50—60-м годам заметно увеличивается их употребительность за пределами языка художественной литературы — в журнально-газетной публицистике, в научно-популярной литературе, в текстах радио-и телепередач. Эти конструкции, таким образом, из стилистически замкнутых средств синтаксической экспрессии становятся в современном нам языке широко употребительными и распространенными способами экспрессивной передачи информации самого разного содержания[3]. (Однако неумеренное насыщение

[3] Здесь уместно привести следующее высказывание А. В. Исаченко: «В литературный язык бытовая лексика проникала всегда, но особенно мощным был приток бытовой лексики в XIX веке, когда художественная «реалистическая» литература занимала господствующее место среди жанров литературного языка. В настоящее время, во второй половине XX века, обстановка резко переменилась: господствующими жанрами литературного языка, так или иначе затрагивающими быт (а, следовательно, и язык) каждого гражданина, являются жанры публицистические: язык газеты, радиовещания, язык техники и науки» (А. В. Исаченко. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. «Slavia», 1958, seš. 3, стр. 336).

текста парцеллятами, сегментами, номинативами, вызванное в иных случаях стремлением отдать дань языковой моде, влечет за собой, естественно, опасность стандартизации и шаблонизации этих конструкций, превращения их в лишенные всякой экспрессии штампы).

Но стилистическая активизация в языке советской эпохи конструкций экспрессивного синтаксиса не является процессом, протекающим, так сказать, на поверхности языка. Рост употребительности и расширение стилистического диапазона этих конструкций сопровождается, как было показано выше, усилением их собственно структурной активности: они приобретают структурную гибкость и мобильность, обрастают разнообразными функционально-синтаксическими эквивалентами; увеличивается их синтаксическая вариативность и, соответственно, коммуникативно-семантическая емкость. В этой синтаксической активизации конструкций литературного языка, вызванных к жизни потребностями языковой экспрессии,— признак уже, очевидно, определившейся в нашем языке тенденции к переходу их из разряда периферийных синтаксических построений в разряд конструкций, представляющих синтаксическую систему современного русского литературного языка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Активное функционирование устно-разговорных синтаксических построений. *Значение их изучения как предполагаемых субстратов некоторых конструкций письменного литературного языка. Проявление экспансии именительного падежа: конструкции с именительным темы; именительный падеж в позиции косвенных падежей. Модификации парцеллированных конструкций. Способы оформления сложного предложения.*

88. В предшествующих главах синтаксического раздела неоднократно отмечался факт воздействия синтаксиса говоримой речи на те или иные синтаксические построения литературно-письменного языка. Так, влиянием устно-разговорной речи, речи непринужденного обиходно-бытового общения, объясняется активизация в письменном литературном языке «свободных» — неуправляемых и несогласуемых форм имени, тенденция к расчленению высказывания и в особенности к двучленной его организации, развитие лапидарных построений. Здесь мы обратимся непосредственно к устно-разговорной синтаксической стихии, вернее, лишь к отдельным ее явлениям, ни в коей мере не ставя перед собой задачу их системного описания. Это позволит хотя бы приблизительно конкретизировать высказанное выше предположение о разговорной природе некоторых развивающихся в современном литературном письменном языке синтаксических конструкций. Избираемые для описания синтаксические явления имеют широкую распространенность в современной разговорной речи и обладают весьма специфической структурой: это позволяет считать их принадлежащими к ядру синтаксической системы современного разговорного стиля как самостоятельной формы речевого общения.

Вряд ли возможно и необходимо, однако, проведение прямых структурных параллелей, установление непосредственной эквивалентности между «письменными» и «устными» синтаксическими построениями: несводимость первых ко вторым определяется, в конечном счете, различием речевых условий их функционирования. Эквивалентность письменных и устных построений уместнее трактовать как конкретно различный, но по природе речевой организации тождественный результат проявления одной и той

же основной синтаксической тенденции. Такая тенденция действует и в устной и в письменной сферах (проникая в последнюю из первой), однако порождает она материально различные конструкции.

89. Изучение истории устно-разговорного синтаксиса представляет огромные трудности. Художественная литература не отражает сколько-нибудь полно этих особенностей; наиболее же характерные для разговорной речи конструкции вообще не допускаются в письменную речь (как правило, они даже не осознаются говорящими — в том числе и писателями — как постоянно употребляемые конструкции благодаря предельному автоматизму разговорной речи). Возможность магнитофонной записи живой речи, как известно, открылась недавно. Поэтому восстановить устно-разговорную речь хотя бы 20-х годов нашего века в сущности невозможно (или возможно лишь в какой-то степени на основании косвенных данных).

Известно, что разговорные синтаксические конструкции (в том числе некоторые из описанных в этой главе) существовали в русской речи очень давно — в той или иной степени они проникали в письма, дневники, во всякие «вольные», мало кодифицированные письменные жанры. Но проникали именно «в той или иной степени». О насыщенности устной речи специфически разговорными конструкциями по таким ненадежным отражениям судить нельзя. Между тем эта насыщенность очень важна: если разговорные конструкции — только вкрапление в огромное большинство нейтральных синтаксических построений, возможных в любых условиях общения, то эти разговорные конструкции — маркированный коррелят в противопоставлении «нейтральный стиль — разговорный стиль». Насыщенность устной речи такими маркированными конструкциями может в какую-то эпоху достигнуть такой степени, что на них нельзя будет смотреть лишь как на необязательный вариант нейтральных единиц (повторяем, маркированные стилистические единицы — всегда дополнение к нейтральным единицам — дополнение, не обязательное в речи, см. V, § 2).

Можно предположить, что употребительность этих конструкций непрерывно возрастала, и особенно сильно в XX в., в эпоху широкой демократизации литературного языка. Расширялась та речевая область, в которой уместны устно-разговорные конструкции: во многих речевых жанрах, где господствовал «неразговорный» синтаксис, заметна экспансия разговорного.

Сейчас можно использовать только один источник, позволяющий судить (очень предположительно) о судьбе устно-разговорного синтаксиса в последние десятилетия.

Таким источником могло бы служить сравнение речи старших и младших поколений носителей литературного языка. Младшие обычно значительно более свободно и в более широ-

ком кругу речевых ситуаций употребляют специфически разговорные конструкции, чем люди старших поколений (хотя последние употребляют эти конструкции с различной интенсивностью; здесь приходится иметь в виду и различную реальную частотность самих ситуаций для разных поколений). Разумеется, сам этот источник далеко не безупречен. Во многих случаях указанное различие между поколениями, возможно, отражает возрастную смену речевой манеры. Показательна фонетическая параллель (ведь именно фонетические стили оказываются типологически сопоставимыми с синтаксическими): по словам Р. Кошутича, в начале века молодежи было свойственно йкающее, очень разговорное (по нормам того времени) произношение; но с годами эти же представители литературно говорящей среды переходили на более нейтральный э́кающий тип произношения (см. VI, § 18).

Может быть, эти соображения применимы и к разговорному синтаксису. Так или иначе сопоставление речи разных поколений в очень многих случаях помогает — и в этом нет никаких сомнений — проникнуть в процесс смены одних речевых навыков и языковых норм другими навыками и нормами. Об этом говорит материал, приведенный в словообразовательном, морфологическом и фонетическом разделах. Повторяем, предположение о значительном росте употребительности ряда устно-разговорных синтаксических конструкций в XX в. нами выдвигается именно как предположение. Сейчас не представляется возможным установить это с какой-либо значительной степенью достоверности; будущее покажет, насколько отражены здесь действительные перспективы развития.

Опишем некоторые конструкции устно-разговорного стиля, соотносительные с рядом рассмотренных выше продуктивных построений, свойственных письменным жанрам.

90. Экспансия именительного падежа в сфере современной устно-разговорной речи осуществляется на широком фоне общей тенденции к ослаблению спаянности компонентов различных цельнооформленных синтаксических единиц.

В первую очередь и наиболее непосредственно экспансии именительного падежа способствует активизация в современной устно-разговорной речи конструкций с именительным темы.

Устно-разговорная речь, постоянно питающая письменные стили русского языка, расходится с ними в большей части конкретных способов представления темы высказывания. Тем не менее ее роль непрерывно действующего индуктора в этом смысле не снижается, а, наоборот, усиливается.

Различные способы оформления именительного темы, широко представленные в письменной речи, имеют весьма разнообразные эквиваленты в современной устно-разговорной речи. Здесь очень продуктивны различные способы выражения темы высказывания. Они частично перекрещиваются с соответствую-

щими конструкциями письменной речи, но в большей своей части представлены иными, весьма своеобразными типами, письменной речи не свойственными. Возникая на базе окказиональных, слабооформленных построений, обязанных своим появлением условиям синтаксически слабо организованной устной речевой стихии, эти конструкции складываются в определенные типы, имеющие характерные структурные особенности, и очень активизируются на фоне растущей в наши дни стилевой дифференциации русского литературного языка. Организующиеся таким образом ряды структурно однотипных построений становятся основой для создания ведущих характеристик устно-разговорного стиля современного русского литературного языка. Они стремятся образовать замкнутую подсистему со свойственным ей набором средств выражения.

Основной принцип построения высказывания в устно-разговорной речи, если сформулировать его в самом общем виде, состоит в том, что информативный центр высказывания (в термине «именительный темы» он обозначается словом «тема», хотя «именительный темы» может оказаться и «ремой» в устной речи) стремится к максимальной формальной независимости от остальной части высказывания. В конструкциях с именительным темы тенденция к самостоятельности организованных в грамматическое целое синтаксических единиц проявляется в расщеплении тесных синтаксических связей члена, выступающего в функции именительного темы, и остальной части предложения. Такой член в форме им. п. получает в реально звучащей живой речи возможность выступать не только в синтаксически независимой позиции, но и в позиции объекта действия. Стремление к формальной независимости имеет разные способы конструктивного закрепления — вынос именительного темы в инициальную позицию, его обособление, употребление формы именительного (т. е. синтаксически независимого) падежа в позиции синтаксически зависимого, особые способы словорасположения во фразе, особые способы расположения подлежащего и сказуемого, расщепление выразителя информативного центра на два слова (обычно местоименное слово + существительное или наоборот) и некот. др.

Модификации конструкций с именительным темы в устно-разговорной литературной речи весьма разнообразны: конструкции с именительным темы могут иметь анафорическое строение, а могут его и не иметь; обособленную инициальную позицию, идентичную позиции именительного темы, могут занимать и косвенные падежи; форма фразы, включающей именительный темы, может быть и утвердительной и вопросительной; сам именительный темы может выражаться как одним именем существительным, так и сочетанием существительного с прилагательным, и тогда их взаиморасположение подчиняется действию особых факторов и т. д.

В устно-разговорной литературной речи широко представлены «классические» для письменной речи конструкции с именительным темы, построенные с выносом и обособлением этого именительного в инициальной позиции и дальнейшим анафорическим употреблением личного местоимения, чаще всего в 3-м лице. Такие конструкции можно встретить и в более упорядоченной речи (например, в беседе радиокомментатора, в выступлении на собрании и др.), и в импульсивной речи непринужденного бытового обмена мнениями. Ср.:

Вот эти компании, они... (Беседа радиокомментатора); Сейчас эта позиция Франции, она особенно объяснима (Там же); Удачи или неудачи наши, они характеризуют не только наши успехи или неуспехи (Доклад на собрании); А каждый из работающих в отделе, он должен следить не только за своей работой, но и за работой своих товарищей (Выступление на собрании); — Иногда бывает так, что берешь катетером, и очень легко ранимая слизистая у разных, она может дать два-три эритроцита (Из разговора); — Лиза и я, мы с ней ели рыбку (Из разговора) [1]; — А дочка ваша, она историк? — Нет, она тоже библиотечный кончила институт (Из разговора).

В живом разговоре, в кратких диалогических репликах широко распространены конструкции сходного строения, но именительный в них часто имеет нараспространенное выражение и интонационно не отделяется от непосредственно соседствующего с ним местоимения-коррелята, ср.:

— Нет, вы знаете, сотый он у Волны поворачивает, а это надо по маршруту двадцатого.

Подобные же отношения наблюдаются в другой паре конструкций, построенных по тому же принципу — с расщеплением темы высказывания на существительное и местоимение, — но с обратным, как бы «зеркальным» относительно первой пары расположением расщепленных частей. И здесь конструкция с обособлением является в равной мере принадлежностью и письменных и устно-разговорного стилей (ср.:— Оно вроде свое, предприятие-то), а конструкция без интонационного обособления письменным стилям не свойственна и выступает как характерная синтаксическая примета устно-разговорной речи, ср.:

— Они все такие иголки; — Они все промокли валенки; — Она совсем перестала закрываться дверь.

В устно-разговорной речи в состав именительного темы нередко включается местоимение *который*. Например:

---

[1] Тире перед примером здесь и всюду дальше означает принадлежность фразы к диалогической речи, отсутствие тире — к монологической. Знаки препинания ставятся лишь в тех случаях, где они соответствуют реальному ритмико-интонационному членению фразы. Наиболее отчетливые акценты фиксируются знаком ударения, паузы — прямой чертой.

— А у нас нервная которая клиника, так она лечит с параличами; — Ну вот который купили мы сахар, он в мешке.

С анафорическим указательным местоимением:

— Та, которая здесь стояла лампа, я ее не брал.

Употребление местоимения в этих случаях связано с необходимостью формального представления часто опускаемого в условиях устно-разговорной речи существительного (возможность его опущения определяется весьма ясным ситуативным контекстом), ср.:

— А которое в бутылках, оно сегодняшнее?; — Внизу которая, она распечатана.

Именительный темы такого строения может получать самостоятельное употребление в качестве эквивалента предложения в составе сложного диалогического целого. В таком случае в именительный темы вводится глагольное сказуемое, ср.:

— Ты поставил меня в очень неудобное положение перед агитатором. — Перед каким агитатором? — Которая вчера приходила женщина.

По модели именительного темы с относительным местоимением может оформляться и косвенный падеж в той же функции, ср.:

— Вот в какой банке мы купили вчера ветчину, она так удобна для кулича.

С анафорическим указательным местоимением:

— Ту, которую ты брал чашку, я ее не видела.

В одной фразе могут встретиться два различных способа ее организации — «правильное», «письменное» употребление придаточного определительного и устно-разговорное употребление относительного местоимения в составе именительного темы; результатом этой встречи могут явиться такие, например, недопустимые в письменной литературной речи построения:

— Вот эта вот, которую я пересадил вишенка, она плохо идет.

Продуктивность именительного темы с местоимением *который* ведет к расширительному употреблению этой конструкции в органически ей не свойственных позициях — например, в позиции объекта, ср.:

— Дай, Андрей, сзади которая доска; — Вот тем, которые ребята не подготовлены, тем приходилось туго.

В этой же позиции в разговорной речи широко употребляется именительный темы, не имеющий в своем составе относительного местоимения в усилительной функции, ср.:

— Принеси́ под полой нашей пала́тки увидишь мы́льница белая такая.

Интонационное строение подобных предложений обычно характеризуется наличием отдельно интонируемых групп — именительного темы и остальной части предложения.

Основной принцип построения получивших письменное закрепление конструкций с именительным темы — наличие коррелята (обычно местоименного) в основной части высказывания — в реально звучащей современной разговорной речи получает весьма различное выражение, порой формально далекое от соответствующих письменных конструкций. Вот несколько примеров различного строения:

— Вы не знаете, на Уране обувь. Там детская есть?; — А чай с вареньем, где варенье брать?; — А этот берет, твóй тут лежит? — Мой; — А у вас здесь бумажки лежат. Можно брать?

91. До сих пор мы рассматривали устно-разговорные конструкции с именительным темы, по конкретному составу расходящиеся с соответствующими письменно-литературными, но близкие им в двух основных для этих конструкций моментах — они имеют коррелят именительного темы в основной части высказывания и не имеют глагольного члена в составе именительного темы.

Однако оба эти признака в устно-разговорной литературной речи могут утрачивать свое свойство быть постоянным, релевантным показателем конструкций с именительным темы.

Прежде всего, в современной устно-разговорной литературной речи именительный темы может включать в свой состав глагольное слово, причем это касается не только именительного темы в независимой инициальной позиции, ср.: — У нас одна была старушка, она говорит...; — У меня вот еще были розы, они все у меня вымерзли, — но и именительного темы в несвойственной его письменному эквиваленту позиции — объектной, ср.:

— Вот такая если тебе попадется клеенка, Костя, как у Симы, купи 4 метра; — А я уж думала не купить ли мне такая полочка продается в Детском мире; — Алик, ты случайно не утащил никуда иголка тут у меня была с белой ниткой?; — Ой, Алик, я палочку забыла, дай-ка вон около тебя палочка лежит.

Как видно, в подобных конструкциях с именительным темы в объектной позиции нарушен и другой принцип соответствующих письменно-литературных — в них нет коррелята.

Вот еще одна разновидность использования именительного темы в позиции объектного члена, также весьма широко распространенная в наше время:

— А как еще братик у тебя есть зовут *его?*; — А тот диалог, который мы читали, ты *его* выучил?; — Эти-то здоровые трубы, которые здесь были, мы *их* сняли все; — А вот это, брат тети Тани, там *у него* большая пушка была; — Она с пяти лет у них во дворе жена повара она *у нее* училась; — Теперь вот нормативность, мне в общем-то казалось, что мы не должны *в нее* входить; — А ребята эти, которые играют в командах, сколько *им* лет?; — А сын ваш, сколько *ему*?; — А деду, кажется, дадут квартиру там рядом строится еще один новый дом вот *в нем*;

— Вот эти волокна, которые проводят импульс сердечный, *в них* происходят какие-то изменения.

Ср. с коррелирующим существительным:

Мы там остановились в одном месте у ее *подруги* вроде вашей Мили эстонка.

С коррелирующим наречием:

— А вот наша перед этим стоянка которая, разве *там* было близко от берега?

Как видно, подобного рода конструкции являются обычно однофразовыми репликами, вопросительными или констатирующими. Здесь соблюдается основной принцип нормативных построений с именительным темы — наличие коррелятивного личного местоимения (или другого коррелирующего слова), однако падежное согласование этого коррелята со словом в именительном падеже отсутствует. Практически в таких конструкциях именительный темы может замещать собой любую падежную форму.

Именительный темы, занимающий позицию других падежных форм, может, как и рассмотренный выше именительный темы со словом *который,* выступать изолированно от остальной части предложения в ответной реплике, становясь таким образом эквивалентом самостоятельного предложения в составе сложного диалогического целого. Ср.:

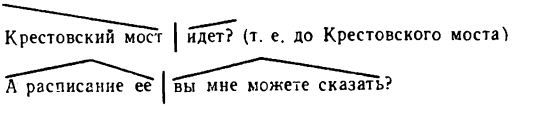
— Она в информационном отделе работала.— В каком? — Информационный, есть такой отдел; — А где у вас вельвет? — За нами отдел; — А где находится агитпункт? — В издательстве около зеркала комната большая.

92. Именительный темы широко и регулярно употребляется в устно-разговорной литературной речи в составе однофразовых вопросительных реплик, имеющих ярко выраженную ситуативную прикрепленность. Обычно это вопросы о расположении улиц, остановок и магазинов, о времени, о стоимости товара и под. В этих условиях вполне определенного, по большей части стереотипизированного внеязыкового контекста вопросительная конструкция с именительным темы приобретает очень четкое, схематизированное строение, порой допускающее элиминацию всех компонентов фразы, кроме именительного темы (выражающего в этом случае основное содержание, т. е. «рему» высказывания — здесь приходится еще раз подчеркнуть всю условность избранного для обозначения описываемой конструкции термина) и глагольного слова. Коррелят именительного темы в таких фразах отсутствует.

Костяк подобных конструкций хорошо представлен в такой «классической» вопросительной фразе:

Время | не скажете?

Для этой фразы и для других фраз подобного типа характерна специфическая интонация — понижение тона на именительном темы и повышение его на глагольном слове. В случае обратного расположения членов фразы ее интонационный рисунок сохраняется — глагольное слово произносится на восходящем тоне, именительный темы — на нисходящем. Важно отметить также их непосредственное соседство. Вот некоторые записи фраз подобного типа:

— Крестовский переулок, где нам сойти?; — 3-я Останкинская улица не скажете где?; — Он потом поедет кругом? Кузнецкий можно на следующей сойти?; — Метро будете выходить?;— Девушка, а черная по 200 грамм шерсть. Сколько платить?; — Врач по адресу Кропоткинская 11 когда принимает?; — По ремонту приемников мастерская не знаете?

С иным взаимным расположением именительного темы и глагольного слова:

— А вы не знаете, Графский переулок? (т. е. где сходить); — Вы не скажете, Троицкий?; — Скажите, «Космос» сейчас выходить?; — Вы не знаете, большой словарь литературного языка, какой сейчас том идет?; — Вы не знаете, на Лужниках есть платный вход?;— Скажите, Дмитровское шоссе 61, завтра когда врач будет принимать?; — Скажите, Красная площадь пройти, где можно?;— Вы выходите Дом обуви?;— Вы мне не скажете оптика большой магазин где мне сойти?; — Вы не скажете, готовое платье, где здесь магазин?; — Вы не скажете, обувная мастерская?

Вот еще примеры подобных построений, но уже выходящих и за рамки ситуативного стереотипа и за рамки вопросительной реплики:

— Яблочный сок налейте стаканчик;

Как видно, во всех подобных построениях именительный темы употребляется и в функции главного члена и в объектных позициях. В нормированной письменной речи конструкции типа *—Первое сентября, это какой день недели?* — получают здесь столь расширительное употребление, что на их базе возможен весьма далекий уход от кодифицированного эквивалента с четко выраженными синтаксическими связями, ср. такой произносительный вариант без модуляции тона и без пауз:

Аэропорт следующая метро; Выставка главный вход следующая.

Рассмотренные здесь однофразовые вопросительные реплики могут включать в свой состав «бытийное» глагольное слово, которое произносится на резко восходящем тоне — при понижающемся тоне на именительном темы; ср.:

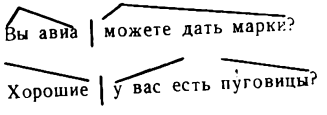
— А сахар большие пачки. У вас нету?; — Шесть копеек там нету?; — У тебя нет черного шнура кусочек?

С другими глагольными словами:

— «С добрым утром» не пора радио включать?; — «Пора любви» вы смотрели кино?

Возможно и эллиптическое опущение глагольного слова (когда оно легко восстанавливается из контекста речи): — Саша, чешская байдарка такая серебряная оболочка (имеется в виду: как называется?).

В однофразовых вопросительных репликах именительный темы довольно часто в связи с требованием ситуации включает в свой состав определяемый член и определение. Они могут находиться либо в непосредственном соседстве, как это было видно в приведенных выше примерах (по правилам современного литературного языка определение предшествует определяемому), либо разъединяться. Последняя возможность наблюдается в тех случаях, когда или определение и определяемое имеют неравную коммуникативную значимость и наиболее существенное для смысла высказывания слово начинает собою вопросительную фразу, или они оба несут повышенную коммуникативную нагрузку, требующую для своего выражения раздельного расположения членов атрибутивной группы. При этом тот член, который занимает начальное положение во фразе, оказывается в положении именительного темы в собственном смысле слова, а другой компонент атрибутивной группы, попадая или на конец фразы (чаще) или в ее середину, как бы выпадает из состава именительного темы и добавляется к готовой фразе уже после ее произнесения, проговариваясь на нисходящей ноте. Тем самым вопросительная фраза становится трехчленной: она получает два понижения тона — на определении и определяемом — и одно повышение — на глагольном слове (или, в случае его непосредственного отсутствия, на других членах фразы).

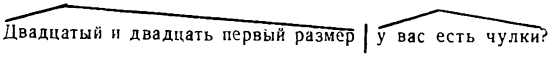

Вот характерные примеры выноса в инициальную позицию определения:

— А второй у вас не будет сковородочки?; — До Северного он идет переулка?; — Двухкопеечные для первого класса есть

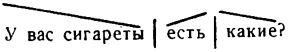
у вас тетради?; — Конструктор есть у вас карандаши?; — Эта как улица называется?; — У вас какой посвежее сыр?; — Ну что, все три очистить селедки, что ли?

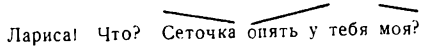
В последних двух фразах в отличие от остальных слова *какой* и *все три* произносятся на восходящем тоне — возможно, это происходит, во-первых, в связи с занятостью исхода фразы проклитическим элементом, не имеющим собственной интонации, или — во втором случае — своего рода вводным комплексом, «оттянувшим» на себя понижающуюся интонацию; а во-вторых, в связи с собственно вопросительной функцией употребленных здесь местоимений. Примеры с «трехчленным» строением атрибутивной группы:

— Девушка, двадцать шестой домашние есть тапочки?; — Клав, зеленая полоска у нас есть поплин?

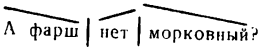
Характерные примеры выноса в инициальную позицию определяемого:

— Скажите, а жакетов у вас нет меховых? (вопрос у мехового прилавка).

Именительный темы в подобных ситуативно тесно связанных построениях настолько конструктивно обязателен, что он окказионально может появляться даже при отрицании *нет:*

Ср. также приведенные выше фразы — *А сахар большие пачки. У вас нету?; — Шесть копеек там нету?; — У тебя нет черного шнура кусочек?* Последняя фраза интонационно членится на две части, граница между которыми проходит после слова *нет.*

Несколько иное построение представлено в случаях типа где определительный член наделен предикативностью.

93. Таким образом, устно-разговорные эквиваленты письменных конструкций с именительным темы расходятся с последними в своем конкретном оформлении. Они могут не иметь коррелята, могут включать в состав именительного темы глагольное слово, наконец, именительный темы в них может употребляться в объектной позиции. Однако те и другие строятся по одному и тому же принципу — расчленения высказывания, в общем соответствующего коммуникативному членению высказывания на тему и рему сообщения. Именно проявление этого общего принципа в письменной и устной литературной речи обеспечивает широкую продуктивность в этих двух сферах функционирования литературного языка различных, порой весьма несхожих между собой типов конструкций с именительным темы, которые в области устно-разговорной речи обнаруживают тесную ситуативную прикрепленность при четкости строевой организации, а в письменной — стремление к ограничению в пределах нескольких однообразных по строению рядов.

94. По модели «раздельнооформленности», введенной в сферу простого предложения расширительным употреблением именительного темы, начинают употребляться члены предложения, не являющиеся именительным темы. Экспансия именительного падежа распространяется на отдельные компоненты предложения, у которых нет какой-либо тенденции к обособленности, к выводу за пределы основной части фразы. В результате возникают конструкции, где именительный падеж выступает в позиции различных косвенных падежей в рамках единого тесно синтаксически спаянного комплекса. При этом инициальное положение именительного, свойственное конструкциям с именительным темы, утрачивается. Положение именительного во фразе в этих конструкциях — то же, что и положение его коррелята — косвенного падежа в соответствующей общелитературной модели. В устной речи широко распространены такие, например, конструкции, где именительный падеж занимает положение сильноуправляемой формы:

— Вы не видели белая собака?; — А вчера вы не видели тут сестра-хозяйка?; — Вы мне дадите вот именно веточка и всё; — Отгрохали домина какой;— Хочешь, я тебе куплю такую как вот у него голубая изогнутая?; Павел, коса за сараем убрать?; — Вы выходите Трифоновская?; — Следующая выходите?; — Я уже смотрела «Война и мир»; — Мы советуем вам посмотреть жемчужина наших гор это Эльбрус (радиоинтервью с молодым туристом); — Они уже неделя стоят (с обстоятельственным значением);— А я вот здесь у них беру черная. Кипячу и не отходит. Черная жидкость-то такая; — Подай вон сумка Анны Васильевны; — Что вам взять, батон? — Ну, батон или хала будет если.

Последние три примера еще обнаруживают конструктивную связь с предложениями с именительным темы. В первом из них добавляется специальное разъяснение именительного, во втором употреблена актуализирующая указательная частица *вон*, в третьем употребление именительного падежа получает конструктивное оправдание последующим добавлением глагола-сказуемого и подчинительного союза. Ср. еще: — *Это что, картошка ты положила, да?*, где налицо своеобразное синтезирование двух типов конструктивных принципов — бессоюзного подчинения и перехода именительного темы в положение именительного, выступающего в позиции косвенного падежа. Устремление к подчинительной конструкции можно было бы усмотреть в примере — *Они уже неделя стоят* (≈ *Они уже неделя как стоят*), однако такое толкование за счет эллипсиса требовало бы для своего подтверждения существования иного структурного ряда. Сильноуправляемая форма может выступать и в безглагольной конструкции, ср.: — *Мне для окон бумага.*

Активизацию синтаксических связей, не получающих морфологического выражения (типа примыкания), за счет связей морфологически выраженных особенно интересно наблюдать в конструкциях, где сталкиваются две формы именительного падежа — одна в синтаксически независимой позиции, а другая в исходно от нее зависимой; независимость этой последней достигается уже в составе данных конструкций как путем употребления именно этой падежной формы, так и путем выноса ее в положение перед исходно независимой формой им. п., в чем проявляется связь таких конструкций с конструкцией именительного темы. Ср.:

— У нас есть дома соломка коробка; — А чай у меня где пачка?; — У вас крабы не сохранились коробка?; — Там есть крабы баночка одна; — У нас газ уже последний баллончик. — Что? — Газ последний баллончик; — Ребята, имеется пшенная каша остаток; — Там конфеты есть еще коробка!; Там вон стоит аллохол остаток; — А мужики большинство все-таки очень плохо одеваются.

Без глагола:

— Дядя Коля! Сырая резина остатки.

Лишь в одном случае зарегистрировано постпозитивное расположение исходно зависимого именительного.

— Корова-то тут хорошая порода.

Вполне идентичное строение имеют конструкции с двумя винительными падежами, из которых один соответствует своей исходной позиции, а другой замещает, как и в случае с двумя именительными, родительный падеж. «Зависимый» винительный здесь также препозитивен. В сущности, эти конструкции отличаются от конструкций с двумя именительными лишь наличием сильноуправляющего глагола. Ср.:

— Подайте пожалуйста уксус бутылочку; — Шампанское бутылочку дайте пожалуйста; — Я достану молоко бидон; — Нембутал сегодня таблетку возьму; — Он разломает машину остатки; — Девочки, возьмите сатин остатки!; — Возьми два сырка и молоко пакетик.

Без глагола:

— Творог пачечку.

Именительный падеж единичного имени встречается в устной речи в любых предложных и беспредложных падежных позициях

Позиция винительного с предлогом:

— Рубль тридцать яйца пожалуйста!; — Мне тонких тетрадочек. Сколько нужно пробить 5 штук? — Тонких? 10 копеек; — Это ВСХВ идет туда, да? (вопрос о том, куда идет троллейбус); — У вас найдется пакетик? — Пять копеек купите пакет; Шестнадцать, девятнадцать мороженое. — В вафлях, да? девятнадцать; — Достань рубль тридцать! (т. е. полотенце за рубль тридцать); Очень давнишние. — Это какие давнишние: — петли подымать или ремонт?; — Мы тоже ребят уводили полтора километра от дома нашего деревня.

Позиция родительного без предлога:

— Сколько мне надо шерсть купить на кофточку? — Шесть мотков пятирублевая пряжа; — Лук остался, салат немножечко; — Та-то ладно, та-то у нее есть экземпляр.

Позиция родительного с предлогом:

— Справа стопка можно брать! (т. е. бумагу из нее); — Поедете дальше, там большой дом сойдете; Сядете на площади Революции и доедете Автозаводская метро.

Позиция творительного без предлога и с предлогом:

— Кто он? — А вот Наташа сидит наш стол, а за следующим столом физик сидит Павлинский; — Мы с ней вся семья ругаемся; С Андреем тоже было. В прошлом году я с ним тоже ходила больной зуб (ср.: — Мне нужно глазное дно к врачу); — Помните, вот та женщина внематочная беременность (ср.: вот та женщина красный платок); у нас на первом этаже была квартира во двор окна; — Мне для шерстяной кофточки. — Ну вот. Вот эта тесьма и обшивайте.

Позиция предложного падежа:

— Заколки невидимки есть? — Напротив отдел надо спрашивать; — Чего это? — Лодочка. — А где кататься-то лодочкато?; — Где это ты купила? — У нас на работе магазин рядом; — У меня разбито стекло и потеряна стрелка. — Это Кузнецкий 15 только можно; — У вас нету? — Рядом магазин может быть еще есть; — Она у вас тут живет? — Где у нас? — Дом восемнадцать; — Знаете, где еще красивая шерсть? Вчера я смотрела Дом тканей; — Обувь на этом этаже? — Четвертый этаж обувь

Позиция дательного падежа:

— Вы не скажете, как метро Мир попасть?; — И говорит моей соседке | Анна Ивановна вот напротив | мне нужно срочно 50 рублей.

Как видно из примеров, употребление формы им. п. существительного в синтаксически зависимой позиции наблюдается в современной живой устно-разговорной речи по преимуществу в сфере однофразовых вопросно-ответных реплик со строго определенной ситуативной прикрепленностью. Эта прикрепленность, возможно, создает для этих конструкций известную ограниченность в использовании отдельных слов или лексических групп. Однако принципиальная возможность существования подобных конструкций, видимо, выходит за пределы вопросно-ответных реплик, которые в силу своей высокой частотности в речи способны стать неким продуктивным образцом.

95. Широко практикуемые в некоторых жанрах современной письменно-литературной речи различные способы разрыва и восполнения речевой цепи в основе своей, по ведущему принципу своего осуществления, представляют собой имитацию тех особенностей конструирования фразы в устно-разговорной речи, которые связаны с самой природой «говоримой» речи. «Свободный» синтаксис бытового монолога и диалога, отвечающий «раскованному» ходу мысли с импульсивно возникающими по мере ее течения представлениями, порождает различные приемы разрыва фразы, ее членения, или наоборот, ее восполнения путем добавления недостающих членов. И тот и другой способы представления фразы в речи могут быть связаны либо с задачей специального акцентирования отдельного члена фразы, сопровождающейся речевой реализацией ее по отдельным звеньям, либо, наоборот, с необходимостью формального завершения конструкции, достигаемого путем употребления структурно обязательного члена.

Оба эти способа тесно взаимосвязаны и, в сущности, в своем реальном воплощении в высказывании зачастую совпадают. При анализе каждого конкретного случая представленной по частям фразы далеко не всегда возможно определить, по какому исходному принципу из двух возможных она построена.

Рассматривая конкретные приемы реализации принципов разъединения и восполнения фразы в живой устно-разговорной речи, целесообразно в первую очередь обратиться к принципу восполнения, поскольку он получает более яркую языковую типизацию в определенном ряду сходным образом оформленных конструкций. Этот принцип соответствует «раскованному» ходу мысли при устной форме общения и заключается в том, что в конце высказывания могут дополнительно добавляться различные его компоненты, ранее отсутствовавшие в нем из-за стремления словесно оформить в первую очередь наиболее важное сообщение,— иными словами, компоненты, первоначально не вхо-

дившие в коммуникативные задачи высказывания. Подобным образом могут восполняться самые разные части высказывания.

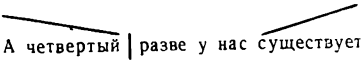
Такой прием существует не только в современной русской разговорной речи. Он отмечен в литературе и для русских говоров, и для восточноморавских говоров, и для чешской обиходно-разговорной речи, и для древнерусского языка.

В современной русской разговорной речи этот прием имеет широкое распространение во всех ее жанровых разновидностях. Здесь и обычные для литературного языка пояснения типа — *Ты Иван Матвеича помнишь? Рыбакова* или: *А Динамо подошло, Петь, спортивная команда?*,— или в монологическом повествовании:

— *Но малейшую фальшь в манке | в звуке | если он обнаружит он уйдет,* и ненормированные просторечные построения типа — *Я открываю окно, смотрю, старуха вышла еврейка на балкон.* Характерно, что несмотря на довольно широкие возможности этого приема реальное распространение в русской разговорной речи получило лишь несколько способов построения фразы. Остановимся здесь на одном из них, весьма показательном в структурном отношении,— на добавлении существительного.

Существительное добавляется в конце высказывания, в котором основной смысл сообщения несут определения — прилагательные, местоимения, числительные или существительные. Они легко восстановимы из предыдущего контекста или из ситуации и добавляются в конце высказывания (или в конце основной части высказывания) не с целью передачи новой информации, но с целью формального завершения конструкции. Ср.:

— Нет, давайте лучше средние. Маленьких-то у нас нет, а средние у нас есть конверты; — Зачем ей шапка? У нее же шуба с капюшоном. А потом красная с помпоном у нее есть все-таки шапка; — А выход в Дубовое где озеро, а?; — Вам эти сдать книги или оставить?; — Там и автобусы, и троллейбусы идут. Как десятый вот от Белорусского идет автобус; [Телефонный разговор]: — Значит, третий там? (реплика собеседника) — Нет, по-моему тут третий проходит троллейбус;

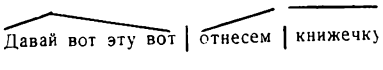

— Так с картами не обращаются.— Одну уже даже надломили карту; — Если набрать, набрать, набрать, может быть десять наберется поэтов; — Вообще к вечеру 17 градусов обещали мороза; Одну группу мы отправили на проспект Мира детей; — Вот ты был в ноябре месяце? — В декабре́ был месяце; — Ну одним словом эта его всю жизнь сопровождала | особенность;— Можно закрыть, чтоб было свежее воздух.

Последние два примера демонстрируют возможность изменения конструкции и введения согласования, не предполагавшегося ранее, так сказать, «на ходу», в процессе оформления высказывания.

Несколько иной тип конструктивного завершения представляет собой случай, когда определение — прецедент выражено местоименным словом указательного значения, которое конкретной информации в себе не несет, непосредственно контекстом или ситуацией не уточняется и потому требует после себя пояснительного слова. Роль такого пояснительного слова играет добавляемое в конце высказывания существительное:

— А потом с этой встретилась | с Таней;— Потом всю эту выставку оцепили... этой... веревкой толстой;— Там тормозные колодки, а этот прямо поднимáется вагон;— Надо все сверить, чтоб после нас не было никаких всяких | фокусов;

Однако и в случаях этого типа возможно добавление существительного лишь ради формального завершения конструкции, ради отказа от эллипсиса. Особенно ясно это проявляется тогда, когда в конце фразы добавляется существительное, наделенное лишь формальной субстантивностью, по значению же вполне прономинализованное. Ср.:

— Эту нужно пришить | штучку;

— Они положили мне такую вот вдоль пятки | штуку (показывает).

Пожалуй, наиболее законченное структурное выражение конструкция добавления существительного получает в очень широко распространенных сейчас в обиходно-разговорной сфере фразах типа: — *Я думала, что он тяжелый, а он легкий сервиз,*— которые отличаются от обычных разговорно-литературных фраз типа: — *Может быть она туда подойдет, Соня-то?; Вот вы говорите, что здесь нет интонации. Но она есть, интонация* — совершенным отсутствием какой-либо ритмико-интонационной границы перед «добавляемым» существительным. Другим их отличием от литературно кодифицированных конструкций является иное функциональное значение добавляемого существительного, которое во фразах второго типа носит собственно-пояснительный характер и может свободно отсутствовать, а во фразах первого типа его пояснительное значение растворяется в более важной для структуры в целом и не подлежащей эллиптическому опущению функции формального завершения последней части конструкции. Фразы эти имеют в первой части местоименное слово, контекстуальное значение которого вполне ясно и говорящему и слушающему по всему ходу изложения, и

вместе с тем разъясняющее его конкретное значение существительное в конечной своей части. Примечательно, что и местоименное слово и существительное во фразах этого типа чаще выступают в именительном падеже, что можно понять как указание на их функцию темы высказывания (т. е. уже известного слушающему). Вот некоторые записи фраз этого типа:

— Они все такие иголки; Она даже наóщупь другая вода; — Она мне написала сестра, и все; — В этом возрасте они все вояки ребята; — Тогда теща уезжает домой, а она остается мать с ними; — Солнышко не припекает, она клубника мокрая; — Возьми две миски побольше, принеси воды. — А где они миски?; — Нет, они эластичные носочки; — Вы не скажете, сколько эта сумка стоит? — 8 рублей. Вот они лежат сумки; — А мать-то кончила? — Она в английской газете мать работает; — Где вы видели этих поляков? — Он один приходил поляк; — А Петрова ушла что ли? — Нет, она по-моему не была Петрова; — Они все к этому времени обычно, как только дается разрешение, они все шкурки годные.

С местоимением в косвенном падеже:

— А куда ее убрать машину?; Вот сколько их лежит лимонов. Положите лимон и возьмите другой; А тогда мать одна с ними с ребятами; Их называют эти обороты по-разному.

Существительное в конструкциях этого типа может иметь при себе различные усилительные элементы, указывающие на его исходную пояснительную функцию, ср.:

— Это ты на станции брала? Он на станции лучше хлеб-то; — Вы знаете, он сейчас вельвет-то подешевел; — Там мост построили. Был сильный ураган. Он весь расшатался этот мост.

Впрочем, наличие усилительных элементов при существительном не придает ему бóльшей информативности: оно во всех фразах подобного типа служит для формального завершения конструкции.

96. Перечисленные разновидности конструкций восполнения существительного в им. п., получившие очень широкое распространение в современной обиходно-разговорной речи в сфере кратких реплик, свойственны и разговорной речи монологического характера. Принцип восполнения, генетически восходя к сфере устной речи, интерферируется в сферу письменной речи, порождая к жизни разного рода парцеллированные конструкции.

97. Рассмотрим некоторые способы оформления сложного предложения, широко представленные в современной разговорной речи в сфере кратких, преимущественно однофразовых, вопросно-ответных, утвердительных, повествовательных и побудительных реплик. Эта область обиходно-разговорной речи в наибольшей мере «прикреплена» к конкретной ситуации, в которой осуществляется данное высказывание.

Именно в этом пласте современной устно-разговорной речи широко распространены некоторые способы деформации структурного каркаса сложного предложения, достигаемой путем опущения основных структурных элементов предложения, не несущих в высказывании непосредственной реальной информации и имеющих лишь собственно грамматическое назначение. Такая деформация предложения хорошо отвечает стремлению к лаконизму изложения, к максимальной краткости сообщения, наблюдаемому в наше время и, по-видимому, все более усиливающемуся.

Возникающие таким путем особые модели сложных предложений эквиваленты общелитературным конструкциям с обязательной союзной связью и несут яркую печать стилевой принадлежности. Их нельзя считать эллиптическими, так как они обнаруживают несомненные признаки структурной целостности.

98. Наиболее распространенной и последовательно употребляемой бессоюзной конструкцией является однофразовая вопросная реплика, эквивалентная сложноподчиненному предложению одночленного типа с атрибутивной придаточной частью. Это фразы типа:

— А где мой кошелек, тут лежал?;— А где мой ножичек, здесь был?;— А где картонная коробка, у нас была?;— А где второй шнурок, носила ты?;— Татьян, спроси у Инки, где мешочек от колышков, куда-то пропал?;— А где мулине, ты мне говорил?;— А где эта чашка, ты мне говорила?;— А где этот самый Гренобль, Славка говорил, не помнишь?

Как видно, подобные вопросные структуры обладают целым рядом устойчивых конструктивных признаков. Стереотипный зачин, слегка видоизменяемый лишь при вводе обращения и усложнении подчинительной цепочки, постпозитивное контактное расположение придаточной части, до предела упрощенное строение придаточной части (она включает в свой состав лишь глагол и наречное или местоименное слово, реже два), столь же упрощенное строение главной части: стереотипный зачин + (факультативное указательное или притяжательное местоимение) + существительное в им. п., являющееся главной и единственной темой высказывания — таковы те характеристики, которые присущи каждой фразе этого типа. Интонационно-ритмическое строение такой фразы также вполне определенно. Максимально высокий тон приходится на вопросительное наречие *где,* далее следует некоторое понижение тона на существительном, а часть, стоящая после запятой (ею в записи обозначаем не паузу — паузы здесь нет), проговаривается вся на той же ноте, что и существительное, причем в заметно ускоренном темпе (кстати, видимо, потому она и короткая: длинную часть проговаривать без интонационного членения было бы затруднительно) и несколько менее интенсивно по силе звучания.

Совокупность всех этих признаков, и особенно интонационно-ритмических, дает основание рассматривать эти структуры как

особые единства подчинительного характера, может быть, генетически и восходящие к явлению эллипсиса, но в настоящем своем виде к эллиптическим структурам ни в коей мере не сводимые. Для ряда таких конструкций, казалось бы, возникает вопрос о двусторонности синтаксических связей придаточной части (ср.: *—А где мулине, ты мне говорил?* — она может относиться и к *где*, и к *мулине*, — *А где этот самый Гренобль, Славка говорил, не помнишь?* — она может относиться и к *где*, и к *Гренобль*), но эта двусмысленность снимается как общей ситуативной отнесенностью реплики в ситуации говоримой речи, так и наличием соответствующего структурного образца.

99. Охарактеризованный выше тип вопросной фразы может видоизменяться и усложняться, терять некоторые из своих признаков (например, стереотипный зачин) и заменять их другими, ср.:

— Вот эта белая вы мотали по шесть рублей?; — Эту авоську я тебе говорила ты взял?; — Здесь книжки нет я оставляла?; — Это какая была часть вы мне отрубили?; — Хочешь лепешечку, бабушка испекла?

Редкий пример с препозицией придаточной части:

— Это что? — Девчóнка таскала | пáлочки (ответ на вопрос, почему они разбросаны).

Наиболее устойчивым признаком оказывается интонационно-ритмическая структура[2] — придаточная часть проговаривается в убыстренном темпе на ровной низкой ноте, равной по тону интонированию предшествующего существительного, а максимальное повышение тона приходится на вопросительное слово в главной части или, при его отсутствии, на глагол; такая структура остается неизменной также при вклинивании придаточной части в главную, и лишь при ее препозиции видоизменяется.

По такому же эталону могут строиться и невопросительные структуры, ср.:

— Фарш остался еще недоеденный, стоял в банке; — Открой сгущенку тут лежит; — Я ему показал одну икону у Сони висит в комнате.

И даже: — Увидела тут будочка-то с Андреем все ходили (т. е. мимо которой).

Подобные конструкции в силу своей острой специфичности и «незавершенности» с точки зрения норм письменной речи редко проникают в художественную литературу. Вот один из немногих примеров:

— А мы к вам-с, для кеятров... — Они, стало быть, сынок папеньки ихнего, стенки-то расписывали через меня (И. Шмелев, Наполеон).

---

[2] Наличие или отсутствие запятой в записях относится не к интонационно-ритмическому строю фразы, а к степени интенсивности расчленения темы и ремы высказывания. В записях приводится вся фраза; иногда снимаются имена-обращения.

100. Бессоюзные конструкции в разговорной речи, как видно из приведенных выше примеров, широко распространены среди глагольных предложений с придаточной частью атрибутивного значения. Однако они оказываются продуктивными и для иных, самых различных типов подчинительных отношений. Вот, например, конструкции, которые можно считать эквивалентными общелитературным конструкциям.

С союзом *когда*:

— Вот бульварчик, Гена ходил, маленький был; — Я каждый день на километр ходил через поле в шестом классе учился; — На будущий год пойду не больше шести человек будет группа; — Смотри, сколько народу! А мы ехали было меньше; — Я сегодня ехала, опять была авария; — А я маленькая была очень любила глаза в рыбе; — Он спал ты пришел?; — Сергей, мы сядем под дерево, дождь пойдет?; — Вы шли был дождь?; — Ты упал, снег не попал в валенки?; — Ты руки вымыл с улицы пришел?; — Жаник такой беспокойный стал. Девочки интересно тоже такие беспокойные маленькие?

С союзом *если*:

— Вечером забеги как-нибудь тут будешь; — Я не помешаю приеду?; — Что мне делать слесаря не дозовешься?; — Вот кому надо палатку подметать вот веничек; — Девочки, кто будет спрашивать, я сейчас приду; — Погоду прослушали сегодня... — А чего ее слушать, когда она налицо. Я понимаю какая-нибудь была бы загадка.

С союзом *где*:

— Вот сидите был сундук, а теперь топчан сделали.

С союзом *что*:

— Жалко девчонки уезжают очень; — А мы думали другие есть доказательства; — Я забыла недочитанный у меня журнал.

С союзом *потому что*:

— По-моему, они не пишут фамилии в программах.— Здесь пишут.— Здесь-то да́ целый спектакль.

Существуют и такие бессоюзные конструкции, для которых можно принять эквивалентность с союзными конструкциями сочинительного характера, ср.:

— Она поест мы будем играть; — Сколько времени, мне лень поворачиваться?

Конечно, пытаться установить определенную однозначную эквивалентность тем или иным союзным конструкциям было бы равносильно непониманию самой природы бессоюзия как явления очень емкого, позволяющего без точной дифференциации охватить самые разные и общие отношения. Даже и для некоторых из приведенных примеров сведе́ние к определенным эквивалентам выглядит известной натяжкой (ср. возможные колебания между *если* и *когда*). А вот конструкции, для которых поиски соответствующего эквивалента были бы просто бесполезны:

— А что там, богатая мечеть или нет, вы были?; — Ты там не помнишь расписание, я тебе специально велела запомнить?; — Мне понравилось я брала; — Я видела у него глаз опухший такой он пошел; — Где он увидел стадо? — Да вон то проезжали стоит.

Как видим, приведенные бессоюзные конструкции по своей структуре более разнообразны, чем рассмотренные выше с атрибутивным значением подчинительной части. Преобладания вопросительных структур здесь, кажется, отметить не удается. Зато один признак показывает и здесь полную устойчивость — это характер интонирования фразы, а именно: наибольшее повышение тона в вопросительных фразах падает на вопросительное слово или, при его отсутствии, на глагол главной части, а придаточная часть и в вопросительных и в невопросительных фразах произносится на низкой ноте в убыстренном темпе и при малой интенсивности звучания.

101. Разговорная речь знает и промежуточные между союзными и бессоюзными типы конструкций. Они характеризуются не отсутствием союзного слова, а его размещением в конечной позиции, после того как все сообщение уже сделано. Конечное положение союзного слова формально обнаруживает его полную неинформативность (в знаменательном плане) и тем самым — избыточность в высказывании. Ср.:

— Надень кофту, там висит которая; — А где карандаш, Иван Иваныч подарил который?; — Я тебе рассказывал, что они наняли сорокапятирублевую няньку, через день работает которая?; — Некоторые вещи у нее вдруг не соотносятся в разных местах которые; — Какая наша? — Ну такая, мы отрезали от которой; — И вчера был снег вечером, я шла когда; — Я с ним сегодня беседовала по телефончику когда, я говорю...; — Я приеду когда, я тебе позвоню; — Мы ходили в Горьковскую область когда, у нас двойка была; — Да брось ты. Ну не хочет он если; — А в ЦУМ я попаду сюда вниз если?; — Ну не понимает человек если, что можно ему говорить?

Примеры со срединным положением союзного слова:

— Ты мне обещала пузырек, у тебя который стоит; — Мне рассказывал один товарищ мой, в Советском Союзе сейчас который работает; — А потом я сшила когда костюм, он посмотрел и ничего не сказал; — Мы переехали когда в этот дом, мы решили, что это мертвый дом; — Она приехала когда в операционную, она уже спала; — Ну я приеду когда в Москву, тогда я там сделаю; — Я сдавала когда белье, меня предупреждали; — Работал я когда инструктором туризма, вот и вел группу, жара была страшная; — Я когда до болезни была, я всем интересовалась; — Вот мы когда с мамой назад шли, там у осины распустились почки.

102. Рассмотренная тенденция к экспансии бессоюзных структур внутри различных типов сложных предложений базируется

на общем для разговорных конструкций свойстве максимально расчленять тему и рему высказывания, когда оба состава представлены, или оформлять грамматически максимально независимо один имеющийся состав, если второй не выражен. При этом остальные части конструкции обнаруживают стремление к слиянию, достигаемому как путем упрощения грамматического каркаса, так и некоторыми иными путями. Иначе говоря, перед нами двуединая и разнонаправленная синтаксическая тенденция к сжатию и агглютинации. Примечательно, что построенные по этому принципу бессоюзные структуры, оставаясь в рамках сложноподчиненного предложения, сближаются с парцеллированными конструкциями, поскольку при их возникновении проявляются общие свойства разговорной речи — восполнение, добавление, изъяснение в самом ходе речи.

103. Представленный и прокомментированный здесь материал записей устно-разговорных конструкций наглядно иллюстрирует такие принципы организации синтаксических построений, свойственных разговорной речи, как выдвижение в акцентируемую позицию «темы» высказывания, расчленение высказывания на части с выделением коммуникативно значимых членов, стремление к элиминации «избыточных» элементов высказывания и к синтаксическому упрощению речи путем замены зависимых, управляемых форм независимой, «абсолютивной» формой именительного подежа. Направленность к выработке этих именно качеств прослеживается и на материале развития аналогичных построений письменно-литературного языка. Эта направленность поддерживается и в значительной мере определяется активным воздействием на письменно-литературную речь современной живой устно-разговорной речи,— воздействием, которое усиливается по мере возрастания процессов демократизации литературного языка. Очевидно вместе с тем, что устно-разговорная речь, явившаяся источником и продолжающая оставаться постоянным поставщиком в письменные стили различных выходящих за рамки нормативных грамматик своеобразно оформленных конструкций, имеет несравненно более широкие возможности типизации этих конструкций, чем письменная речь, скованная необходимостью обдуманной фиксации, налагающей особую «ответственность» на пишущего.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Список сокращений 5

Морфология

Глава первая. Вступление (§ 1—7) 9
Глава вторая. Формирование особого подкласса существительных общего рода (§ 8—26) 19
Глава третья. Рост элементов аналитизма в современном склонении (§ 27—62) 42
Глава четвертая. Рост элементов аналитизма в предикативных морфологических единицах (§ 63—72) 96
Глава пятая. Образование нового грамматического класса слов (§ 73—88) 105
Глава шестая. Действие морфологической аналогии (§ 89—97) 135
Глава седьмая. Изменения словоизменительных значений (§ 98—116) 144
Глава восьмая. Стабилизация некоторых традиционных грамматических значений (§ 117—126) 164
Глава девятая. Стилистические изменения в морфологии (§ 127—157) 175
Глава десятая. Влияние лексики на морфологические процессы (§ 158—170) 215

Синтаксис

Глава первая. Вступление (§ 1—8) 233
Глава вторая. Развитие синтаксических форм слова (§ 9—30) 240
Глава третья. Вовлечение свободных синтаксических форм в число средств организации сложноподчиненного предложения (§ 31—39) 267
Глава четвертая. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции (§ 40—56) 277
Глава пятая. Сегментация высказывания (§ 57—70) 302
Глава шестая. Развитие номинативных предложений (§ 71—87) 322
Глава седьмая. Активное функционирование устно-разговорных синтаксических построений (§ 88—103) 344

www.ruslang.ru

Русский язык и советское общество
Морфология и синтаксис
современного русского литературного языка

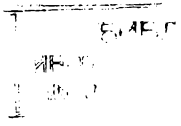
Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Н. Н. Барская*
Художник *А. Г. Кобрин*
Технический редактор *В. И. Зудина, В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 4/XI-1967 г. Подписано к печати 10/IV-1968 г.
Формат 60×90¹/₁₆ Усл. печ. л. 23,0 Уч.-изд. л. 24,5
Тираж 8700 экз. Тип. зак. 3771 Т-04670 Бумага типогр. № 2
Цена 1 р. 66 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
96	4 св.	*категорий*	*категории*
100	25 св.	*реализовать*	*реализовывать*
112	18 сн.	$M^3 = дуб^ь = /дуб^ь =$,	$M^3 = дуб^ь\text{-}/дубл^ь\text{-}$,
133	2 сн.	*судиомеханик*	*судомеханик*
138	11 св.	ви́ [дэът]	ви́ [д'ът]
150	4 св.	3 4	1 2 3 4
239	8 сн.	локанизацию	лаконизацию
268	17 сн.	объективные	объектные
289	5—6 св.	выделенными	выделительными
292	5 сн.	*и*	и

1.3.26.16

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»